Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

2026 Том 28 № 3

Зеленая политика

Приглашенный редактор ***И.Л. Прохоренко***

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-3
http://journals.rudn.ru/political-science

Научный журнал
Издается с 1999 г.

Средство массовой информации зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор
Почта Юрий Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

Ответственный секретарь
Казаринова Дарья Борисовна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Попова Ольга Валентиновна — доктор политических наук, профессор факультета социальных технологий Северо-Западного института управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Акчурина Виктория — доктор политических наук, преподаватель, Университет Париж Дофин и ассоциативный исследователь при Французской высшей школе ENS/Paris/Центр геополитических исследований, Париж, Франция; старший преподаватель, Академия ОБСЕ, Бишкек, Кыргызстан
Белл Дэниел — доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии и публичного администрирования, Университет Шаньдун, Цзинань, Китай
Витковска Марта — доктор политических наук, профессор, научный сотрудник факультета политических наук и международных исследований, Варшавский университет, Варшава, Польша
Дюфи Каролин — доктор политических наук, научный сотрудник Центра Эмиля Дюркгейма Института политических исследований Сьянс По, Университет Бордо, Бордо, Франция
Дуткевич Пиотр — доктор политических наук, профессор, директор Института европейских, российских и евразийских исследований, Карлтонский университет, Оттава, Канада
Када Николя — доктор политических наук, профессор, Университет Гренобль Альпы, Гренобль, Франция
Капустин Борис Гурьевич — доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация
Морозова Елена Васильевна — доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация
Мчедлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии, Российский университета дружбы народов, ученый секретарь Центра «Религия в современном обществе», Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Российская Федерация
Панкратов Сергей Анатольевич — доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация
Парашар Свати — доктор политических наук, профессор факультета глобальных исследований, Университет Гетеборга, Гетеборг, Швеция
Фадеева Любовь Александровна — доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук, Пермский государственный научно-исследовательский университет, Пермь, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

ISSN 2313-1438 (Print); ISSN 2313-1446 (Online)
Периодичность: 4 выпуска в год (ежеквартально).
http://journals.rudn.ru/political-science
Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.
Языки: русский, английский.
Индексация: Белый список РЦНИ, РИНЦ, RSCI, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, DOAJ, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология» — периодическое рецензируемое научное издание в области политических исследований.

Издается с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам политической науки и ставит своей задачей сопряжение западной и незападной политической теории, что лежит в основе исследовательских направлений научной школы РУДН. Помимо исследований, выполненных с использованием методологии традиционного для политической науки институционального анализа, редакция приветствует использование методологии цивилизационного и ценностного подходов к изучению политической реальности, а также кросс-региональных сравнительных исследований.

Традиционной проблематикой журнала являются политические процессы в России, социокультурные факторы политики, диалог цивилизаций в координатах сравнения ценностных систем и политических культур, институциональных особенностей и мировоззренческих ориентиров. Редакция приветствует исследования социально-политических процессов и явлений в соотношении традиционного и современного на основе инновационного характера теории и методологического разнообразия.

Цель журнала — способствовать международному научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами. Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии. Целевой аудиторией журнала являются специалисты-политологи, а также аспиранты и докторанты, обучающиеся по направлению 5.5. Политические науки (специальности: 5.5.1. История и теория политики, 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования).

В своей деятельности редакционная коллегия руководствуется требованиями к научным журналам, предъявляемыми международным научным сообществом, в том числе, АНРИ, и поддерживаемыми ВАК России: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Журнал придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): **http://publicationethics.org**

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: **http://journals.rudn.ru/political-science**

Электронный адрес: **politj@rudn.ru**

Литературный редактор *И.Л. Панкратова*
Редактор англоязычных текстов *Д.Б. Казаринова*
Компьютерная верстка *И.А. Черновой*

Адрес редакции:
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 936-85-28; e-mail: politj@rudn.ru

Подписано в печать 23.06.2026. Выход в свет 30.06.2026. Формат 70×108/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 26,08. Тираж 500 экз. Заказ № 1028. Цена свободная.
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2026

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE

2026 VOLUME 28 NO. 3

Green Politics

Guest editor ***I.L. Prokhorenko***

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-3
http://journals.rudn.ru/political-science

Founded in 1999
Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

CHIEF EDITOR

Yuriy M. Pochta, Doctor of Philosophy, Full Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Moscow, Russian Federation
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Daria B. Kazarinova, PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Moscow, Russian Federation
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Olga V. Popova — Doctor of Political Science, Professor of Northwestern Institute of Management, RANEPA St. Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Viktoria Akchurina — PhD in Political Science, Adjunct Lecturer in International Relations Department of International Politics and Peace Studies, Dauphine University, Associate Researcher of the Chair of the Geopolitics of Risk, Ecole Normale Supérieure, Paris, France; Senior Lecturer, OSCE Academy, Bishkek, Kyrgyzstan
Daniel A. Bell — PhD in Political Theory University of Oxford, Professor and Dean, School of Political Science and Public Administration, Shandong University, Qingdao, China
Marta Witkowska — Doctor of Political Science, Professor at the Faculty of Political Science and International Studies, University of Warsaw, Warsaw, Poland
Caroline Dufy — PhD in Political Science, Research Fellow of the Centre Emile Durkheim, Science Po Bordeaux, Bordeaux, France
Piotr Dutkiewicz — Doctor of Political Science, Full Professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada
Nicolas Kada — Doctor of Political Science, Full Professor, University Grenoble Alpes, Grenoble, France
Boris G. Kapustin — Doctor of Philosophy, Professor, HSE University, Moscow, Russian Federation
Elena V. Morozova — Doctor of Philosophy, Professor Chair of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation
Maria M. Mchedlova — Doctor of Political Science, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Scientific Secretary of the Center "Religion in Modern Society", Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation
Sergey A. Pankratov — Doctor of Political Science, Professor of the Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation
Swati Parashar — PhD in Politics and International Relations Lancaster University, Professor at the School of Global Studies, The University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden
Liubov A. Fadeeva — Doctor of Historical Science, Professor of the Department of Political Science, Perm State University, Perm, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)

ISSN 2313-1438 (Print); ISSN 2313-1446 (Online)
Publication frequency: quarterly.
http://journals.rudn.ru/political-science
Languages: Russian, English.
Indexation: White List of RCSI, RSCI, Russian Index of Science Citation (elibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, DOAJ, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed academic journal that publishes research in political science. The journal is international with regard to its editorial board members, contributing authors and publication topics. The journal has been published since 1999. Ever since its first issue, the journal has been complying with the highest scientific and ethical standards and is one of the leading and oldest contemporary political science journals in Russia.

The aim of the journal is to promote broad academic exchange and cooperation between Russian and international political scientists. The journal publishes original results of fundamental and applied research on the topical issues of political science. The RUDN Journal of Political Science makes a focus on the conjunction of the European, American and non-Western political theory which the RUDN research school is based on. The RUDN Journal is fully committed to publishing a high quality research papers, based on plurality of methodological and theoretical approaches. The journal is interdisciplinary with a focus on the social sciences, policy studies, law, and international affairs. The goals of the journal are to provide an accessible forum for research and to promote high standards of scholarship.

The journal covers such sub-areas as Russian and international politics, sociocultural factors of politics, the dialogue of civilizations in terms of values and political cultures' comparison, institutional features and cultural outlooks. The journal welcomes research articles and reviews devoted to various problems of political science. The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, political scientists and for postgraduates in Political Sciences (majors History and Theory of Politics, Political institutions, processes, technologies, Public administration and sectoral policies, International relations, global and regional studies).

The editorial board is guided by the requirements for scientific journals set by the international scientific community, including, RASSEP, Higher Attestation Comission of Russian Federation.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): **http://publicationethics.org**

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at **http://journals.rudn.ru/political-science**

E-mail: **politj@rudn.ru**

Literary Editor ***Irina L. Pankratova***
English Text Editor ***Daria B. Kazarinova***
Layout Designer ***Irina A. Chernova***

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board
RUDN Journal of Political Science:
10, bldg 2, Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 936-85-28; e-mail: politj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

© RUDN University, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА ЭПОХИ ЭНЕРГОПЕРЕХОДА

Давтян В.С. Политологическое измерение категории «энергетический переход»: обзор теоретической дискуссии 499

Николаев Н.А., Вахрушин И.В. Политика Китая в области энергоперехода: центральноазиатский и арктический факторы 519

Николаева Л.Б. Энергетический переход в стратегии экологической трансформации Бразилии 536

Parashar M. Indian Federalism in Terms of Energy Transition Policy: Cooperation or Competition Between the Union and the State of Jharkhand (**Парашар М.** Индийский федерализм в контексте политики энергетического перехода: сотрудничество или конкуренция между Союзом и штатом Джаркханд) 553

ЗЕЛЕНАЯ ПОЛИТИКА

Прохоренко И.Л. Климатическая политика ЕС: новое измерение конфликта муниципальных властей и национальных правительств 564

Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б Природа и экология как объединяющая ценность для общества: к новой политической онтологии общего блага 577

Морозова Е.В., Рогов А.В., Мирошниченко И.В., Русия Н.Т., Клычева У.А. Молодежь, зеленая повестка и политика развития сельских территорий Юга России 592

Серомлянова К.А. Геополитические вызовы «Зеленой сделки» ЕС 612

Ровинская Т.Л. Европейская партия Зеленых: история и перспективы 622

Хайнацкая Т.И. Цена «зеленого лидерства»: экологические приоритеты и социально-экономические вызовы в аграрной политике Новой Зеландии 642

Науменко А.С. Зеленая политика в условиях трансформации мирового порядка: стратегическое партнерство России и Китая 657

ЗЕЛЕНАЯ ПОВЕСТКА НА НАДНАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Рогожина Н.Г. Зеленое развитие стран Юго-Восточной Азии: проблемы и решения 678

Короткова А.В. БРИКС в системе международного режима климатического регулирования 696

Чистикова А.А. Факторы формирования коалиций развивающихся государств в рамках переговорного процесса Рамочной конвенции ООН об изменении климата 710

Жильцов С.С. Зеленая экономика в странах Центральной Азии: итоги и вызовы для политики 731

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ И РАЗВИТИЯ

Мальцева Д.А., Алейников А.В., Стребкова К.Е. Информационный риск-менеджмент в системе стратегического политического управления в условиях развития искусственного интеллекта: современные модели и механизмы 750

Талагаева Д.А. Научно-технологическая политика в современной России: институциональное наследие советской модернизации и долговременные траектории развития 765

РЕЦЕНЗИИ

Рыхтик М.И. Аксиологический портрет российской учащейся молодежи: размышляя над монографией «Созидательные ценности современного российского студенчества» под общей редакцией Э.М. Стрельца (Москва : Издательский дом МГИМО, 2026. 321 с.) 780

CONTENTS

WORLD POLITICS OF THE ENERGY TRANSITION ERA

Davtyan V.S. The Politicall Science Dimension of the "Energy Transition" Category: A Review of Theoretical Discourse 499

Nikolaev N.A., Vakhrushin I.V. China's Energy Transition Policy: The Arctic and Central Asian Factors 519

Nikolaeva L.B. Energy Transition in Brazil's Ecological Transformation Strategy 536

Parashar M. Indian Federalism in Terms of Energy Transition Policy: Cooperation or Competition Between the Union and the State of Jharkhand 553

GREEN POLICIES

Prokhorenko I.L. EU Climate Policy: New Dimension of Municipal Authorities and National Governments Conflict 564

Mchedlova M.M., Kazarinova D.B. The Ecological Ontology of the Common Good: Unifying Society Through a Politics of Nature 577

Morozova E.V., Rogov A.V., Miroshnichenko I.V., Rusiya N.T., Klycheva U.A. Young Generation, the Green Agenda, and Rural Development Policy in Southern Russia 592

Seromlyanova K.A. The Geopolitical Challenges of the EU Green Deal 612

Rovinskaya T.L. European Green Party: Evolution and Prospects 622

Khaynatskaya T.I. The Price of Green Leadership: Environmental Priorities and Socio-Economic Challenges in New Zealand's Agricultural Policy 642

Naumenko A.S. The Green Policy in the Context of a Transforming World Order: Strategic Partnership Between Russia and China 657

THE GREEN AGENDA AT THE SUPRANATIONAL LEVEL

Rogozhina N.G. Green Development in Southeast Asian Countries: Challenges and Solutions 678

Korotkova A. V. BRICS in the System of the International Climate Regime 696

Chistikova A.A. Drivers of Coalition Formation Among Developing Countries in the UNFCCC Process 710

Zhiltsov S.S. Green Economy in the Countries of Central Asia: Results and Political Challenges 731

SECURITY AND DEVELOPMENT ISSUES

Maltseva D.A., Aleinikov A.V., Strebkova K.E. Information Risk Management in the System of Strategic Political Governance in the Context of Artificial Intelligence Development: Contemporary Models and Mechanisms 750

Talagaeva D.A. Modern Russia's Science and Technology Policy: The Institutional Legacy of Soviet Modernization and Long-Term Development Trajectories 765

BOOK REVIEW

Rykhtik M.I. An Axiological Portrait of Russian Student Youth: Reflecting on Book Strelets, E.M. (ed.) (2026). Creative Values of Modern Russian Students. Moscow: MGIMO Publishing House, 321 p. 780

RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 3 499–518**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА ЭПОХИ ЭНЕРГОПЕРЕХОДА

WORLD POLITICS OF THE ENERGY TRANSITION ERA

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-3-499-518
EDN: OBVCKE

Обзорная статья / Review article

Политологическое измерение категории «энергетический переход»: обзор теоретической дискуссии

В.С. Давтян

Российско-Армянский (Славянский) университет, *Ереван, Республика Армения*
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, *Москва, Российская Федерация*
✉ vahedavtyan@yandex.ru

Аннотация. Исследовано политологическое измерение энергетического перехода в российской научной периодике 2021–2025 гг. На основе анализа публикаций показано, что энергетический переход постепенно трансформируется из преимущественно технико-экономической категории в многоуровневый политический феномен, затрагивающий вопросы геополитики, геоэкономики, государственного управления, институциональной трансформации и социальной устойчивости. Выявлено, что после 2022 г. в российском научном дискурсе существенно усиливается интерпретация энергоперехода как инструмента международной конкуренции и перераспределения глобального влияния. Показано, что доминирующее место в структуре исследований занимает геополитический подход, дополняемый анализом переходных рисков, проблем технологического суверенитета, «зеленого» регулирования, дискурсивных практик и социальной адаптации к энергопереходу. Отмечается постепенное усложнение исследовательских моделей — от описательных и экономически ориентированных трактовок к комплексному политологическому анализу. Методологическую основу исследования составили библиометрический подход, контент-анализ, дискурсивный анализ и элементы количественного анализа публикационной динамики. Методологическая база исследования сочетает библиометрический подход (формирование корпуса публикаций); дискурсивный анализ (выявление смысловых и концептуальных рамок); контент-анализ (структурирование исследовательского поля); элементы количественного анализа (оценка динамики и структуры научного дискурса).

© Давтян В.С., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Ключевые слова: энергетический переход, энергетическая политика, библиометрический анализ, выборка, геополитика, геоэкономика, государственная политика, управление, институциональный анализ, дискурс, социальное измерение, «зеленый колониализм»

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование проведено в соответствии с Положением о конкурсе научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) в рамках Программы развития РАУ № 26DP-13POL.

Для цитирования: *Давтян В.С.* Политологическое измерение категории «энергетический переход»: обзор теоретической дискуссии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 3. С. 499–518. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-499-518 EDN: OBVCKE

The Political Science Dimension of the "Energy Transition" Category: A Review of Theoretical Discourse

Vahe S. Davtyan

Russian-Armenian (Slavonic) University, *Yerevan, Republic of Armenia*

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russian Federation*

✉ vahedavtyan@yandex.ru

Abstract. The study examines the evolution of the political science interpretation of the energy transition in Russian academic discourse between 2021 and 2025. The study demonstrates that the concept of energy transition is increasingly moving beyond its traditional techno-economic framing and emerging as a multidimensional political phenomenon associated with geopolitics, geo-economics, public governance, institutional transformation, and social resilience. Particular attention is paid to the growing tendency, especially after 2022, to interpret the energy transition as an instrument of international competition and redistribution of global influence. The analysis reveals the predominance of the geopolitical perspective within the examined body of literature, supplemented by discussions on transition risks, technological sovereignty, green regulation, discursive practices, and the social implications of energy transformation. At the same time, the research identifies a gradual shift from descriptive and economically oriented approaches toward more complex political science interpretations of the energy transition. The methodological framework combines bibliometric analysis, discourse analysis, content analysis, and elements of quantitative analysis of publication dynamics. The bibliometric approach was used to form the corpus of publications; discourse analysis was applied to identify conceptual and semantic frameworks; content analysis enabled the structuring of the research field; and quantitative methods were employed to assess the dynamics and internal structure of the scientific discourse.

Keywords: energy transition, energy policy, bibliometric analysis, sampling, geopolitics, geo-economics, public policy, governance, institutional analysis, discourse, social dimension, "green colonialism"

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Acknowledgements. This study was carried out within the Regulations on the Competition for Research and Development (R&D) within the framework of the RAU Development Program No. 26DP-13POL.

For citation: Davtyan, V.S. (2026). The Political science dimension of the "Energy Transition" category: A review of theoretical discourse. *RUDN Journal of Political Science, 28*(3), 499–518. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-499-518 EDN: OBVCKE

Введение

В начале третьего десятилетия XXI в. тема энергетического перехода как явления, существенно трансформирующего международные отношения, национальные стратегии развития и институциональные рамки государственного управления, приобрела характер одной из важных проблем политической науки.

Переход от традиционной энергетики, основанной на углеводородах, к новым источникам энергии и иной конфигурации энергетической системы не ограничивается технологическими и экономическими изменениями. Он включает в себя сложные политические, социально-культурные и геостратегические измерения, оказывающие влияние на внешнюю и внутреннюю политику государств, на международную систему в целом и на формы государственного регулирования энергетики.

Западная политология уже давно ушла от технократического понимания энергетического перехода, описывая его в категориях власти, институтов и конфликтов [Yergin 2011; Overland 2019; Meckling 2019]. Одновременно энергетический переход выступает в качестве фактора, способного изменить баланс сил между центрами влияния (США, Европейский Союз, Китай, Индия, Россия), а также направлен на пересмотр традиционных подходов к энергетической политике и обеспечению национальной безопасности.

При этом в российской политической науке наблюдается недостаточный уровень проводимых исследований энергетического перехода, что обусловлено несколькими факторами: во-первых, в постсоветской политологической традиции доминирует априорное восприятие энергетического развития как сферы, преимущественно находящейся в парадигме технических и экономических наук; во-вторых, доминирующая долгие годы модель углеводородной экономики во многом способствовала формированию основных исследовательских направлений с акцентом на ресурсно-сырьевые аспекты (энергетическая политика, дипломатия, сверхдержавность). Впрочем, в настоящее время наблюдается глубинное переосмысление обоих факторов, что приводит к формированию новых исследовательских приоритетов. В частности, очевиден рост научных публикаций междисциплинарного характера на тему энергетической безопасности, климатической повестки и энергетического перехода с отмежеванием сугубо политологических исследований с фокусом на проблемы энергетической безопасности, управления переходными процессами, энергетической дипломатии и геополитики, энергетической интеграции и пр. С другой стороны,

включение сценария энергетического перехода в энергетическую стратегию России до 2050 г., рассмотрение атомной энергетики и газовой генерации в качестве ключевых эволюционных механизмов органичного перехода от высокоуглеродной энергетике к низкоуглеродной во многом способствует расширению исследовательского поля, пересекающегося с политологической парадигмой[1]. Разумеется, одним из ключевых факторов такого расширения стало совершенствование методов ведения «энергетических войн» в современном мире, включая также энергетический переход как инструмент перераспределения геополитического влияния.

Цель исследования — систематизация существующих исследований в российской политологической науке, посвященных энергетическому переходу в период с 2020 по 2025 гг., и выявление ключевых теоретико-аналитических подходов и дискуссионных позиций.

Методика проведения исследования

Исследование выполнено на основе анализа научных публикаций, индексированных в Научной электронной библиотеке (eLIBRARY.RU) и включенных в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Исходная выборка осуществлялась в несколько этапов.

На первом этапе был сформирован исходный корпус публикаций посредством поискового запроса по термину «энергетический переход», представленному в названии, аннотации или ключевых словах научных статей. При этом в поисковую формулу целенаправленно не включались смежные категории, такие как «декарбонизация» и «зеленый переход» (при том, что в некоторых статьях выборки данные термины все же используются). Данное ограничение обусловлено необходимостью сохранения концептуальной чистоты выборки: первая категория отражает более узкий технологически-экологический аспект, в то время как вторая обладает более широким междисциплинарным содержанием, выходящим за пределы собственно энергетической проблематики. В отличие от них категория «энергетический переход» выступает в качестве наиболее устойчивого и институционализированного понятия, закрепленного как в научном дискурсе, так и в стратегических документах национального и международного уровня.

Временные рамки исследования охватывают период 2021–2025 гг., что обусловлено существенным усложнением международной энергетической повестки, связанным с актуализацией климатической политики, трансформацией глобальных энергетических рынков и обострением геополитической конкуренции.

[1] Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 г. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2025 г. № 908-р. http://static.government.ru/media/files/LWYfSENa10uBrrBoyLQqAAOj5eJYlA60.pdf (дата обращения: 16.07.2026).

В рамках первичного поиска был сформирован корпус из 966 публикаций, представляющих широкий междисциплинарный спектр исследований, включая экономические, технические, экологические и политологические работы.

На втором этапе осуществлялась дисциплинарная и содержательная фильтрация. Ключевым критерием отбора выступало соответствие публикаций политологической рамке исследования. В выборку были включены:

- работы, авторы которых позиционируются в рамках политической науки (политология, международные отношения, государственное управление);
- исследования смежных дисциплин при условии наличия выраженного политологического подхода, проявляющегося в анализе вопросов власти, безопасности, международных отношений, государственного управления, институциональных трансформаций или геополитической конкуренции.

Соответственно, из выборки исключались публикации, в которых энергетический переход рассматривался исключительно в технологическом, инженерном, экономическом или экологическом измерении без выхода на политико-аналитический уровень (в качестве исключения в выборку было включено несколько публикаций экономического и правового профиля, содержащих отчетливую политологическую рамку).

На третьем этапе был проведен качественный контент-анализ отобранных публикаций, направленный на выявление центральных исследовательских проблем, определение теоретико-методологических подходов и фиксацию ключевых дискуссионных направлений в рамках политологического осмысления энергетического перехода. Дополнительно применялись элементы количественного анализа, включающие распределение публикаций по годам, классификацию по тематическим (проблемным) блокам, а также выявление динамики изменения исследовательских приоритетов.

Результаты исследования

По итогам описанной обработки результатов поискового запроса был сформирован корпус из 122 публикаций за 2021–2025 гг. Проведенный качественный контент-анализ позволил сузить корпус публикаций до 45 единиц. Этапы распределения публикаций в указанной выборке представлены в табл. 1.

Таблица 1

Этапы выборки

Этап	Критерий отбора	Количество публикаций
1	Поиск по запросу категории «энергетический переход» (РИНЦ)	966
2	Отбор публикаций с политологическим компонентом	122
3	Итоговая выборка (политологическая рамка)	45

Источник: составлено В.С. Давтяном по результатам исследования.

Table 1

Stages of Sampling

Stage	Selection Criterion	Number of Publications
1	Search by the query category “energy transition” (RSCI)	966
2	Selection of publications containing a political science component	122
3	Final sample (political science framework)	45

Source: compiled by V.S. Davtyan based on the results of the study.

Таким образом, лишь около 5 % от общего корпуса публикаций могут быть отнесены к политологическим исследованиям. Данное соотношение имеет принципиальное значение и свидетельствует о структурной диспропорции в российском научном дискурсе.

При этом хронологическое распределение публикаций демонстрирует выраженную зависимость исследовательской активности от внешнеполитической конъюнктуры (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Хронологическое распределение публикаций / Chronological distribution of publications

Год	Количество статей / Year Number of articles	Доля, % / Share, %
2021	6	13,0
2022	9	21,7
2023	7	15,2
2024	9	19,6
2025	14	30,3
Итого	**45**	**100**

Источник: составлено В.С. Давтяном по результатам исследования.
Source: compiled by V.S. Davtyan based on the results of the study.

Количественный анализ демонстрирует устойчивый рост публикационной активности после 2022 г., что коррелирует с трансформацией международной политической конъюнктуры и усилением геополитической напряженности.

Если в 2021 г. интерес к проблематике «энергетического перехода» носит относительно умеренный характер, то начиная с 2022 г. наблюдается его существенный рост, достигающий максимальных значений в 2025 г. Данная динамика отражает не столько внутреннюю логику развития научного знания, сколько реакцию академического сообщества на внешние события, такие как энергетический кризис, санкционное давление, трансформация глобальных рынков и пр. Об этом свидетельствует также выборка по тематическим блокам, определенным в результате выявления в рассмотренном корпусе публикаций основных тематических акцентов.

Проведенный анализ позволил выявить шесть ключевых тематических блоков: *геополитика и международные отношения, геоэкономика*[2]*, государственная политика и управление, институциональный анализ, дискурс и идеология, социальное измерение*.

Количественный рост публикаций сопровождается качественной трансформацией их содержания: если в начале периода доминируют описательные и во многом экономически ориентированные исследования, то в последующем усиливается политологическая интерпретация энергоперехода.

Как показывают полученные данные, наибольший удельный вес приходится на геополитический блок, что свидетельствует о доминировании политико-стратегической оптики в интерпретации энергетического перехода. Данный результат принципиально важен, поскольку он демонстрирует, что в российской политологической парадигме энергетический переход начинает рассматриваться не как технологический процесс, а как элемент трансформации глобальной системы международных отношений.

Таким образом, количественный и структурный анализ публикаций позволяет констатировать формирование в российской научной периодике самостоятельного политологического направления исследований энергетического перехода, находящегося, впрочем, на стадии становления.

Обсуждение результатов

Проведенный анализ позволяет утверждать, что политологическое измерение энергетического перехода в российской научной периодике 2021–2025 гг. формируется не как линейная эволюция научной дискуссии, а как процесс поэтапного усложнения и внутренней дифференциации исследовательского дискурса. Уже в 2021 г. закладывается базовый интерпретационный подход, согласно которому энергетический переход осмысляется преимущественно в категориях геополитики и геоэкономики. Однако в последующие годы данный подход не столько сохраняется, сколько делится на несколько относительно автономных направлений анализа, каждое из которых вырабатывает собственную проблематику и понятийный аппарат. В совокупности это позволяет говорить о формировании сложной, многослойной структуры политологического дискурса, в котором энергетический переход выступает как одновременно геополитический, экономический, институциональный, идеологический и социальный феномен.

В рамках **геополитического измерения** на протяжении всего рассматриваемого периода сохраняется устойчивый интерес к интерпретации энергетического перехода как фактора трансформации международных отношений, при этом характер такой интерпретации существенно меняется.

[2] Основываясь на подходах Эдварда Люттвака, мы исходим из того, что геоэкономика в большей степени представляет собой аналитическую парадигму, вписывающуюся в политические, нежели экономические науки: экономика — инструмент достижения власти и форма конфликта [Luttwak 1990].

Как пишут И. Юшков и А. Перов, вызовы энергетического развития следует рассматривать *как составляющую часть так называемой «новой нормальности»*, под которой понимается состояние, в котором оказывается общество после глубокого кризиса. В качестве отправной точки авторы рассматривают пандемию COVID-19, отмечая, что «на посткоронавирусной волне новая энергетическая „нормальность“ приготовилась победным шагом пройти по планете, все сильнее меняя политический и экономический ландшафт современного мира» [Юшков, Перов 2021: 33]. Отмечается, что, в частности, для России ключевой характеристикой «новой нормальности» является то, что пандемия послужила стимулом для реализации стратегии устойчивого развития и энергетического перехода. Авторы приходят к выводу, что от уровня эффективности приспособления России к этой «новой нормальности» будет во многом зависеть будущее российского энергетического комплекса и экономики в целом [Юшков, Перов 2021: 44].

В свою очередь, Ю.В. Боровский рассматривает энергетический переход *как инструмент геополитической конкуренции*. Он, например, отмечает, что в проводимой ЕС и США политике энергетического перехода находят отражение все три основополагающие теории международных отношений, в том числе теория реализма. Именно последняя выступает магистральной в международных энергетических процессах. Это дает автору основание полагать, что в продвижении климатической повестки политика Вашингтона и Брюсселя будет приобретать все более агрессивный характер [Боровский 2021: 772]. Аргументация автора сводится к тому, что «переход всего человечества на углеродно-нейтральную энергетику лишит недружественных Америке экспортеров углеродного топлива… важного источника доходов и геополитического ресурса» [Боровский 2021: 778].

Дальнейшее развитие этой линии демонстрируют исследования, в которых энергетический переход рассматривается *как элемент геополитического противостояния*. Так, Е.А. Ходаковский и А.А. Сизов прямо фиксируют его связь с конкуренцией ключевых центров силы — ЕС, США, России и Китая [Ходаковский, Сизов 2024: 186]. В этом контексте энергопереход выступает не как универсальная стратегия, а как средство перераспределения влияния. Особое значение имеет работа И.М. Поповой, в которой на примере Группы двадцати (G20) показано, что даже в рамках глобальных институтов происходит углубление противоречий, а попытки продвижения единой климатической повестки подрывают институциональную устойчивость [Попова 2025]. Таким образом, геополитический блок публикаций демонстрирует переход от модели «глобального управления» к модели фрагментированного многоуровневого соперничества, где энергопереход становится одним из ключевых ресурсов внешнеполитической стратегии.

В ряде работ формируется представление о том, что ключевым ресурсом новой энергетики становятся критические минералы, контроль над которыми приобретает стратегическое значение. Тем самым происходит расширение самой категории энергетической безопасности, включающей в себя не только углеводороды, но и минерально-сырьевую базу зеленой энергетики, контроль

над которыми оценивается как ключевой вызов для геополитических акторов [Альбертян 2022; Бирюкова 2022].

Одновременно усиливается конфликтная интерпретация отношений России и Запада. Нередко энергетический переход рассматривается *как механизм ослабления позиций России на европейском рынке* [Боровский 2022], одновременно выявляются внутренние противоречия европейской энергетической политики, обусловленные необходимостью сочетания декарбонизации с задачей обеспечения энергетической безопасности [Хорольская 2022]. В дальнейшем, в 2023–2024 гг., геополитическая оптика усложняется за счет включения категории «переходные риски»[3] и анализа фрагментации мировой политики [Макаров, Шуранова 2023]. Энергетический переход начинает рассматриваться не просто как инструмент конкуренции, а *как фактор дестабилизации и расслоения международной системы*. К 2025 г. данная линия приводит к формированию представления об энергопереходе как о многоуровневом пространстве конкуренции различных моделей развития, в рамках которого взаимодействуют государства, интеграционные объединения и транснациональные акторы.

Геоэкономическое измерение демонстрирует похожую динамику усложнения, однако с иным акцентом — от анализа последствий к анализу инструментов и механизмов. В публикациях 2021 г. энергетический переход рассматривается преимущественно как фактор трансформации глобальных рынков и усиления регуляторного давления, прежде всего со стороны Европейского Союза [Романова 2021]. Центральное место занимает анализ трансграничного углеродного регулирования как инструмента геоэкономической конкуренции [Клинова 2022]. Отдельно вопросам развития зеленого водорода как инструмента высококонкурентного энергетического перехода посвящена работа К.А. Корнеева, который рассматривает перспективы данного направления на примере Восточной Азии [Корнеев 2021].

Наиболее радикальную критику представляет И.И. Сечин, утверждающий, что цели энергоперехода «имеют идеологическую окраску и нереалистичны», а возобновляемые источники энергии не обеспечивают замещения традиционных ресурсов [Сечин 2024: 7].

В работах В.Б. Белова и А.В. Котова энергетический переход в Германии связывается с процессами деиндустриализации и ростом структурной нестабильности [Белов, Котов 2025]. Дополняет эту линию региональный анализ А.В. Грозина, который показывает, что внедрение «зеленой повестки» может снижать экспортный потенциал и экономическую устойчивость стран Центральной Азии [Грозин 2025]. Наконец, исследования энергетических рынков ЕС демонстрируют, что отказ от традиционных

[3] «Переходные риски» (transition risks) — это совокупность политических, экономических, технологических и социальных угроз, возникающих в процессе перехода от традиционной углеродной модели развития к низкоуглеродной и климатически нейтральной экономике. К ним относятся изменения в регулировании, трансформация энергетических рынков, рост издержек для бизнеса, а также усиление международной конкуренции и геоэкономической фрагментации.

источников энергии сопровождается вынужденным возвратом к углю, что свидетельствует о несостоятельности ускоренных сценариев перехода [Заславская, Лисенкова 2025: 212–213].

В последующие годы происходит смещение анализа на уровень адаптационных стратегий. Энергопереход рассматривается как *фактор, формирующий новые риски и возможности для национальной экономики* [Севостьянов, Макаев 2023], при этом его логика проникает на уровень корпоративного управления, трансформируя стратегии нефтегазовых компаний через механизмы ESG-регулирования.

Важным направлением становится анализ тематического блока «**государственная политика и управление»**, в рамках которого энергетический переход рассматривается как объект стратегического управления. Уже в 2021 г. фиксируется особая роль государственных и наднациональных институтов, прежде всего ЕС, в формировании правил энергетического перехода [Романова, 2021]. В 2022 г. акцент смещается на противоречия национальных стратегий, что ярко проявляется в анализе германской энергетической политики [Хорольская, 2022]. В публикациях 2023 г. формируется более комплексный подход, в рамках которого энергетический переход рассматривается как фактор, одновременно ограничивающий и стимулирующий развитие национальных экономик [Севостьянов, Макаев, 2023]. В свою очередь, О.В. Дубровина и соавторы на примере ОАЭ демонстрируют прагматическую модель энергетической политики, основанную на балансировании между традиционной и зеленой энергетикой [Дубровина и др., 2025].

К 2024 г. заметно усиливается внимание к проблематике технологического суверенитета и роли государства в обеспечении лидерства в новых энергетических технологиях [Серегина, 2024]. Энергетический переход в данном контексте интерпретируется как поле стратегической конкуренции, требующее проактивной государственной политики. В 2025 г. данная линия дополняется анализом правового регулирования и формирования международных норм, закрепляющих приоритет зеленой энергетики, что свидетельствует о переходе к институционализации энергетического перехода на глобальном уровне.

Институциональное измерение энергоперехода становится особенно значимым на более поздних этапах. Если в ранних работах оно присутствует имплицитно, то начиная с 2023–2024 гг. формируется самостоятельное направление анализа. В работах В.И. Локтионова и др. энергопереход рассматривается через призму институциональной инерции (*path dependence*), что позволяет объяснить ограниченность и неравномерность трансформаций. Авторы рассматривают энергетический переход *как «волюнтаристское изменение глобальной институциональной среды»* [Локтионов, 2024; Локтионов, Еникеев, 2024: 35]. Тем самым подчеркивается его искусственный, сконструированный характер. Данная позиция представляется вполне обоснованной, учитывая, что энергетический переход — это во многом результат целенаправленного институционального проектирования, поддерживаемого государствами и международными организациями.

Эта идея получает дополнительное развитие в работах, анализирующих международное климатическое право, где фиксируется формирование «презумпции противозаконности деятельности в области финансирования, разведки, разработки и потребления углеводородного сырья» [Гудков, Энтин, 2025: 126]. Однако параллельно в публикациях отмечается кризис глобальных институтов и снижение их эффективности, что особенно ярко проявляется в рамках G20 [Попова 2025].

Наблюдаемая двойственность — между инерционностью и управляемостью — становится одной из ключевых линий научной дискуссии. С одной стороны, энергетический переход трактуется *как объективный процесс, обусловленный технологическими и экологическими факторами*, с другой — *как результат политических решений, формирующих новые правила игры*. В публикациях 2025 г. эта научная дискуссия дополняется анализом формирования международно-правового режима, предполагающего фактическую делегитимацию углеводородной энергетики и закрепление курса на декарбонизацию. При этом во многом наблюдается односторонность такого подхода, поскольку, во-первых, в современном мире продолжает расти спрос на углеводородные ресурсы, что является прямым следствием недостаточного уровня эффективности осуществляемого энергетического перехода; во-вторых, сам энергетический переход претерпевает определенное переосмысление, учитывая в том числе расширение спектра компонентов энергетического перехода: если раньше они преимущественно сводились к возобновляемым источникам, то сегодня в качестве устойчивых переходных секторов рассматривается, например, природный газ и атомная генерация.

Существенное развитие получает **дискурсивно-идеологическое измерение**, которое постепенно превращается из периферийного в одно из ключевых. Это особенно продемонстрировано в работе И.Л. Прохоренко, в которой показано, что Европейский Союз формирует устойчивый нарратив энергетического перехода, направленный на легитимацию собственной политики и укрепление нормативного лидерства [Прохоренко, 2022]. В дальнейшем данная линия развивается в сторону критических интерпретаций. В приведенной ранее работе [Сечин, 2024] энергопереход рассматривается *как идеологически нагруженный проект, сопровождающийся перераспределением ресурсов в пользу развитых стран.* В 2025 г. эта позиция получает дальнейшее развитие в концепциях «зеленого колониализма» и «зеленого национализма» [Каратуева, 2025], в рамках которых энергопереход интерпретируется как механизм воспроизводства глобального неравенства. В некоторых исследованиях появляется понятие «зеленого колониализма», отражающее восприятие энергоперехода *как механизма воспроизводства глобального неравенства* [Каратуева, 2025]. В частности, выделяются два уровня — «зеленый колониализм коренных народов» и «гражданский зеленый национализм, подчеркивающий борьбу за национальные природные ресурсы в интересах всей страны». Первый предполагает неизбежность конфликта ввиду использования территории, занимаемой коренным народом, для «зеленых проектов»; второй — рост националистических настроений с поддержанием того убеждения, что ресурсы страны должны использоваться исключительно в долгосрочных национальных целях [Каратуева 2025: 71].

Таким образом, дискурсивное измерение фиксирует принципиальное расхождение между нормативной и критической интерпретациями энергетического перехода. Если первая рассматривает его как объективно необходимую трансформацию, то вторая — как инструмент политического и экономического доминирования.

Наконец, в 2025 г. отчетливо формируется **социальное измерение** энергетического перехода, ранее остававшееся на периферии исследовательского интереса. В исследовании О.Б. Януш и И.Р. Марданшина показано, что общество не демонстрирует готовности к радикальным изменениям в структуре потребления энергии. Это ограничивает практическую реализуемость энергетического перехода [Януш, Марданшин 2025]. Одновременно исследования, посвященные странам Глобального Юга [Дженесис, Ширияздановa 2025], выявляют глубокий дисбаланс между наличием ресурсов и доступом к ним, а следовательно, актуализируют проблемы «энергетической справедливости» и «энергетической бедности» — ключевых критериев устойчивого энергетического развития, для оценки которого наиболее целесообразным представляется индекс «энергетической трилеммы»[4]. Сюда же следует отнести исследование А.А. Игнатова, посвященного проблемам «справедливого энергоперехода» на примере ЮАР [Игнатов 2023]. Социальный блок демонстрирует, что энергетический переход сталкивается с ограничениями на уровне общества и социальной безопасности. Как показывают исследования, энергетический переход нередко приводит к росту инфляции, удорожанию жизни и негативным эффектам на рынке труда [Клинова, 2022].

Как видим, к 2025 г. энергетический переход в российской научной периодике окончательно выходит за рамки узкоотраслевого анализа и превращается в многоуровневое поле пересечения политических, экономических, институциональных и социальных процессов. При этом ключевой линией развития дискурса становится его постепенная политизация и концептуализация, сопровождающаяся ростом числа интерпретаций и усложнением аналитических моделей.

Вместе с тем следует оговориться, что 2026 г. формально выходит за хронологические рамки настоящего исследования. Однако масштаб и интенсивность геополитических трансформаций данного периода, включая войну США и Израиля против Ирана, кризис вокруг Ормузского пролива и выход ОАЭ из ОПЕК, уже формируют качественно новую конфигурацию глобальной энергетической турбулентности. В этих условиях можно прогнозировать резкий рост числа исследований, в которых энергетический переход будет рассматриваться преимущественно через призму геополитических рисков, стратегической уязвимости и фрагментации мировой политики.

[4] Индекс «энергетической трилеммы» — это международный показатель, оценивающий эффективность энергетической политики государства по трем ключевым направлениям: энергетическая безопасность, энергетическая справедливость и экологическая устойчивость.

Заключение

Проведенный обзор литературы позволил выявить, что в российской политологической литературе постепенно возрастает интерес к проблемам энергетического перехода, что преимущественно обусловлено как процессами трансформации мирового топливно-энергетического комплекса и формирующимися мегатрендами энергетического развития, так и новыми вызовами энергетической безопасности самой России. При этом характерно, что рост публикационной активности наблюдается после 2022 г., что, очевидно, напрямую коррелирует с напряженностью в международных политических и экономических процессах.

Вместе с тем наблюдаемое сокращение пробела при изучении проблем энергетического перехода в политологической плоскости имеет сдержанный, консервативный характер, что, пожалуй, обусловлено традиционно экономикоцентричным либо техноцентричным восприятием данной проблемы. Последнее, на наш взгляд, представляется ошибочным подходом, учитывая возрастающее влияние политики энергетического перехода не только на экономическую конъюнктуру, но также на социально-политические и социально-культурные процессы, на формирование антропологических паттернов. Более того, необходимость политологического измерения энергетичекого перехода обусловлено также его высоким влиянием на современный мировой энергетический порядок, следовательно, на ход геоэкономической и геополитической конкуренции как на региональном, так и на мировом уровнях.

Сегментирование анализируемого проблемного поля на шесть блоков (*геополитика и международные отношения, геоэкономика, государственная политика и управление, институциональный анализ, дискурс и идеология, социальное измерение)* позволило наиболее системно определить основные проблемные рамки проведенных в 2021–2025 гг. исследований, посвященных вопросам энергетического перехода. При этом в выборке опубликованных статей наблюдается доминирование геополитического подхода, сводящегося к измерению энергетического перехода как инструмента влияния. Что касается остальных тематических блоков, то все они, конечно, отображают политологический подход к исследуемой проблеме, однако нередко демонстрируют междисциплинарность с целью усиления авторской аргументации или доказательства выдвинутой гипотезы. Это создает методологические вызовы для политологической науки, претендующей на глубокое и комплексное осмысление энергетического перехода как социально-политического явления.

В целом проведенный анализ показал, что сегодня в российской политологической науке энергетический переход постепенно укрепляется как объект теоретических и практических исследований, следовательно, можно ожидать увеличения исследовательского интереса к нему уже в ближайшие годы.

Поступила в редакцию / Received: 27.02.2026
Доработана после рецензирования / Revised: 12.04.2026
Принята к публикации / Accepted: 15.05.2026

Библиографический список

Алиев Р.А. Энергетическая дипломатия в эпоху энергоперехода // Международная аналитика. 2023. № 14 (4). С. 91–106. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-91-106 EDN: EDDDYV

Альбертян А.П. Развитие минерально-сырьевого комплекса как повышение геополитического статуса России // Мировая политика. 2022. № 1. С. 48–58. https://doi.org/10.25136/2409-8671.2022.1.37713 EDN: QRONAU

Андрианов В.В. Трансформация энергетической политики России в эпоху санкций и энергоперехода // Вестник Института мировых цивилизаций. 2022. Т. 13. № 2 (35). С. 6–18. EDN: ETANZZ

Белов В.Б., Котов А.В. «Зеленый переход» Германии в условиях трансформации немецкого штандорта // Проблемы национальной стратегии. 2025. № 1 (88). С. 180–199. https://doi.org/10.52311/2079-3359_2025_1_180 EDN: UMYRZY

Бирюкова Н.А. США и энергетический переход XXI века: меры по преодолению зависимости от КНР в сфере критических минералов // Вестник Московского университета. Серия 21: Международные отношения и мировая политика. 2022. № 2. С. 109–147. https://doi.org/10.48015/2076-7404-2022-14-2-109-147 EDN: JSGOVK

Боровский Ю.В. Проблема энергетической безопасности в контексте мирового «энергетического перехода» // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 5. С. 772–784. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-772-784 EDN: EHLALV

Боровский Ю.В. Столкновение энергетических интересов России и Запада: объяснительный потенциал реалистского и либерального теоретических подходов // Вестник Московского университета. Серия 21: Международные отношения и мировая политика. 2022. № 2. С. 12–39. https://doi.org/10.48015/2076-7404-2022-14-2-12-39 EDN: NFRSVX

Грозин А.В. Риски процесса декарбонизации и энергетического перехода в Центральной Азии // Геоэкономика энергетики. 2025. № 2 (30). С. 6–28. https://doi.org/10.48137/26870703_2025_30_2_6 EDN: HXHESO

Гудков И., Энтин М. Климат и право: как сформулировать привлекательный образ справедливого «зеленого будущего» // Международные процессы. 2025. Т. 23. № 1 (80). С. 126–146. https://doi.org/10.46272/IT.2025.23.1.80.4 EDN: HXMJOV

Давтян В.С., Хачикян С.Р. Сравнительный анализ состояния экологизации энергетических систем в ЕАЭС: возможности энергетического перехода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2024. Т. 32. № 3. С. 447–469. https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-3-447-469 EDN: MJRDLW

Дженесис К., Ширизданова И.Ф. Сочетание изобилия и доступности: роль Нигерии в глобальном энергетическом переходе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25. № 4. С. 652–667. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-652-667 EDN: HXKFAP

Дубровина О.В., Нестерчук О.А., Плотников В.С., Гришин О.Е. Энергетическая политика Объединенных Арабских Эмиратов: определяющие факторы, принципы и модель // Социально-политические науки. 2025. Т. 15. № 3. С. 66–71. https://doi.org/10.33693/2223-0092-2025-15-3-66-71 EDN: RSWAGM

Заводнюк П.Д. Энергетическое сотрудничество Германии и Казахстана (1991–2024 гг.): от сырьевой зависимости к «зеленому» переходу // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2025. № 3. С. 73–85. https://doi.org/10.15211/vestnikieran320257385 EDN: HLJVWX

Заславская Н.Г., Лисенкова А.Д. Угольная энергетика в Европейском союзе в условиях «энергетического перехода» и антироссийских санкций // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные

отношения. 2025. Т. 30. № 3. С. 212–221. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.19 EDN: OBTSDL

Заславская Н.Г., Лисенкова А.Д. Угольно-энергетическое сотрудничество Евросоюза и Южно-Африканской Республики в условиях трансформации энергетических рынков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2024. Т. 17. № 4. С. 457–474. https://doi.org/10.21638/spbu06.2024.404 EDN: ZHRBKA

Игнатов А.А. Проблемы и перспективы реализации политики справедливого энергетического перехода в ЮАР // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 4. С. 124–146. https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-04-05 EDN: EWOOJI

Каратуева Е.Н. Зеленый колониализм и зеленый национализм: как энергетический переход воспроизводит глобальное неравенство // Социально-политические науки. 2025. Т. 15. № 1. С. 68–74. https://doi.org/10.33693/2223-0092-2025-15-1-68-74 EDN: IRFUST

Клинова М.В. Энергетический вектор современной европейской экономики и политики // Общественные науки и современность. 2022. № 5. С. 48–59. https://doi.org/10.31857/S0869049922050033 EDN: EZXCUH

Корнеев К.А. Зеленый водород в восточной Азии // Геоэкономика энергетики. 2021. № 3 (15). С. 98–115. https://doi.org/10.48137/2687-0703_2021_15_3_98 EDN: XDQKZK

Локтионов В.И. Анализ текущего энергоперехода через призму концепции Path dependence // Journal of Institutional Studies. 2024. № 16 (2). С. 61–72. https://doi.org/10.17835/2076-6297.2024.16.2.061-072 EDN: ROOBEL

Локтионов В.И., Еникеев Ш.М. Институциональные особенности четвертого энергетического перехода // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 7. С. 35–44. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-7-35-44 EDN: SLCAWW

Лю И., Степанов С.А. Сравнительный анализ достижений и проблем политики углеродной нейтральности в России и Китае // Мировая политика. 2025. № 1. С. 56–72. https://doi.org/10.25136/2409-8671.2025.1.73135 EDN: YXENFX

Макаров И.А., Шуранова А.А. Климатические изменения как новый фактор международных отношений // Международная аналитика. 2023. № 14 (4). С. 52–74. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-52-74 EDN: QQSQUQ

Марданшин И.Р. Дискуссии о зеленом переходе в российской энергетике: анализ СМИ // Теории и проблемы политических исследований. 2025. Т. 14. № 2А. С. 10–16. EDN: QNVNJW

Маркаров А.А., Давтян В.С. Особенности энергетического перехода в странах Южного Кавказа // Геоэкономика энергетики. 2023. № 4 (24). С. 23–41. https://doi.org/10.48137/26870703_2023_24_4_23 EDN: FMCBHF

Попова И.М. Трансформация повестки «Группы двадцати» в сфере низкоуглеродного развития: историческая перспектива и основные понятия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25. № 4. С. 668–683. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-668-683 EDN: HWBLLX

Прохоренко И.Л. Нарративы энергетического перехода в Европейском Союзе // Вестник Московского университета. Серия 21: Международные отношения и мировая политика. 2022. № 4. С. 77-97. https://doi.org/10.48015/2076-7404-2022-14-4-77-97 EDN: YIIHUI

Романова Е.А. Особенности развития возобновляемых источников энергии в странах-членах ШОС (на примере КНР) // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2023. № 3. С. 79–97. https://doi.org/10.28995/2686-7648-2023-3-79-97 EDN: AMWBAN

Романова Т.А. «Зеленый курс» и стрессоустойчивость энергетических отношений России и ЕС // Вестник международных организаций. 2021. Т. 16. № 3. С. 108–123. https://doi.org/10.17323/1996-7845-2021-03-05 EDN: PDBRUD

Севостьянов П.И., Макаев А.Р. Политические условия декарбонизации в рамках энергетического перехода: международные риски и возможности для России // Среднерусский вестник общественных наук. 2023. Т. 18. № 1. С. 72–86. https://doi.org/10.22394/2071-2367-2023-18-1-72-86 EDN: IONEDF

Серегина А.А. Проблемы достижения и основные принципы реализации справедливого энергетического перехода в контексте обеспечения энергетической безопасности // Управленческое консультирование. 2024. № 6. С. 63–72. https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-6-63-72 EDN: ZXSYCD

Серегина А.А. Энергетическая парадигма XXI века: компоненты обеспечения технологического суверенитета и лидерства в эпоху глобальных перемен // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Культурология. Политология. 2024. Т. 10. № 4. С. 114–123. https://doi.org/10.29039/2413-1695-2024-10-4-114-123 EDN: RTGGLN

Сечин И.И. Издержки и угрозы «зеленого» энергоперехода // Вестник МГИМО-Университета. 2024. № 17 (3). С. 7–40. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-3-96-7-40 EDN: IROQOJ

Сизов А.А. Концепция энергетического перехода: история понятия и эволюция явления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 159–164. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-159-164 EDN: YATMFS

Сикираж В.В., Цымбалова А.Е. Сравнительный анализ российского и европейского подходов (на примере Королевства Испании) к энергетическому переходу // Via in tempore. История. Политология. 2025. № 52 (2). С. 500–509. https://doi.org/10.52575/2687-0967-2025-52-2-500-509 EDN: VSXNFV

Соловова Ю.В. Трансформации мировой энергетической системы в контексте тенденции энергетического перехода // Дискуссия. 2021. № 107. С. 49–58. https://doi.org/10.46320/2077-7639-2021-4-107-49-58 EDN: EDUZDG

Филоник А.О., Батурина В.Н. Арабский мир на пороге энергоперехода: вызовы, амбиции, пределы роста // Вестник Московского университета. Серия 21: Международные отношения и мировая политика. 2022. № 2. С. 148–172. https://doi.org/10.48015/2076-7404-2022-14-2-148-172 EDN: CJWQSL

Хлопов О.А. Проблемы энергетического перехода в меняющемся ландшафте глобальной энергетической безопасности // Власть. 2021. № 5. С. 58–65. https://doi.org/10.31171/vlast.v29i5.8534 EDN: WTFDRV

Хлопов О.А. Энергетический переход в условиях глобального потепления и изменения климата // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № 4. 12ECVN423. URL: https://esj.today/PDF/12ECVN423.pdf. EDN: NQEVUM

Ходаковский Е.А. Сизов А.А. Четвертый энергетический переход: текущее состояние, перспективы, стратегия России в геополитической борьбе // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 3. С. 186–194. https://doi.org/10.33693/2223-0092-2024-14-3-186-194 EDN: LFVZSH

Хорольская М.В. Новые векторы энергетической политики Германии // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 10. С. 56–64. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-10-56-64 EDN: WLZLCL

Шкваря Л.В. Декарбонизация в Иране и развитие атомной энергетики как ее направление // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2025. Т. 11 (21). № 4. С. 99–107. EDN: TTBZTP

Юдина О.Н. Энергетический диалог Россия-ЕС в 2000–2014 гг.: ключевые приоритеты, этапы, противоречия и результаты // Вестник Московского университета. Серия 21: Международные отношения и мировая политика. 2022. № 2. С. 40–75. https://doi.org/10.48015/2076-7404-2022-14-2-40-75 EDN: CBJRUW

Юшков И.В., Перов А.В. «Новая нормальность» в мировой энергетике: вызовы для России // Геоэкономика энергетики. 2021. № 3 (15). С. 31–50. https://doi.org/10.48137/2687-0703_2021_14_2_31 EDN: NUQNLL

Януш О.Б., Марданшин И.Р. Энергетический переход в зеркале общественного мнения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25. № 1. С. 88–94. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-88-94 EDN: RVHQEI

Luttwak Ed. From Geopolitics to Geo-Economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce // National Interest. 1990, Summer. P. 17–23.

Meckling J. Governing renewables: Policy feedback in a global energy transition // Environment and Planning. 2019. Vol. 37. No. 2. P. 317–338.

Overland I. The geopolitics of renewable energy: Debunking four emerging myths // Energy Research & Social Science. 2019. P. 36–40.

Yergin D. The Quest: Energy, Security, and the Remaking of the Modern World. — Penguin Press, 2011. 832 p.

References

Albertyan, A.P. (2022). Development of the mineral resource complex as a factor of Russia's geopolitical status. *World Politics*, (1), 48–58. (In Russian). https://doi.org/10.25136/2409-8671.2022.1.37713

Aliev, R.A. (2023). Energy diplomacy in the era of energy transition. *Journal of International Analytics, 14*(4), 91–106. (In Russian). https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-91-106

Andrianov, V.V. (2022). Transformation of Russia's energy policy in the era of sanctions and energy transition. *Bulletin of the University of World Civilizations, 13*(2), 6–18. (In Russian).

Belov, V.B., & Kotov, A.V. (2025). Germany's "green transition" in the context of Standort transformation. *National Strategy Issues, 1*(88), 180–199. (In Russian). https://doi.org/10.52311/2079-3359_2025_1_180

Biryukova, N.A. (2022). The USA and the energy transition of the 21st century: Measures to reduce dependence on China in critical minerals. *Lomonosov World Politics Journal*, (2), 109–147. (In Russian). https://doi.org/10.48015/2076-7404-2022-14-2-109-147

Borovsky, Y.V. (2021). Energy security in the context of the global energy transition. *Vestnik RUDN. International Relations, 21*(5), 772–784. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-772-784

Borovsky, Y.V. (2022). Clash of energy interests between Russia and the West: Explanatory potential of realist and liberal approaches. *Lomonosov World Politics Journal*, (2), 12–39. (In Russian). https://doi.org/10.48015/2076-7404-2022-14-2-12-39

Davtyan, V.S., & Khachikyan, S.R. (2024). Comparative analysis of energy system greening in the EAEU: Opportunities for energy transition. *RUDN Journal of Economics, 32*(3), 447–469. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-3-447-469

Dubrovina, O.V., Nesterchuk, O.A., Plotnikov, V.S., & Grishin, O.E. (2025). Energy policy of the United Arab Emirates: Determinants, principles and model. *Sociopolitical Sciences, 15*(3), 66–71. (In Russian). https://doi.org/10.33693/2223-0092-2025-15-3-66-71

Filonik, A.O., & Baturina, V.N. (2022). The Arab world on the threshold of energy transition: Challenges, ambitions and limits of growth. *Lomonosov World Politics Journal*, (2), 148–172. (In Russian). https://doi.org/10.48015/2076-7404-2022-14-2-148-172

Genesis, K., & Shiriyazdanova, I.F. (2025). Combining abundance and accessibility: Nigeria's role in the global energy transition. *Vestnik RUDN. International Relations, 25*(4), 652–667. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-652-667

Grozin, A.V. (2025). Risks of decarbonization and energy transition in Central Asia. *Geoeconomics of Energetics, 2*(30), 6–28. (In Russian). https://doi.org/10.48137/26870703_2025_30_2_6

Gudkov, I., & Entin, M. (2025). Climate and law: Shaping the image of a just "green future". *International Trends, 23*(1), 126–146. (In Russian). https://doi.org/10.46272/IT.2025.23.1.80.4

Ignatov, A.A. (2023). Problems and prospects of just energy transition policy implementation in South Africa. *International Organisations Research Journal, 18*(4), 124–146. (In Russian). https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-04-05

Karatueva, E.N. (2025). Green colonialism and green nationalism: How energy transition reproduces global inequality. *Sociopolitical Sciences, 15*(1), 68–74. (In Russian). https://doi.org/10.33693/2223-0092-2025-15-1-68-74

Khlopov, O.A. (2021). Problems of energy transition in the changing landscape of global energy security. *Vlast'*, (5), 58–65. (In Russian). https://doi.org/10.31171/vlast.v29i5.8534

Khlopov, O.A. (2023). Energy transition under global warming and climate change. *The Eurasian Scientific Journal, 15*(4), 12ECVN423. (In Russian). Retrieved from https://esj.today/PDF/12ECVN423.pdf

Khodakovsky, E.A., & Sizov, A.A. (2024). The fourth energy transition: Current state, prospects and Russia's strategy in geopolitical competition. *Sociopolitical Sciences, 14*(3), 186–194. (In Russian). https://doi.org/10.33693/2223-0092-2024-14-3-186-194

Khorolskaya, M.V. (2022). New vectors of Germany's energy policy. *World Economy and International Relations, 66*(10), 56–64. (In Russian). https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-10-56-64

Klinova, M.V. (2022). Energy vector of contemporary European economy and politics. *Social Sciences and Contemporary World*, (5), 48–59. (In Russian). https://doi.org/10.31857/S0869049922050033

Korneev, K.A. (2021). Green hydrogen in East Asia. *The Geoeconomics of Energetics, 3*(15), 98–115. (In Russian). https://doi.org/10.48137/2687-0703_2021_15_3_98

Liu, I., & Stepanov, S.A. (2025). Comparative analysis of achievements and problems of carbon neutrality policies in Russia and China. *World Politics*, (1), 56–72. (In Russian). https://doi.org/10.25136/2409-8671.2025.1.73135

Loktionov, V.I. (2024). Analysis of current energy transition through the lens of path dependence. *Journal of Institutional Studies, 16*(2), 61–72. (In Russian). https://doi.org/10.17835/2076-6297.2024.16.2.061-072

Loktionov, V.I., & Enikeev, S.M. (2024). Institutional features of the fourth energy transition. *World Economy and International Relations, 68*(7), 35–44. (In Russian). https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-7-35-44

Luttwak, E. (1990). From geopolitics to geo-economics: Logic of conflict, grammar of commerce. *The National Interest*, (20), 17–23.

Makarov, I.A., & Shuranova, A.A. (2023). Climate change as a new factor in international relations. *Journal of International Analytics, 14*(4), 52–74. (In Russian). https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-52-74

Mardanshin, I.R. (2025). Discussions on green transition in Russian energy: Media analysis. *Theories and Problems of Political Studies, 14*(2A), 10–16. (In Russian).

Markarov, A.A., & Davtyan, V.S. (2023). Features of energy transition in the South Caucasus. *The Geoeconomics of Energetics, 4*(24), 23–41. (In Russian). https://doi.org/10.48137/26870703_2023_24_4_23

Meckling, J. (2019). Governing renewables: Policy feedback in a global energy transition. *Environment and Planning C: Politics and Space, 37*(2), 317–338.

Overland, I. (2019). The geopolitics of renewable energy: Debunking four emerging myths. *Energy Research & Social, Science, 49,* 36–40.

Popova, I.M. (2025). Transformation of the G20 agenda in low-carbon development: Historical perspective and key concepts. *Vestnik RUDN. International Relations, 25*(4), 668–683. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-668-683

Prokhorenko, I.L. (2022). Narratives of energy transition in the European Union. *Lomonosov World Politics Journal*, (4), 77–97. (In Russian). https://doi.org/10.48015/2076-7404-2022-14-4-77-97

Romanova, E.A. (2023). Development of renewable energy in SCO member states: The case of China. *RSUH/RGGU Bulletin."Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations"*, (3), 79–97. (In Russian). https://doi.org/10.28995/2686-7648-2023-3-79-97

Romanova, T.A. (2021). The "Green Deal" and resilience of Russia–EU energy relations. *International Organisations Research Journal, 16*(3), 108–123. (In Russian). https://doi.org/10.17323/1996-7845-2021-03-05

Sechin, I.I. (2024). Costs and risks of the "green" energy transition. *MGIMO Review of International Relations, 17*(3), 7–40. (In Russian). https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-3-96-7-40

Seregina, A.A. (2024). Energy paradigm of the 21st century: Components of technological sovereignty and leadership in an era of global change. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Culturology. Political Science, 10*(4), 114–123. (In Russian). https://doi.org/10.29039/2413-1695-2024-10-4-114-123

Seregina, A.A. (2024). Problems and principles of just energy transition in the context of energy security. *Administrative Consulting*, (6), 63–72. (In Russian). https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-6-63-72

Sevostyanov, P.I., & Makaev, A.R. (2023). Political conditions of decarbonization within the energy transition: International risks and opportunities for Russia. *Central Russian Journal of Social Sciences, 18*(1), 72–86. (In Russian). https://doi.org/10.22394/2071-2367-2023-18-1-72-86

Shkvarya, L.V. (2025). Decarbonization in Iran and the development of nuclear energy as its direction. *Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions, 11*(4), 99–107. (In Russian).

Sikirazh, V.V., & Tsymbalova, A.E. (2025). Comparative analysis of Russian and European approaches to energy transition: The case of Spain. *Via in Tempore. History and Political Science, 52*(2), 500–509. (In Russian). https://doi.org/10.52575/2687-0967-2025-52-2-500-509

Sizov, A.A. (2024). The concept of energy transition: History and evolution. *State and Municipal Management. Scholar Notes*, (2), 159–164. (In Russian). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-159-164

Solovova, Y.V. (2021). Transformation of the global energy system in the context of energy transition. *Discussion*, (107), 49–58. (In Russian). https://doi.org/10.46320/2077-7639-2021-4-107-49-58

Yanush, O.B., & Mardanshin, I.R. (2025). Energy transition in public opinion. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 25*(1), 88–94. (In Russian). https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-88-94

Yergin, D. (2011). *The quest: Energy, security, and the remaking of the modern world*. Penguin Press.

Yudina, O.N. (2022). Russia–EU energy dialogue (2000–2014): Key priorities, stages, contradictions and results. *Lomonosov World Politics Journal*, (2), 40–75. (In Russian). https://doi.org/10.48015/2076-7404-2022-14-2-40-75

Yushkov, I.V., & Perov, A.V. (2021). "New normal" in global energy: Challenges for Russia. *The Geoeconomics of Energetics, 3*(15), 31–50. (In Russian). https://doi.org/10.48137/2687-0703_2021_14_2_31

Zaslavskaya, N.G., & Lisenkova, A.D. (2024). EU–South Africa coal cooperation under energy market transformation. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations, 17*(4), 457–474. (In Russian). https://doi.org/10.21638/spbu06.2024.404

Zaslavskaya, N.G., & Lisenkova, A.D. (2025). Coal energy in the European Union under energy transition and anti-Russian sanctions. *Science journal of Volgograd state university. History. Area Studies. International Relations, 30*(3), 212–221. (In Russian). https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.3.19

Zavodnyuk, P.D. (2025). Germany–Kazakhstan energy cooperation (1991–2024): From resource dependence to green transition. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, (3), 73–85. (In Russian).

Сведения об авторе:

Давтян Ваге Самвелович — доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии Российско-Армянского университета; ведущий научный сотрудник Центра кавказских исследований, Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (e-mail: vahedavtyan@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-0848-3436, SPIN-код: 7094-6199, AuthorID: 871498, Scopus ID 57196417904, WOS ID: AAR-1088-2020).

About the author:

Vahe S. Davtyan — Doctor of Political Sciences, Professor, Professor at the Department of Political Science of Russian-Armenian University; Leading Researcher of the Center of Caucasian Studies of the Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences (e-mail: vahedavtyan@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-0848-3436, SPIN-code: 7094-6199, AuthorID: 871498, Scopus ID 57196417904, WOS ID: AAR-1088-2020).

RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 3 519–535**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-3-519-535
EDN: NRMMVD

Научная статья / Research article

Политика Китая в области энергоперехода: центральноазиатский и арктический факторы

Н.А. Николаев, И.В. Вахрушин

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, *Москва, Российская Федерация*

✉ nikolaev.science@inbox.ru

Аннотация. Представлены результаты анализа международной политики Китая в области энергоперехода через призму влияния арктического и центральноазиатского факторов. В этой связи авторами ставится задача определить роль и место этих факторов в продвижении китайского энергоперехода. Актуальность изучения темы обусловлена стратегическим значением зеленого транзита как одной из долгосрочных целей и конечного результата экологической концепции Си Цзиньпина о «прекрасном Китае» (госплан развития Компартии Китая до 2030 г., интегрирующий экологическую политику со стратегиями социально-экономического развития), стратегии энергетической безопасности и достижения «второй столетней цели по созданию богатой демократической прекрасной модернизированной социалистической державы». Данное исследование проведено на базе системного анализа, а также с использованием метода включенного наблюдения. Приоритеты новой 15-й пятилетки (2026–2030) показывают, что значение арктического и центральноазиатского факторов продолжит возрастать по мере ускорения энергоперехода в Китае. В последние годы наблюдается тенденция увеличения объемов китайского импорта газа из Арктической зоны РФ и в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР).

Ключевые слова: Китай, энергопереход, концепция «прекрасного Китая», Арктика, Центрально-Азиатский регион, СПГ, природный газ, ВИЭ-генерация

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Николаев Н.А., Вахрушин И.В.* Политика Китая в области энергоперехода: центральноазиатский и арктический факторы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 3. С. 519–535. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-519-535 EDN: NRMMVD

© Николаев Н.А., Вахрушин И.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

China's Energy Transition Policy: the Arctic and Central Asian Factors

Nikolay A. Nikolaev, Ivan V. Vakhrushin

The Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, *Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

✉ nikolaev.science@inbox.ru

Abstract. The article presents the results of the analysis of China's international policy in the field of energy transition through the prism of the influence of Arctic and Central Asian factors. The authors therefore aim to analyze the role and place of Arctic and Central Asian factors in advancing China's Energy Transition. The relevance of this study stems from the strategic significance of China's energy transition as one of the long-term goals and the ultimate outcome of Xi Jinping's "Beautiful China" environmental vision (the state development plan for the Communist Party of China until 2030, integrating environmental policy with socio-economic development strategies), energy security strategy, and the achievement of the "second centenary goal of building a prosperous, democratic, beautiful, and modernized socialist power". The lack of research on this topic can be characterized as a gap in domestic scholarship. This study is based on a systems analysis and participant observation. The priorities of the new 15th Five-Year Plan (2026–2030) indicate that the significance of Arctic and Central Asian factors will continue to increase as China's economic energy transition accelerates. In recent years, China has been actively promoting the energy transition, primarily through expanding renewable energy capacity domestically and internationally, as well as importing natural gas and LNG from the Russian Arctic and Central Asia. The US's announced plans to increase LNG exports from Alaska pose risks related to lower prices for Russian gas, as well as to Russia's overall energy policy. The research findings may be of particular interest to our country's ministries and agencies responsible for developing and implementing energy policy.

Keywords: China, Energy Transition, the "Beautiful China" Initiative, the Arctic, Central Asia, LNG, natural gas, renewable energy generation

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Nikolaev, N.A., & Vakhrushin, I.V. (2026). China's energy transition policy: The Arctic and central Asian factors. *RUDN Journal of Political Science, 28*(3), 519–535. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-519-535 EDN: NRMMVD

Введение

Китайская Народная Республика наряду с США и Евросоюзом является одним из ключевых субъектов формирования международной климатической повестки и коллективного глобального ответа на климатические изменения, будучи центром генерирования идей [Prokhorenko 2022: 82]. Однако китайский энергопереход имеет свою специфику — в отличие от развитых стран Китай не ограничен жесткими экологическими требованиями, например, активно развивает атомную энергетику, не политизирует энергетическую повестку, ставя в приоритет диверсификацию источников импорта энергоносителей.

Китай поставил довольно амбициозную цель добиться пика углеродных выбросов к 2030 г., а к 2060 г. планирует достичь «углеродной нейтральности». КНР относится к 16 странам, в том числе России, которые выбрали целевой период после 2050 г., и только 79 стран планируют достичь целевого показателя к 2050 г. [Vasilenko, Sidorovsky, Shishigin 2024: 3–4]. Отмеченные «углеродные цели» являются одновременно и целями построения «прекрасного Китая» — создания модернизированной и экологичной державы. По итогам первого полугодия 2025 г. Китай уже заявил о фактическом достижении первой «углеродной цели» к 2030 г. — мощность возобновляемых источников энергии (ВИЭ) составила 2200 гигаватт (ГВт).

Одновременно Пекин поставил более амбициозную цель к 2035 г. — увеличить «общую установленную мощность ветровой и солнечной генерации Китая в шесть раз с 2020 г. до 3600 ГВт»[1]. Упомянутые китайские «углеродные цели» стоит рассматривать как международно-политические средства Пекина по демонстрации экологических достижений Китая перед развитыми странами. В рамках «углеродной цели» до 2035 г. Китай планирует существенно обогнать Францию и Великобританию[2].

За последнее десятилетие доля чистых источников энергии в общей структуре энергопотребления Китая выросла до 19,7 %, а угля — сократилась до 53,2 %[3]. Китайские эксперты прогнозируют, что Китай достигнет поставленных целей до 2035 г. [Lyu 2024: 14; Lyu 2025], однако ряд российских экспертов придерживаются сдержанной реакции по вопросу реализуемости заявленных Пекином задач по зеленой повестке развития Китая [Pyatachkova, Potashev, Smirnova 2022], а также успешности государственной политики в отношении развития зеленой энергетики [Chen 2025].

Китайская политика в области энергоперехода определяется положениями стратегии Си Цзиньпина по реформе производства и потребления энергии (2016–2030)[4], а также Белой книги Госсовета КНР «Энергетическая трансформация в Китае» (2022)[5]. Ряд китайских экспертов характеризуют стратегию как основу ре-

[1] Си Цзиньпин выступил с видеообращением на Конференции ООН по вопросам изменения климата // Сайт МИД КНР (На кит.). 25.09.2025. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/202509/t20250925_11716488.shtml (дата обращения: 23.10.2025).

[2] Китай продвигает интегрированное развитие угольной энергетики и новых источников энергии. Синьхуа Новости. 08.11.2025. URL: https://russian.news.cn/20251108/f119a08b1b5d49ffb23b68951f98f7d5/c.html (дата обращения: 03.11.2025).

[3] «Изумрудные воды и зеленые горы для прекрасного Китая и мира: китайские инновации в строительстве экологической цивилизации и их значение для мира» // Исследовательский центр агентства «Синьхуа» (На кит.). URL: http://www.news.cn/politics/20250810/b061916cdbf240488f604800699cc59a/c.html (дата обращения: 03.11.2025).

[4] Стратегия по реформе производства и потребления энергии (2016–2030) // Государственный комитет по делам реформ и развития КНР, Государственное управление по делам энергетики КНР (На кит.). 29.12.2016. URL: https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/tz/201704/W020190905516411660681.pdf (дата обращения: 03.11.2025).

[5] Белая книга Госсовета КНР «Энергетический переход Китая». Опубликовано пресс-службой Госсовета КНР. Август 2024 (На кит.). URL: https://www.nea.gov.cn/2024-08/29/c_1310785406.htm (дата обращения: 03.11.2025).

формы энергетической системы Китая [Zhao, Kong, Li, Ma, Ni 2021], а другие отмечают, что масштабы ВИЭ-генерации начали расширяться с 13-й пятилетки (2016–2020) [Chen, Dong, Liang 2020: 5494; Khovavko, Zhou 2024; Dyomina, Mazitova 2024].

Общие положения официальных документов интегрированы в общую стратегию Си Цзиньпина «Четыре реформы и одно сотрудничество» (2014), которая предусматривает проведение:

1) реформы энергетического рынка, направленной на реструктуризацию крупных государственных энергетических предприятий, либерализацию цен, повышение энергоэффективности, а также создание благоприятной конкурентной среды для привлечения инвестиций в развитие энергетического сектора;

2) реформы в сфере защиты окружающей среды, направленной на снижение зависимости от ископаемого топлива, развитие ВИЭ, включая ветровую, солнечную и гидроэнергетику, а также на стимулирование сокращения углеродных и других загрязняющих выбросов в атмосферу;

3) реформы в области технологий и инноваций, направленной на стимулирование инвестиций в разработку новых технологий для производства, передачи и потребления энергии, а также внедрение «умных» энергетических сетей;

4) реформы в сфере энергетической безопасности, направленной на диверсификацию источников энергии, снижение зависимости от импорта нефти и газа, а также на повышение устойчивости энергетической системы к сбоям и внешним угрозам (шокам);

5) мероприятий по развитию международного энергетического сотрудничества («одно сотрудничество»), направленного на укрепление партнерства с другими странами в области энергетической безопасности путем реализации совместных проектов по добыче и транспортировке энергоносителей.

В Белой книге Госсовета КНР 2022 г. подведены результаты реализации стратегии «Четыре реформы и одно сотрудничество», а также дано подтверждение плана дальнейшей реализации «зеленого низкоуглеродного» пути развития, которая позиционируется как новая модель экономического развития Китая или как продолжение «мирного» развития. Под «мирным развитием» понимается современная внешнеэкономическая доктрина Китая бесконфликтного экономического подъема, который предполагает усиление китайской мощи с опорой на внутренние возможности страны, а не ради «колониального обогащения».

Обзорное исследование зеленой повестки Китая в контексте последних четырех пятилеток показывает, что энергопереход китайской экономики в современном его понимании является следствием поэтапного концептуального наполнения блока по энергетике в каждой пятилетке [Dyomina, Mazitova 2024]. Китайские эксперты отмечают, что в 2006–2015 гг. ускорилось развитие ВИЭ-генерации как отдельной отрасли энергосистемы [Chen, Dong, Liang 2020: 5494]. Ряд экспертов сообщают даже о произошедшей с 2000 по 2020 г. реструктуризации энергетического сектора Китая [Khovavko, Zhou 2024].

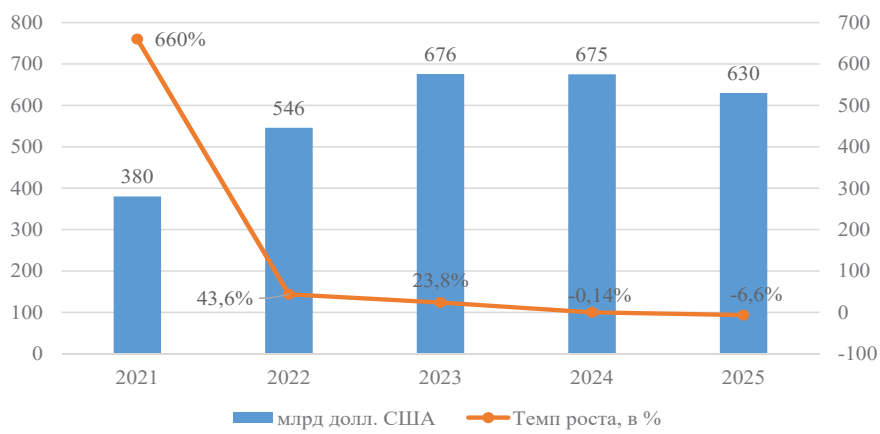
Таким образом, в Китае сложилась современная нормативно-правовая база по развитию ВИЭ-генерации, позволившая КНР быть на передовой по достижению «углеродных целей».

Эколого-климатические приоритеты внешней политики Китая и развитие чистой энергии

С приходом в 2012 г. к власти Си Цзиньпина эколого-климатические приоритеты во внешнеполитическом курсе Китая продолжают играть важную роль в международной политике и глобальном самопозиционировании Китая в качестве «ответственной державы». Китай звинтересован играть более весомую роль в формирующейся системе глобального климатического управления. Достижения в области выполнения «углеродных целей» и беспрецедентные масштабы введения мощностей ВИЭ-генерации Китай стремится использовать как внешнеполитические средства для демонстрации прав на лидерство в глобальном климатическом управлении.

Этим обусловлено то, что Китай резко увеличивает объемы инвестиций в развитии ВИЭ-генерации от 50 млрд долл. США в 2020 г. до 380 млрд долл. США в 2021 г. (+660 %). Пик увеличения объемов инвестиций в развитие ВИЭ-генерации был достигнут в 2023 г., составив 676 млрд долл. США. В 2024–2025 гг. наблюдается тенденция на постепенное снижение объемов (рис.). По итогам 2025 г. общий объем инвестиций в развитие ВИЭ-генерации в Китае составил 630 млрд долл. США или 29 % от общемировых объемов[6].

При этом важно подчеркнуть, что энергопереход Китая происходит на фоне замедления темпов роста национальной экономики, официально обозначенного как переход к «новой нормальности»[7]. В этих условиях ускорение энергоперехода в Китае становится финансово крайне затратной задачей [Makeev, Salitskii, Semenova 2022]:

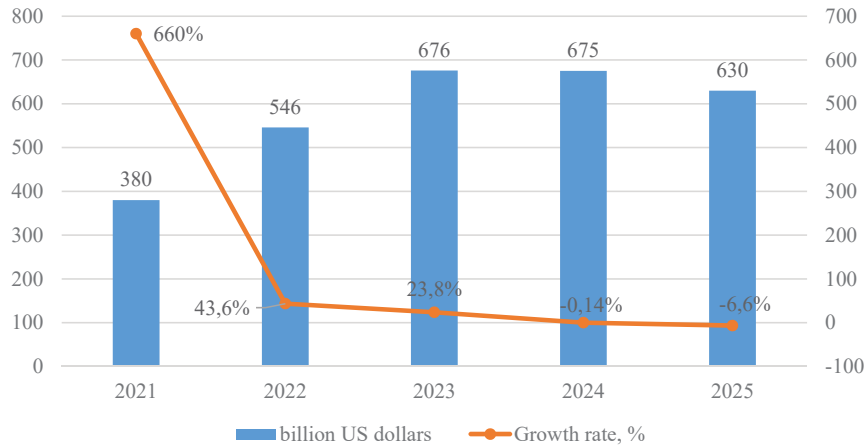

Динамика показателей объемов инвестиций в сферу ВИЭ Китая

Источник: составлено Н.А. Николаевым, И.В. Вахрушиным. Данные агентства «Синьхуа».

[6] 董梓童, 中国领跑全球清洁能源投资//《中国能源报》 [Дун Цзицзи, «Китай лидирует по глобальным показателям инвестиций в ВИЭ-генерацию» // Журнал «Вестник энергетика Китая»]. 01.12.2025. URL: http://paper.people.com.cn/zgnyb/pc/content/202512/01/content_30118169.html (дата обращения: 02.12.2025).

[7] 《中国经济新常态》// 人民出版社. 2015. URL: https://theory.people.com.cn/GB/68294/392798/ (дата обращения: 02.12.2025).

Dynamics of investment volumes in China's renewable energy sector

Source: compiled by N.A. Nikolaev, I.V. Vakhrushin. Data by Xinhua Agency.

В этой связи Китай стремится нарастить импорт природного газа и СПГ с последующим обеспечением диверсификации источников поставок. Китайское понимание энергетической безопасности построена с фокусом на обеспечение безопасности энергоснабжения и достижения энергетической независимости [Borovsky 2024: 18–19]. По китайским прогнозам, к 2035–2040 гг. спрос на природный газ внутри КНР вырастет от текущих 400 млрд куб. м до 600–650 млрд куб. м [Xu, Wang 2019: 121].

Китай остается мировым лидером по вводу мощностей в атомной энергетике. За последние десять лет установленная мощность по атомной энергетике приблизилась к 60 ГВт[8]. По российских прогнозам, к 2035 г. установленная мощность всех китайских атомных электростанций (АЭС) составит 160 ГВт.

С 2021 г. Россия совместно с Китаем сотрудничает по реализации проектов по строительству АЭС «Тяньвань» на берегу Желтого моря в провинции Цзянсу и АЭС «Сюйдапу» на острове в провинции Ляонин с опорой на современные российские реакторы ВВЭР-1000[9].

В последние годы Китай продолжает активно развивать гидроэнергию. В марте 2021 г. Китай объявил о планах реализации проекта строительства гидроэлектростанции (ГЭС) в нижнем течении реки Ярлунг Цангпо рядом с г. Ньингчи в Тибете, включив его в 14-ю пятилетку (2021–2025)[10]. Общая стоимость строительства ГЭС составляет 1,2 трлн юаней (167 млрд долл. США)

[8] *Сечин И.И.* Мощность атомной генерации Китая за 10 лет выросла в пять раз и достигла 60 ГВт // Атомная энергия 2.0. 25.11.2025. URL: https://www.atomic-energy.ru/statements/2025/11/25/161348 (дата обращения: 02.12.2025).

[9] Запуск строительства новых энергоблоков на Тяньваньской атомной электростанции и АЭС «Сюйдапу». Сайт Президента России. 19.05.2021. URL: http://www.kremlin.ru/catalog/persons/351/events/65606/photos (дата обращения: 11.09.2025).

[10] 14-й пятилетний план социально-экономического развития с перспективными целями до 2035 г. Госсовет КНР. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения: 02.12.2025).

с учетом переселения 1,4 млн местных жителей в Тибете. В рамках реализации проекта строительства ГЭС запланировано создание и развитие объектов солнечной и ветровой энергетики в прилегающих районах.

19 июля 2025 г. состоялась торжественная церемония запуска строительства новой ГЭС с участием премьера Госсовета КНР Ли Цяна. Вице-премьер Госсовета КНР Чжан Гоцин объявил, что оператором строительства и эксплуатации ГЭС является новая компания China Yajiang Group Corp. Ltd. Решение о создании компании принято на уровне Госсовета КНР и, по словам Чжан Гоцина, «с участием председателя КНР Си Цзиньпина из-за ее стратегической значимости для Китая». Компания вошла в перечень из 99 центральных госпредприятий КНР, а функции регулирующего органа переданы Комитету Госсовета КНР по контролю и управлению государственным имуществом[11]. Основными целями реализации проекта строительства новой ГЭС объявлены экспорт электроэнергии за рубеж; удовлетворение нужд энергопотребления Тибета; обеспечение вклада в достижение Китаем углеродной нейтральности и сокращение выбросов углерода; развитие машиностроения, логистики и торговых услуг в прилегающих к ГЭС районах; создание новых рабочих мест для жителей Тибета

Учитывая, что установленная мощность новой ГЭС будет составлять 60 млн кВт·ч (производство электроэнергии в год 300 млрд кВт·ч), это станет значительным вкладом в обеспечение китайского энергоперехода. Китай попрежнему остается лидером по совокупной мощности ГЭС в мире. Мощность новой ГЭС в три раза превышает крупнейшую в мире китайскую ГЭС «Санься» (мощность: 22,5 млн кВт·ч, 88,2 млрд кВт·ч в год), расположенную на реке Янцзы в провинции Хубэй (табл.). ГЭС будет включать пять каскадных плотин, хотя в 2014 г. сообщалось о планах построить шесть плотин.

Сравнение мощностей крупнейших в мире ГЭС

№	Наименование	Страна	Мощность, ГВт
1.	ГЭС на реке Ярлунг-Цангпо (строится)	КНР	60
2.	ГЭС «Санься» («Три ущелья»)	КНР	22,5
3.	ГЭС «Байхэтань»	КНР	16
4.	ГЭС «Итайпу»	Бразилия, Парагвай	14
5.	Все ГЭС Российской Федерации		52,8

Источник: составлено Н.А. Николаевым и И.В. Вахрушиным.

[11] Официальное сообщение № 1 2025 Комитета Госсовета КНР по контролю и управлению государственным имуществом о создании компании China Yajiang Group Corp. Ltd. // Сайт Госсовета КНР. 19.07.2025. URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202507/content_7032812.htm (дата обращения: 02.12.2025).

Comparison of the capacities of the world's largest hydroelectric power plants

№	Name	Country	Capacity, GW
1.	The Yarlung Tsangpo megadam (In process)	PRC	60
2.	The Three Gorges Dam	PRC	22.5
3.	The Baihetan Dam	PRC	16
4.	The Itaipu Dam	Brazil, Paraguay	14
5.	All of hydroelectric power plants of Russian Federation		52.8

Source: compiled by N.A. Nikolaev, I.V. Vakhrushin.

Вопрос распределения водных ресурсов «общей» между Китаем и Индией реки Ярлунг-Цангпо (Брахмапутра в Индии) при эксплуатации ГЭС (или 1/3 гидроэнергетического потенциала реки) может спровоцировать новое обострение в восточном секторе индийско-китайских спорных территорий. Так, в 2020–2022 гг. споры о принадлежности восточного сектора переросли в пограничные бои между индийскими и китайскими военными в районе Таванг штата Аруначал-Прадеш. В середине декабря 2022 г. в секторе Таванг индийского штата Аруначал-Прадеш произошли боестолкновения с применением тяжелой артиллерии, танков и авиации.

В августе 2023 г. в официальных картах Министерства экологии и природных ресурсов КНР северная часть штата Аруначал-Прадеш была обозначена как китайская территория — «южная часть Тибетского автономного района Китая», а 11 населенных пунктов Индии были переименованы на китайские названия. Индия выступила с решительным протестом. В свою очередь пресс-секретарь Белого дома Карин Жан-Пьер заявила, что США давно признали эту территорию как индийскую и, соответственно, выступают против любых попыток переименования населенных пунктов для продвижения своих территориальных претензий, включая попытки Китая переименовать населенные пункты в приграничном индийском штате Аруначал-Прадеш[12].

Продвижение энергоперехода как одна из задач развития международного энергетического сотрудничества Китая

Китайский энергопереход тесно переплетен с зеленой повесткой внешней политики КНР и так называемый климатической дипломатией Си Цзиньпина, которые базируются на положениях концепции «изумрудных вод и зеленых

[12] Press Briefing by Press Secretary Karine Jean-Pierre. White House Archive. April 04, 2023. URL: https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/press-briefings/2023/04/04/press-briefing-by-press-secretary-karine-jean-pierre-23/ (accessed: 02.12.2025).

гор — это горы золота и серебра». «Углеродные цели» Китая тесно синхронизированы с задачами Китая по реализации инициативы «Пояса и пути», Целями устойчивого развития ООН на период до 2030 г., а также «Сообщества общей судьбы человечества», открывая новые возможности развития межрегионального и межцивилизационного сотрудничества[13]. В этой связи важно подчеркнуть, что успехи КНР в продвижении энергоперехода китайской экономики являются важным элементом в самопозиционировании Китая как «ответственной державы».

Следовательно, продвижение энергоперехода в рамках внешней политики КНР представлено, прежде всего, в качестве основы самопозиционирования Китая как «ответственной державы»; климатической дипломатии Си Цзиньпина; экспорта оборудования солнечной и ветряной генерации; диверсификация импорта природного газа и СПГ.

4-й Пленум Центрального комитета Компартии Китая 20-го созыва (ЦК КПК) постановил ускорить развитие энергетического сотрудничества в период «критически важных для КНР пяти лет»[14].

Не менее важным фактором в рамках энергоперехода китайской экономики выступают планы Китая по увеличению объемов импорта природного газа и СПГ из стран ЦАР и Арктики. Китайский бизнес продолжает расширять свое присутствие в формирующемся секторе ВИЭ Узбекистана и Казахстана. Стремление Китая углублять сотрудничество с ЦАР обусловлено отчасти и опасением, что внешнеполитическая линия этих стран перейдет от сотрудничества к конфронтации с учетом активизации региональной политики крупных держав. Другими словами, Китай стремится создать благоприятное или по крайней мере благожелательное окружение с сопредельными странами в Центрально-Азиатском регионе.

Центральноазиатский фактор китайского энергоперехода

Китай продолжает расширять свое присутствие в сфере солнечной и ветряной энергетики в Центральной Азии. Так, в 2019–2026 гг. в ЦАР с участием китайского бизнеса реализованы и реализуются 8 проектов по созданию солнечных и ветряных электростанций с общей установленной мощностью 2243 МВт.

Успешно завершенные или согласованные проекты в сфере ВИЭ, реализованные китайскими компаниями в странах Центральной Азии, включают:

[13] Коалиция за достижение чистого нулевого уровня выбросов // Сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/climatechange/net-zero-coalition (дата обращения: 01.11.2025).

[14] Коммюнике по итогам 4-го Пленума ЦК КПК 20-го созыва // Сайт Правительства КНР (На кит.). 23.10.2025. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202510/content_7045444.htm (дата обращения: 03.11.2025); Си Цзиньпин. Пояснения к «Предложениям ЦК КПК по разработке 15-й пятилетней программы социально-экономического развития» // Сайт Правительства КНР (На кит.). 28.10.2025. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202510/content_7046048.htm (дата обращения: 03.11.2025).

1) в центральной и южной части Казахстана строится Центральноазиатская Казахстанская Шеликская солнечная станция с общей установленной мощностью 40 МВт, в год будет вырабатывать 70,81 млн кВт·ч в год. Ввод в эксплуатацию запланирован на вторую половину 2025 г;

2) в Джизакской области Узбекистана строится солнечная станция с общей установленной мощностью 500 МВт, в год будет вырабатывать 1,1 млрд кВт·ч;

3) в ноябре 2025 г. в Букинском районе Ташкентской области Узбекистана введена в эксплуатацию солнечная станция с установленной мощностью 263 МВт, в год будет вырабатывать 575 млн кВт·ч. В дополнение к этой Букинской солнечной станции Минэнерго Узбекистана и компания China Datang подписали соглашение о строительстве второй солнечной электростанции с инновационной системой хранения энергии[15];

4) Жанатасская ветровая электростанция (расположена рядом с г. Жанатас Жамбылской области Казахстана) — крупнейший реализованный проект ВЭС в Центральной Азии мощностью 100 МВт (40 ветротурбин по 2,5 МВт каждая). Станция, начавшая работу в 2021 г., является совместным проектом китайской корпорации State Power Investment Corporation и казахстанской инвестиционной компании Visor Kazakhstan. Генеральным подрядчиком выступила еще одна китайская компания Sinohydro Corporation Limited. Общий объем инвестиций составил около 150 млн долл. Ежегодная генерация Жанатасской ВЭС в 350 млн кВт·ч обеспечивает электроэнергией около 1 млн местных домохозяйств, что позволило существенно улучшить ситуацию с дефицитом электроэнергии в Южном Казахстане[16];

5) солнечная электростанция мощностью 300 МВт в Сауранском районе Туркестанской области Казахстана. Соглашение об инвестициях было подписано с китайской компанией China Energy Engineering Group в сентябре 2025 г. Объем инвестиций составит около 320 млн долл. Строительство запланировано на 2025–2026 гг. Проект направлен на повышение уровня энергетической безопасности южных регионов Казахстана и дальнейшее развитие в стране «зеленой» генерации[17];

6) солнечная электростанция мощностью 1000 МВт в г. Алатау Алматинской области Казахстана. Меморандум о сотрудничестве по реализации масштабного энергетического проекта был подписан в июне 2025 г. между акиматом Алматинской области РК и китайской компанией TBEA Company Limited. Помимо сооружения СЭС проект также включает строительство

[15] Узбекистан и China Datang расширяют сотрудничество в сфере возобновляемой энергетики // Телеграм-канал Минэнерго Узбекистана. 12.11.2025. URL: https://t.me/minenergy_uz/18175 (дата обращения: 13.11.2025).

[16] Крупнейший в Центральной Азии проект по строительству ветроэлектростанции близится к успешному завершению. 14.06.2021. URL: https://russian.news.cn/2021-06/14/c_1310007462.htm (дата обращения: 13.11.2025).

[17] Казахстан и Energy China заключили соглашение о строительстве солнечной электростанции на 300 МВт. 04.09.2025. URL: https://profit.kz/news/71499/Kazahstan-i-Energy-China-zakluchili-soglashenie-o-stroitelstve-solnechnoj-elektrostancii-na-300-MVt/ (дата обращения: 13.11.2025).

завода по производству трансформаторов и угольной ТЭЦ мощностью 1320 МВт. Общий объем инвестиций оценивается в 3,7 млрд долл.[18];

7) солнечная электростанция мощностью 40 МВт в Карагандинской области Казахстана. Запущена в апреле 2019 г. Годовой объем выработки электроэнергии составляет 58,6 млн кВт·ч. Проект общей стоимостью 46 млн долл. реализован китайской компанией Risen Energy Co., Ltd. частично за счет собственных средств, а также с привлечением долгосрочного кредита от Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) в объеме 22 млн долл., Фонда чистых технологий (Clean Technology Fund, структура Всемирного банка) — 4,9 млн евро, Зеленого климатического фонда (Green Climate Fund, создан в рамках конвенции ООН) — 4,2 млн долл.[19];

8) солнечная электростанция мощностью 400 МВт в г. Балыкчы Иссык-Кульской области Кыргызской Республики. Инвестиционное соглашение о строительстве СЭС было подписано с китайской компанией MOLIN Energy Company Limited в сентябре 2024 г. Объем инвестиций в проект составляет 400 млн долл. Генподрядчиком строительства выступает Китайская национальная ядерная корпорация (CNNC). В соответствии с соглашением финансирование проекта в полном объеме осуществляется китайской стороной, в то время как кыргызская сторона обеспечивает всю инфраструктурную составляющую строительства, а также логистическое и таможенное сопровождение проекта. Работы по сооружению СЭС начались в апреле 2025 г. Ожидаемый срок завершения проекта — до конца 2026 г.[20]

Также растут объемы экспорта оборудования в Узбекистан и Казахстан для ветряных и солнечных электростанций. Так, за январь–июнь 2025 г. через автомобильный пункт пропуска Хоргос прошли 515 транспортных средств с оборудованием для ВИЭ-генерации[21].

Китайская национальная ядерная корпорация (CNNC) будет строить второй и третий АЭС в Казахстане (н/д о мощности)[22], которые станут первыми проектами Китая за рубежом. Параллельно Росатом будет строить первый АЭС со стоимостью 14 млрд долл. США. Эксперты отмечают, что конкурентным преимуществом CNNC выступает то, что она остается мировым

[18] Казахстан и Китай подписали 58 коммерческих документов на сумму свыше $24 млрд 16.06.2025. URL: https://invest.gov.kz/ru/media-center/press-releases/kazakhstan-and-china-signed-58-commercial-documents-worth-over-24-billion/ (дата обращения: 13.11.2025).

[19] Китайская Risen Energy ввела в Казахстане СЭС мощностью 40 МВт. 24.04.2019. URL: https://nangs.org/news/renewables/solar/kitayskaya-risen-energy-vvela-v-kazahstane-ses-moshtnostyyu-40-mvt (дата обращения: 13.11.2025).

[20] В Киргизии началось возведение солнечной электростанции мощностью 400 МВт. 12.04.2024. URL: https://tass.ru/ekonomika/20526195 (дата обращения: 13.11.2025).

[21] Китай увеличивает экспорт энергетического оборудования в Центральную Азию // сайт «Диалог ШОС». 08.08.2025. URL: https://scomedia.ru/11540/?amp=1 (дата обращения: 02.11.2025).

[22] Китайская CNNC станет лидером консорциума по строительству еще одной АЭС в Казахстане // Официальный телеграмм-канал Агентства Республики Казахстан по атомной энергии. 14.06.2025. URL: https://t.me/atomagencykz/27 (дата обращения: 02.12.2025).

лидером по вводу АЭС[23]. Такой выбор Казахстана обусловлен заинтересованностью Астаны в завершении строительства трех АЭС в запланированные сроки, соответственно, Росатом и CNNC ждет конкуренция — кто первым введет в эксплуатацию АЭС, то укрепит свою конкурентоспособность на международном рынке.

Китай заинтересован в развитии сотрудничества с Казахстаном и Узбекистаном в области добычи урана. По оценкам китайских экспертов, совокупные ежегодные объемы добычи в Узбекистане и Казахстане до 2045 г. могут составить 22–24 тыс. тонн урана [Mao, Qu, Li, Bao 2018]:

Анализ дискуссий на полях саммита «ЦАР-Китай» и 1-й Региональный энергетический форум *Power of Central Asia-China*, проведенных в середине июня 2025 г. в Астане, показывает, что Казахстан и Узбекистан обеспокоены безальтернативностью китайских инвестиций в развитие солнечной и ветряной энергии. В результате наблюдается противоположная тенденция по созданию единого энергетического рынка сугубо в рамках ЦАР (без России) отчасти в ответ на растущее доминирование китайских инвестиций в сфере ВИЭ. Большинство выступлений спикеров на полях саммита «Центральная Азия — Китай» посвящено темам зеленой повестки, которые можно сгруппировать следующим образом:

1) развитие зеленой экономики, в том числе зеленых облигаций, банков развития, инвестиционных и климатических фондов;

2) обеспечение зеленой безопасности, в том числе создание региональных энергетических альянсов, повышение устойчивости энергосистем, развитие линий постоянного тока и гидроаккумулирующих электростанций (ГАЭС);

3) ускорение декарбонизации и справедливого энергоперехода, включая внедрение технологий социальной устойчивости, принципов ESG, развитие ВИЭ, производство и применение зеленого водорода. Глава Минэнерго Казахстана Е.М. Аккенженов отметил, что интерес китайских партнеров к проектам по ВИЭ продолжает расти, и в этой связи Астана заинтересована в диверсификации сотрудничества путем привлечения потенциальных партнеров из других стран.

В рамках саммита запущен 1-й Международный энергетический коридор Казахстан — Китай, который стоит воспринимать как будущий элемент сети трубопроводной инфраструктуры в КНР. Китайские официальные лица оценивают запуск коридора как весомый вклад Китая в диверсификацию казахстанского энергетического экспорта.

Важно заметить, что процесс институционализации формата «Центральная Азия — Китай», начиная с первого саммита в Сиане в 2023 г., продвинулся еще сильнее [Vakhrushin, Nikolaev 2024]. По итогам 2-го саммита наблюдается тенденция на институционализацию энергетического коридора Центральная Азия–Китай. По инициативе Минэнерго Казахстана программа саммита дополнена организацией 1-го Регионального энергетического форума Power of Central

[23] *Сечин И.И.* Мощность атомной генерации Китая за 10 лет выросла в пять раз и достигла 60 ГВт // Атомная энергия 2.0. 25.11.2025. URL: https://www.atomic-energy.ru/statements/2025/11/25/161348 (дата обращения: 02.12.2025).

Asia — China под лозунгом развития зеленой энергетики. В рамках форума подписано 8 важных соглашений между Казахстаном и Китаем. Основным событием Форума стало создание по инициативе:

1) China Energy Group — Китайско-Центральноазиатского альянса в области энергетики и энергетических инноваций для стимулирования инноваций и сотрудничества в сфере энергетических технологий для устойчивого развития. Цель Альянса — создание международной инновационной платформы для продвижения сотрудничества в области исследований, развития талантов, развития аналитических центров и взаимодействия между университетами и предприятиями;

2) компании «Хуадянь» совместно с Северо-Китайским электроэнергетическим университетом, Синьцзянским университетом и Алматинским университетом энергетики и связи — Китайско-Центральноазиатский инновационный альянс в сфере энергетики и электроэнергетики. Цель Альянса — создать модель целевой подготовки кадров, предоставляя широкие возможности для профессионального роста и развития молодежи Центральной Азии.

Председатель China Energy International Group Co., Ltd Лю Цзэсян заявил, что у Китая в среднесрочной перспективе сохранится устойчивый интерес к развитию импорта природного газа из Узбекистана и Туркменистана. Представитель China Southern Power Чжу Чжэцянь отметил, что 80 % электрогенерирующих мощностей Китая сосредоточены на западе и севере страны, в то время как 70 % потребления энергии приходится на восточные и центральные регионы КНР, соответственно, излишки энергии в западном регионе Китай может экспортировать.

Резюмируя анализ итогов 2-го саммита «Китай — Центральная Азия», важно подчеркнуть, что ВИЭ-генерация динамично развивается в Центральной Азии с преимущественным участием китайских инвестиций — без участия США, стран Евросоюза и России. Интерес Китая к развитию ВИЭ в странах Центральной Азии, в частности в Казахстане, обусловлен стремлением сопрягать развитие солнечной и ветряной энергии в регионе с экосистемой ВИЭ в соседнем Синьцзяне.

Арктический фактор китайского энергоперехода

Что касается арктического фактора энергоперехода в Китае, речь идет прежде всего о российско-китайском сотрудничестве в газовой сфере, которое стало важным фактором дальнейшего укрепления торгово-экономических связей России и Китая [Krotova, Zavyalova, Potapov 2025; Xu, Wang 2019].

За 9 месяцев 2025 г. российский экспорт СПГ в Китай вырос до 1,299 млн тонн. Китайские CNPC и Фонд Шелкового пути совместно владеют 29,9 % доли в российском проекте «Ямал СПГ» с общим объемом инвестиций в 12 млрд долл. США, или 63 % от общего объема инвестиций проекта[24].

[24] Объем производства совместного российско-китайского инвестиционного проекта «Ямал СПГ» увеличится до 4 млн т // Вестник «Китайский бизнес» (На кит.). 2017/12/09. URL: https://www.jiemian.com/article/1804472.html (дата обращения: 06.02.2020).

Китайские *CNPC* и *CNOOC* в совокупности имеют 20 % акций в российском проекте «Арктик СПГ-2».

Ежегодные поставки природного газа из России в Китай по МГП «Сила Сибири-1» поступательно нарастали с 4,1 млрд куб. м в 2020 г. до 31,1 млрд куб. м в 2024 г. С декабря 2024 г. объемы прокачки газа по трубопроводу достигли проектной мощности в 38 млрд куб. м в год. По данным «Газпрома», в первом полугодии 2025 г. поставки выросли на 29 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года[25], а в мае 2025 г. совокупный объем поставок по МГП превысил 100 млрд куб. м. Благодаря выводу «Силы Сибири-1» на полную проектную мощность Россия заняла первое место по объему поставок трубопроводного газа в Китай. Более того, по заявлению руководства «Газпрома», с Китаем достигнуты юридически обязывающие договоренности по увеличению объема поставок до 44 млрд куб. м в 2025 г.[26]

В сентябре 2025 г. Газпром с CNPC подписали меморандум о сотрудничестве, включающем юридически обязывающие договоренности о строительстве МГП «Сила Сибири-2» и транзитного МГП «Союз-Восток» через территорию Монголии[27], предусматривающего поставки природного газа в Китай в объеме 50 млрд куб. м. в год. Однако в обозримом будущем перспективы реализации проекта МГП «Сила Сибири-2» выглядят крайне неопределенными. Ключевой вопрос коммерческой цены поставок газа в ходе переговоров согласован не был. Пекин заинтересован в том, чтобы контрактная цена экспортных поставок в Китай была как можно ближе к цене поставок «Газпрома» для внутренних потребителей в России, что делает абсолютно нерентабельной реализацию проекта для российской стороны.

В конце 2024 г. с новой силой возобновилось американо-китайское противоборство в Арктике — усилилась конкуренция за редкоземельные ресурсы Гренландии и контроль над арктическими морскими путями. Кроме того, США развернули политику балансирования в сфере ледоколов [Nikolaev 2025].

Несмотря на это, в сентябре 2025 г. в Кёнджу на полях саммита АТЭС возобновлены американо-китайские переговоры на высшем уровне по вопросу о возможности экспорта СПГ из Аляски в Китай. Данный вопрос останется предметом сложных американо-китайских переговоров, поскольку Пекин больше заинтересован в этом, чем Вашингтон. Интерес Китая к проекту «Аляска СПГ» обусловлен стремлением диверсифицировать растущую долю российского СПГ и природного газа во внутреннем рынке.

[25] «Газпром» нарастил поставки газа по «Силе Сибири» почти на 29 % в I полугодии. 29.09.2025. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8078292?ysclid=mi9155dzpj699812381 (дата обращения: 02.12.2025).

[26] Миллер: объем поставок газа по «Силе Сибири-1» превысит 38 млрд кубометров. 20 октября 2025 г. URL: https://www.vesti.ru/article/4741487 (дата обращения: 02.12.2025).

[27] Миллер: «Газпром» и CNPC подписали меморандум о строительстве «Силы Сибири-2». 02.09.2025. URL: https://www.rbc.ru/economics/02/09/2025/68b674f19a79473d4e00202a?ysclid=mi93d7af3i586519011 (дата обращения: 27.11.2025).

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, важно подчеркнуть, что значение центральноазиатского и арктического факторов в рамках китайского энергоперехода продолжает возрастать. В контексте китайского энергоперехода центральноазиатский и арктический факторы рассматривать как долгосрочные и стратегические, которые меньше подвержены влиянию «черных лебедей», например появлению внезапных ограничений на морские перевозки энергоносителей из Ближнего Востока. В этой связи политическая стабильность и устойчивость отношений Китая с Россией и со странами ЦАР выступает своеобразной, но важной гарантией обеспечения дальнейшего продвижения китайского энергоперехода с экономией финансовых средств.

С одной стороны, закрепление арктического и центральноазиатского факторов в рамках китайского энергоперехода может усилить позиции России в будущей энергосистеме Китая на долгосрочную перспективу. С другой — безусловно Китай активно предпринимает шаги по диверсификации источников поставок энергоносителей и стимулированию развития ВИЭ-генерации для сокращения доли потребления газа в странах ЦАР в пользу увеличения объемов экспорта. Растущее китайское присутствие в энергосистеме ЦАР создает определенные риски для реализации планов ЕАЭС по созданию единого энергетического рынка, в котором заинтересована и Россия. Развитие ВИЭ-генерации в ЦАР с постепенным замещением угольной — создают определенные риски положению России в энергосистеме региона, особенно в Казахстане. В этой связи России также важно рассмотреть возможность участия в развитии проектов ВИЭ-генерации в Казахстане и Узбекистане, поскольку она в этих странах все еще слабо представлена. Китайские эксперты оценивают создание прочной интегрированного энергетического блока ЕАЭС как стратегического рынка между Евросоюзом и Северо-Восточной Азией.

Вопрос о возможности экспорта СПГ из Аляски в Китай в контексте американо-китайского сотрудничества-противоборства остается не только предметом сложных двусторонних переговоров, но и рисков для российского присутствия на китайском рынке СПГ, а также фактора, который может повлиять на цены российского газа по МГП «Сила Сибири-2».

Поступила в редакцию / Received: 10.12.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 12.03.2026
Принята к публикации / Accepted: 15.05.2026

Библиографический список / References

Borovsky, Yu.V. (2024). The vision of energy security by key power centers (Russia, China, USA, and the EU). *Comparative Politics Russia*, *15*(2), 11–30. https://doi.org/10.46272/2221-3279-2024-2-15-1 EDN: CIKAIV (In Russian).

Chen, F. (2025). China's energy cooperation with foreign countries as a priority of its foreign policy. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, *2*(859), 53–61. (In Russian).

Chen, G., Dong, Y., & Liang, Z. (2020). Analysis and reflection on high-quality development of new energy with Chinese characteristics in energy transition. *Proceedings of the CSEE*, *40*(17), https://doi.org/10.13334/j.0258-8013.pcsee.200984 (In Chinese).

Chen, X. (2020). Russian energy security and Central Asian energy integration: Driving forces, practices and prospects. *Russian, Eastern European and Central Asian Studies*, (5). Retrieved from https://oyyj-oys.ajcass.com/UploadFile/Issue/4hhg015y.pdf (In Chinese).

Dyomina, O.V., & Mazitova, M.G. (2024). Energy transition in China: New opportunities and challenges. *Regionalistica*, *11*(5), 41–58. https://doi.org/10.14530/reg.2024.5.41 (In Russian) EDN: YOYPTC

Khovavko, I.Yu., & Zhou, C. (2024). China's energy strategy: Towards sustainable development. *Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal*, *16*(3), 35–46. https://doi.org/10.38050/2078-3809-2024-16-3-35-46 (In Russian) EDN: VXOSMN

Krotova, T.G., Zavyalova, E.B., & Potapov, M.A. (2025). China's energy development and prospects for Russian-Chinese cooperation in the gas sector. *Economics and Management: Problems, Solutions, 6*(9), 100–110. https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2025.06.09.012 (In Russian) EDN: TFORKU

Lyu, W., et al. (2024). *China energy transformation outlook-2024 executive summary*. Energy Research Institute of Chinese Academy of Macroeconomic Research; Danish Energy Agency. Retrieved from https://usercontent.one/wp/www.cet.energy/wp-content/uploads/2025/11/CET_China-Energy-Transformation-Outlook-2025-Executive-Summary-20251112.pdf?media=1741852733 (In Chinese).

Lyu, W., et al. (2025). *China energy transformation outlook-2025 executive summary.* Energy Research Institute of Chinese Academy of Macroeconomic Research; Danish Energy Agency. Retrieved from https://usercontent.one/wp/www.cet.energy/wp-content/uploads/2025/11/CET_China-Energy-Transformation-Outlook-2025-Executive-Summary-20251112.pdf?media=1741852733 (In Chinese).

Makeev, Y.A., Salitskii, A.I., & Semenova, N.K. (2022). Decarbonization in China: Energy transition and financing challenges. *Vostok (Oriens)*, (1), 89–105. https://doi.org/10.31857/S086919080018335-5 (In Russian) EDN: JBCBRI

Mao, H., Qu, J., Li, Ya., & Bao, S. (2018). Prospects and strategies for cooperation between China and Central Asia in uranium mining within the framework of the Silk Road Economic Belt. *Bulletin of the Chinese Academy of Sciences*, *33*(6), 563–574. https://doi.org/10.16418/j.issn.1000-3045.2018.06.004 (In Chinese).

Nikolaev, N.A. (2024). Preliminary results of the development of the European direction of China's "Polar Silk Road" initiative. *Sovremennaya Evropa*, (3), 196–208. https://doi.org/10.20542/afij2025-2-72-81 (In Russian) EDN: YWPSFO

Nikolaev, N.A. (2025). China's 'Arctic Destiny Community' initiative: Conceptual framework and implementation practice. Analysis and Forecasting. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, (2), 72–81. *IMEMO Journal,* 2025 (2), 72–81. https://doi.org/10.20542/afij-2025-2-72-81 (In Russian) EDN: FBHAUA

Prokhorenko, I.L. (2022). Energy transition narratives in the European Union. *Lomonosov World Politics Journal, 14*(4), 77–97. https://doi.org/10.48015/2076-7404-2022-14-4-77-97 (In Russian) EDN: YIIHUI

Pyatachkova, A.S., Potashev, N.A., & Smirnova, V.A. (2022). *"Green" agenda in Chinese policy: Working notebook No. 64* (E.O. Karpinskaya, K.A. Kuzmina, Yu.Yu. Melnikova, & P.V. Bakulina, Eds.). Russian International Affairs Council (RIAC). (In Russian).

Vakhrushin, I.V., & Nikolaev, N.A. (2024). Risks of institutionalization of the Central Asia–China format for solidarity and political trust in the Shanghai Cooperation Organization. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, *94*(5), 225–234. https://doi.org/10.1134/S1019331625600106 (In Russian) EDN: PJGCLK

Vasilenko, E.P., Sidorovsky, M.O., & Shishigin, S.V. (2024). *China on the path to carbon neutrality (Analytical Note).* Bank of Russia. Retrieved from https://www.cbr.ru/content/document/file/166501/analytic_note_20241018_dfs.pdf (In Russian).

Xu, Q., & Wang, X. (2019). Oil and gas resources in the Russian Arctic and Russian-Chinese cooperation in the oil and gas sector. *Studies of Russia, Eastern Europe and Central Asia*, (4). Retrieved from https://oyyj-oys.ajcass.com/UploadFile/Issue/verrpvuj.pdf (In Chinese).

Zhao, Y., Kong, G., Li, Z., Ma, L., & Ni, W. (2021). Strategic analysis of global energy transition and China's energy revolution. *Strategic Study of CAE, 23*(1), https://doi.org/10.15302/J-SSCAE-2021.01.005 (In Chinese) EDN: HKIKWU

Сведения об авторах:

Николаев Николай Анатольевич — младший научный сотрудник Сектора экономики и политики Китая Центра азиатско-тихоокеанских исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (e-mail: nikolaev.na@imemo.ru) (ORCID: 0000-0001-8624-7829, SPIN-код: 6341-7543, AuthorID: 717670).

Вахрушин Иван Владимирович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Сектора экономики и политики Китая Центра азиатско-тихоокеанских исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (e-mail: vakhrushin@imemo.ru) (ORCID: 0000-0002-6750-4620, SPIN-код: 1385-0395, AuthorID: 744998, Scopus ID 58705942600).

About the authors:

Nikolay A. Nikolaev — Junior Research Fellow, China Economics and Policy Sector, Center for Asia-Pacific Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (e-mail: nikolaev.na@imemo.ru) (ORCID: 0000-0001-8624-7829, SPIN-code: 6341-7543, AuthorID: 717670).

Ivan V. Vakhrushin — PhD (Econ.), Senior Research Fellow, China Economics and Policy Sector, Center for Asia-Pacific Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (e-mail: vakhrushin@imemo.ru) (ORCID: 0000-0002-6750-4620, SPIN-code: 1385-0395, AuthorID: 744998, Scopus ID 58705942600).

RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 3 536–552**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-3-536-552
EDN: NRAYXZ

Научная статья / Research article

Энергетический переход в стратегии экологической трансформации Бразилии

Л.Б. Николаева

Институт Латинской Америки Российской академии наук, *Москва, Российская Федерация*
✉ nlb2008@yandex.ru

Аннотация. С возвращением на президентский пост Луиса Инасиу Лулы да Силвы (2003–2011; 2023 — н.в.) вопросы экологии вышли в число приоритетов национальной политики Бразилии. В стране разработан «План экологической трансформации», ключевым элементом которого стал энергетический переход. У Бразилии уже сегодня один из самых чистых энергетических балансов в мире. Тем не менее латиноамериканский гигант предпринимает шаги по ускорению перехода к низкоуглеродной экономике: формирует политику, направленную на структурные реформы в энергетическом секторе для снижения зависимости от ископаемого топлива, увеличения доли возобновляемых источников энергии, обеспечения энергоэффективности. Богатейшие ресурсы Бразилии в сфере гидроэнергетики, ветра, солнца и биомассы позволяют рассматривать ее в качестве потенциального лидера зеленой энергетики. Придерживаясь этого стратегического курса, правительство все же вынуждено сохранять и даже наращивать объемы добычи углеводородов. Цель исследования — выявить особенности энергетического перехода как важного направления экологической трансформации, продвигаемой администрацией Лулы да Силвы. Проведен анализ программ развития и решения правительства и рассмотрены ключевые изменения, происходящие в бразильском энергетическом секторе, основные направления государственной политики в сфере возобновляемых источников энергии, дана оценка неоднозначной реакции и неочевидных результатов принимаемых решений. Объяснена логика расширения нефтедобычи при одновременно декларируемой зеленой повестке и отмечено, что фактором успеха реализации плана по энергетическому переходу станет комплексный подход, сочетающий интересы экономического развития, защиту экосистем, социальную интеграцию и технологические возможности.

Ключевые слова: устойчивое развитие, изменение климата, чистая энергия, возобновляемые источники энергии, декарбонизация, топливо будущего, биотопливо, зеленый водород, нефть, противоречия энергетического перехода

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Николаева Л.Б., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Для цитирования: *Николаева Л.Б.* Энергетический переход в стратегии экологической трансформации Бразилии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 3. С. 536–552. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-536-552 EDN: NRAYXZ

Energy Transition in Brazil's Ecological Transformation Strategy

Liudmila B. Nikolaeva

Institute for Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russian Federation*

✉ nlb2008@yandex.ru

Abstract. With the return to the presidency of Luiz Inácio Lula da Silva (2003–2011; 2023 — present), environmental issues have once again become one of the priorities of Brazil's national policy. The country has developed the "Brazil's Ecological Transition Plan", the cornerstone element of which is the energy transition. Brazil already has one of the cleanest energy balances in the world. Nevertheless, the Latin American giant is taking additional measures to accelerate the transition to a low-carbon economy: it is shaping policies aimed at structural reforms in the energy sector to reduce dependence on fossil fuels, increase the share of renewable energy sources, and promote energy efficiency. Brazil's abundant resources in the fields of hydropower, wind, solar and biomass allow it to be considered as a potential leader in green energy. While adhering to this strategic course, the government is nevertheless forced to maintain and even increase the volume of hydrocarbon production. The purpose of this article is to offer an analysis of the energy transition as an important area of environmental transformation promoted by the Government of Lula da Silva. Based on scientific research, development programs and government decisions, the author suggests considering the key changes taking place in the Brazilian energy sector, the main directions of government policy in the field of renewable energy, and analyzing the mixed reactions and non-obvious results of the decisions taken. The article presents the main arguments that make it possible to understand the logic of expanding oil production while simultaneously declaring a "green" agenda, and notes that an integrated approach combining the interests of economic development, ecosystem protection, social integration and technological opportunities will be crucial for success of the energy transition plan.

Keywords: sustainable development, climate change, clean energy, renewable energy, decarbonization, fuel of the future, biofuels, green hydrogen, oil, contradictions of the energy transition

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Nikolaeva, L.B. (2026). Energy transition in Brazil's ecological transformation strategy. *RUDN Journal of Political Science, 28*(3), 536–552. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-536-552 EDN: NRAYXZ

Введение

Возвращение в президентское кресло Л.И. Лула да Силвы (Лулы) в 2023 г. стало началом нового этапа в экологической стратегии Бразилии. В отличие от своего предшественника Ж. Болсонару (2019–2022 гг.), при котором вопросы

сдерживания климатических изменений и сохранения лесов Амазонии практически игнорировались, новое правительство стремится выстроить комплексную зеленую повестку, а сам президент еще в своих предвыборных речах связывал социально-экономическое благополучие с экологической устойчивостью.

Одним из важнейших направлений в обеспечении этой устойчивости стал так называемый энергетический переход. Эта идея, которая с начала нынешнего века заняла заметное место в научной литературе, мировой политике и практике, до сих пор вызывает много споров. Немалую роль в дискуссии по этому вопросу сыграла книга Д. Ергина «Новая карта мира: энергетические ресурсы, меняющийся климат и столкновение наций», в которой он пишет, что «нет консенсуса ни по вопросу о скорости осуществления поворота, ни о том, как он будет выглядеть через 20 или 30 лет, ни о том, во сколько он обойдется, ни о том, как он будет достигнут» [Ергин 2021: 357]. Несмотря на отсутствие в научной литературе четких критериев, считается, что мир переживает третий энергетический переход — перестройку энергетической системы через снижение ее зависимости от ископаемых топлив (угля, нефти и природного газа) за счет опережающего развития возобновляемых источников энергии (ВИЭ), прежде всего солнечной и ветровой. Формально отправной точкой энергетического перехода можно считать Парижское соглашение по климату, подписанное в 2015 г. Именно тогда все страны признали необходимость курса на достижение углеродной нейтральности за счет сокращения выбросов парниковых газов и сохранения лесов.

В Бразилии энергетический переход стал одним из ключевых направлений «Плана экологической трансформации»[1], объявленного Лулой в сентябре 2023 г. и представленного мировой общественности в декабре того же года на 28-й Конференции ООН по изменению климата (COP28) в Дубае. Политика энергетического перехода, которая находится в постоянном совершенствовании, остается важнейшим условием выполнения обязательств Бразилии по декарбонизации и сокращению выбросов. Переход от нефти и газа к «чистым» источникам энергии рассматривается не только как экологическая необходимость, но и экономическая возможность. Как отмечают бразильские исследователи В. Грасси и Г. Броеринг [Grassi 2024: 2192], помимо выгод экологических, энергетический переход дает ряд экономических и социальных преимуществ. Среди них можно выделить создание в низкоуглеродной экономике новых долгосрочных и более устойчивых рабочих мест. Снижение зависимости от ископаемого топлива повышает энергетическую безопасность, тем самым защищая страны от кризисов и колебаний мировых цен на нефть и газ. Энергетический переход дает возможность сократить социальное неравенство, поскольку облегчает доступ к более чистым и доступным источникам энергии для уязвимых сообществ. Одно

[1] Ecological Transformation Plan. Inclusive and sustainable development to tackle climate change. URL: https://www.gov.br/fazenda/pt-br/acesso-a-informacao/acoes-e-programas/transformacao-ecologica/english-version/documents/pte-19-10-2023-ecological-transformation-plan.pdf (accessed: 21.04.2024).

из наиболее очевидных последствий энергоперехода — повышение качества жизни. Все это делает его одним из основ устойчивого развития.

Актуальность темы энергетического перехода в Бразилии обусловлена несколькими факторами. Страна обладает уникальными природными условиями для диверсификации энергетических источников, масштабного задействования ВИЭ. Современный энергобаланс страны уже отличается их высокой долей. При этом, в отличие от многих стран, основной источник выбросов парниковых газов в Бразилии — это не энергетический и промышленный секторы, а землепользование и лесное хозяйство. Развитие зеленой энергетики способствует сохранению Амазонии — крупнейшего в мире тропического леса, играющего ключевую роль в мировом углеродном балансе. Имея весьма диверсифицированную энергетическую матрицу и высокий потенциал развития чистых источников энергии, Бразилия продолжает инвестировать в нефтегазовый сектор, за что подвергается критике и определенному давлению. Для ведения такой политики у нее есть свои весомые аргументы. В условиях непростой геополитической обстановки в мире и внутреннего противостояния страна ищет баланс между экономической выгодой, экологической целесообразностью и социальными интересами.

Различные аспекты зеленого развития Бразилии, включая проблемы низкоуглеродной энергетики, давно привлекают внимание исследователей. Затрагиваются вопросы «энергетической диверсификации» в бразильском контексте [Lampis 2022], институционального обеспечения энергетического перехода [Lazaro 2022], политики по расширению использования ВИЭ [Werner 2023] и др. Одним из наиболее всесторонних исследований, посвященных энергетическому переходу в Бразилии, стала книга серии «Энергетическая [R] эволюция», подготовленная в 2016 г. *Greenpeace*[2] при участии Немецкого аэрокосмического центра (*German Aerospace Center*) и подразделения Федерального университета Рио-де-Жанейро (*COPPE*) [Rodrigues 2016].

Более предметные темы нашли отражение в работах международных организаций: например, свои оценки перспективам развития ветрогенерации в Бразилии дают эксперты Всемирного банка[3]; зависимости экономики от изменения климата, прежде всего сельского хозяйства и гидроэнергетики — эксперты МВФ [International Monetary Fund 2024]. Акцент на «справедливый и устойчивый» энергопереход делают эксперты Банка развития для Латинской Америки и Карибского региона (*Banco de Desarrollo de América Latina y el Caribe — CAF*) [Ghazarian 2024].

В российских научных изданиях освещались темы государственных приоритетов в области низкоуглеродного развития Бразилии [Ершов 2024; Попова 2023], периодизации ее энергетической политики [Мастепанов 2021] и некоторые другие.

[2] Организация признана нежелательной в Российской Федерации.

[3] World Bank 2024. Scenarios for Offshore Wind Development in Brazil. 364 p.

Цель исследования — выявление ключевых направлений и особенностей энергетического перехода как важнейшей составляющей новой стратегии экологической трансформации Бразилии. Автор поднимает вопросы изменения энергетического баланса, анализирует основные инициативы правительства, принимаемые для продвижения энергетического перехода, а также приводит их неоднозначные оценки и возможные последствия, показывает место страны в глобальном энергетическом переходе. В работе использован метод контент-анализ официальных выступлений представителей государственных структур, планов и отчетов профильных министерств, нефтегазовых компаний, международных организаций и других документов и обзоров, посвященных вопросам энергетики в контексте «зеленого» развития. Сравнительный и структурный анализ позволили установить особенности трансформации энергетической политики. Системный подход обеспечил учет взаимозависимостей между экологической, экономической и социально-политической сферами.

Будущее уже сегодня

Пока на международных площадках рассуждают о необходимости перехода на ВИЭ и принимаются резолюции о безальтернативности глобального энергетического перехода, Бразилия весьма уверенно идет по пути декарбонизации энергетического сектора.

Наращивая объемы добычи нефти после открытия глубоководных месторождений в подсолевой зоне *(pré-sal)* (2007 г.), правительство осознавало важность перехода к более зеленой энергетике, снижения негативного влияния на окружающую среду. В результате за последние 5–10 лет энергетическая политика страны претерпела существенные изменения.

За эти годы латиноамериканский гигант смог создать одну из самых диверсифицированных энергетических матриц в регионе и мире. В 2024 г. в общем энергоснабжении на гидроэнергетику и ВИЭ приходилось более 49 % (11,4 и 37,9 % соответственно и в том числе 33,4 % — на биотопливо), на атомную — 2 %, уголь — 4,5 %, газ — 8,6, и 35,6 % — на нефть[4]. Несмотря на широкое использование в транспортном секторе этанола и биодизеля (в некоторых штатах, например Сан-Паулу, Минас-Жерайс, Гояс, где на этанол приходится около 40 % розничных продаж топлива для легковых автомобилей), в целом по стране автопарк активно использует бензин и дизель нефтяного происхождения.

В производстве электроэнергии картина заметно отличается: почти 87 % электроэнергии в 2024 г. было произведено из возобновляемых источников. Несмотря на растущую долю солнечной и ветровой генерации, гидроэнергетика по-прежнему играет ведущую роль, покрывая около 56 % от общего объема, но тренд на снижение ее доли за счет ввода новых ВИЭ-мощностей

[4] IEA 2025. Brazil. URL: https://www.iea.org/countries/brazil/energy-mix (accessed: 11.10.2025).

продолжается. Значительный вклад вносит также биоэнергетика (ок. 8 %), а ветровая генерация превышает 14 % и солнечная — 9 %[5].

Согласно оценкам Национального агентства по электроэнергетике (*ANEEL*), 2023–2025 гг. были рекордными по вводу мощность электростанций, работающих на ВИЭ, а также малой гидроэнергетики. По данным *Agência Brasil*, только с января по март 2025 г. было установлено более 147 тыс. новых фотоэлектрических систем, которые обеспечили энергией свыше 228 тыс. домов в 11 штатах[6]. Ветроэнергетика, которая в последние годы демонстрировала стремительный рост, в 2024 г. заметно сбавила обороты, столкнувшись с избытком предложения, усугубляемым относительно высокими затратами. Ее восстановление ожидается в 2027 г. в силу ускоренного роста энергопотребления, чему будут способствовать более высокие темпы экономического роста и новые драйверы спроса, такие как центры обработки данных и производство зеленого водорода.

Благодаря программе *Proálcool*, запущенной еще в 1975 г., были сделаны значительные инвестиции в биоэнергетику, особенно в сферу производства этанола из сахарного тростника. С началом выпуска автомобилей на гибридном топливе *(Flexible-fuel*) в 2003 г. роль этого вида биотоплива заметно возросла. Сегодня практически каждый легковой автомобиль, производимый в Бразилии, оборудован двигателем с «гибким» топливом. В 2020-х гг. промышленность страны начала разрабатывать гибридные электрические двигатели. В то же время столь значимая роль этанола (как, впрочем, и нефти) может замедлить внедрение электромобилей.

Бразилия также активно развивала производство биодизеля из других источников сырья, например сои, пальмового масла. Правительственные программы стимулировали включение биодизеля в общий «топливный микс» — топливные смеси, в которых дизтопливо может быть частично заменено биокомпонентами. В 2024 г. производство биодизеля здесь достигло исторического максимума в 9 млрд литров[7].

Благодаря диверсификации источников в период 2014–2024 гг. эмиссия углекислого газа от энергетического сектора сокращалась в среднем на 1,4 % в год[8]. Как отметил президент, страна уже является мировым лидером глобальной зеленой энергетики. «Люди уважают нас, потому что мы можем сказать: 80 % нашей электроэнергии и 51 % энергетической матрицы вырабатывается из возобновляемых источников, и мы можем достичь 100 %. Кто бы мог подумать 30 лет

[5] IEA 2025. Brazil. URL: https://www.iea.org/countries/brazil/energy-mix (accessed: 11.10.2025).

[6] Brazil accelerates its green shift with clean energy gaining momentum across the country. 30.04.2025. URL: https://www.gnpw.com.br/en/solar-energy/brazil-accelerates-its-green-shift-with-clean-energy-gaining-momentum-across-the-country/ (accessed: 27.10.2025).

[7] El Programa Nacional de Biodiésel cumple 20 años promoviendo la transición energética en consonancia con la Ley de Combustibles del Futuro. 15.01.2025. URL: https://www.gov.br/secom/es/ultimas-noticias/2025/01/el-programa-nacional-de-biodiesel-cumple-20-anos-promoviendo-la-transicion-energetica-en-consonancia-con-la-ley-de-combustibles-del-futuro (accessed: 07.09.2025).

[8] IEA 2025. Brazil. URL: https://www.iea.org/countries/brazil/emissions (accessed: 11.10.2025).

назад, что мы совершим энергетический переход, что у нас будут ветряные, солнечные электростанции и „зеленое“ биодизельное топливо?»[9].

Бразилия несколько раз меняла свои климатические цели в Планах добровольного сокращения выбросов (*Nationally Determined Contribution, NDC*) (2016, 2020, 2022, 2023), которые представляют все страны в соответствии с Парижским соглашением по климату. В ноябре 2024 г. правительство анонсировало новую цель — сократить выбросы парниковых газов на 59–67 % по сравнению с уровнем 2005 г. — и сохранило верность долгосрочной цели по достижению углеродной нейтральности к 2050 г.[10] Пересмотренный план ставит перед Бразилией более амбициозные задачи, чем планы многих развитых государств.

Несмотря на положительную динамику показателей по внедрению ВИЭ, их быстрый рост выявил серьезные проблемы, особенно в сфере инфраструктуры для передачи электроэнергии: инвестиции в линии электропередачи не поспевают за расширением мощностей, что может ограничить их интеграцию в национальную систему. Другой проблемой остается стабильность выработки электроэнергии, поскольку в силу зависимости от погодных условий и климатических факторов выработка энергии из возобновляемых источников может заметно снижаться. Так, многолетние засухи (2020, 2021, 2024 гг.) и колебания режима осадков в бассейне Амазонки и других крупных реках приводили к падению выработки ГЭС. Это вынуждало включать в работу резервные тепловые станции и даже импортировать электричество из соседних стран (Уругвая и Аргентины). Переход на более дорогостоящую генерацию на газе и мазуте сопровождался ростом тарифов на электроэнергию.

Такая зависимость от климатических качелей выявляет уязвимость энергетической системы и подталкивает к необходимости дальнейшей диверсификации источников, инвестирования в технологии хранения и управления энергией, организации долгосрочного планирования развития этой отрасли.

Энергетический переход: новые инициативы

Новая администрация Лулы да Силвы поставила перед собой задачу переосмысления экологической и климатической политики. Разработано много различных инициатив, направленных на корректировку курса энергетической трансформации, зачастую, однако, дублирующих друг друга.

[9] President Lula launches National Energy Transition Policy, expected to bring BRL 2 trillion in investment. 27.08.2024. URL: https://www.gov.br/planalto/en/latest-news/2024/08/president-launches-national-energy-transition-policy-expected-to-bring-brl-2-trillion-in-investment (accessed: 07.03.2025).

[10] Brazil submits its new NDC — in alignment with the Paris Agreement — to the UN. PRESS RELEASE NO. 547. Nov 13, 2024. URL: https://www.gov.br/secom/en/latest-news/2024/11/brazil-submits-its-new-ndc-2014-in-alignment-with-the-paris-agreement-2014-to-the-un (accessed: 07.12.2024).

Спустя примерно год после объявления «Плана экологической трансформации», где важнейшим направлением был энергетический переход, в августе 2024 г. Национальный совет по энергетической политике *(CNPE)* учредил Национальную политику энергетического перехода (*Política Nacional de Transición Energética (PNTE))*, Национальный план энергетического перехода (*Plan Nacional de Transición Energética — PLANTE*) и Национальный форум энергетического перехода (*Foro Nacional de Transición Energética).* В документах, регламентирующих данные инициативы, *энергетический переход* понимается как «процесс трансформации инфраструктуры, производства и потребления энергии различными секторами с целью содействия достижению нулевого уровня чистых выбросов парниковых газов»[11]. Министр горнодобывающей промышленности и энергетики Алешандре Силвейра, который также возглавляет *CNPE*, заявил, что энергетический переход может привлечь 2 трлн реалов (361 млрд долл.) инвестиций в течение следующего десятилетия и создать до 3 млн рабочих мест[12]. «Бразилия собирается возглавить мир в новой „зеленой“ экономике. Ветряные, солнечные, гидро- и атомные электростанции, биомасса, биодизель, этанол, „зеленое“ дизельное топливо, системы улавливания и хранения углерода, экологичное авиационное топливо, „зеленый“ водород… Это возрождение бразильской промышленности на устойчивой основе. Такой подход приводит к повышению ценности бразильской продукции, произведенной с использованием чистой, возобновляемой энергии, дает возможность увеличить использование местного сырья», — подчеркнул министр[13].

В начале 2024 г. правительство обнародовало Новую промышленную политику Бразилии (*Nova Industria Brasil*), которая включала такие направления, как биоэкономика, декарбонизация, энергетический переход и безопасность, и предполагала увеличение до 50 % доли биотоплива в транспортной энергетической матрице. Она предусматривала формирование «более зеленой промышленности» с использованием Нового климатического фонда (*Novo Fundo Clima*), рыночных инструментов и Фонда критически важных минералов (*Fundo de Minerais Críticos).*

Задача *PNTE* — координация энергетического перехода в синергии с другими государственными инициативами — Национальной политикой в области изменения климата (*Política Nacional de Mudança do Clima*) и Планом экологической трансформации (*Plano de Transformação Ecológica*). А *PLANTE* согласуется

[11] Portal Gov.br. DIÁRIO OFICIAL DA UNIÃO. Resolução nº 5, de 26 de agosto de 2024, do Conselho Nacional de Política Energética — CNPE. Aprovo. Em 27 de agosto de 2024. URL: https://www.gov.br/mme/pt-br/assuntos/conselhos-e-comites/cnpe/resolucoes-do-cnpe/2024/RESOL5IN.PDF (accessed: 11.12.2024).

[12] Brazil unveils $361bn energy transition plan to boost green economy over decade. *Victor Alves*. 29.08.2024. URL: https://energycentral.com/news/brazil-unveils-361bn-energy-transition-plan-boost-green-economy-over-decade (accessed: 09.02.2025).

[13] President Lula launches National Energy Transition Policy, expected to bring BRL 2 trillion in investment. 27.08.2024. URL: https://www.gov.br/planalto/en/latest-news/2024/08/president-launches-national-energy-transition-policy-expected-to-bring-brl-2-trillion-in-investment (accessed: 07.03.2025).

с принятыми ранее Климатическим планом (*Climate Plan*) и Пактом об экологической трансформации (*Pact for Ecological Transformation)* между тремя ветвями власти, который, по оценке президента, «создает новую основу для развития страны, в которой экологическая устойчивость, экономическое развитие, социальная и климатическая справедливость являются ключевыми элементами государственной политики»[14].

Еще одним важным шагом в создании условий, способствующих энергетическому переходу, стало подписание в декабре 2024 г. Закона № 15.042 об учреждении системы торговли квотами на выбросы ПГ (*Sistema Brasileño de Comercio de Emisiones de Gases de Efecto Invernadero SBCE*), что фактически означало правовое закрепление формирующегося национального регулируемого углеродного рынка.

В соответствии с принятыми документами и согласно объявленной стратегии экологической трансформации энергетический переход предполагает существенные изменения по нескольким направлениям.

В октябре 2024 г. был принят закон «Топливо будущего» (*Lei do Combustível do Futuro* № 14.993/24). Речь шла в первую очередь о производстве устойчивого авиационного топлива (Национальная программа устойчивого авиационного топлива — *Programa Nacional de Combustível Sustentável de Aviação (ProBioQAV*)), биодизельного топлива (Национальная программа по производству зеленого дизельного топлива — *Programa Nacional de Diesel Verde (PNDV)*), биометана (Национальная программа по декарбонизации производителей и импортеров природного газа и стимулированию биометана — *Programa Nacional de Descarbonização do Produtor e Importador de Gás Natural e de Incentivo ao Biometano)*, установлении четких правилах улавливания и хранения углерода *(Carbon capture, use, and storage, CCUS)*, об изменении минимальных и максимальных пределов содержания этанола и бензина в смешанном топливе, изменении требований к содержанию биодизельной смеси в дизельном топливе. Также речь шла об интеграции с инициативами и мерами, принятыми в рамках Национальной политики в области биотоплива *(Política Nacional de Biocombustíveis (RenovaBio)*, Программы «зелёной» мобильности и инноваций *(Programa Mover),* программы маркировки транспортных средств (*Programa Brasileiro de Etiquetagem Veicular (PBEV)*, и Программы контроля выбросов транспортных средств *(Programa de Controle de Emissões Veiculares, Proconve)).*

Программа энергетического перехода предусматривает не только развитие традиционных ВИЭ, но и поддержку новых низкоуглеродных технологий, к числу которых относится зеленый водород. В стране разработан национальный план по использованию зеленого водорода *(Plano Nacional para Hidrogênio*)

[14] President Lula signs Pact for Ecological Transformation between Three Branches of Government. 23.08.2024. URL: https://www.gov.br/planalto/en/latest-news/2024/08/president-lula-signs-pact-for-ecological-transformation-between-three-branches-of-government?set_language=en (accessed: 09.12.2024).

и реализуются проекты по адаптации портовой инфраструктуры для его перевозки и хранения. Государственные и частные компании формируют стратегические альянсы с иностранными инвесторами и научными центрами в области НИОКР для ускоренного выхода на рынок водородных технологий. Законопроекты о зеленом водороде и оффшорной ветроэнергетике уже одобрены Национальным конгрессом в качестве важнейших направлений энергетического перехода.

Для подключения удаленных районов Амазонии и снабжения их чистой электроэнергией запущена программа *Amazon Energies.* В целом учет социальной составляющей, решение задачи преодоления «энергетической бедности» — отличительная черта новых инициатив. В качестве примера также можно привести Программу низкоуглеродного сельского хозяйства *(Plano de Adaptação e Baixa Emissão de Carbono na Agricultura — ABC+)*, которая включает финансовую и технологическую поддержку мелких фермеров, занятых в производстве биоэнергии из сельскохозяйственных отходов. Правительство поддерживает программы электрификации всех регионов (программа *Luz para Todos*), но сталкивается с проблемой финансирования и обеспечения инфраструктурой таких обширных территорий. Вопросы энергетической безопасности и доступности становятся особенно актуальными для наиболее уязвимых групп населения. Тарифы на электроэнергию порой оказываются слишком высокими для малобюджетных домохозяйств, и государству приходится субсидировать их, что создает дополнительное давление на бюджет.

Следует отметить, что высокий уровень социального неравенства и большие различия между развитыми юго-восточными штатами и менее развитыми северными и северо-восточными регионами обуславливают различные подходы к энергетической политике. Многие штаты Бразилии (Сан-Паулу, Баия, Сеара, Риу-Гранди-ду-Сул и др.) запускают собственные программы поддержки ВИЭ и снижения выбросов. Создаются региональные инновационные кластеры, специализирующиеся, например, на ветроэнергетике (Сеара) или биотопливе (Сан-Паулу).

Парадоксы энергетического перехода

Энергетический переход сопряжен с решением множества проблем. В научных кругах не утихают споры о соотношении пользы и побочных негативных последствий для окружающей среды при переходе на альтернативные источники энергии. Это касается и утилизации отработанных солнечных панелей, литиевых аккумуляторов от электромобилей, и шумового эффекта от ветряных станций, и высоких затраты минерально-сырьевых ресурсов и т.д. Затрагиваются и вопросы этики при организации землепользования. Насколько оправдано задействование площадей для выращивания сырья для производства топлива, а не продовольствия? Связано ли это производство с вырубкой лесов?

Для Бразилии эти вопросы остаются актуальными, несмотря на то, что благодаря двадцатилетней Национальной программе производства

и использованию биодизельного топлива *(Programa Nacional de Produção e Uso do Biodiesel, PNPB)* страна произвела 77 млрд л биодизеля, что позволило избежать выбросов 240 млн т CO_2 и позволило сэкономить около 38 млрд долл. США на импорте дизтоплива[15]. И сегодня Бразилия старается увеличить производство биотоплива за счет повышения урожайности культур, выращивания их на деградировавших территориях или территориях, которые были вырублены в прошлом. Всё производство биотоплива в Бразилии, осуществляемое в соответствии с политикой *RenovaBio*, проходит независимую оценку и сертифицируется как не связанное с вырубкой лесов и другими издержками.

Мировой энергетический переход приводит к значительному росту спроса на металлы и минералы, которые лежат в основе низкоуглеродных технологий, производства аккумуляторов, да и собственно ветряных турбин и солнечных панелей. Однако предложение некоторых из этих сырьевых материалов в мире ограниченно. Бразилия же располагает важнейшими видами сырья, необходимого для производства многих экологически чистых энергетических технологий.

Активно развивая чистую энергетику, латиноамериканский гигант намерен превратиться в ведущего экспортера топлива в мире. Страна планирует увеличить добычу нефти и газа более чем на 20 % к 2030 г., что выведет ее с седьмого на четвертое место в рейтинге мировых производителей нефти. Согласно прогнозам, объем поставок бразильской нефти к 2026 г. вырастет на 1,2 млн барр./сут и достигнет 4,1 млн, а к 2030 г. — 5,2 млн барр./сут. [Bois von Kursk 2025: 1].

Эти планы поставили под сомнение выполнение климатических целей, установленных в *NDC*, и дали повод для оценки принимаемых правительством Лулы решений как противоречивых. Масла в огонь подлили и заявления о вступлении, а с января 2025 г. и само присоединение к ОПЕК+ (пока без участия в скоординированных ограничениях добычи), проекты государственной *Petrobras* открыть дочерние компании в Китае, крупнейшем потребителе бразильской нефти, и Саудовской Аравии. Также в планах *Petrobras* наращивание добычи природного газа в качестве «переходного ископаемого топлива» из-за его относительно низких выбросов, и инвестиции в 7,9 млрд долл. США в новые разведочные нефтяные скважины к 2029 г., что значительно больше по сравнению с предыдущими планами[16]. Вместе с тем, в соответствии с новыми ориентирами, в начале 2023 г. руководство нефтяной компании создало секретариат по энергетическому переходу и устойчивому развитию. С тех пор ее приоритетом стала работа по достижению минимального уровня выбросов парниковых газов, а интеграция ВИЭ и разработка низкоуглеродных технологий — ключевыми компонентами ее стратегического плана на 2025–2029 гг.

[15] El Programa Nacional de Biodiésel cumple 20 años promoviendo la transición energética en consonancia con la Ley de Combustibles del Futuro. 15.01.2025. URL: https://www.gov.br/secom/es/ultimas-noticias/2025/01/el-programa-nacional-de-biodiesel-cumple-20-anos-promoviendo-la-transicion-energetica-en-consonancia-con-la-ley-de-combustibles-del-futuro (accessed: 29.10.2025).

[16] Petrobras. Strategic Plan 2050. Business Plan Petrobras 2025–2029. P. 36.

Много споров вызвала и Новая программа ускорения роста страны *(Novo Programa de Aceleração do Crescimento, PAC 3).* Она предусматривала общий объем инвестиций в 1,7 трлн реалов (около 338 млрд долл. США), в том числе 540 млрд реалов (около 107,81 млрд долл. США), или почти 32%, — на направление «Энергетический переход и безопасность». Из этой суммы примерно 335 млрд реалов (более 60 % всех инвестиций по этому направлению) планируется потратить на разведку и разработку нефтегазовых месторождений, а также улучшение трубопроводной сети. Еще 75,2 млрд направят на обеспечение расширения производства электроэнергии, включая ГЭС, ВИЭ, атомную энергетику (АЭС Ангра-3). Более 26 млрд реалов заложено на производства топлива с низким содержанием углерода (биотоплива, биометана, организации систем улавливания CO_2 и т. п.)[17].

Основными аргументами в пользу подобного распределения средств были названы необходимость обеспечения энергетической безопасности и устойчивости энергетической системы на фоне прогнозируемого роста спроса на электроэнергию в стране и сохранение зависимости от ископаемого топлива, по крайней мере в течение следующих 10 лет; потребность в глубокой трансформации энергетической инфраструктуры; содействие низкоуглеродной добыче нефти и газа; перераспределение прибыли, полученной от добычи нефти и газа, на поддержку более «чистых» сегментов энергетической матрицы страны; возможность переноса некоторых технологий из нефтегазового сектора в сферу возобновляемых источников энергии и ряд других [Николаева 2024: 31].

Согласно исследованию *Energy Transition Investment Trends 2024*, Бразилия стала шестой страной в мире и лидером в Латинской Америке, которые больше всего инвестировали в энергетический переход[18]. Приоритетные направления финансирования: возобновляемые источники энергии, электрические транспортные средства, зеленый водород и системы улавливания и хранения углерода.

Очевидно, что страна не может отказаться от использования ископаемого топлива в одночасье, дефициты электроэнергии (из-за изменчивости погоды) и растущий спрос на нее приводят к дисбалансам, которые могут быть компенсированы пока только за счет ископаемого топлива. Такой взвешенной и реалистичной позиции придерживается бразильское правительство.

В силу присущих стране особенностей нарратив энергетического перехода здесь формируется множеством участников. Вне зависимости от убеждений заботы ли о природе или рыночной выгоде, среди них особого сопротивления не наблюдается. Но есть разные точки зрения на то, как этот переход будет осуществляться и насколько справедливыми будут его результаты.

[17] Novo PAC adianta medidas de plano do governo Lula 3 para transição ecológica. 15.08.2023. URL: https://www.cnnbrasil.com.br/economia/novo-pac-adianta-medidas-de-plano-do-governo-lula-3-para-transicao-ecologica/ (accessed: 22.10.2025).

[18] Brasil é líder em investimento na América Latina em transição energética, mostra relatório. 16.02.2024. URL: https://www.gov.br/mme/pt-br/assuntos/noticias/brasil-e-lider-em-investimento-na-america-latina-em-transicao-energetica-mostra-relatorio (accessed: 09.09.2025).

Некоторые расхождения позиций имели место среди участников, обладающих наибольшим уровнем влияния на принятие решений. Так, с самого начала работы правительства вопрос о разведке нефти и газа на шельфе у устья реки Амазонки ставил по разные стороны Министерство окружающей среды *(MMA)* и природоохранные агентства, такие как *Ibama* (автономный орган при *MMA*, отвечающий за выдачу экологических разрешений) и Министерство горнодобывающей промышленности и энергетики *(MME),* организации и компании, связанные с добычей углеводородов. Министр *MME* А. Силвейра открыто поддерживал добычу нефти в Фоз-де-Амазонас[19]. В феврале 2025 г., объявляя о предстоящем вступлении Бразилии в ОПЕК+, он также отметил, что нет противоречия между членством в этой организации и экологическими обязательствами[20]. Иной позиции придерживалась министр окружающей среды Марина Силва. Она высказалась против разведки нефти в упомянутом регионе с оговоркой, что вопрос носит технический, а не политический характер[21]. Президент Лула в своих выступлениях защищал обе позиции: позицию Бразилии как экологического лидера и крупного мирового производителя углеводородов. В 2023 г. он заявил, что «через десять лет Бразилию будут называть Саудовской Аравией „зелёной“ энергетики», подчеркивая при этом, что успехи энергетического перехода во многом зависят от нефтяного богатства[22].

Наиболее решительной позиции придерживается организованное и активное гражданское общество страны, которое выступает за существенные и общинно ориентированные преобразования, активно указывая на риски двойственной позиции.

Представители Министерства иностранных дел, отмечая ранее двусмысленность дискурса, в начале 2025 г. заявили, что нет внутреннего противоречия между этими подходами. Бразилия, имея одну из самых чистых энергетических матриц среди стран Группы двадцати, стремится демонстрировать лидерские позиции, выдвигая прогрессивные инициативы на ключевых международных площадках. Такой баланс между локальными, национальными и международными интересами исторически характеризует автономный характер ее внешней политики.

[19] ClimaInfo. “Silveira provoca Agostinho e sobe o tom em defesa do petróleo na foz do Amazonas”. 20.03.2025. URL: https://climainfo.org.br/2025/03/20/silveiraprovoca-agostinho-e-sobe-o-tom-em-defesa-do-petroleo-na-foz-do-amazonas/ (accessed: 04.10.2025).

[20] Brasil ingresará a la OPEP+. 19.02.2025. URL: https://www.pagina12.com.ar/805158-brasil-ingresara-a-la-opep (accessed: 24.06.2025).

[21] Marina Silva: fue técnica la decisión sobre petróleo en el Amazonas. 23.10.2025. URL: https://agenciabrasil.ebc.com.br/es/meio-ambiente/noticia/2025-10/marina-silva-fue-tecnica-la-decision-sobre-petroleo-en-el-amazonas (accessed: 29.10.2025).

[22] Pronunciamento do presidente Luiz Inácio Lula da Silva durante a mesa-redonda Brasil Arábia Saudita em Riade. 29.11.2023. URL: https://www.gov.br/planalto/pt-br/acompanhe-o-planalto/discursos-e-pronunciamentos/2023/pronunciamento-do-presidente-luiz-inacio-lula-da-silva-durante-mesa-redonda-com-empresarios-na-arabia-saudita (accessed: 08.08.2025).

Заключение

Энергетический переход при Луле да Силве стал одним из ключевых направлений экологической трансформации страны и отражает более широкую тенденцию к глобальной декарбонизации.

Данные свидетельствуют о том, что экологически чистая энергетика здесь уже стала реальностью. Но очевидно, что энергетический переход не может произойти мгновенно: даже при активном развитии ВИЭ в ближайшие десятилетия ископаемое топливо продолжит играть заметную роль в обеспечении промышленности, транспорта и других секторов экономики. При всей справедливости идеи перехода на более экологически чистые источники энергии жизнь показывает более рациональный путь — диверсификации и обеспечения «поля для маневра» в случае климатических катастроф, торговых войн, колебаний мировых цен и прочих факторов. Возможно, по этой причине на конференции по климату (COP30), проходившей в бразильском городе Белене в ноябре 2025 г., ее участники так и не смогли определить, как и в какие сроки будет происходить отказ от использования ископаемого топлива. Несмотря на призывы Лулы к переговорщикам COP30 представить «дорожную карту» глобального энергоперехода, в итоговых документах отсутствовали предписывающие инициативы в области энергетики. Некоторые издания, например *The New York Times,* расценили этот факт как «победу производителей нефти, а не планеты»[23].

Сама же Бразилия не стремится резко отказываться от извлечения прибыли от имеющихся у нее месторождений, предпочитая плавную трансформацию. В ближайшем десятилетии стране всё еще нужна нефть для внутреннего потребления, а доходы от ее экспорта и налогообложения при грамотном перераспределении способны ускорить переход к зеленым технологиям. Тем более что в 2024 г. нефть обошла сою как основной экспортный товар Бразилии. Таким образом, нефтяная отрасль в какой-то мере становится «донором» для новых решений, играет важную роль в финансировании энергетического перехода, передовых технологий, инновационной инфраструктуры, принимая во внимание что затраты на эти нововведения все еще весьма высоки.

Помимо собственного перехода на возобновляемые источники энергии Бразилия могла бы сыграть весомую роль в декарбонизации мира, поставляя биотопливо, критические металлы для энергосберегающих технологий и иные конкурентоспособные решения.

Низкая углеродоемкость энергетического сектора и обширные энергосети этой латиноамериканской страны делают ее весьма привлекательной для технологических компаний, которые хотят расширить свои возможности в области искусственного интеллекта (ИИ), не отказываясь от своих климатических обязательств. Примечательно, что инвестиционный план Бразилии в области ИИ включает в себя ряд положений о создании дополнительной энергетической

[23] Oil Producers, but Maybe Not the Planet, Get a Win as Climate Talks End. The New York Times. 22.11.2025. URL: https://www.nytimes.com/2025/11/22/climate/cop30-climate-summit-ends-belem.html (accessed: 30.11.2025).

инфраструктуры, чтобы удовлетворить растущий спрос отрасли на энергию. *Amazon* и *Microsoft* уже создают центры обработки данных по всей стране и вкладывают миллиарды в бразильскую экономику.

Стратегические инициативы Бразилии соответствуют национальным и международным целям в области климата, отражают приверженность концепции устойчивого развития. В этом смысле *энергетический переход — это не просто замена ископаемого топлива возобновляемыми источниками энергии, а стремление создать устойчивую парадигму, в которой экономический рост, сохранение окружающей среды и социальное равенство гармонично сосуществуют.*

В целом особых разногласий по вопросу, нужен ли энергетический переход или нет, в стране не наблюдается. В государственных структурах находят взаимопонимание. Тем не менее присутствие лобби в сфере транспорта, агропромышленности и нефтяной отрасли может вносить расхождения в их нарративы. Заметную роль в продвижении энергетического перехода играет бразильское гражданское общество. Его активная позиция оказывает влияние на процессы разработки и реализации государственной политики, требуя большей прозрачности в энергетических проектах, сообщая о негативных экологических последствиях, коррупции и нарушениях прав человека, особенно в случае крупных гидроэнергетических комплексов и добычи ископаемого топлива в регионах, таких как Амазония, а также продвигая ВИЭ как путь к декарбонизации. Взаимодействие между государственным сектором и гражданским обществом стало определяющим условием для обеспечения того, чтобы энергетический переход был инклюзивным и учитывал потребности местных сообществ.

Путь к качественной трансформации энергетического сектора сопряжен со множеством вызовов: от устойчивого финансирования и технического обеспечения проектов до социальной справедливости и политической стабильности. Сильная зависимость от нефтегазового сектора и агробизнеса, сложные вопросы землеустройства в регионах Амазонии, а также необходимость интеграции коренных народов в обсуждение реформ — всё это требует комплексного подхода и продуманной государственной политики. Программа Лулы да Силвы задает амбициозный вектор, но для достижения долгосрочных результатов необходимы системная работа всех заинтересованных сторон, прозрачность управленческих процессов и готовность к компромиссам.

Поступила в редакцию / Received: 05.11.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 21.12.2025
Принята к публикации / Accepted: 05.03.2026

Библиографический список

Ергин Д. Новая карта мира: энергетические ресурсы, меняющийся климат и столкновение наций / пер. с англ. Москва : Интеллектуальная литература. 2021.

Ершов Д.Н. Стратегия низкоуглеродного развития и инструменты климатического регулирования в Бразилии // Латинская Америка. 2024. № 7. С. 24–38. http://doi.org/10.31857/S0044748X24070023 EDN: RSAAOI

Мастепанов А., Сумин А. Энергетическая политика Бразилии // Энергетическая политика. № 3 (157)/2021. С. 58–79. https://doi.org/10.46920/2409-5516_2021_3157_58 EDN: WCZZAH

Николаева Л.Б. Новая экологическая политика Бразилии // Латинская Америка. 2024. № 11. С. 25–39. https://doi.org/10.31857/S0044748X24110021 EDN: MBOTGH

Попова И.М. Основные направления и инструменты политики низкоуглеродного развития Бразилии // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 4. С. 34–61. https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-04-02 EDN: ZIUNVL

Bois von Kursk O., Roth Joachim Junqueira Fujii R. et al. Brazil at a Crossroads: Rethinking Petrobras oil and gas expansion. IISD, the World Benchmarking Alliance (WBA) and WWF-Brazil. June 2025. 35 p.

International Monetary Fund (IMF). *Chen Chen, Koralai Kirabaeva, Christina Kolerus, Ian Parry, Nate Vernon.* (2024). Changing Climate in Brazil: Key Vulnerabilities and Opportunities. WP/2024/185. 29 p.

Ghazarian A., Champetier C., Quiroga D., Baqueriza F., Barros N., Souilla et al. Transición Energética Justa / Escenarios Brasil. CAF. 2024. 195 p.

Grassi V., Broering G. (2024) Challenges of the Energy Transition in Brazil: Petrobras' Role in Climate Change and the Implementation of the 2024–2028 Strategic Plan // *Beijing Law Review.* Vol. 15, No. 4. P. 2189–2201. http://doi.org/10.4236/blr.2024.154122 EDN: CEVZXL

Lampis A., Ibañez-Martín M.M., Zabaloy M.F. et al. Energy transition or energy diversification? Critical thoughts from Argentina and Brazil // Energy Policy. Vol. 171. 2022. Article no. 113246. https://doi.org/10.1016/j.enpol.2022.113246 EDN: MZCDCY

Lazaro L.L.B. et al. Energy transition in Brazil: Is there a role for multilevel governance in a centralized energy regime? // Energy Research & Social Science. 2022. Vol. 85, Article no. 102404. https://doi.org/10.1016/j.erss.2021.102404 EDN: DDIYNI

Rodrigues L.A., Baitelo R., Nitta R., Simon S. et al. Energy [R] evolution — For a Brazil with 100 % Clean and Renewable Energy. Greenpeace Brazil. Sao Paulo, Brazil (Book), 2016. 96 p.

Werner D., Lazaro L.L.B. The policy dimension of energy transition: The Brazilian case in promoting renewable energies (2000–2022) // Energy Policy. 2023. Vol. 175. Article no. 113480. https://doi.org/10.1016/j.enpol.2023.113480 EDN: KDKOCF

References

Chen, C., Kirabaeva, K., Kolerus, C., Parry, I., & Vernon, N. (2024). *Changing Climate in Brazil: Key Vulnerabilities and Opportunities* (IMF Working Paper WP/2024/185). International Monetary Fund.

Ergin, D. (2021). *The new map of the world: Energy resources, changing climate and the clash of nations*. Intellektualnaya Literatura. (In Russian).

Ershov, D.N. (2024). Low-carbon development strategy and climate regulation instruments in Brazil. *Latinskaya Amerika*, (7), 24–38. https://doi.org/10.31857/S0044748X24070023 (In Russian).

Ghazarian, A., Champetier, C., Quiroga, D., Baqueriza, F., Barros, N., Souilla, L., …, & CAF. (2024). *Transición Energética Justa / Escenarios Brasil*. CAF, 195 p.

Grassi, V., & Broering, G. (2024). Challenges of the energy transition in Brazil: Petrobras' role in climate change and the implementation of the 2024–2028 strategic plan. *Beijing Law Review, 15*(4), 2189–2201. https://doi.org/10.4236/blr.2024.154122

Lampis, A., Ibañez-Martín, M.M., Zabaloy, M.F., et al. (2022). Energy transition or energy diversification? Critical thoughts from Argentina and Brazil. *Energy Policy, 171*, Article 113246. https://doi.org/10.1016/j.enpol.2022.113246

Lazaro, L.L., B., et al. (2022). Energy transition in Brazil: Is there a role for multilevel governance in a centralized energy regime? *Energy Research & Social, Science, 85*, 102404. https://doi.org/10.1016/j.erss.2021.102404

Masterpanov, A., & Sumin, A. (2021). Brazil's energy policy. *Energy Policy*, (3/157), 58–79. https://doi.org/10.46920/2409-5516_2021_3157_58 (In Russian).

Nikolaeva, L.B. (2024). Brazil's new environmental policy. *Latinskaya Amerika*, (11), 25–39. https://doi.org/10.31857/S0044748X24110021(In Russian).

Popova, I.M. (2023). Key directions and instruments of Brazil's low-carbon development policy. *International Organisations Research Journal*, *18*(4), 34–61. https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-04-02 (In Russian).

Rodrigues, L.A., Baitelo, R., Nitta, R., Simon, S., et al. (2016). *Energy [R] evolution — For a Brazil with 100 % clean and renewable energy.* Greenpeace Brazil.

von, Kursk, O.B., Roth, J., Junqueira, Fujii, R., et al. (2025). *Brazil at a crossroads: Rethinking Petrobras oil and gas expansion*. IISD, World Benchmarking Alliance (WBA), and WWF-Brazil.

Werner, D., & Lazaro, L.L.B. (2023). The policy dimension of energy transition: The Brazilian case in promoting renewable energies (2000–2022). *Energy Policy, 175*, 113480. https://doi.org/10.1016/j.enpol.2023.113480

Сведения об авторе:

Николаева Людмила Борисовна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра экономических исследований, Институт Латинской Америки РАН (e-mail: nlb2008@yandex.ru); (ORCID: 0000-0001-5892-7384, SPIN-код: 3470-3401, AuthorID: 396120).

About the author:

Liudmila B. Nikolaeva — PhD (In Economics), Lead Researcher, Department of Economic Research, Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences (e-mail: nlb2008@yandex.ru) (ORCID: 0000-0001-5892-7384, SPIN-code: 3470-3401, AuthorID: 396120).

RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 3 553–563**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-3-553-563
EDN: NLGUIG

Research article / Научная статья

Indian Federalism in Terms of Energy Transition Policy: Cooperation or Competition Between the Union and the State of Jharkhand

Mansi Parashar

RUDN University, *Moscow, The Russian Federation*
✉ 1042245277@rudn.ru

Abstract. India's energy transition is essential for fulfilling Paris Agreement commitments and achieving sustainable development, necessitating exceptional coordination between the central and state governments. This research paper analyzes Centre-State relations within India's federal system as they pertain to energy transition policies, with a particular focus on the dynamics of cooperation and competition between the central government and the state of Jharkhand. The study highlights the often-overlooked political interactions inherent in federal energy governance. The inclusion of energy on the Concurrent List allows both levels to legislate, frequently resulting in conflicts, especially when political parties in power differ. Jharkhand, which derives approximately 70 % of its revenue from coal, exemplifies the challenges posed by national renewable energy initiatives, making it a critical case for assessing how federal institutions can either facilitate or hinder green transitions in developing countries. This study employs secondary data analysis, utilizing sources such as the Indian Constitution, the Paris Agreement, and reports from the National Institution for Transforming India (NITI Aayog), International Renewable Energy Agency (IRENA), Central Electricity Authority, and relevant state departments. The research adopts a longitudinal approach covering the period from 2016 to 2025, with occasional references to pre-2016 developments. Data analysis involves a comparative evaluation of policy documents, legislative acts, and institutional outputs to identify patterns of cooperation and competition. The study integrates systems theory to conceptualize intergovernmental relations as interdependent systems and applies institutionalism to examine organizational constraints on policymaking. The Marble Cake model of cooperative federalism is used to illustrate mechanisms for coordinating central and state actions. The research offers practical recommendations for addressing biases, promoting nonpartisan, citizen-oriented policies, and enhancing the effectiveness of energy transitions within governmental frameworks. These insights may also inform reforms in other resource-dependent governments and international federations facing similar climate challenges.

Keywords: federalism, energy transition, developing countries, cooperation, policymaking

© Parashar M., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Parashar, M. (2026). Indian federalism in terms of energy transition policy: Cooperation or competition between the union and the state of Jharkhand. *RUDN Journal of Political Science, 28*(3), 553–563. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-553-563 EDN: NLGUIG

Индийский федерализм в контексте политики энергетического перехода: сотрудничество или конкуренция между Союзом и штатом Джаркханд

Манси Парашар

Российский университет дружбы народов, *Москва, Российская Федерация*

✉ 1042245277@rudn.ru

Аннотация. Энергетический переход Индии имеет важное значение для выполнения обязательств Парижского соглашения и достижения устойчивого развития, что требует исключительной координации между центральным и региональными правительствами. Проанализированы отношения между центром и региональными правительствами в рамках федеральной системы Индии в контексте политики энергетического перехода, с особым акцентом на динамику сотрудничества и конкуренции между центральным правительством и штатом Джаркханд. Исследование подчеркивает часто упускаемые из виду политические взаимодействия, присущие федеральному управлению энергетикой. Включение энергетики в список вопросов, находящихся в совместном ведении обоих уровней, позволяет принимать законы обоим уровням, что часто приводит к конфликтам, особенно когда правящие политические партии расходятся во мнениях. Джаркханд, получающий около 70 % своих доходов от угля, является примером проблем, связанных с национальными инициативами в области возобновляемой энергетики, что делает его критически важным примером для оценки того, как федеральные институты могут либо способствовать, либо препятствовать «зеленому переходу» в развивающихся странах. В данном исследовании используется анализ вторичных данных с применением таких источников, как Конституция Индии, Парижское соглашение и отчеты Национального института трансформации Индии (NITI Aayog), Международного агентства по возобновляемым источникам энергии (IRENA), Центрального управления электроэнергетики и соответствующих государственных департаментов. Исследование использует лонгитюдный подход, охватывающий период с 2016 по 2025 г., с периодическими ссылками на события до 2016 г. Анализ данных включает сравнительную оценку политических документов, законодательных актов и институциональных результатов для выявления закономерностей сотрудничества и конкуренции. В исследовании используется системная теория для концептуализации межправительственных отношений как взаимозависимых систем и применяется институционализм для изучения организационных ограничений на разработку политики. Модель кооперативного федерализма «Мраморный пирог» используется для иллюстрации механизмов координации действий центрального и региональных правительств. Исследование предлагает практические рекомендации по устранению предвзятости, продвижению беспристрастной, ориентированной на граждан политики и повышению эффективности энергетических преобразований в рамках государственных структур.

Эти выводы могут также послужить основой для реформ в других ресурсозависимых государствах и международных федерациях, сталкивающихся с аналогичными климатическими проблемами.

Ключевые слова: Федерализм, энергетический переход, развивающиеся страны, сотрудничество, разработка политики

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Parashar M.* Indian federalism in terms of energy transition policy: Cooperation or competition between the union and the state of Jharkhand // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 3. С. 553–563. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-553-563 EDN: NLGUIG

Introduction

While energy transition, climate change, and sustainable development are prominent topics in policy and research, the complexities of policy development for energy transition have received comparatively limited academic attention. The literature on Indian federalism and the energy transition starts from a simple institutional fact. India's climate and energy governance is shaped by a deeply centralized federation where the Union has substantial fiscal and regulatory power, while states carry the principal implementation responsibilities in sectors critical to the outcomes of the transition. The asymmetric importance of energy transition is because it is not only about national targets, but also about negotiation of power-sector reform, renewable deployment, access to land, industrial policy, and social compensation across tiers of government. In that sense, Indian energy transition policy is best understood as a problem of federal governance rather than a purely technical or market problem [Pillai & Dubash 2023].

The correlation between federal structures and environmental governance has been touched by several researchers around the world. The effect of federalism on climate policy has been described as both facilitating and limiting. For instance on one hand Barry G. Rabe in his article "Beyond Kyoto: Climate Change Policy in Multilevel Governance System" comes to conclusion by stating how the states in America have served as the "Laboratories for Democracy" in renewable energy policy [Rabe 2007], while on the other hand Kathryn Harrison in her article "Federalism and Climate Policy Innovation: A Critical Review" draws attention to the obstacles posed by Canadian federalism to coherent national climate action [Harrison 2013].

Coming to the Indian context, few scholars like Rajamani argue that the constitutional provisions have led to tendencies for centralisation regarding environment [Rajamani 2007], whereas others like Kashwan put forward opinions on how the federal institutions provide opportunities to the states to resist central environmental mandates in India [Kashwan 2015].

However, the literature on India's energy transition has been dominated by technical, economic, and climate dimensions with the Federal political dynamic sitting on the outskirts. Therefore, research expressly centred around centre-state

relations in energy transition policy remains limited, let alone the focus on the coal dependent state of Jharkhand and its relations with the centre.

One underexplored challenge is the role of the federal political system. India, often described as the world's largest democracy, presents a complex case due to its federal structure. The country faces the dual imperative of pursuing economic development while fulfilling its ethical responsibility to reduce emissions and transition to a greener economy. This balancing act is particularly challenging for coal-dependent states such as Jharkhand, which rely on coal for economic stability and basic livelihoods.

India's ratification of the Paris Agreement in the year 2016 has resulted in the central government's inclination towards transitioning to cleaner sources of energy, and expected the states to do the same on the state and the local level. The central government had to come this decision after a careful discussion at the cabinet level[1] without giving in to the western pressure for a universal agreement, but instead contributed in building a flexible agreement. Under the updated Nationally Determined Contributions (NDC)[2] submitted to the United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC) for the period of 2021–2030 India communicates the goals to reduce emissions intensity of its GDP by 45 per cent by the year 2030, and to install 50 per cent cumulative electric power capacity from non-fossil fuel based energy resources, in addition to its long term national goal of zero carbon emission by the year 2070.[3] All these goals and commitments create pressure on the states that depend solely on conventional sources of power.

However, the constitutional establishment of India creates a strain between the centre and state when it comes to questions related to energy. The seventh schedule of the Constitution of India,[4] enlists the subjects for making laws and decisions, and divides them into the Union list, State list, and the Concurrent list. The makers of the constitution had put Energy or electricity under the concurrent list, thus providing both centre and the state with lawful rights to make decisions on the subject, therefore

[1] The Cabinet approved ratification on 27 September 2016 and the Agreement was ratified on 2 October 2016. The government had made it clear that India will consider its development agenda, national laws, means of implementation and access to affordable cleaner energy as the context for ratification. That language is important because it shows the decision was not the surrender of sovereignty to the Agreement, but rather joining on the terms of India. It was not just external pressure, as India, too, linked the move to Gandhi Jayanti, projecting moral leadership and development-without-destruction politics. [Cabinet approves ratification of the Paris Agreement. (2016). *Pib.Gov.In.* Retrieved June 17, 2026, from https://www.pib.gov.in/newsite/PrintRelease.aspx?relid=151205&reg=48&lang=2]

[2] NDC (Nationally Determined Contribution) refers to each country's self-defined climate plan under the Paris Agreement, outlining mitigation and adaptation commitments that are revised periodically to reflect greater ambition. [All About the NDCs. (2020). *United Nations*. Retrieved June 17, 2026, from https://www.un.org/en/climatechange/all-about-ndcs]

[3] India's revised NDC, submitted in August 2022, strengthens the country's pledges under the Paris Agreement by increasing its 2030 targets for reduction in emissions intensity and non-fossil electricity capacity, and increases attention on adaptation, cleaner development paths, and climate-related capacity building. [India | UNDP Climate Promise. (2022). Retrieved June 17, 2026, from https://climatepromise.undp.org/what-we-do/where-we-work/india]

[4] The Seventh Schedule of the Constitution of India, under Article 246, sets down the Union, State, and Concurrent Lists that allocate legislative powers between the Centre and the States.

resulting in a situation of conflict in the contemporary times. To achieve coordination amongst the centre and the 28 states and 8 union territories of India is a challenge in the present governance landscape.

While the central government establishes national objectives and policy frameworks, state governments are crucial not only for policy implementation but also for managing the socio-economic impacts of transitioning away from fossil fuels. This research contends that the political and financial dynamics of federalism are central to understanding the trajectory of the green transition in India. The analysis centers on Jharkhand, a state that possesses nearly 30% of the country's coal reserves and derives approximately 70% of its tax revenue from mining, predominantly coal. For Jharkhand, coal is integral to its fiscal health, employment, and broader political economy. Consequently, the national push for renewable energy, though environmentally necessary, presents a significant challenge to the fiscal stability and development model of Jharkhand.

This paper analyzes the relations between the central government of India and the state of Jharkhand between 2016 and 2025, a time defined by the implementation of the Paris Agreement. This period has been defined by recurring political divergences between the Bhartiya Janta Party-led central government and the Jharkhand Mukti Morcha-led state government in Jharkhand, since 2019. Through the perspectives of systems theory and institutionalist theory, the Marble Cake Model of federalism has been used as an analytical tool to examine if the federal institutions in India catalyze cooperation or competition in the country's energy sector. This paper is based on primary sources of data in the form of policies, legislative acts, and institutional publications.

To understand the complex relationship between the central government and the states in India, this paper will apply a multi-theoretical approach that will shed more light on the complications involved in the concept of federalism in the context of the energy transition, with Jharkhand being the critical case study.

Through the systems theory perspective on Indian federalism, the central government and the states will be considered as subsystems within a larger political-administrative system. The actions of a subsystem, such as the mandate for Renewable Purchase Obligations (RPOs) that requires the discoms to procure 25% of the total power from renewables by the end of the financial year 2024–2025, will provide the necessary input that will elicit feedback from the other subsystem, such as Jharkhand Bijli Vitran Nigam Limited's (JBVNL) procurement of only 11.33% from renewables, which led to the imposition of penalty due to the coal revenue crunch [The Commission in its own motion Vs. Jharkhand Bijli Vitran Nigam Limited & Others 2025].[5] The energy transition will be considered a subsystem stressor that will carefully test the flexibility of the Indian federal system, with Jharkhand State being in dire need of $25.6 billion for the clean energy transition due to the negative impacts of the phase-

[5] The Commission in its own motion v. Jharkhand Bijli Vitran Nigam Limited & Ors. is a suo motu proceeding by the Jharkhand State Electricity Regulatory Commission, indicating the regulator's own initiative to examine JBVNL's compliance with regulatory obligations.

down of coal on state royalties. Cooperation will be exemplified when the subsystems adapt to the decarbonization pathway, while competition will be exemplified when the states give priority to the phase-down of coal over the decarbonization pathway.

The Institutionalism theory further clarifies these issues by focusing on the rules that influence political actors. Although the Constitution provides the rules of the game, the rules are further set by institutions such as NITI Aayog and the Finance Commission, which set the operational terrain for Jharkhand in terms of financial transfers and incentives for the power sector. The federated nature of Jharkhand, in terms of the Centre's fiscal powers and the state's control over land, also creates constraints, such as the National Solar Mission, where Jharkhand's institutional capacity was found wanting, with solar capacity at only 0.18 GW despite central funding for the viability gap.[6] The national missions of the Centre are also linked to the state's interests in coal revenues, such as the stalled tenders for hybrid solar-wind schemes under central support.

Leaving the "layer cake" ideal with its separate and distinct layers behind, this book takes a step into the "Marble Cake" ideal, with its blending and mixing of roles and responsibilities. The Centre provides funding and policy directions through schemes such as the RDSS to upgrade smart meters at JBVNL, while the state implements the projects despite DISCOMs facing losses over 30%. However, there are still issues between the Centre and the State over grid management for intermittent energy sources and land management for solar parks in coal belts. For instance, delays in the completion of the 500 MW capacity solar projects are due to tribal land issues and grid infrastructure that the Centre is yet to provide. The ideal is one of perfect cooperation in theory, but reality is different in Jharkhand with its coal and financial dependencies and risks.

Significance of the Case of Jharkhand

There are sharp differences when it comes to making policies for the developed regions and making policies for the underdeveloped regions. Because a number of factors come into play such as the demand for resources, the need to provide energy at affordable prices, retaining the developmental growth alongside the environmental issues [Henderson, Sen 2021]. Jharkhand is one such state in India whose local economy is highly dependent on the conventional sources of power, namely coal. Jharkhand was created in the year 2000 by joining districts majorly from the state of Bihar, and a few districts from West Bengal, Odisha, and Madhya Pradesh. The basis of this creation was the majority of the tribal and the backward castes in this region because they have a specific cultural and social identity. This adds up to the complexity of the situation with governance since the mineral rich state has a huge population of poor tribals [Roy 2000]. This socio-economic complexity not only makes more complex the regional situations but the national priorities as well.

[6] Government of Jharkhand published its Power Policy in 2023, this included description of obstacles about installing renewable energy capacity, and transitioning away from coal.

Jharkhand's economic profile is heavily dependent on coal, and this is a structural weakness at the heart of its political economy. The state's Annual Financial Statements reveal that mining revenues, mostly in the form of coal royalty, District Mineral Foundations, and GST compensation, account for a huge chunk of its own tax revenues. The revenues are used to pay salaries, fund social welfare measures, and construct basic infrastructure, as per the Union of India Budget 2024. But apart from these economic linkages, there is also the reality of millions of jobs being supported by the coal belt. Hence, any reduction in coal demand is bound to affect its budgetary independence as well as its social fabric, making energy transitions a controversial issue in its politics.

This is in sharp contrast to the Centre's renewable drive. The Paris Agreement's aftermath has seen a sharp rise in renewable energy capacity targets in the National Electricity Plan (2022–2032) by the Central Electricity Authority. Coal-fired power generation is expected to plateau in the same time frame according to the plan established by the Ministry of New and Renewable Energy. The Centre's initiatives like the PM-KUSUM Scheme, encouraging solar pumps in agriculture, and its strict Renewable Purchase Obligation norms are compelling states to change their purchasing patterns [PM KUSUM, Ministry of New and Renewable Energy 2024].[7] The Centre's initiative in leading these changes, complemented via initiatives like the International Solar Alliance, positions India as a pioneer in the move to renewable energy globally. But in Jharkhand, this is a reality that sounds hollow, given its economic disconnect with national initiatives.

Cooperation and Competition (2016–2025)

The relationship between the central Indian government and Jharkhand can be seen as an intricate network of cooperation forced by necessity, rivalry for benefits, and historical institutional conflicts. It is an exemplary case of the role of federalism in the pursuit of an energy transition. The areas of cooperation include:

- Programmatic convergence: Jharkhand has committed itself to central programs by developing solar parks and rooftops, availing funding from the Ministry of New and Renewable Energy.[8] Jharkhand's State Action Plan on Climate Change (SAPCC) aligns itself with national climate change targets, showing its pledge to the transition despite the financial costs of diversifying the energy mix.[9]

[7] PM-KUSUM (Pradhan Mantri Kisan Urja Suraksha evam Utthaan Mahabhiyan) is a central government scheme to provide farmers reliable solar-based energy through solar pumps, decentralised solar power plants and solarisation of agricultural feeders, and also support India's broader renewable energy transition.

[8] Annual Report 2022–23 | MINISTRY OF NEW AND RENEWABLE ENERGY | India. Retrieved June 17, 2026 from Retrieved from https://mnre.gov.in/en/annual-reports-2022-23/

[9] Government of Jharkhand, Commissioner, D., Mrs Tiwari, A., Tiwari, Gupta, H.S., Jharkhand Tribal Development Society, S.P. D., Prasad, S., Gupta, D., Sarkar, A. K., Tiwari, A., Khiangte, L., Satpathy, S.K., Nigam, B.C., Jageshwar, S.L. S., Sinha, S., Mishra, Y., Singh, A.K., Sone, K.K., Wadood, A., Singh, V.K.,. . Bawari, D. (2014). *Jharkhand- Action Plan on climate change*. Government of Jharkhand.

• Institutional engagement: The NITI Aayog Governing Council and the Eastern Zonal Council are examples of routine institutional engagement that allows Jharkhand to detail the financial costs of the transition.

• Technical convergence: The central Indian government's Grid-India, under the auspices of POSOCO,[10] ensures interstate infrastructure development that is essential for the assimilation of Jharkhand's intermittent renewable energy into the national grid.

Whereas the spheres of competition and conflict between the union and the state can be summed as follows:

• Fiscal federalism is under strain: The main area of contention is the revenue gap. Jharkhand has requested the Finance Commission for a separate "green transition compensation" fund or higher coal royalty payments to offset the losses from the transition. Instead, the Centre has relied on ad hoc grants.[11]

• Regulatory conflict: The Centre has promoted the privatization of distribution companies and market reforms through the Electricity (Amendment) Bill from 2016 to 2023.[12] Jharkhand has strongly opposed the bill, preferring state-owned utilities for cheaper tariffs and patronage for the ruling party.

• Land and Resource Governance: The Coal Bearing Areas (Acquisition and Development) Act grants the Centre authority over land with rich mineral deposits. Jharkhand has requested higher royalty payments and veto rights due to the state's bearing of the costs of mining, including environmental and social consequences.

• Narrative Divergence: The conflict is not just over the issue of fiscal federalism; the Centre and Jharkhand have differing narratives. On the one hand, the Centre argues that renewable energy is the path to national security. On the other hand, the state's Chief Minister argues that it is not right for the state, which is mineral poor, to be burdened with the costs of climate change lacking significant support from the Centre. The narrative has become more divided since the 2019 elections.

The data indicates a contradictory situation in India's national framework, where the same bodies that drive the move forward also place roadblocks in its path. The situation can be described as a contradiction of a tightly connected system with a number of coordination issues.

Systems Theory Perspective and Institutionalist Insights

From a Systems theory point of view, the drive to move to a new form of energy causes a great deal of stress for India's national framework. The drive for renewable energy at the Central Government level, indicated by tools such as higher Renewable

[10] POSOCO (Power System Operation Corporation Limited) is a Government of India enterprise under the Ministry of Power responsible for the secure, reliable, and integrated operation of India's national power system, including the National Load Despatch Centre and Regional Load Despatch Centres.

[11] *15th Finance Commission Report (English) | Department of Economic Affairs*. (2021). Retrieved June 17, 2026, from http://dea.gov.in/budget-division/15th-finance-commission-report-english

[12] The Electricity (Amendment) Bill, repeatedly introduced and revised between 2016 and 2023, sought to reform India's power sector by improving competition, financial viability, regulatory accountability, and renewable-energy integration, but it also faced sustained political and stakeholder opposition.

Purchase Obligations, has led to a sharp counterattack from Jharkhand, raising issues of revenue and political opposition. The system as a whole appears to be trending towards a new balance, but the absence of a feedback loop such as a Just Transition fund causes the stress to be manifested as a state of conflict instead of a smooth transition. The sub-systems remain tightly connected, with Jharkhand requiring Central Government funds and the Central Government requiring state compliance, but they do not move forward towards a new equilibrium of transition.

Institutionalist analysis shows that our old institutions simply aren't designed to meet the challenge of the road ahead. The Finance Commission rule of devolution prioritizes horizontal equity over climate-specific compensation. This has left coal-dependent states like Jharkhand without a remedy. The GST Council's decision to include coal in the compensation pool has eliminated an important revenue source for the state. NITI Aayog, in its capacity as a collaborative think tank, does not have the coercive funding powers of the old Planning Commission. Together, these policies create a path dependency that is pushing us towards incremental rather than radical change.

Indian energy federalism is like a Marble Cake. The Centre and the States are inextricably linked. However, the marbling is unsettling. This results in friction rather than harmony. The Centre brings the fiscal and policy dough. Jharkhand brings the capacity, the land, and the legitimacy. However, in the absence of a well-defined cost-sharing recipe, the marbling is chunky. This is reflected in ad hoc grants and stalled projects. This marbled reality implies that what is needed is an institutional innovation that can convert the federal complexity into integrative, well-ordered swirls.

The Solution

The case of Jharkhand presents valuable lessons for India and other countries that face the challenges of climate change. In areas where the economy depends on the exploitation of certain resources, such as the case of Jharkhand and its plentiful deposits of coal, the challenges of meeting the country's goals of decarbonization at the local level become apparent. A national transition policy that is one size fits all has the consequence of increasing the equity gap. The policy effects are seen most in the resource-rich but economically weaker states that are made to bear the brunt of the coal transition without the required support [Ordonez et al. 2023]. There is also the consequence of increased political risk, where the transition becomes the focal point for the political battle that ensues, consequently undermining the progress made and the public's confidence in the political system [Busby, Shidore 2021]. To these issues, there is the problem of the implementation gap, where the central targets are lofty but the states that are tasked with the implementation are financially stressed and disconnected from the transition [Bhatia 2023].

To confront these problems, what can be proposed is that the Indian government establish a statutory body such as a "Just Transition Commission". This body would include representation from both the Centre and the states. It would assess the impacts of the transition, recommend customized fiscal packages, and establish a dedicated National Just Transition Fund. This is in line with the International Labour

Organization's recommendations which states that, "Sustainable development is only possible with the active engagement of the world of work".[13]

Furthermore, the Finance Commission should expand its mandate to include consideration of the capacity of the states to adapt to the low-carbon transition in the apportionment of resources between the Centre and the states, as well as between different states, this was also suggested in the 15th Finance Commission Report.[14]

Perhaps just as important is the need to strengthen the cooperative federalism mechanism. This would include elevating the status of NITI Aayog's governing council to that of decision-makers in national missions such as the energy transition, including cost-sharing and timelines [Mothkoor et al. 2024]. Another option is to establish what is known as "Transition Compacts," whereby the Centre would sign compacts with coal-dependent states outlining plans to invest in renewable energy, skills, and infrastructure to diversify the economy [Jordan, Tenzing 2024].

Lastly, it is proposed that the Indian government depoliticize the planning process by empowering bodies such as the Central Electricity Authority (CEA) and NITI Aayog to develop transparent just transition plans that would create a common knowledge base.[15]

Conclusion

The Jharkhand case illustrates the manner in which the changing climate of energy forces the renegotiation of the central-state relationship in India under the pressures of the global climate. It adds to the discussion on the nature of the relationship between the state, the politics of the economy, and what can actually be done. The Indian federal system is based on both teamwork and rivalry, but is skewed towards asymmetry. The Centre practices a form of 'coercive federalism' through funding and policy agendas, while the states, such as Jharkhand, practice the role of veto players that slow down the pace and push back. Economic interests overtake environmental interests in the case of coal, leading to the problem of path dependence that creates conflicts over who bears the costs in the divided political system. Climate change policies are generally a top down process rather than the other way round.

The case thus reveals the limits of state capacity, where national-level targets are threatened by the economic consequences for the entire system and require approaches that take into account the power relations and the 'new institutionalism.' The solution for the successful transition lies in the political strategies that are put into practice.

Received / Поступила в редакцию: 15.06.2026
Revised / Доработана после рецензирования: 19.07.2026
Accepted / Принята к публикации: 15.08.2026

[13] Policy Guidelines for a Just Transition (2015). *International Labor Organisation*. Retrieved June 17, 2026, from https://www.ilo.org/media/185241/download

[14] *15th Finance Commission Report (English) | Department of Economic Affairs*. (2021). Retrieved June 17, 2026, from http://dea.gov.in/budget-division/15th-finance-commission-report-english

[15] Annual Report of Central Electricity Authority of India (2024). Retrieved June 17, 2026, from https://cea.nic.in/wp-content/uploads/general/2024/General_Review_2024_2.pdf

References

Bhatia, P. (2023). India's state-led electricity transition: A review of techno-economic, socio-technical and political perspectives. *Energy Research & Social, Science*, *102*, 103184. https://doi.org/10.1016/j.erss.2023.103184

Busby, J.W., & Shidore, S. (2021). Solar federalism: What explains the variation in solar capacity additions by India's states? *Energy Research & Social, Science*, *71*, 101815. https://doi.org/10.1016/j.erss.2020.101815

Harrison, K. (2013). Federalism and climate policy innovation: A critical reassessment. *Canadian Public Policy / Analyse de Politiques*, *39,* 95–108.

Henderson, J., & Sen, A. (2021). Key issues for the energy transition. In *The Energy Transition: Key challenges for incumbent and new players in the global energy system* (pp. 8–22). Oxford Institute for Energy Studies.

Jordan, J., & Tenzing, J. (2024). *Social foundations of a just coal transition*. Retrieved June 17, 2026, from https://documents1.worldbank.org/curated/en/099120124204540572/pdf/P1760591ef02bb0381a2ce1fa613feb6ce4.pdf

Jörgensen, K., Jogesh, A., & Mishra, A. (2015). Multi-level climate governance and the role of the subnational level. *Journal of Integrative Environmental Sciences*, *12*(4), 235–245, https://doi.org/10.1080/1943815X.2015.1096797

Kashwan, P. (2015). Forest policy, institutions, and REDD+ in India, Tanzania, and Mexico. *Global Environmental Politics*; *15*(3), 95–117. https://doi.org/10.1162/GLEP_a_00313

Mothkoor, V., Jain, A., & Ram, R. (2024). Renewable energy resource adequacy planning to meet RPO by the states in India. *NITI Aayog, Government of India.* Retrieved June 17, 2026, from https://niti.gov.in/sites/default/files/2024-02/Policy%20Paper_Energy_RPO_0.pdf

Ordonez, J.A., Jakob, M., Steckel, J.C., & Ward, H. (2023). India's just energy transition: Political economy challenges across states and regions. *Energy Policy*, *179*, 113621. https://doi.org/10.1016/j.enpol.2023.113621

Pillai, A.V., & Dubash, N.K. (2023). Climate governance and federalism in India. In A. Fenna, S. Jodoin & J. Setzer (Eds.), *Climate Governance and Federalism: A Forum of Federations Comparative Policy Analysis* (pp. 177–197). Cambridge: Cambridge University Press.

Regy, P., Sarwal, R., Stranger, C., Fitzgerald, G., Ningthoujam, J., Gupta, A., & Singh, N. (2021). Turning around the power distribution sector: Learnings and best practices from reforms. *NITI Aayog, RMI, and RMI India*.

Rabe, B.G. (2007). Beyond Kyoto: Climate change policy in multilevel governance systems. *Governance*, *20*(3), 423–444. https://doi.org/10.1111/j.1468-0491.2007.00365.x

Rajamani, L. (2007). The right to environmental protection in India: Many a slip between the cup and the lip? *Review of European Community & International, Environmental Law*, *16*(3), 274–286. https://doi.org/10.1111/j.1467-9388.2007.00573.x

Roy, A.K. (2000). Jharkhand: From separation to liberation. *Economic and Political Weekly*, *35*(41), 3631–3633.

About the author:

Mansi Parashar — postgraduate of the Department of Comparative Politics, RUDN University (e-mail: 1042245277@rudn.ru) (ORCID: 0009-0009-7759-4058).

Сведения об авторе:

Парашар Манси — аспирант кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (e-mail: 1042245277@rudn.ru) (ORCID: 0009-0009-7759-4058).

RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 3 564–576**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

ЗЕЛЕНАЯ ПОЛИТИКА

GREEN POLICIES

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-3-564-576
EDN: MWXFGR

Научная статья / Research article

Климатическая политика ЕС: новое измерение конфликта муниципальных властей и национальных правительств

И.Л. Прохоренко

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), *Москва, Российская Федерация*

✉ irinapr@imemo.ru

Аннотация. В исследовании рассмотрено новое измерение конфликта муниципальных властей и национальных правительств в системе многоуровневого управления в Европейском союзе в рамках климатической политики ЕС. С использованием организационной теории и концепции многоуровневого управления проанализированы локальный опыт климатических инициатив, проблемы организации и финансирования такого рода проектов для мегаполисов и малых городов, взаимодействие центра и муниципалитетов по поводу финансирования и контроля реализации этих проектов. Выявлены общие тенденции и страновые особенности этого многоаспектного политического конфликта, исходя из специфики государственно-территориального устройства, модели межбюджетных отношений, политической культуры и активности граждан конкретной страны. Анализ ключевых запросов местных властей к национальным правительствам и институтам ЕС в целях адаптации территориальных сообществ к изменению климата поставлен в контекст деятельности различных ассоциаций и сетей городов ЕС, с учетом потенциала ЕС софинансировать муниципальные зеленые планы и программы, а также эволюции нарративов энергетического перехода ЕС, обсуждения Многолетнего финансового плана ЕС на 2028–2034 гг. Сделан вывод об углублении территориального неравенства в ЕС по линии мегаполисы — малые города, города — сельские поселения по вопросам адаптации к изменению климата, о переменах на муниципальном партийном ландшафте в связи с возросшим ростом конфликтов местных и центральных властей по поводу изменения климата и климатической политики ЕС.

© Прохоренко И.Л., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Ключевые слова: Европейский союз, климатическая политика ЕС, энергопереход, многоуровневое управление, местное самоуправление, города, мегаполисы, малые города, ассоциации городов ЕС, локальные климатические проекты, муниципальные выборы, зеленые партии ЕС

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Прохоренко И.Л.* Климатическая политика ЕС: новое измерение конфликта муниципальных властей и национальных правительств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 3. С. 564–576. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-564-576 EDN: MWXFGR

EU Climate Policy: New Dimension of Municipal Authorities and National Governments Conflict

Irina L. Prokhorenko

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, *Russian Academy of Sciences (IMEMO RAN), Moscow, Russian Federation*

✉ irinapr@imemo.ru

Abstract. The article examines a new dimension of conflict between municipal authorities and national governments in the system of multi-level governance in the European Union within the framework of EU climate policy. The author uses the organizational theory and the multi-level concept to analyze local experience of climate initiatives, problems of organization and financing of such projects for megacities and small towns, interaction between national and municipal authorities regarding financing and control of implementation of these projects. The general trends and country characteristics of this multidimensional political conflict are revealed, based on the specifics of state-territorial organization, model of inter-budgetary relations, political culture and citizens' activity in a particular country. The analysis of key requests from local authorities to national governments and EU institutions for adaptation of territorial communities to climate change is placed in the context of various EU cities associations and networks activities, taking into account the potential of the EU to co-finance municipal "green" plans and programs, as well as the evolution of narratives of the EU energy transition, discussion of the EU Multiannual Financial Plan for 2028–2034. The conclusion drawn is that territorial disparities within the EU are deepening between megacities and small towns, urban and rural cities on adaptation to climate change, about changes in the municipal party landscape due to the growing conflict between local and national governments over climate change and EU climate policy.

Keywords: European Union, EU climate policy, energy transit, multi-level governance, local government, cities, metropolises, small towns, EU city associations, local climate projects, municipal elections, EU "green" parties

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Prokhorenko, I.L. (2026). EU climate policy: New dimension of municipal authorities and national governments conflict. *RUDN Journal of Political Science, 28*(3), 564–576. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-564-576 EDN: MWXFGR

Введение

Города в современном мире играют важную роль в политическом и экономическом управлении государств, растет их значимость в глобальной экономике и мировой политике [Бардин 2025; Tassilo, Newman 2017] Субъектность городов в системе децентрализованного многоуровневого управления в Европейском союзе давно не ставится под сомнение, особенно с учетом принципа субсидиарности, лежащего в основе деятельности ЕС, когда любой вопрос следует решать сначала на локальном уровне [Hooghe, Marks 2001]. Муниципальные власти имеют возможность прямого и опосредованного диалога с властями ЕС (через Комитет регионов ЕС и офисы регионов государств-членов в Брюсселе, ежегодные встречи мэров столиц государств-членов с представителями Европейской комиссии, ежегодные встречи высокого уровня в рамках Повестки дня ЕС для городов, пр.), лоббирования своих интересов. В большинстве случаев они ответственны за имплементацию общеевропейских решений, климатическая политика и задачи зеленого транзита не являются исключением [Kemmerzell 2022; Kern 2019; Handbook 2023; Hammermeister et al. 2026].

Многоуровневое управление не отрицает конфликтных отношений между различными уровнями территориального управления. В отдельном государстве с его иерархичной властной вертикалью конфликт муниципальных властей и национального правительства проявляет себя главным образом спорами по поводу межбюджетных отношений, распределения административных полномочий, а также партийно-идеологическими разногласиями. Этот конфликт в контексте того или иного направления деятельности Евросоюза лишь отчасти можно объяснить сопротивлением на местах инициативам ЕС. Он касается прямого доступа к фондам ЕС и расширения прямых каналов связи с институтами ЕС в обход национальных правительств, непосредственного участия в разработке и принятии государственных климатических стратегий по реализации целей Союза, защиты наиболее уязвимых групп населения и опять же идейно-политических разногласий. Центральное правительство может использовать финансовые и бюрократические инструменты для давления на оппозиционных мэров (глав муниципальных советов), местные власти транслируют партикуляристские настроения, собственные или более крупных территориальных образований в федеративных, региональных или унитарных государствах с той или иной степенью децентрализации, а отделения ведущих политических партий в регионах и городах вынуждены учитывать настроения местного электората, что в силах грозить размежеваниями и расколами не только партийным элитам, но и всему политическому классу страны [Прохоренко 2014].

Такого рода политико-управленческий конфликт в сфере климатической политики Евросоюза привлекает внимание экспертов и практических политиков в предметном поле изучения многоуровневого управления в ЕС и ответа интеграционного объединения на изменение климата, учитывая, что именно Европейский континент подвергается наиболее масштабным негативным последствиям глобальных климатических изменений — волнам экстремальной жары и засухи, вплоть до обмеления судоходных рек, природным пожарам

и наводнениям, опустыниванию, потере лесов и сокращению биоразнообразия, что ведет к избыточной смертности и наносит ущерб экономике[1]. Впрочем, работ непосредственно по тематике статьи немного [Giacomelli et al. 2025; Kastelein 2024; Haupt et al. 2023; Castán Broto 2017], а сам конфликт фактически не концептуализируется.

Несмотря на общие черты, характерные для всего Евросоюза, очевидны страновые и макрорегиональные особенности такого конфликта в силу территориального разнообразия единой Европы. Если использовать структурно-географические параметры, можно выделить Северную Европу и страны Балтии, Южную, Западную / Центральную (Германия, Франция, Бенилюкс, Ирландия) и Восточную Европу. Контуры подобных макрорегионов, разделяемых по линии Север — Юг и Запад (Центр и Север) — Восток, просматриваются и по результатам социологических опросов Евробарометра — в различиях активности граждан и их отношении к вопросам энергетики и энергосбережения, стабильности поставок углеводородов, охраны окружающей среды, борьбы с изменением климата [Прохоренко 2022].

Для организации исследования и выявления нюансов рассматриваемого конфликта необходима была именно типологизация муниципалитетов. В Европейском союзе их в настоящее время насчитывается почти 86 тыс. [2], среди которых столичные мегаполисы, крупные, средние и малые города. Сельские поселения не выделяются особо, но следует иметь их в виду. Наибольшее число муниципалитетов в Центральной и Южной Европе — во Франции (34 995), в Испании (8133), Германии (10 789), Италии (7904), при этом средняя численность населения в них составляет 1928 жителей во Франции, 5824 — в Испании, 7535 — в Италии и 7715 — в Германии. Представляется наиболее удачной типологизация муниципалитетов по численности населения, с разделением их на городские и сельские, принимая во внимание территориальное неравенство и противоречия между городом и деревней. Автор структурировала статью в соответствии с данной типологизацией для изучения отдельных аспектов рассматриваемого конфликта с учетом мегаполисов, малых городов и сельских поселений.

Ресурсы и амбиции мегаполисов

Статистическая служба Европейского союза не выделяет единых четких критериев отнесения крупных городов к мегаполисам. В различающейся между собой национальной статистике это, как правило, столица и центры регионов и субъектов федерации, крупные города-миллионники, образующие столичный

[1] Европа остается самым быстро нагревающимся континентом: в регионе зафиксированы новые климатические рекорды // Новости ООН, 29.04.2026. URL: https://news.un.org/ru/story/2026/04/1467806 (accessed: 09.08.2026).

[2] Prorok Th., Calzola S. European Local Government Report 2025. Structures, Finances and Functions of Local Governments in the European Union. KDZ — Centre for Public Administration Research. 01.03.2026. URL: https://www.kdz.eu/en/knowledge/studies/european-local-government-report-2025 (accessed: 09.08.2026).

регион, обычно с зоной маятниковой миграции, или функциональный городской центр с населением более 50 тыс. жителей. Такие городские агломерации имеют особую модель финансирования, обладают необходимыми ресурсами, чтобы перестроить инфраструктуру, энергетику и транспорт для достижения полной климатической нейтральности.

Мегаполисам удается в обход национальных правительств получать финансирование ЕС и гранты путем участия в рамочных программах Евросоюза (например, «Горизонт Европа»), получения статуса «пилотных городов» (*EU Mission Cities*) и создания независимых публично-частных консорциумов. Программа *EU Mission Cities* (Миссия ЕС по созданию 100 климатически нейтральных и умных городов уже к 2030 г., до достижения общеевропейского показателя в 2050 г.) разработана Еврокомиссией в рамках программы ЕС по финансированию научных исследований и инноваций на 2021–2027 гг. «Горизонт Европа» и позволяет муниципалитетам напрямую взаимодействовать с ЕС, получать экспертную поддержку и целевое финансирование в обход национальных правительств[3]. Стать участником программы может город с населением более 50 тыс. жителей (для малых стран ЕС порог снижен до 10 тыс.) на основании официальной резолюции муниципального совета или гарантийного письма мэра, аргументации о неизменности климатических обязательств даже в случае неудачи на следующих муниципальных выборах, а также подписав «климатический контракт», включающий стратегический и инвестиционный план, которые были разработаны с участием граждан, местного бизнеса и ученых.

Так, например, Париж получил прямые гранты ЕС для экологической трансформации городской среды в рамках программы «15-минутный город», которая ставит на первое место пешеходную доступность, включая благоустройство и озеленение набережных Сены, ликвидацию тысяч парковочных мест для автомобилей и создание сотен километров новых велодорожек. Столичная мэрия подала заявки на конкурсы программ «Европейская городская инициатива[4]» и «Горизонт Европа», жюри которых оценивает городские проекты не по национальным квотам, а по уровню их инновационности. В свою очередь главный город французского региона Бургундия Дижон создал публично-частную компанию *SEM Énergies*, которая объединила десятки городских экопроектов. Под этот пакет проектов городским властям удалось привлечь финансирование от Европейского инвестиционного банка (ЕИБ), который (со)финансирует проекты, связанные с приоритетными целями ЕС, в первую очередь с климатом и экологической устойчивостью.

[3] EU Mission: Climate-Neutral and Smart Cities. European Commission. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/funding/funding-opportunities/funding-programmes-and-open-calls/horizon-europe/eu-missions-horizon-europe/climate-neutral-and-smart-cities_en#events (accessed: 09.08.2026).

[4] Европейская городская инициатива (*European Urban Initiative, EUI*) — это инструмент политики сплочения ЕС на 2021–2027 гг. Программа помогает городам вне зависимости от численности населения реализовывать задачи устойчивого развития, применять передовые практики городского планирования, тестировать инновационные решения.

Барселона, столица испанского автономного сообщества Каталония, где традиционно сильны сепаратистские настроения, стала участником программы *EU Mission Cities* и подписала с Еврокомиссией так называемый Климатический контракт, а также получила статус «пилотного города» и гранты от финансируемого ЕС консорциума *NetZeroCities* на создание «суперкварталов» — внутригородских территорий с масштабным озеленением, полностью закрытых для автомобилей.

Показательным примером стало в конце 2019 г. обращение мэров столичных Будапешта, Варшавы, Праги и Братиславы, заключивших Пакт свободных городов, к руководству Еврокомиссии с заявлением, что их правительства блокируют распределение средств фондов ЕС на климатические цели по политическим мотивам[5]. В результате для этих городов было открыто финансирование через программу Европейский городской фонд (*European City Facility)* на разработку инвестиционных планов по энергоэффективности.

Агрегированием и лоббированием их интересов на уровне ЕС выступают ассоциации крупных городов сетевого типа, такие как *Eurocities*, *POLIS Network*, *Climate Alliance, Local Alliance*. В рамках обсуждения нового Многолетнего финансового плана ЕС на 2028–2034 гг. выдвигаемые крупными городами требования касаются прежде всего прямого финансирования городов и формализации их непосредственного участия в разработке климатических планов государствами-членами[6]. Финансирование, минуя национальные правительства, предполагает не только выделение прямых субсидий городам на климатические цели, упрощение и ускорение бюрократических процедур и сокращение отчетности по городским проектам, но и введение правила обязательного целевого резервирования, когда не менее 11–15 % средств Европейского фонда регионального развития должны расходоваться строго на устойчивое городское развитие. Переход от формата формальных консультаций к процедуре совместного принятия решений в климатическом планировании национальных правительств подразумевает социальные гарантии в парадигме «справедливого перехода» — целевое использование Социального климатического фонда и полный контроль над распределением денежных средств на местах, а также защиту уязвимых слоев городского населения в ходе зеленого транзита, чтобы избежать роста тарифов ЖКХ и цен на общественный транспорт. От Еврокомиссии требуют увязать жесткие экологические ограничения с программами развития доступного социального жилья и расширения общественного транспорта. Муниципалитеты не могут,

[5] Islands in the illiberal storm: central European cities vow to stand together // The Gardian, 16.12.2019. URL: https://www.theguardian.com/world/2019/dec/16/islands-in-the-illiberal-storm-central-european-cities-vow-to-stand-together (accessed: 09.08.2026).

[6] См.: Empowering Cities through the Next EU Budget A Call for an Inclusive and Sustainable MFF // Eurocities. URL: https://eurocities.eu/wp-content/uploads/2024/11/Empowering-Cities-through-the-Next-EU-Budget_Eurocities.pdf (accessed: 09.08.2026); Cities and regions call on EU leaders to keep local governments at the heart of the next EU Budget // POLIS. 16.06.2026. URL: https://www.polisnetwork.eu/news/cities-and-regions-call-on-eu-leaders-to-keep-local-governments-at-the-heart-of-the-next-eu-budget/ (accessed: 09.08.2026).

например, запретить въезд старых машин в городские зоны с низким уровнем вредных выбросов, если ЕС не поможет им массово закупать электробусы.

Вместе с тем нельзя не видеть очевидное стремление властей ЕС, учитывая роль городов в продвижении «зеленого курса», использовать климатические проекты и инициативы городов и инструменты их прямого финансирования Евросоюзом для давления на те национальные правительства, которые по тем или иным причинам тормозят реализацию климатических целей ЕС или даже блокируют европейские зеленые инициативы [Climate Obstruction… 2024]. Фактически Европарламент, который, кстати, последовательно защищает интересы городов в конфликте местных властей и национальных правительств в логике приверженности принципу субсидиарности, и Еврокомиссия, которая в силу своего институционального статуса более склонна к компромиссам, становятся активными участниками политического процесса в государствах-членах [The Member States…2020; Toygür, Sojka 2026].

Малые города: борьба за территориальную справедливость против маргинализации

Число малых городов ЕС с населением менее 50 тыс. жителей несоизмеримо больше мегаполисов, и они находятся действительно в критическом положении с точки зрения реализации климатических целей ЕС. В отличие от последних, также нуждающихся в субсидировании, малые города фактически финансируются национальными правительствами по остаточному принципу, поскольку в фокусе внимания центральных властей в основном находятся столичные мегаполисы, промышленные центры, масштабные и медийно значимые проекты. Однако, в отличие от мегаполисов, находящих пути к грантам и бюджетным средствам ЕС, они не имеют соответствующих кадровых и организационных ресурсов, чтобы подготовить должным образом соответствующую финансовую и проектную документацию на английском языке и пройти отбор для участия в конкурсах на получение «зеленых средств» в рамках различных программ и инициатив Евросоюза, а порой попросту не могут преодолеть заградительный барьер по численности населения.

Тем не менее малым городам, которые готовы объединить свои небольшие по объему климатические проекты, Евросоюз предлагает программу технической помощи ELENA (*European Local ENergy Assistance*), которую курирует Европейский инвестиционный банк[7].

Так, в Испании ключевой проблемой малых муниципалитетов является в том числе невозможность получить кредиты на реновацию жилого фонда из-за жестких лимитов национального Министерства финансов на размер муниципального долга. Однако правительство Наварры, которая, кстати, обладает финансовой автономией от центра наряду со Страной Басков и оставляет в своем

[7] Renewed momentum in Poland's green transition // Politico. 12.03.2026. URL: https://www.politico.eu/sponsored-content/renewed-momentum-in-polands-green-transition/ (accessed: 09.08.2026).

бюджете собираемые на ее территории налоги, в 2021 г. выступило агрегатором для десятков малых городов и сельских коммун автономного сообщества и получило грант *ELENA* на создание зонтичного проектного офиса, объединившего заявки от малых городов на термомодернизацию около 1900 жилых домов в инвестиционный пул стоимостью более 40 млн евро[8]. Аналогичный проект по программе ELENA реализуется в Польше, где приоритетом национального правительства являются масштабные проекты крупных государственных энергокомпаний. В качестве агрегаторов выступили государственный Национальный фонд охраны окружающей среды (*NFOŚiGW*), партнер ЕИБ по имплементации программы *ELENA*, и сертифицированные ЕС частные инжиниринговые компании, которым удалось реализовать два проекта стоимостью почти 300 млн евро, объединивших заявки от 65 малых муниципалитетов угледобывающих районов страны. Речь идет о термомодернизации (комплексе мероприятий по повышению энергоэффективности) не менее 80 школ и больниц и модернизации муниципальных систем центрального теплоснабжения (замена старых угольных котельных на энергосберегающие биогазовые и когенерационные установки) в 2026–2029 гг.[9]

В малых городах, которые испытывают дефицит финансирования и не надеются на поддержку правительства в энергопереходе, вариантами выхода из тупиковой ситуации выступают софинансирование снизу (краудфандинг и создание кооперативов местными жителями на паях) для закупки, например, солнечных батарей для установления на крышах общественных зданий. Такая локальная инициатива дает возможность софинансирования со стороны ЕС — безвозвратного гранта или кредита ЕИБ на льготных условиях. Организация кооператива позволяет создать сеть виртуального распределения энергии, минуя национальных поставщиков электроэнергии, и использовать специальное программное обеспечение с «умными» счетчиками, а значит, снизить высокие риски неплатежей, когда кооператив выступает гарантом оплаты счетов за электроэнергию горожан — членов кооператива.

Успешный проект деятельности такого кооператива — испанский кооператив в сфере возобновляемой энергетики *GoiEner*, объединивший в 2012 г. жителей городка Ордисия провинции Гипускоа в Стране Басков, когда центральные власти страны не поощряли развитие частной энергетики. Кооператив аккумулировал личные сбережения граждан и привлек софинансирование ЕС по программе технической помощи для строительства локальной энергосети, что стимулировало в том числе рост населения, сегодня там проживают более 10 тыс.

[8] Spain: EIB grants support to the Navarre region to improve the energy efficiency of around 1 900 housing units // European Investment Bank. 07.06.2021. URL: https://www.eib.org/en/press/all/2021-190-eib-grants-support-to-the-navarre-region-to-improve-the-energy-efficiency-of-around-1-900-housing-units (accessed: 09.08.2026).

[9] ELENA — European Local Energy Assistance // Greenet. The Horizon Europe Network of National Contact Points or Climate, Energy and Mobility. URL: https://horizoneuropencpportal.eu/sites/default/files/2025-02/factsheet-elena.pdf (accessed: 09.08.2026).

человек. На сегодняшний день в кооперативе почти 20 тыс. партнеров, заключено почти 25 тыс. контрактов на поставку электроэнергии[10].

Для адаптации к изменениям климата необходима не только солидарность жителей одного малого города, но и объединение мэров малых городов в профессиональные ассоциации-сети и консорциумы для лоббирования своих интересов на национальном и европейском уровнях. Пионерами здесь стали малые альпийские коммуны Австрии (до 10 тыс. жителей), объединившиеся в 2003 г. в региональную сеть *Klimabündnis Altheim* в рамках *Climate Alliance Austria*[11]. Они наняли экспертов и юристов и добились закрепления в национальном законодательстве положения об автоматическом назначении субсидий на экологичное отопление для малых коммун без необходимости участвовать в сложных для них конкурсах. Их примеру последовали мэры малых городов в Эмилия-Романья (Северная Италия), коммуны в Швеции, малые коммуны во Франции, а французская сеть межмуниципального сотрудничества малых коммун *Établissement public de coopération intercommunale (EPCI)* даже открыла свое постоянное представительство в Брюсселе, подобно субнациональным регионам государств-членов, добиваясь грантов на разработку климатических проектов и инвестиционных планов для коммун с населением менее 20 тыс. жителей.

Национальные правительства некоторых стран ЕС, понимая проблему финансового и кадрового дефицита мелких муниципалитетов, решили провести «реформу сверху» по их укрупнению. Такая структурная реформа для укрепления финансовой и административной базы местного самоуправления была проведена в Дании в 2007–2009 гг. и признана экспертами весьма успешной: число муниципалитетов сократилось втрое — с 271 до 98, минимальная их численность была установлена на уровне 20 тыс. жителей, а вместо 14 уездов были созданы пять регионов, включая столичный [Vrangbæk 2010]. Аналогичное принудительное слияние муниципалитетов проводится в Бельгии, однако в не столь короткие сроки и преимущественно во Фландрии [Hennau & Steyvers 2026].

Альтернативный вариант реформирования предложила Испания, где абсолютное большинство муниципалитетов — мелкие, с населением менее 5 тыс. жителей. На фоне негативных последствий глобального кризиса в 2013 г. и режима бюджетной экономии был принят Закон «О рационализации и устойчивости местных администраций»[12]. В том случае, если муниципальный совет не в состоянии оказывать необходимые услуги по средневзвешенной цене и накапливает долг, полномочия мэра и советников принудительно по управлению бюджетом и ЖКХ-инфраструктурой изымаются в пользу совета провинции (промежуточного звена управления между муниципалитетом и автономным сообществом), при

[10] La Cooperativa // GoiEner. URL: https://www.goiener.com/es/la-cooperativa/ (accessed: 09.08.2026).

[11] Klimadashboard Altheim. URL: https://klimadashboard.at/en/regions/altheim#emissions (accessed: 09.08.2026).

[12] Ley 27/2013, de 27 de diciembre, de racionalización y sostenibilidad de la Administración Local // Boletín official del Estado, núm. 312, de 30.12.2013. URL: https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2013-13756 (accessed: 09.08.2026).

этом муниципальный совет формально продолжает функционировать, но реальной власти не имеет. С одной стороны, закон защищает малые муниципалитеты от банкротства, с другой — приводит к дублированию функций и фактическому уничтожению самоуправления на местах, является причиной непрекращающихся судебных споров между национальным правительством и регионами, которые оценивают его как посягательство на их автономию, гарантированную Конституцией.

Сельские поселения: факторы гражданского протеста

Климатическая политика ЕС не просто осложнила взаимоотношения национальных правительств с сельскими территориями, а еще более усугубила противоречия между городом и деревней, между крупными городами и сельскими поселениями. Мегаполисы — признанные лидеры и, вероятно, бенефициары энергоперехода в ЕС, в то время как малонаселенные сельские районы не менее страдают от изменения климата и экологических последствий «зеленого транзита», однако могут справедливо считать себя проигравшими, а порой чувствовать себя изгоями, объектами «зеленого колониализма» городских элит. Территориально-пространственное развитие в рамках адаптации к изменению климата не предусматривает размещение ветряных электростанций в черте городов, а условия покупки или аренды земель для монтажа ветрогенераторов и солнечных батарей оказываются подчас более привлекательными для землевладельцев, чем их сдача в аренду или использование самими под задачи сельского хозяйства.

Поколенческие и ценностные перемены на селе сопровождают старение и сокращение сельского населения, вплоть до угрозы депопуляции, как это происходит в настоящее время в центральных районах Испании (феномен «пустеющей Испании»). В свою очередь софинансируемые ЕС национальные и региональные программы развития сельских территорий не дают быстрого эффекта и не позволяют переломить негативные демографические тенденции.

Сельские поселения вправе рассчитывать на финансовую помощь ЕС на реализацию небольших, а чаще микролокальных проектов по адаптации к изменениям климата — через специализированный фонд развития сельских территорий ЕС по программе *LEADER / CLLD (Community-Led Local Development)* «Местное развитие под управлением сообщества». Для получения целевых грантов требуется организация местной инициативной группы с участием мэров, местных фермеров, предпринимателей и активистов нескольких сельских поселений, которые пишут в самой простой форме Стратегию местного развития. Проекты могут касаться создания сельских энергетических кооперативов для покупки солнечных панелей и биогазовых установок для переработки сельхозотходов в чистую энергию; восстановления торфяников, малых рек, защитных лесополос и болот для удержания углерода и защиты территорий от засух и наводнений; переработки органических отходов в удобрения или вторичное сырье; термомодернизации старых муниципальных зданий, внедрения систем

«умного» энергоменеджмента и перевода уличного освещения на автономные возобновляемые источники[13].

Вместе с тем переход части фермерских хозяйств на экологическое земледелие, опыт экодеревень и успешных зеленых проектов не отменяют все более активной политизации и углубления конфликта между городом и деревней. Причины протестного движения фермеров в различных странах Евросоюза были обусловлены ограничениями на использование дизельного топлива для сельхозмашин, азотных удобрений и пестицидов, внедрение инициативы сокращения поголовья скота ради снижения выбросов метана.

Недовольство сельских жителей конвертируется в перемены партийного ландшафта. Если в крупных городах ЕС регулярно голосуют за зеленых и левых центристов, то в сельских районах растет поддержка правых партий, в том числе правых популистов и радикалов — например, «Национального движения» во Франции, «Вокс» в Испании, «Альтернативы для Германии», «Братьев Италии». Появляются и новые правые политические партии и движения: так, в 2019 г. в Нидерландах была учреждена аграрная правопопулистская партия «Фермерско-гражданское движение», выступающая против жестких экологических мер ЕС в отношении фермерских хозяйств и объединившая протестный электорат в сельских районах, где традиционно занимаются молочным животноводством [Upham et al. 2025]. Впрочем, сторонников на селе находят и партии левого спектра — «Свободные избиратели» в Германии, «Присяга и Автомобилисты» в Чехии, «Голос — социальная демократия» в Словакии, активно эксплуатирующие контрнарративы энергоперехода в ЕС. Одновременно на фоне падения доверия селян к ведущим политическим партиям в малых сельских муниципалитетах растет популярность беспартийных местных активистов и внепартийных местных (соседских) списков под лозунгами выживания конкретной деревни, сохранения сельских школ и больниц, защиты автомобиля с двигателем внутреннего сгорания как единственного транспорта сельского жителя, против разрушения уклада сельской провинции Европы.

Социальное недовольство и протестное движение на сельской периферии ЕС, риски радикализации электоральных предпочтений сельских жителей, а также задачи продовольственной безопасности и аграрного экспорта в третьи страны объясняют пересмотр европейскими властями жестких требований и ограничений «зеленого курса» и переход к прагматизму в отношении временны*х* показателей достижения углеродной нейтральности сельскими муниципалитетами, жестких ограничений на ведение традиционного сельского хозяйства. Запущенный Европейской комиссией в январе 2024 г. Стратегический диалог о будущем сельского хозяйства ЕС и итоговый доклад, представленный в сентябре того же года, скорректировали приоритеты взаимодействия властей ЕС с фермерами. В финальной версии доклада к ним были отнесены защита

[13] LEADER/CLLD // EU CAP Network. URL: https://eu-cap-network.ec.europa.eu/networking/leader_en (accessed: 09.08.2026).

доходов сельхозпроизводителей, отказ от жесткого административного давления в пользу стимулирующих «зеленый транзит» мер и снижение бюрократической нагрузки на аграрный сектор[14].

Заключение

Конфликт национальных правительств и муниципальных властей в сфере климатической политики ЕС несет в себе риски снижения управляемости в Евросоюзе, ослабления солидарности, углубления территориального неравенства, страновых и макрорегиональных размежеваний в Евросоюзе. Ситуация усугубляется системными экономическими и социальными вызовами, стоящими перед интеграционным объединением, ростом расходов интеграционного объединения на военные нужды на фоне геополитической неопределенности, планируемым расширением ЕС, в первую очередь за счет западнобалканских стран. Как показывает прошлый опыт европейской интеграции, очередное расширение «вширь» потребует реформ и новаций роста «вглубь», а значит, и укрепления общеевропейской идентичности, прежде всего идентичности развития.

Этот политико-управленческий конфликт нельзя рассматривать в отрыве от анализа динамики модели многоуровневого управления в Европейском союзе, подвижной конфигурации вертикальных, горизонтальных и диагональных связей, разногласий между институтами и органами ЕС по поводу путей смягчения этого конфликта и пределов уступок и компромиссов.

Данный конфликт напрямую влияет на достижимость целевых климатических показателей, лидерство ЕС в продвижении глобальной климатической повестки, международный имидж Европейского союза.

Поступила в редакцию / Received: 14.06.2026
Доработана после рецензирования / Revised: 19.07.2026
Принята к публикации / Accepted: 22.07.2026

Библиографический список

Бардин А.Л. Власть городов. О политической субъектности мегаполисов // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2025. № 4. С. 34–48. https://doi.org/10.20542/afij-2025-4-34-48

Прохоренко И.Л. Субнациональные элиты как субъекты трансформации политического пространства Европейского союза // Политическая наука. 2014. № 2. С. 108–126. EDN: SGGSQZ

Прохоренко И.Л. Нарративы энергетического перехода в Европейском союзе // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 4. С. 77–97. https://doi.org/10.48015/2076-7404-2022-14-4-77-97 EDN: MWXFGR

Castán Broto V. Urban Governance and the Politics of Climate Change // World Development. May 2017. Vol. 93. P. 1–15. https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2016.12.031

[14] Strategic Dialogue on the Future of EU Agriculture A shared prospect for farming and food in Europe. The final report of the Strategic Dialogue on the future of EU agriculture // European Commission Agriculture and rural development. URL: https://agriculture.ec.europa.eu/document/download/171329ff-0f50-4fa5-946f-aea11032172e_en?filename=strategic-dialogue-report-2024_en.pdf (accessed: 09.08.2026).

Giacomelli M., Görgün E.K., Salata S. et al. Climate Neutrality and Urban Planning: A state of the Art from Literature and the European Cities // Sustainable Cities and Society, 2025. Vol. 130. Article no. 106570. https://doi.org/10.1016/j.scs.2025.106570 EDN: MWXFGR

Climate Obstruction Across Europe / ed. by R.J. Brulle, J.R. Timmons, M.C. Spencer. New York, NY: Oxford University Press, 2024. 401 p.

Hooghe L., Marks G. Multi-Level Governance and European Integration. Lanham, Rowman&Littlefield, 2001. 240 p. https://doi.org/10.5040/9798216401537

Hammermeister S., Dietze V., Spyra M. Climate Change Strategies in Selected Large European Cities: Specific Activities and the Role of Urban Open Spaces // Progress in Disaster Science. 2026. Vol. 30. Article no. 100597. https://doi.org/10.1016/j.pdisas.2026.100597

Handbook on European Union Climate Change Policy and Politics / ed. by T. Rayner, K. Szulecki, A.J. Jordan, S. Oberthür. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2023. 440 p. https://doi.org/10.4337/9781789906981

Haupt W., Eckersley P., Irmisch J. et al. How Do Local Factors Shape Transformation Pathways Towards Climate-Neutral and Resilient Cities? // European Planning Studies. 2023. Vol. 31. No. 9. P. 1903–1925. https://doi.org/10.1080/09654313.2022.2147394 EDN: MWXFGR

Hennau S., Steyvers K. Local governments in Belgium // The Oxford Handbook of Belgian Politics / ed. by M. Reuchamps, M. Brans, P. Meier, E. van Haute. Oxford, UK: Oxford University Press, 2026. P. 233–248.

Kastelein R. Role of Local Governments in EU Member States' Climate Policy and Legislation // npj Climate Action. 2024. Vol. 3. Article no. 92. https://doi.org/10.1038/s44168-024-00177-3 EDN: MWXFGR

Kemmerzell J. Cities in European Energy and Climate Governance // Handbook of Energy Governance in Europe / ed. by M. Knodt, J. Kemmerzell. Cham, Switzerland: Springer Nature, 2022. P. 411–427. https://doi.org/10.1007/978-3-319-73526-9_69-1

Kern K. Cities as leaders in EU multilevel climate governance: embedded upscaling of local experiments in Europe // Environmental Politics. 2019. Vol. 28. No. 1. P. 125–145. https://doi.org/10.1080/09644016.2019.1521979

Kopp M., Montfort S., Pfliegeret G. et al. Climate mitigation and adaptation strategies tailored for different types of European cities: a typology and associated systematic review // Environental Research Letters. 2026. Vol. 21. No. 14. 143001. https://doi.org/10.1088/1748-9326/ae7e97

Tassilo H., Newman P. Cities as International Actors: Urban and Regional Governance Beyond the Nation State. London: Palgrave Macmillan, 2017. 260 p.

The Member States of the European Union / ed. by S. Bulmer, Ch. Lequesne. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2020. 468 P.

Toygür I., Sojka A. Does climate policy backlash fuel Eurosceptic vote? Exploring the link in the European Parliament elections // Journal of European Public Policy. 2026. Vol. 33. No. 2. P. 528–554. https://doi.org/10.1080/13501763.2025.2520296

Upham P., Scholte R., Feron S. Social representations of injustice in sustainability transitions: the case of farmers and Dutch agricultural nitrogen policy // Frontiers of Political Science. 2025. Vol. 7. Article no. 1501904. https://doi.org/10.3389/fpos.2025.1501904 EDN: MWXFGR

Vrangbæk K. Structural Reform in Denmark, 2007–09: Central Reform Processes in a Decentralised Environment // Local Government Studies. 2010. Vol. 36. No. 2. P. 205–221. https://doi.org/10.1080/03003930903560562

Сведения об авторе:

Прохоренко Ирина Львовна — доктор политических наук, заведующая отделом международно-политических проблем Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН) (e-mail: irinapr@imemo.ru) (ORCID: 0000-0002-8090-7934, SPIN-код: 4531-8759, AuthorID: 203298, Scopus ID: 57191095418, WOS ID: M-1933-2018.

RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 3 577–591**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-3-577-591
EDN: SQXRJC

Научная статья / Research article

Природа и экология как объединяющая ценность для общества: к новой политической онтологии общего блага

М.М. Мчедлова[1,2], Д.Б. Казаринова[1]

[1]Российский университет дружбы народов, *Москва, Российская Федерация*

[2]Институт социологии — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, *Москва, Российская Федерация*

✉ mchedlova-mm@rudn.ru

Аннотация. Рассмотрен потенциал природоохранных ценностей как фактора общественной консолидации в современной России. Авторы исходят из гипотезы о том, что экологический кризис создает уникальную ситуацию, в которой общие угрозы могут способствовать формированию новой солидарности. Однако, как показывают исследования, экологическая проблематика все чаще становится не столько зоной консенсуса, сколько глубоким структурирующим политическим расколом между экологизмом и экономической эффективностью. В российской общественной повестке природоохранные ценности не достигают статуса доминирующего национального ориентира, уступая приоритетам государственной безопасности, инфраструктурной модернизации и развития человеческого потенциала. Вместе с тем именно в молодежной среде ценности сбережения природы демонстрируют высокую аттрактивность и интегративный потенциал. На основе данных, полученных в результате фокус-групповых интервью, показано, как экологическая повестка входит в поле гражданской идентичности современной российской молодежи. Отдавая предпочтение индивидуальным экологическим практикам, обеспечивающим ощущение субъектной агентности, молодое поколение все более склонно конструировать свою идентичность на основе экологического патриотизма. Авторами сделан вывод о двойственной природе экологических ценностей, которые, не будучи консолидирующими на макроуровне, приобретают объединяющее значение в горизонте поколенческих и локальных сообществ.

Ключевые слова: политическая экология, экополитология, зеленая повестка, экоактивизм, общее благо, социальная справедливость, экологический патриотизм

© Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Благодарности. Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ по проекту FSSF 2026–0009 «Философия и религия: перекрестки культур».

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б.* Природа и экология как объединяющая ценность для общества: к новой политической онтологии общего блага // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 3. С. 577–591. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-577-591 EDN: SQXRJC

The Ecological Ontology of the Common Good: Unifying Society Through a Politics of Nature

Maria M. Mchedlova[1,2], Daria B. Kazarinova[1]

[1]RUDN University, *Moscow, The Russian Federation*

[2] Institute of Sociology — a separate subdivision of the Federal State Budgetary Institution of Science, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, *Moscow, The Russian Federation*

✉ mchedlova-mm@rudn.ru

Abstract. This article investigates the contested role of environmental values as a potential basis for social cohesion in contemporary Russia. While ecological crises are often presumed to generate new forms of solidarity by virtue of their universal threat, we argue that such a hypothesis obscures the increasingly politicized nature of environmental discourse. Drawing on the theoretical framework of political ecology, the study shows that environmental issues in the Russian public sphere operate less as a consensual ground than as a structuring axis of political division between ecological stewardship and economic growth imperatives. Surveying the national agenda, the authors find that environmental concerns remain peripheral relative to state security, infrastructural expansion, and human development — these are the priorities that dominate public discourse. However, this macro-level marginalization contrasts sharply with the micro-level dynamics observed among younger cohorts. Based on original focus group data, the article demonstrates how youth appropriate the environmental agenda as a resource for civic identity formation. By engaging in individual environmental practices that restore a sense of personal agency, young Russians increasingly articulate their belonging through what we term *ecological patriotism* — an identity strategy that, while locally and generationally cohesive, does not translate into national-level consolidation. The article thus advances a nuanced understanding of environmental solidarity as a phenomenon that is generationally bounded and locally situated rather than universally scalable.

Keywords: ecological patriotism, youth identity, environmental values, political ecology, generational cleavages, civic agency

Acknowledgements. This publication was prepared within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation under project FSSF 2026–0009 “Philosophy and Religion: Crossroads of Cultures.”

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Mchedlova, M.M., & Kazarinova, D.B. (2026). The ecological ontology of the common good: Unifying society through a politics of nature. *RUDN Journal of Political Science, 28*(3), 577–591. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-577-591 EDN: SQXRJC

Введение

Отношения человека и природы имеют различные измерения — от онтологического до ценностно-политического, структурирующие способы мысли, поведения и рефлексии. Во многом различие в понимании этих взаимоотношений определяет и различия между философскими, религиозными и цивилизационными картинами мира. Мировоззренческие системы, выступающие альтернативами доминирующей западной парадигме экономического утилитаризма и консюмеризма, предлагают эпистемологически отличные модели интерпретации взаимосвязи человека и природы, однако в глубине лежит фундаментальная идея поисков потерянного единства мира. Еще в 1959 г. Олдос Хаксли в курсе лекций «Человеческая ситуация», прочитанном в университете Санта-Барбара, заявлял, что западное энвайроменталистское доминирующее понимание того, что природа обуславливает и создает цивилизацию, упускало из виду тот факт, что человек сделал почти столько же для того, чтобы изменить природную среду, сколько природа для того, чтобы сформировать историю [Huxley 1977]. Чуть позже один из создателей Римского клуба Аурелио Печчеи в своем политико-академическом «завещании» настаивал, что гармония между человеком и природой является не только условием существования человека, но и культурной ценностью, источником антропологической устойчивости, способом избежать «расчеловечивания» [Pecchei 1984, 9]. К сожалению, существующие государственные организации и институты не способны предложить решения этой фундаментальной проблемы [Pecchei 1984, 11], поэтому следует изменить философию и эпистемологию преодоления экологической проблемы глобального характера.

Экологическая онтология, этика и аксиология

Проблемы уязвимости окружающей среды и угроз экологии, от глобальных до локальных, представляют собой не только вызов для экономических моделей и технологических систем (проблема зеленого перехода), но и фундаментальную проблему политической организации общества. Нарастание климатических рисков, утрата биоразнообразия и деградация природных систем ставят перед политической наукой вопросы, выходящие за рамки традиционных представлений о предмете политики.

Экологическая онтология — это подсистема знания, изучающая фундаментальные категории бытия, существования и взаимосвязей в природных системах, рассматривая окружающую среду не как пассивный фон или ресурс, а как активную, динамичную и самоорганизующуюся реальность, в которой все сущее (включая человека) существует в сети материальных, энергетических и информационных взаимодействий.

Особое значение приобретает вопрос о том, может ли экологическая проблематика стать основой для нового общественного консенсуса и объединяющей ценности, способной преодолеть существующие социально-политические расколы. Поиски подобного консенсуса послужили возникновению *экологической этики,* имеющей глобальный характер, принципы которой затем вылились в дух 17 Целей устойчивого развития (ЦУР) как глобального плана действий[1]. Эти цели призваны стать образцом для построения лучшего и устойчивого будущего для всех жителей Земли. В корпоративно-управленческом разрезе это вылилось в приоритеты ESG[2] стратегии (расшифровывается как Environmental, Social, Governance — экология, общество, управление) — это подход к ведению бизнеса, который дополняет финансовые показатели оценкой влияния компании на окружающую среду, общество и качество корпоративного управления с целью обеспечения качества росту, который не вредит будущим поколениям.

Экологическая аксиология предлагает взгляд на природу, иерархию и обоснование ценностей по отношению к природной среде, живым существам и экосистемам. Она рассматривает окружающий мир не только как объект утилитарного использования, но как носитель имманентной ценности, независимой от человеческих потребностей, и исследует основания для моральных обязательств человека перед биосферой. При этом в структуре экологической аксиологии выделяются:

- инструментальная (утилитарная) ценность — природа как средство удовлетворения человеческих потребностей (ресурсы, экосистемные услуги);
- имманентная (внутренняя) ценность — самоценность природы, существующая вне зависимости от ее полезности для человека (право всех видов на существование);
- духовно-эстетическая ценность — нематериальное значение природы для культуры. Для настоящей работы именно последнее измерение экологической аксиологии является фундаментально значимым.

Экологическая этика в преломлении религиозной традиции

Одной из основных эпистемологических рамок для анализа экологической этики является противопоставление антропоцентризма и биоцентризма. В разных культурах и цивилизациях акцент в разной степени делается

[1] Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.

[2] ESG (Environmental, Social, Governance — экология, общество, управление) — подход к ведению бизнеса, в котором финансовые показатели дополняются оценкой влияния компании на окружающую среду, общество и качество корпоративного управления. Следование принципам ESG было не только продолжением глобальной экологической этики, но и необходимой частью репутационного капитала корпорации, включающего этическое ценностное и ответственное наполнение. Однако последние исследования фиксируют конец эры ESG как моды и начале эры устойчивости как конкурентного преимущества (см. Переделы ESG. Почему меняется и какой может стать практика корпоративного устойчивого развития // Коммерсантъ 20.06.2025. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7798691?ysclid=msd6trfsiy392822608 (дата обращения: 14.02.2026).

на онтологический статус природы и моральную агентность человека. Следует подчеркнуть, что в чистом виде антропоцентризм встречается преимущественно в секулярной модернистской парадигме (инструментальный рационализм). Религиозные традиции даже при выраженном «центральном» положении человека вводят конститутивные ограничения (божественный запрет, кармическая ответственность, сакральность творения), что сводит роль человека в отношении природы к ответственному антропоцентризму. Теоцентризм выступает как медиатор. Христианство и ислам избегают как биоцентризму (который для них онтологически некорректен), так и антропоцентризма (который этически опасен), удерживая природу в системе отсылок к трансцендентному. При анализе культурно-религиозных традиций более корректно говорить не о бинарном выборе между антропо- и биоцентризмом, а о спектре моральных онтологий, в котором ключевыми переменными выступают:

а) статус трансцендентного;

б) критерий включения в моральное сообщество;

в) понимание человеческой агентности как доминирования или служения.

Эти идеи прослеживаются в концепции «этики экологической ответственности», ставшей названием классической книги Р. Атфилда [Attfield 1983], согласно которому есть традиция управления природой и традиция сотрудничества с природой. Произрастая из религиозных традиций (с различными подходами к статусу и агентности человека и живого мира), экологическая ответственность распространяется на все живое. Так, в Новом Завете отмечается, что Бог заботится не только о человеке, но и о малых птицах — воробьях (Мф, 10:29), или то, что Иисус провел 40 дней «в пустыне», т.е. среди дикой природы, где «был со зверями» (Мк.1:13), а затем пересекал «море Галилейское» для уединения (Мк. 4:35, 6:45,8:13) Таким образом, можно предполагать, что Иисус рассматривал природу не только как источник ресурсов, но как дом человека и как место для духовного обновления. Вместе с тем, по мнению Р. Атфилда, в послании апостола Павла говорится о том, что природа изначально была прекрасной и благой, а ныне угнетена силами зла и смерти, находится в угнетенном положении и может обрести спасение через духовное освобождение человека: «…все творение в целом охвачено драмой спасения» [Attfield 1983: 30].

Для христианства характерен условный *антропоцентризм* с элементами теоцентризма. Священное Писание (Быт. 1:26) наделяет человека особой субъектностью в управлении природой. Однако современная экологическая теология (например, Стив Бишоп[3] «Зеленое богословие и глубинная экология», Линн Уайт-мл. [Lynn White Jr. 1974], Джон Пассмор [Passmore 1974]) переосмысляет это управление, где власть означает служение. Природа обладает ценностью как творение Божье, но высший моральный статус сохраняет человек, созданный по образу Бога. Чистый биоцентризм здесь невозможен из-за онтологической пропасти между Творцом и тварью. В современном католичестве экология

[3] *Стив Бишоп.* Зеленое богословие и глубинная экология. URL: https://proza.ru/2024/10/07/530?ysclid=mssod8erus311748159 (дата обращения: 14.02.2026).

выступает составной частью социальной справедливости: папа Франциск в энциклике 2015 г. Laudato Si говорит о том, что «неотделимы друг от друга забота о природе, справедливость по отношению к бедным, сознательная позиция в обществе и внутренний мир»[4]. В связи с этой энцикликой папа Франциск снискал репутацию «зеленого папы».

В исламской традиции риторика антропоцентричной ответственности также неотделима от теоцентризма. Человек — халиф (наместник), но его центральное положение не дает ему прав собственности (мильк), а лишь право пользования (манфа'а) в рамках доверительного управления (аманат). Природа — это айат (знамения Бога), что придает ей сакральный статус, но не самостоятельную субъектность. В ортодоксальной теологии природа не имеет прав, но нарушение ее баланса (мизан) есть грех против Бога, что функционально приближает эту этику к биоцентричной, оставаясь в теоцентрических рамках.

Экополитология VS Зеленая повестка?

Религиозно-философские воззрения отражаются в политических конструкциях, основанных либо на принципах «владеть», либо «управлять», либо «составлять единство». Перетекание данных идей в политическую сферу и политизация сакральной аргументации привела к возникновению в академическом пространстве *политической экологии (экополитологии)* как ответа на фрагментацию научного знания и неспособность традиционных дисциплин адекватно описать сложность отношений между обществом и природой. Эта часть гуманитарного знания, которая не просто изучает экологию в политике, а рассматривает все экологические проблемы через призму политической борьбы, власти и принятия общественно значимых решений в условиях глобального экологического кризиса. В латиноамериканском контексте, где эта традиция получила особенно мощное развитие, политическая экология понимается одновременно как интер- и трансдисциплинарная перспектива академического знания и как обновленная политическая практика, сопряженная с борьбой социальных, коренных и крестьянских движений.

В отечественной науке фокус делается на истории и конфликтном характере взаимоотношений политики и экологической проблематики [Якуцени, Буровский 2015], онтологических проблем отношений природы и человека, а также становления политической экологии как дисциплины и ее места в ряду других: культурной экологии, социальной экологии, антропологической экологии и т.д. [Мармазова, Фоменко 2021].

Ключевой вклад политической экологии заключается в том, что она фокусируется не только на конфликтах экологического распределения, но и на властных отношениях, переплетающихся между укладами жизни сообществ, поддерживающих социоэкологическое сосуществование, и динамикой, навязываемой

[4] Энциклика. URL: https://archivioradiovaticana.va/storico/2015/06/18/обнародована_энциклика_-папы_франциска_«laudato_si»/ru-1152365 (дата обращения: 14.02.2026).

глобализированным миром. Такой подход позволяет рассматривать экологические проблемы не как изолированные технические вызовы, а как неотъемлемую часть более широких политических и социальных противоречий.

Принципиально важно отметить, что политическая экология как область политического знания внутренне идеологически конфликтна.

С одной стороны, она признает плюральность знаний и необходимость конструирования альтернативных рациональностей. Знания коренных народов, основанные на многовековом опыте сосуществования с локальными экосистемами, были маргинализированы в Новое время, однако именно они могут предложить альтернативные модели отношений с природой. Эта эпистемологическая позиция, близкая к *цивилизационному подходу*, имеет фундаментальное значение для понимания экологии как объединяющей ценности: она предполагает включение различных голосов и перспектив, что потенциально расширяет базу общественного консенсуса.

С другой стороны, современный этап развития политической экологии связан с довольно монологичным и идеологически жестким подходом, обозначаемым как «зеленая повестка», и слово «повестка» содержит здесь отрицательные коннотации. Программным документом нового этапа стал доклад Римскому клубу[5], призывающий к радикальным мерам: остановке роста экономики и населения, отказу от государственного суверенитета и созданию единого мирового правительства на основе духовно-нравственного мировоззрения, что открыто призывает к власти наднациональных структур и тотальному контролю, а также созданию новой идеологической схемы, принуждающей мир к социальной и политической активности. Ярким примером выступает здесь проект «Грета Тунберг» — наднациональный политтехнологический проект, созданный в русле западной экополитической мысли [Мармазова, Фоменко 2021: 202]. Таким образом, давно став частью политического дискурса Запада, зеленая повестка привносит свои противоречия и основания для социально-политических размежеваний.

Определяя предмет политической экологии, Т. Романова отмечает: «…для политической экологии как отрасли знаний ключевыми представляются три проблемы: ограниченность ресурсов и их неравномерное распределение; взаимосвязь между индустриализацией и нагрузкой на окружающую среду; и, наконец, загрязнения и отходы производства» [Романова 2010]. В связи с этим она показывает, как различные подходы политической науки — (нео) реализм, либеральный институционализм, «неэкологизм», конструктивизм — диаметрально различно решают проблемы взаимоотношений политики, экономики и экологии. Она делает вывод: «…нет заранее заданного взаимодействия политики, экономики и экологии, есть наше восприятие биосферных проблем через призму идей, которые либо уже существуют, либо формулируются. При этом определение той или иной проблемы и способность распространить эту концепцию

[5] Римский клуб, Юбилейный доклад. Старый мир обречен. Новый мир неизбежен! // Афтершок. Каким будет завтра. URL: https://aftershock.news/?q=node/601798c

составляют ядро мощи и влияния государства сегодня. В практическом плане это, как правило, означает идеологическую власть Запада, его приоритет в определении того, что является нормальным и нормативным» [Романова 2010].

Однако «сшитая» с либеральным глобализмом экополитология может быть «расшита» в рамках цивилизационного подхода и национальных моделей сбалансированной экологической политики на основе поиска общественного договора между государством, крупным бизнесом и обществом. Б. Латур [2018] предлагает выработать новую концепцию политической экологии, позволяющую совместить научные практики с демократическим процессом принятия решений, — программу построения «общего мира», в котором нечеловеческие акторы (природные объекты, технологии) участвуют на равных с людьми. Это перекликается с идеями экологической ответственности. Предлагаемая Западом экологическая идеология требует переосмысления суверенитета как коллективной ответственности за общие ресурсы, а не как права на неограниченное использование природных богатств. Это предполагает признание трансграничного характера экологических рисков; ответственность перед глобальным сообществом и будущими поколениями; ограничение суверенитета в пользу сохранения общих благ.

Однако в силу существующего глобального неравенства, масштабы которого все увеличиваются, этот подход не может быть универсальным. Представляется, что принципы признания трансграничного характера экологических рисков и ответственности перед глобальным сообществом и будущими поколениями не означают автоматически необходимости жертвовать суверенитетом, а, наоборот, укреплять его на основе социального консенсуса.

Кейсы для отечественной экополитологии: между размежеванием и солидарностью

В России вопросы взаимовлияния политики и экологии носят несколько иной характер, тем не менее вызывая острые социально-политические кризисы на локальном и региональном уровне. Так, кризис вокруг содовых месторождений шихана Куштау[6] в Башкирии — это не просто экологический спор, а *политический конфликт в сакрально-ценностной проекции*, в котором сталкиваются интересы крупного капитала, общества и государства[7]. При этом движущий силой политического протеста выступают не осознанные политические цели и интересы, а именно посягательство на сакральность и неприкосновенность природных символов. Одновременно данный конфликт можно проинтерпретировать как *противоречия между «ценностью развития»* (рабочие места, налоги,

[6] Гора Куштау в Башкортостане считается сакральным местом. С ней связаны народные эпосы, легенды и предания, она воспринимается как важный символ культурного наследия башкир.

[7] Как Башкирия отстояла Куштау (и потеряла БСК): хроника громких протестов в защиту шихана. URL: https://ufa1.ru/text/ecology/2021/08/15/70058681/?ysclid=msnctpqal5516892098 (дата обращения: 11.08.2026).

промышленная мощь) *и «ценностью сохранения»* (уникальная природа, культурное наследие, право людей на благоприятную среду). «Главная сложность состоит в том, что для одной из сторон этот вопрос носит чисто хозяйственный, экономический характер, а для другой стороны вопрос находится в политической и социокультурной плоскости. Именно поэтому оппоненты не слышат друг друга — они апеллируют совершенно разными категориями, основываются на разной логике. Вопрос о том, что важнее — социально-экономическое благополучие города или сохранение исторической и культурной святыни, не имеет однозначного решения, потому что это вопрос о ценностях, восприятие которых лежит за пределами сугубо административных, рациональных решений» [Хайнацкая 2023]. С одной стороны, разрешение подобных конфликтов демонстрирует реальный баланс сил и механизмы принятия экологически значимых решений в современной России. С другой — показывает глубинность защитных социальных механизмов при опасности для консолидирующих и значимых природных символов и объектов, наделяемых в том числе историческими и сакральными значениями.

Общее благо и справедливость вновь вставали в центр философских и политических дискуссий, проектирования образа будущего, во многом системообразующим выступает экологическая проблематика. Соотношения универсального и особенного в данных параметрах манифестируются в проявлениях экологической проблематики и концептуальных основаниях — от отмеченных положений экологической этики до восприятия природных объектов и символов в ценностно-идентитарном разрезе.

Если современные теоретики ставят под сомнение предположение о существовании единого общего блага, увязывая его с цивилизационной и политической градацией мира, то экологический кризис вносит новое измерение в дискуссию об общем благе. Природа и экосистемы являются, по определению, общим благом в том смысле, что они не могут быть исключены из потребления и неконкурентны в потреблении — чистый воздух или стабильный климат доступны всем, независимо от вклада в их сохранение. В этом контексте экологическая проблематика требует переосмысления общего блага не как заранее заданной иерархии ценностей, а как результата политического процесса, учитывающего как экологические ограничения, так и социальные потребности.

Ключевая проблема, препятствующая восприятию экологии как объединяющей ценности, заключается в социальной дифференциации экологических рисков и бремени перехода. Традиционное понимание устойчивого развития часто ставит экономическое и экологическое измерения в приоритет, оставляя социальное измерение на втором плане. Экологическая политика, которая воспринимается как несправедливая в распределении издержек, может подорвать социальную сплоченность и вызвать сопротивление, а не консолидацию. В равной степени верно и обратное — экономические и политические решения во имя грандиозных завоеваний и достижений, в результате которых наносится серьезный ущерб природе — воспринимаются в обществе как несправедливые по отношению к людям, в особенности детям. Критическую роль в успехе

экологической политики играет социальная справедливость через механизм социальной сплоченности и устойчивости: социальное равенство ведет к сплоченности, сплоченность — к устойчивости, а устойчивость — к успеху политики. Это означает, что экологический переход не может быть устойчивым без одновременного решения вопросов социальной справедливости.

Экология, солидарность, справедливость: результаты эмпирических исследований

Подтверждением приведенных теоретических положений выступают результаты эмпирических исследований, проведенных авторами в 2013, 2022–2024 гг., в рамках реализации проектов, связанных с изучением российской идентичности. В данной части работы приведены некоторые обобщенные результаты проведенных экспертных интервью (2013) и фокус-групп (2022–2024) студенческой молодежи[8].

Одной из самых устойчивых тенденций в общественном сознании в России, связанных с солидарностью, общим благом и идентичностью, является тема экологии. Не случайно в ходе исследований было зафиксировано положение, что сегодня приоритетная объединяющая цель — защита государства и страны (с сильным экологическим акцентом). Данная проблематика проявляется в том, что респонденты связывают напрямую будущее государства и экологическую повестку: «*К 2050 г. экологическая повестка, скорее всего, будет одной из самых актуальных. Россия будет сталкиваться с проблемами изменения климата, загрязнения окружающей среды и истощения природных ресурсов. Поэтому одно из приоритетных направлений политики и экономики будет связано с устойчивым развитием».* При этом повышенный интерес респондентов к теме экологии не ограничивается исключительно констатацией проблем. Респондентами была продемонстрирована эрудиция, что показывает особый интерес к экологической тематике, на которой завязан образ будущего страны: «*В ближайшем будущем Россия будет страной с разработанной законодательной базой в сфере охраны окружающей среды, будет поддерживать экологическую культуру, внедрять экологическое просвещение граждан, вводить альтернативные методы энергетики*». Был зафиксирован отчетливый запрос на усиление внимания к экологической повестке в контексте укрепления общегражданской идентичности со стороны государства в различных коллективных формах: «*Хочется, чтобы проводилось больше выставок и фестивалей, связанных с экологией, чтобы они*

[8] Использованы результаты проектов «Подготовка предложений по разработке действенных механизмов воспитания подрастающего поколения россиян на основе анализа глубины исторической памяти населения России» (2013), «Российская идентичность: политические смыслы и индикаторы ценностной консолидации» (2022), «Параметры российской цивилизации: суверенитет, солидарность, идентичность» (2023), «Идентичность как ресурс преодоления размежеваний в России: от сохранения ценностного ядра к вариантам ценностного консенсуса» (2024). Результаты использованы в обобщённом виде.

были более масштабными, и люди приходили бы туда с огромным удовольствием. Мне кажется, это вполне реально и выполнимо».

У молодежи в массовом сознании озабоченность вызывают экологические кризисы, вызванные технологическим развитием. Соответственно, экологические *инициативы не только одобряемы молодежью, но и выступают в качестве примера и образца правильных и солидарных действий, проектного консенсусного целеполагания, снимающего, казалось бы, глубокие размежевания.*

Несмотря на большой потенциал экологической повестки и уже сформулированное положительное консолидирующее ее содержание в России, идея защиты *природы как цель, которая могла бы объединить россиян, не является лидирующей.* Она уступает социально-политическим приоритетам защиты государства, новых инфраструктурных проектов и всестороннему развитию личности.

Тем не менее этот общий подход может вступать в противоречие с частными случаями, когда экологические вызовы становятся экзистенциальными. Пример — утечка мазута в Черном море на юге России в конце 2024 г. Ответом стала спонтанная мобилизация гражданского общества: на основе горизонтальных связей развернулись волонтерские сети, реализующие комплекс мер — от ликвидации загрязнений до спасения биоты, что выявило новый формат коллективного действия, ориентированного на защиту природы. На наш взгляд, это является примером большого потенциала экологической проблематики для общественной мобилизации и солидаризации.

В современной истории России можно наблюдать и деструктивные проявления этого тренда, а именно перетекание экологического действия в политическое (например, уже отмеченный кейс шихана Куштау). Экологическую повестку можно рассматривать как политически разделяющую, однако ее конфликтная составляющая меньше экологической идентичности как консолидирующего основания, так как она направлена скорее на удержание консолидации, чем на радикализацию различий. Так, общественные инициативы, направленные на помощь природе и животным, встречают однозначное одобрение, вне зависимости от включенности в практическую деятельность данных инициатив.

Общая природа большой страны с ее витальными, сакральными и социокультурными смыслами является важным аспектом общего ценностного континуума и цивилизационной идентичности. Ее предельность является одной из границ символической устойчивости российской цивилизации, определяет общую значимость ее защиты и, как следствие, остроту и разноплановость экологической повестки. Интересно, что наиболее активно молодежь включена в инициативы по сортировке мусора. Следует отметить, что сортировка мусора представляется *более индивидуальной и разнообразной* практикой: «*Отключаю воду горячую», «Экономлю электричество», «Я три года собирала крышки, пока жила в общаге. У меня целый мешок собрался*». Эти экологические инициативы связаны с индивидуальным выбором, они характеризуются низким входным порогом с точки зрения временных и трудозатрат и подкрепляют ощущение

личной эффективности в мире, где климатические проблемы кажутся нерешаемыми. Раздельный сбор мусора в этих условиях возвращает агентность и контроль над жизнью.

То, насколько экологическая повестка обладает приоритетностью, отражается в поддержке и оценке повестки зеленых партий, организаций и движений, представляется еще одной значимой стороной рассматриваемых проблем. Можно констатировать наличие осведомленности и внимания к природосберегательной повестке, отсутствие пессимизма, однако сегодня экология не приоритетна в политическом пространстве и не структурирует политический спектр. При этом существует запрос на необходимость участия в решении данных вопросов со стороны крупного бизнеса и готовность к малым действиям. «*С одной стороны, это очень хорошо, что люди задумываются, что есть природа. С другой стороны, общая помешанность на литиевых аккумуляторах, которые ничем не лучше бензина…», «Хотя бы чуть-чуть крупный бизнес хотя бы как-то стремится к развитию экологических всяких штук и это не плохо в целом», «Я считаю, что навряд ли мы сделаем нашу планету лучше, чем сейчас. За 20 лет мы загрязнили на 70 %, но за последующие 30 лет мы загрязним ее еще на 10 %. Да, загрязнения останутся, но их станет меньше и проживем мы дольше*». Респонденты демонстрируют умеренный оптимизм и понимание комплексности проблем экологии, которые не следует упрощать и трактовать однобоко в русле определенных идеологических подходов, следует избегать «повестки». Однако такое понимание демонстрируют, безусловно, не все.

Описанные результаты позволяют сделать вывод, что западные тренды на внедрение данной повестки как политического целеполагания и основания разделения все реже влияют на восприятие данной проблематики в России, экология как таковая не несет в себе конфликтной составляющей, скорее, наоборот, становится драйвером для осознания возможности и одобряемости солидарных действий. Несмотря на то, что экологические практики носят преимущественно ситуативный или индивидуальный характер, природа и экологическая повестка для российского общества, и в особенности его молодежной страты, несет в себе аксиологическое и телеологическое наполнение.

Природа как символический резервуар идентичности

Символическое наполнение природных символов также является гранью экологической политики и экологической этики. Ценностное и сакральное наполнение природных объектов становится не только символическим резервуаром для формирования образа Родины, но и критериями идентичности и, как следствие, политических смыслов. Еще в 2013 г. в исследовании был зафиксирован четкий тренд на повышение значимости природных символов как репрезентирующих образ Родины, что выступило манифестацией витализации символических значений, повышением значимости архетипических, связанных с природой символов и снижением значимости государственно-политических символов.

Соответственно природные символы взяли на себя функцию политического репрезентации. Ни один из собственно политических (или политико-культурных) символов не являлся абсолютным лидером по частоте упоминания, даже Московский Кремль упоминался гораздо реже, чем ожидалось. Наоборот, природные символы — прежде всего озеро Байкал (частота упоминания одинакова с упоминанием Кремля как символа державы), иные природные объекты — были представлены в качестве символов и наполняемости образа России, что позволило сделать серьезный *вывод об изменении образа Родины — от «моей страны» к «моей земле», к более глубинным взаимоотношениям человека и природы, выстраивающим социальность, онтологию и этику.* Данная тенденция за 10 лет стала четко оформленной: из года в год в рамках проведения фокус-групповых исследований наравне с общегосударственными символами (флаг, гимн, Кремль) возникают и природные сюжеты — как природа сама по себе (леса, береза, медведь как отдельные символы), так и отдельные природные объекты, (озеро Байкал) или регионы (например, Камчатка). Доминирование природных объектов и образов природы и вытеснение символов политического или социального характера маркирует фрейм *«Моя земля»*, отражаясь как в картине «горы, моря, леса, тайга», так и в собственно природных объектах — Байкал, Сибирь, Волга.

Это глубочайший антропологический и социокультурный сдвиг, который фиксируют многие исследователи. Переход от историко-культурных символов (памятники, даты, герои, архитектурные стили) к природным (море, степи, леса, скалы, чистая вода, солнце) как маркерам идентичности особенно заметен у молодых поколений. Этот переход может быть связан с целым рядом причин.

1. В отличие от культурно-исторических символов, которые почти всегда сшиты с официальными идеологиями и государственными нарративами, природные символы аполитичны. В условиях кризиса доверия к институциям молодой человек выбирает то, что не может быть сфальсифицировано: горы, море или тайгу.

2. В эпоху тотальной виртуализации и цифровых симулякров именно физическое присутствие в ландшафте становится главным критерием подлинности («это по-настоящему»). Идентичность теперь не выучивается, а проживается.

3. Природа, в отличие от истории, не травматична. Обращаясь к ней, молодой человек снимает с себя груз «проклятых вопросов» прошлого и переходит к вневременному, экзистенциальному переживанию («я — часть этой земли, а не часть этой истории»).

4. Чем острее осознание климатического кризиса, тем важнее природа как символ.

5. Исторические символы — это рассказ (нарратив), который требует контекста. Природные — это образ (имидж), который воспринимается мгновенно и эмоционально. В клиповом мышлении, доминирующем у молодежи, сильнее действуют визуальные и эмоциональные коды, чем линейные исторические цепочки.

6. В противовес государственному нарративу исторической памяти, транслируемому в ходе политической социализации в процессе образования, природа воспринимается как более личное, семейное, локальное, подлинное.

Таким образом, мы наблюдаем постепенный переход от исторического патриотизма к патриотизму экологическому, где Родина — это не история завоеваний, а чистый воздух, вода и земля, которые можно потерять прямо сейчас. И этот длинный тренд необходимо учитывать.

Заключение

Природа и экология обладают значительным потенциалом как объединяющие ценности для современного общества. Экологический кризис создает уникальную ситуацию, в которой общие угрозы могут способствовать формированию новой солидарности. Как показывают исследования, экологическая проблематика все чаще становится не просто вопросом консенсуса, а глубоким структурирующим политическим расколом между экологизмом и экономической эффективностью. В современной российской общественной повестке природоохранные ценности не занимают доминирующее положение в качестве консолидирующего национального ориентира. Их значимость уступает приоритетам, связанным с обеспечением государственной безопасности, реализацией масштабных инфраструктурных проектов и развитием человеческого потенциала, которые воспринимаются как более насущные задачи социально-политического развития. Тем не менее для молодежи ценности сбережения природы являются аттрактивными и объединяющими. Отдавая приоритет индивидуальным экологическим инициативам, которые дают ощущение агентности, молодежь вместе с тем все более склонна выстраивать свою идентичность на основе экологического патриотизма.

Поступила в редакцию / Received: 17.08.2026
Доработана после рецензирования / Revised: 20.08.2026
Принята к публикации / Accepted: 25.08.2026

Библиографический список

Латур Б. Политики природы. Как привить наукам демократию. Москва : Ад Маргинем Пресс, 2018.

Мармазова Т.И., Фоменко М.В. Политическая экология: теория и прикладное значение // Право и практика. 2021. № 1. С 198–204. http://doi.org/10.24412/2411-2275-2021-1-198-204 EDN: ADEZNF

Романова Т.А. Что такое политическая экология? От практики к теории и стратегии // Russia in Global Affairs. 2010. Т. 8. № 5. URL: https://globalaffairs.ru/articles/chto-takoe-politicheskaya-ekologiya/

Хайнацкая Т.И. Разделенные общества: экологическое измерение // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2023. № 2. С. 84–99. http://doi.org/10.20542/afij-2023-2-84-99 EDN: SJIEWM

Якуцени С.П., Буровский А.М. Политическая экология. Directmedia, 2015.
Attfeld R. The Ethics of Environmental Concern. N.Y. : Columbia univ. press. 1983. 220 p.
Huxley A. The human situation: Lectures at Santa-Barbara, 1959 / ed. by Piero Ferrucci. New York [etc.]: Harper & Row, 1977.
Lynn White Jr. The historical roots of our ecologic(al) crisis. Science 155 (10 March 1967) (reprinted in F.A. Schaeffer, Pollution and the Death of Man. Hodder & Shoughton, 1974. P. 70–81.
Pecchei A. Le Club du Rome: ordre des jour pour la fin du sciecle// Fituribles. 1984. No. 76. P. 3–14.
Passmore J. Man's Responsibility for Nature. Duckworth, 1974.

Сведения об авторах:

Мчедлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов; главный научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: mchedlova-mm@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-4635-1741, SPIN-код: 6083-2049, AuthorID: 569349, Scopus ID: 35435829900, WOS ID: A-4465-2017).

Казаринова Дарья Борисовна — кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (e-mail: kazarinova-db@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-9416-5898, SPIN-код: 2638-8538, AuthorID: 613327, Scopus ID: 57195478048, WOS ID: A-5085-2017).

RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 3 592–611**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-3-592-611
EDN: MCBBGF

Научная статья / Research article

Молодежь, зеленая повестка и политика развития сельских территорий Юга России

Е.В. Морозова[1] ✉, А.В. Рогов[2], И.В. Мирошниченко[1], Н.Т. Русия[1], У.А. Клычева[1]

[1]Кубанский государственный университет, *Краснодар, Российская Федерация*
[2]Астраханский государственный университет, *Астрахань, Российская Федерация*
✉ morozova_e@inbox.ru

Аннотация. Изучение российской сельской молодежи требует новых подходов, учитывающих современные реалии. Противоречивые оценки в научном дискурсе в определенной степени являются проекцией контрастных образов села в массовом сознании. На основе анализа данных эмпирического исследования сельской молодежи в двух регионах Юга России — Краснодарского края и Астраханской области — авторы выявили основные мотивы жизни на селе или переезда в сельскую местность, представления о преимуществах и недостатках сельского образа жизни, будущем своих населенных пунктов. Показана роль экологических факторов в определении жизненных стратегий сельской молодежи. Изменение парадигмы развития возможно на основе внедрения новых форм мотивации сельской молодежи. Критически важным является учет регионального фактора, особенностей ценностных ориентаций и условий жизни молодых людей в различных субъектах РФ.

Ключевые слова: политика развития, сельские территории, сельская молодежь, зеленая повестка, сельская идентичность, образ будущего

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект 25-28-00887 «Идентификационные стратегии и практики молодежи как фактор политики развития сельских территорий».

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Морозова Е.В., Рогов А.В., Мирошниченко И.В., Русия Н.Т., Клычева У.А.* Молодежь, зеленая повестка и политика развития сельских территорий Юга России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 3. С. 592–611. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-592-611 EDN: MCBBGF

© Морозова Е.В., Рогов А.В., Мирошниченко И.В., Русия Н.Т., Клычева У.А., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Young Generation, the Green Agenda, and Rural Development Policy in Southern Russia

Elena V. Morozova[1] ✉, Alexander V. Rogov[2], Inna V. Miroshnichenko[1], Natella T. Rusiya[1], Ulyana A. Klycheva[1]

[1]Kuban State University, *Krasnodar, The Russian Federation*

[2]Astrakhan State University, *Astrakhan, The Russian Federation*

✉ morozova_e@inbox.ru

Abstract. The study of Russian rural young generation requires new approaches that take into account contemporary realities. Conflicting assessments of "rurality" in academic discourse are, to a certain extent, the projection of contrasting images of the countryside in the public consciousness. Retaining young people in rural areas is key to rural development, a barrier to depopulation, and a source of economic and social innovation. Based on the analysis of empirical data from the study of rural young people in two regions of southern Russia — Krasnodar Krai and Astrakhan Oblast — the main motivations for living in or moving to the countryside, their perceptions of the advantages and disadvantages of a rural lifestyle, and the future of their communities are defined. The role of environmental factors in determining life strategies of rural young people is demonstrated. The shift in rural development paradigm is possible through introduction of new forms of motivation for rural youth, focusing not only on using modern agricultural technologies but also on development of creative industries in rural areas. It is critically important to consider regional factors, the specific values and living conditions of young people in various regions of The Russian Federation.

Keywords: development policy, rural areas, rural young people, green agenda, rural identity, vision of the future

Acknowledgements. The article was prepared with financial support of the Russian Science Foundation, project 25-28-00887 "Identification strategies and practices of young people as a factor in rural development policy."

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Morozova, E.V., Rogov, A.V., Miroshnichenko, I.V., Rusiya, N.T., & Klycheva, U.A. (2026). Young generation, the green agenda, and rural development policy in southern Russia. *RUDN Journal of Political Science, 28*(3), 592–611. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-592-611 EDN: MCBBGF

Введение

Современные российские социологи села, констатируя парадоксальность проблемного поля социально-гуманитарных наук, связанного с развитием села, посетовали на то, что многие современные паттерны сельской реальности остаются за рамками исследовательского интереса аграрных социологов. «Уже сегодня возникают предпосылки рурализационных тенденций саморазвития, обретения нового постаграрного образа жизни с качественно

новой спецификой труда, образования, рекреации, здравоохранения, туризма, информационного обслуживания, воспитания, досуга… Рассмотреть, как сельско-городская жизнь, стремительно двигаясь, „шьет саван прошлому и пеленки будущему“, и что при этом останется неизменным, — захватывающая задача будущим исследователям!» [Великий, Вяльшина 2025: 3]. С благодарностью подхватывая предложенную метафору, авторы данной статьи задались вопросом: выступает ли молодежь в связке движущих сил инновационной трансформации сельской жизни?

Сельская молодежь во многих современных исследованиях сравнивается с городской молодежью, чей опыт и стиль жизни воспринимаются как нормативная модель, при этом само пространство деревни маркируется как нелегитимное и структурно депривирующее молодежь [Нартова, Крупец 2019: 343]. Многие авторы считают молодежь типичными социальными эксклюзантами. Такая позиция контрастирует с нашими представлениями, сложившимися по итогам анализа материалов эмпирического исследования в Краснодарском крае и Астраханской области. Несмотря на достаточно большое количество проблем, молодежь проявляет оптимизм относительно будущего своих сельских поселений. Противоречивые оценки ученых в определенной степени являются проекцией контрастных образов села в массовом сознании: с одной стороны, сельская территория воспринимается как царство архаики, обреченной на вымирание, с другой — как носитель «российского культурного кода», воспроизводящий глубинные культурные ценности российской цивилизации [Великий, Вяльшина 2025].

«Demography is destiny» (Демография — это судьба) — эта фраза, приписываемая Огюсту Конту, сегодня часто встречается в публицистическом дискурсе. Демографическое старение стран и регионов приводит не только к социально-экономическим проблемам и возможному замещению коренного населения мигрантами. Сохранение и закрепление молодежи на селе является залогом развития сельских территорий, барьером их депопуляции, источником экономических и социальных инноваций. Классическая триада «сельскости» — проживание в сельской местности, занятость в аграрном производстве и приверженность традиционным ценностям — сегодня редко встречается в единстве трех ее компонентов. В современном мире формируются множественные гетеролокальные идентичности, привязанные сразу к нескольким местам проживания, происходит гибридизация «сельского» и «городского», смешение стилей жизни. Сельский труд диверсифицируется, появляется сельский прекариат. Переселенческие потоки находятся в русле общемировой тенденции рурализации.

Исследования сельских сюжетов требуют особого внимания к региональным особенностям, ведь налицо значительные диспропорции развития сельских территорий в различных регионах, причем причиной могут быть не только природно-климатические различия, но и качество управления. Данное исследование проведено на материалах двух регионов Юга России — Краснодарского края и Астраханской области. При значительных отличиях отраслевой

структуры сельского производства, этнического и конфессионального состава сельского населения в этих регионах процессы депопуляции компенсируются высоким миграционным приростом.

Методология и методы исследования

Одним из теоретических обоснований данного исследования стала разработанная В.И. Чупровым концепция молодежи как субъекта общественного воспроизводства и общественной жизни [Чупров 2008], получившая продолжение в работах Ю.А. Зубок, которая рассматривает молодежь как саморазвивающийся субъект изменений реальности [Зубок 2022: 23–24]. Ценной для исследования оказалась идея М.А. Ядовой о глокальных моделях взросления, сочетающих глобальные поколенческие тренды со специфическими «местными» особенностями [Ядова 2022]. Применительно к сельской молодежи белорусскими учеными предложена интегральная модель анализа жизненных стратегий [Балич 2023].

Роль молодежи рассматривается в контексте изменений социокультурных и социально-политических аспектов жизненного мира современного российского села [Великий 2022; Тощенко 2018; Виноградский, Виноградская 2023; Шмаков 2020]. Немаловажную роль в понимании социокультурных изменений играют предложенные И.С. Семененко идеи о синтезе традиций и инноваций в политике развития [Семененко 2023], а также сформулированная краснодарскими авторами концепция нематериальных ресурсов политики развития сельских территорий [Мирошниченко, Морозова, Русия 2025].

Методология исследования основана на сочетании количественных и качественных методов. Эмпирическую базу исследования составили материалы электронного опроса сельской молодежи, который производился на платформе Survey-Studio с возможностью аутентификации респондента по IP-адресу (респондент не мог дважды заполнить анкету по электронной ссылке). Объем выборочной совокупности составил 600 респондентов в возрасте от 18 до 39 лет, половина из которых проживают в сельских поселениях Краснодарского края, а половина — в сельских поселениях Астраханской области. Интересные данные были получены в ходе фокус-групповых интервью с сельской молодежью в 10 районах этих же регионов (6 в Краснодарском крае и 4 в Астраханской области). В ходе исследования дополнительно осуществлялся мониторинг и качественный контент-анализ аккаунтов 36 сельских блогеров в социальных сетях (Telegram, ВКонтакте, Одноклассники) в 2024–2025 гг.

Сельская молодежь Кубани и Нижнего Поволжья о настоящем и будущем своих территорий

Селяне составляют 35,6 % общей численности населения Астраханской области и 42,9 % в Краснодарском крае. Сельское население Астраханской области за период между двумя последними переписями населения выросло на 2,3 %, доля молодежи с 18 до 35 лет в общем составляет в структуре сельского населения

21,2 %. Если в городских населенных пунктах Краснодарского края население за 2010–2022 г. выросло на 15 %, то в сельских — на 1,9 %. С 2020 г. рост численности сельского населения края сменился его сокращением, что в итоге привело к снижению его доли во всем населении с 47,1 до 42,9 %. В Краснодарском крае, и преимущественно на его сельских территориях, происходит активная миграция пожилого населения из других регионов страны. С увеличением доли пожилых снижается доля трудоспособного населения, которая за тот же период сократилась на 2,8 % (с 58,6 % в 2011 г. до 55,8 % в 2022 г.) [Ракачев 2023].

Данные авторского онлайн-опроса 600 молодых селян Краснодарского края и Астраханской области, проведенного летом 2025 г., позволяют оценить представления респондентов о преимуществах и недостатках жизни в сельской местности, уровне собственной социальной активности и перспективах своей «малой Родины» в будущем. 76,3 % респондентов проживают в сельской местности всю жизнь, около половины из них имели незначительные перерывы на учебу или службу в армии. 15,2 % участников опроса переехали из города, а 8,5 % уезжали из сельской местности, а потом вернулись обратно. Основными причинами проживания в сельской местности из расчета мнений респондентов, проживающих в сельской местности всю жизнь, за исключением незначительных перерывов, являются проживание в данной местности родных и друзей (47,4 %) и определение места проживания, поскольку для респондента это место рождения (38,0 %). Причины переезда горожан на село в Краснодарском крае и Астраханской области отличаются (табл. 1). Мотивы экологии и близости к природе, возможности профессионального роста и личной безопасности и безопасности людей у кубанских респондентов в приоритете, а для астраханцев, наряду с экологией, важна возможность вести бизнес и государственная поддержка.

Таблица 1

Причины переезда в сельскую местность из города, % из расчета респондентов, осуществивших переезд

Вариант ответа	Общий	Астраханская область	Краснодарский край
Безопасность	7,7	10,6	4,5
Экология и близость к природе	35,2	29,8	40,9
Возможность вести бизнес	7,7	10,6	4,5
Возможность профессионального роста	11,0	8,5	13,6
Государственная поддержка	4,4	6,4	2,3
Личная безопасность и безопасность детей	7,7	2,1	13,6
Другое	26,4	31,9	20,5

Источник: составлено Е.В. Морозовой и соавторами по результатам исследования.

Основной причиной возвращения в сельскую местность из числа респондентов, уезжавших, но вернувшихся обратно является нехватка ресурсов для проживания в городе (23,5 %). Респонденты из Краснодарского края в большей

степени акцентировали внимание на финансовых трудностях проживания в городе (30 %). Респонденты из Астраханской области указали на изменение в семейном положении (33 %).

Региональные отличия наблюдаются и в ответе на вопрос «Как Вы в целом относитесь к сельскому образу жизни?», хотя основная масса респондентов (62,2 %) определяет свое отношение относительно проживания в сельской местности как свой позитивный и осознанный выбор (табл. 2). Доля тех, кто воспринимает жизнь на селе как вынужденную меру и хотел бы жить в городе, в Астраханской области составляет четверть всех опрошенных и в два раза превышает аналогичный показатель в Краснодарском крае.

Таблица 2

Отношение к сельскому образу жизни, %

	Вариант ответа	Общий	Астраханская область	Краснодарский край
1.	Мне нравится здесь жить, это мой осознанный выбор	62,2	54,0	70,3
2.	Это вынужденная мера, хотел(а) бы жить в городе	19,3	25,3	13,3
3.	Затрудняюсь ответить	18,5	20,7	16,3

Источник: составлено Е.В. Морозовой и соавторами по результатам исследования.

Участникам исследования предлагалось распределить по степени важности позиции, которые они считают важными для себя в первую и в последнюю очередь. Таким образом, было выявлено, что наши респонденты, проживающие в сельской местности, считают себя: 1) гражданами России, 2) представителями своего поселения, 3) жителями своего региона (области/края), 4) представителями своего народа (этноса), 5) представителями своей профессии, 6) представителями своей веры (религии), 7) представителями определенных политических взглядов. Региональная специфика вопроса соответствует средневыборочному показателю исследования. Локальная идентичность находится на втором месте по значимости для участников опроса, при этом значительно уступая общероссийской гражданской идентичности (табл. 3).

Такая последовательность самоидентификаций характерна скорее не для южного региона, а для сельской молодежи в целом. Замеры, проведенные учеными ЮФУ, отражают социальное противоречие — высокий уровень микрорегиональной идентичности сельчан и низкий уровень макрорегиональной идентичности сельских жителей [Шадриков 2017: 151]. Ранее мы обращали внимание на проявления дискредитации сельской идентичности [Морозова 2023], связанные с обесцениванием, принижением коллективной идентичности. 32,7 % астраханских респондентов и 17,7 % респондентов из Краснодарского края сталкивались с недоброжелательным или пренебрежительным отношением к себе как представителю сельского сообщества в форме грубого отношения, насмешек, прямых оскорблений и даже буллинга в Интернете.

Таблица 3

Самоидентификация респондентов, где 1 — это наиболее важная степень, 7 — наименее важная степень (сред. знач.)

	Утверждение	Общий	Астраханская область	Краснодарский край
1.	Я — россиянин (россиянка)	2,53	2,07	2,99
2.	Я — житель своего поселения	3,12	3,01	3,23
3.	Я — житель своего региона	3,31	3,27	3,35
4.	Я — представитель своего народа (этноса)	3,42	3,48	3,36
5.	Я — представитель своей профессии	4,19	4,73	3,65
6.	Я — представитель своей веры (религии)	4,20	4,72	3,69
7.	Я — представитель определенных политических взглядов	5,10	5,99	4,20

Источник: составлено Е.В. Морозовой и соавторами по результатам исследования.

Преимущества сельского образа жизни в представлении респондентов выглядят следующим образом: спокойный ритм жизни (81,8 % от общего количества ответов), близость к природе (77,7 %), возможность вести подсобное хозяйство (40,0 %), а также возможность воспитывать детей в безопасной среде (35,7 %). Четверть от общего количества ответов указывают на сильное сообщество и поддержку соседей как привлекательную черту сельской жизни. Среди недостатков сельского образа жизни респонденты отметили прежде всего ограниченный доступ к услугам медицины и образованию (58 % общего количества ответов), а половина респондентов указали на такие недостатки, как дефицит досуговых возможностей, плохая инфраструктура, ограниченные возможности для работы и карьеры и низкий уровень зарплат. Недостатки инфраструктуры (дороги, транспорт и связь) больше волнуют астраханских респондентов в сравнении с краснодарскими (62,3 против 46 %).

В табл. 4 представлена информация о роде деятельности респондентов. Обращает на себя внимание больший процент безработных респондентов среди сельской молодежи Астраханской области.

Таблица 4

Род деятельности респондентов, %

	Вариант ответа	Общий	Астраханская область	Краснодарский край
1.	Работаю в государственной бюджетной организации	28,8	30,0	27,7
2.	Работаю по найму в частном бизнесе	13,5	10,0	17,0
3.	Предприниматель	5,2	3,0	7,3
4.	Самозанятый	18,3	17,3	19,3
5.	Работаю сезонно от случая к случаю	5,5	5,0	6,0
6.	Безработный(ая)	24,7	31,7	17,7
7.	Другое	4,0	3,0	5,0

Источник: составлено Е.В. Морозовой и соавторами по результатам исследования.

Респонденты по возрасту относятся к поколениям миллениалов и зумеров, их включенность в практики цифрового общества велика: 96,5 % пользуются Интернетом ежедневно. По степени популярности в нашей аудитории лидирует Telegram, которым постоянно пользуются 74,7 % респондентов, WhatsApp (49,5 % пользуются постоянно) и TikTok (36 %)[1]. Около половины респондентов (52,6 %) сталкиваются с трудностями при использовании цифровых технологий, но связано это с ограничениями мобильного интернета в южных регионах в период СВО.

Данные о социальной активности респондентов и их включенности в общественную жизнь не вызывают оптимизма (табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Участвуете ли Вы в жизни местного сообщества (например, в собраниях, мероприятиях, инициативах)?», %

	Вариант ответа	Общий	Астраханская область	Краснодарский край
1.	Да, регулярно	14,0	11,7	16,3
2.	Иногда	26,2	24,7	27,7
3.	Редко	24,2	25,3	23,0
4.	Не участвую	35,7	38,3	33,0

Источник: составлено Е.В. Морозовой и соавторами по результатам исследования.

Среди форм социально-политической активности респонденты отметили участие в выборах (35,0 %) и участие в волонтерских акциях (19,9 %). Хотели бы принимать более активное участие в общественной жизни своего населенного пункта 28,8 % респондентов, остальные участники опроса оценили такую перспективу негативно (29,2 %) или неопределенно — затруднились ответить (42,0 %).

В этом контексте образ будущего своего населенного пункта представляется респондентам достаточно позитивным (табл. 6). 60 % респондентов убеждены, что населенный пункт будет развиваться, станет более современным, при этом уровень оптимизма кубанской сельской молодежи значительно выше. В то же время доля тех, кто считает, что населенный пункт будет приходить в упадок, у астраханской сельской молодежи в три раза больше, чем у кубанской (19,7 против 6,0 %).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Как Вы видите будущее вашего населенного пункта через 10 лет?», %

	Вариант ответа	Общий	Астраханская область	Краснодарский край
1.	Населенный пункт будет развиваться, станет более современным	60,8	51,0	70,7
2.	Населенный пункт останется таким же, как сейчас	18,2	20,0	16,3
3.	Населенный пункт будет приходить в упадок	12,8	19,7	6,0
4.	Затрудняюсь ответить	8,2	9,3	7,0

Источник: составлено Е.В. Морозовой и соавторами по результатам исследования.

[1] Во время проведения опроса мессенджер Max еще не получил широкого распространения

Образ будущего сельских территорий во многом определяется фактором преемственности поколений. У поколения родителей нынешней молодежи самые продуктивные годы жизни пришлись на «лихие 90-е», сопровождавшиеся деградацией села. «Неустроенность сельской жизни, девальвация многих традиционных ценностей русского крестьянства и неверие в перспективность жизни на селе стали в начале нового столетия социальными катализаторами процесса отчуждения сельских учащихся и их сверстников от земли и крестьянского труда» [Силласте 2003: 73]. Формирование личности молодых селян происходило в условиях острого социального противоречия между традиционной системой ценностей сельской семьи и качественно противоположными по своему содержанию и нравственно-психологическому «коду» ценностями общества переходного периода. Родственники и ближайшее окружение молодых сельчан содействовали их отъезду в города, поддерживая своих детей морально и материально [Передерий 2021: 13]. Эскапистская модель миграции в значительной мере стала следствием стигматизации «сельскости» как явления архаичного, неспособного воспринимать инновации. Закрепившиеся стереотипы обладают колоссальной силой, и теперь уже представители поколений миллениалов и зумеров не высказывают большого энтузиазма к перспективе жить на селе для своих детей (табл. 7), причем отрицательных ответов у астраханцев почти в 2 раза больше, чем у респондентов из Краснодарского края.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос «Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети жили в сельской местности?», %

	Вариант ответа	Общий	Астраханская область	Краснодарский край
1.	Да	37,0	32,3	41,7
2.	Нет	31,7	40,3	23,0
3.	Затрудняюсь ответить	31,3	27,3	35,3

Источник: составлено Е.В. Морозовой и соавторами по результатам исследования.

Анализ материалов количественного исследования подтверждает наличие как общих поколенческих характеристик сельской молодежи, так и значительные региональные отличия. Выскажем предположение, что региональная дифференциация является косвенным подтверждением тезиса, высказанного сибирским ученым О.В. Нечипоренко о поляризации сельского социально-экономического пространства, проявляющейся в его сегментации на кластеры инновационных изменений, образующие «архипелаговые» структуры и деградирующие территории доминирования традиционных хозяйственных укладов (модель «экономического сжатия») (Нечипоренко 2015). Учет этого фактора критически важен при разработке программ развития человеческого потенциала сельских территорий, преодоления депопуляции села и сохранения молодежи как ресурса развития.

Анализ полученных данных показывает, что различия в оценках сельской молодежи Краснодарского края и Астраханской области обусловлены не только индивидуальными предпочтениями респондентов, но и совокупностью специфических региональных факторов, формирующих неодинаковые условия жизнедеятельности. Краснодарский край, характеризующийся высокой степенью аграрной модернизации, развитой инфраструктурой и миграционной привлекательностью, создает более благоприятную среду для социально-экономической самореализации молодежи, что отражается в более высоких показателях оптимизма, вовлеченности в общественную жизнь и позитивного отношения к сельскому образу жизни. В свою очередь, Астраханская область демонстрирует влияние структурных ограничений — низкой плотности населения, сезонности занятости, опустынивания земель и водного дефицита, инфраструктурных дефицитов и ограниченной цифровой включенности, что усиливает ощущения нестабильности и вынужденности проживания, повышает долю негативных оценок будущего сельских территорий и снижает уровень социальной активности. Эти различия указывают на необходимость учитывать многофакторную природу региональной дифференциации.

«Зеленое измерение» жизненных стратегий сельской молодежи

Анализ эмпирических данных показывает, что экологическая проблематика присутствует в сознании сельской молодежи опосредованно, но устойчиво. С одной стороны, она редко артикулируется в терминах зеленой политики или устойчивого развития, с другой — ценности экологической среды, качества воздуха, природной среды и рекреационного потенциала территории устойчиво присутствуют в аргументации жизненных стратегий и территориальной привязанности.

Экологические параметры среды выступают не только ценностной рамкой, но и практическим фактором мобильности. В ряде фокус-групп экологический фактор прямо обозначается как аргумент в пользу жизни в сельской местности. Так, участница из Тимашевского района отмечает: «*Я очень люблю свою станицу: природу, чистый воздух — все эти заводы от нас далеко. Поэтому осознанно приняла решение жить там*» (из фокус-группы в Тимашевском районе Краснодарского края). Схожая позиция прослеживается и в Тихорецком районе, где участники, характеризуя причины переезда в сельскую местность, подчеркивают: «*...здесь люди добрее, отзывчивее. Проще устроить свою жизнь, благоустроить. Лучше воздух. Часто упоминают об этом. Лучше обстановка для детей*». В Крымском районе мотив экологической безопасности и качества среды также фиксируется в нарративе переезда: *«У нас вроде было очень грязно из-за завода угольного, и был воздух грязный, и поэтому родители решили переехать в более теплый климат, потому что там было невозможно жить».* Экологическое измерение редко осмысляется сельской молодежью как самостоятельная политическая повестка, однако фактически выступает важным фактором территориальной мобильности и закрепления на селе. Важно отметить, что

экологическая аргументация часто сочетается с социально-экономическими факторами (ипотечные программы, стоимость жилья, инфраструктура), но не сводится к ним. Экология включается в рациональный расчет жизненной стратегии как компонент качества жизни, влияющий на здоровье, воспитание детей и психологическое благополучие.

Количественные результаты исследования показывают высокий уровень локальной привязанности и оптимизма сельской молодежи. Это особенно важно в контексте зеленой повестки: сохранение природного капитала территории становится частью локальной идентичности. В интервью экологическая культура проявляется в представлении о «спокойной, размеренной жизни», безопасности для детей и отсутствии урбанистических рисков: *«Ребенок может спокойно кататься в парке на самокате…»* (из фокус-группы в Тимашевском районе Краснодарского края) Здесь зеленая повестка носит преимущественно повседневный характер: она выражается в ценности чистого воздуха, природной среды, доступности рекреационных ресурсов, благоприятного климата. Отметим, что экологическая культура не носит протестного или политизированного характера. Она не артикулируется как требование экологической реформы, но выражается в поддержке тех моделей развития, которые не разрушают среду. Тем самым формируется специфический тип зеленой субъектности — не активистской, а интегративной, связанной с повседневными практиками и жизненными стратегиями.

Количественные данные демонстрируют устойчиво позитивное видение будущего сельских населенных пунктов. Важно, что этот оптимизм не сопровождается ожиданием урбанистической трансформации в сторону индустриализации или плотной застройки. В фокус-группах модернизация не противопоставляется природному ландшафту, а мыслится в его сохранении. Респонденты подчеркивают ценность «чистого воздуха» и «лучшей обстановки для детей». Модернизация в представлении сельской молодежи — это не отказ от экологических преимуществ, а их институциональное закрепление. Это принципиально отличает сельскую перспективу от городского сценария развития, где модернизация часто ассоциируется с уплотнением и ростом экологической нагрузки.

Наши результаты коррелируют с данными проведенного в 2025 г. опроса ВЦИОМ[2] о восприятии молодежью экологических проблем. В большей степени молодые люди интересуются экологической ситуацией в стране, чаще всего экологической ситуацией в регионе и в конкретном населенном пункте заинтересована старшая молодежь от 30 до 35 лет (51 и 52 % соответственно). Зачастую интерес к экологическим проблемам среди молодых людей обусловлен проблемами вывоза, складирования и утилизации мусора (65 %), загрязненностью лесов, водоемов, прибрежных территорий (64 %) и заботой о собственном здоровье (60 %), причем для сельской молодежи в приоритете прежде всего проблема

[2] Экология должна быть экономной? // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologija-dolzhna-byt-ehkonomnoi (дата обращения: 18.02.2026).

загрязненности лесов, водоемов, прибрежных территорий (70 % ответивших). При этом молодые люди слабо включены в активные формы: лишь 12 % ответивших участвуют в мероприятиях по озеленению территорий и экологических субботниках. Однако молодые люди осознают, что экологическая обстановка конкретно в их населенном пункте зависит от них самих (76 %).

Показательно, что экологическая активность молодежи часто является продолжением исторических традиций, сложившихся в конкретных регионах. В Краснодарском крае казачество возрождает многие традиции природопользования. С 2018 г. представители казачьих организаций получили возможность приобретения статуса общественных экологических инспекторов. Между Кубанским казачьим войском, администрацией Краснодарского края и Министерством природных ресурсов РФ заключено трехстороннее соглашение, в соответствии с которым казаки получают финансовую поддержку на совместную организацию природоохранных мероприятий. В тех районах края, где чаще всего происходит незаконная вырубка особо ценных пород древесины, на помощь лесникам направлены казаки [Терновая 2021: 82].

Экологические ценности проявляются в бережном отношении к окружающей природе. Высшим грехом считалось у донских казаков плюнуть в реку. Для поимки браконьеров (тогда их называли «хищники») существовали войсковые смотрители, которые имели под началом вооруженную команду для надзора за исполнением законов о рыболовстве, была учреждена должность смотрителя «рыбных ловель». Рыбные угодья охраняли и берегли как свой дом [Петрушенко, Мерзляков, Агеева 2017]. Молодежь Астраханской области участвует в сохранении рыбных ресурсов Нижневолжского региона. В Астраханском заповеднике проходит акция «Голубой патруль»: уже не один десяток лет школьники спасают рыбную молодь из пересыхающих водоемов[3].

Сельская молодежь в фокусе политико-управленческих практик

Факторы, позитивно влияющие на субъектную позицию молодежи в политике развития сельских территорий, нуждаются в специальном рассмотрении и классификации. В научном дискурсе рассматриваются такие факторы, как характер постсовременного общества, которое, «не предлагая молодежи готовых сценариев жизни, требует от нее значительных адаптационных способностей, готовности к переменам, а иногда и к резкой смене жизненного маршрута» [Ядова 2022: 103]; изменение системы ценностей молодежи с акцентом на экологическое благополучие [Зубок, Чупров 2020]. Важными факторами являются постепенное становление многоукладности сельской экономики и диверсификация аграрной модели хозяйствования, цифровизация всех сфер жизни сельского социума. Ученые выделили и внутренние, личностные факторы, — включенность

[3] В Астраханском заповеднике проводят экологическую акцию «Голубой патруль». URL: https://lotosgtrk.ru/news/v-astrakhanskom-zapovednike-provodyat-ekologicheskuyu-aktsiyu-goluboy-patrul/ (дата обращения: 21.02.2026).

в систему социальных связей, уровень личных притязаний и уровень адаптивности, стратегии совладания с трудными жизненными ситуациями.

В современном научном дискурсе молодежь как объект государственного управления рассматривается с позиций двух подходов: ресурсо- и проблемно-ориентированного, которые определяют не только набор действий правительств в отношении целевых групп молодежи (в том числе сельской молодежи), но и смыслы, конструируемые в отношении молодежи и ее роли в сценариях развития государства [Мирошниченко, Шпиро, Федоренко 2022]. Политико-управленческие практики относительно сельской молодежи в современной России имеют гибридный характер, причем баланс постепенно смещается в пользу ресурсно-ориентированного подхода.

В новой редакции ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»[4] подчеркнута необходимость включения молодых людей в социально-экономическое развитие сельских территорий, а повышение привлекательности сельского образа жизни среди молодежи выступает в качестве одного из стратегических направлений молодежной политики. В Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г.[5] большое внимание уделяется профессиональной и творческой самореализации молодых сельчан, одной из ключевых задач стратегии является поддержка молодежных инициатив по сохранению сельского исторического и культурного наследия для передачи опыта и традиций. В Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г.[6] делается акцент на привлечении молодых специалистов для профессиональной деятельности в сельской местности, возможностях ее самореализации в различных сферах.

Постепенно создаются новые социальные лифты для сельской молодежи. В рамках платформы «Россия — страна возможностей», по поручению Президента РФ от 16 июля 2025 г., проводится конкурс управленцев «Лидеры агропромышленного комплекса»[7], целью которого является выявление и поддержка перспективных молодых руководителей в агропромышленном комплексе, привлечение их в развитие бизнеса на селе.

[4] Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 21.02.2026).

[5] Распоряжение Правительства РФ от 2 февраля 2015 г. № 151-р «Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г.» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174933/2844094b7ba6e57e91fd5bb036ee91d9f6727238/ (дата обращения: 21.02.2026).

[6] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г.» // КонсультантПлюс. URL: https://mvd.consultant.ru/documents/1058573 (дата обращения: 21.02.2026).

[7] Лидеры агропромышленного комплекса // Президентская платформа «Россия — страна возможностей» : офиц. сайт. URL: https://rsv.ru/competitions/project/1/f6f8982f-9419-4119-a951-e0644bee46b4/ (дата обращения: 21.02.2026).

Всероссийский конкурс для агромолодежи «Я в агро»[8], включает направления для нескольких категорий участников — от агропредпринимателей до агроблогеров.

Значимой площадкой по всестороннему развитию сельской молодежи, поддержке ее инициатив, а также закреплению молодых людей на селе и развитию сельских территорий является Российский союз сельской молодежи (РССМ), появившийся в 2008 г. с целью создания возможностей для самореализации молодежи в сельской местности. На сегодняшний день Российский союз сельской молодежи объединяет более 64 тыс. активистов и осуществляет свою деятельность в 85 субъектах Российской Федерации. Деятельность РССМ охватывает широкий спектр направлений: образовательные (например, была разработана и реализована программа повышения квалификации «Практика управления сельской территорией»), спортивные (проект «Спорт на селе»), творческие (проект «АРТвСело», способствующий развитию креативных индустрий на селе, конкурс молодых ремесленников и дизайнеров «Творчество на селе»), предпринимательские (например, проект «Школьный агростартап», проект «Молодые предприниматели села», популяризирующие фермерство среди молодежи).

РССМ реализует проекты, направленные на устойчивое развитие сельских территорий. В их числе межрегиональный конкурс «БайСтади», целью которого является повышение уровня знаний в области защиты растений среди студентов и аспирантов агрономических факультетов аграрных вузов; «Гражданский контроль на сельских территориях», направленный на выявление лидеров общественного мнения в муниципальных образованиях, определение динамики развития АПК и уровня жизни в сельской местности, а также поддержка гражданских инициатив по развитию сельских территорий; информационный портал «Культурно-историческое наследие села»; игра «Начинающий фермер», созданная для развития у студентов навыков бизнес-планирования в сельском хозяйстве.

В 2023 г. стартовала Всероссийская программа «Кадры для села», организаторами которой выступили Росмолодежь и Российский союз сельской молодежи (РССМ). Ключевой проект программы — Всероссийский конкурс молодых управленцев «Лидеры села»[9], целью которого является выявление и привлечение талантливых молодых лидеров в управленческие структуры всех сфер жизни сельских территорий.

Представляется, что необходима более последовательная позиция государства, как на федеральном, так и на региональном уровне в отношении возможностей образования сельской молодежи. Это касается как общего образования, структуры которого в большинстве сельских территорий страдают от кадрового дефицита, так и профессионального образования, продолжающего воспроизводить диспропорции на рынке труда. В сельскую местность возвращаются

[8] Сайт конкурса «Я в агро». URL: https://konkurs.svoevagro.ru/ (дата обращения: 21.02.2026).

[9] Сайт проекта «Лидеры села». URL: https://молодёжьсела.рф/kadry-selo/#tb4 (дата обращения: 21.02.2026).

лишь 3 % выпускников аграрных вузов, согласно данным кадрового мониторинга Тимирязевской сельхозакадемии [Муханова 2015: 32]. По данным экспертов, дефицит кадров в агропроме составляет примерно 240 тыс. человек, примерно 10 % от общей потребности экономики. Только за 2023 г. АПК потерял 200 тыс. работников, а средний возраст специалистов приближается к 45 годам[10].

Управленцы Минпросвещения с 2025 г. добавили в программу российских школ агротехнический профиль обучения, отобрано 600 классов в 63 регионах, причем Минсельхоз будет компенсировать бизнесу часть затрат на создание и оснащение агротехнических классов.

Современный агропром становится высокотехнологичной и наукоемкой отраслью, в системе профессионального образования необходим акцент на подготовку специалистов, которые владеют цифровыми технологиями, разбираются в принципах роботизации и биотехнологиях. Цифровой агроном, агроинформатик, IT-инженер по управлению земельными ресурсами — эти профессии будущего могут привлечь в отрасль много способной сельской и городской молодежи. Продвинутые российские вузы уже работают в этом направлении: в Кубанском аграрном университете открыта подготовка по специальности «Цифровой инжиниринг», в Севастопольском госуниверситете — «Цифровые технологии в аграрном деле», а в Томском госуниверситете открыта первая магистратура по цифровой агрономии.

Сельские «фронтирщики»: сила примера

В статьях, посвященных развитию современного кубанского села, возникает тема фронтира. «Сельские поселения Краснодарского края сегодня — это фронтирные территории, в которых под влиянием новых экономических, военно-политических, аксиологических, технологических, демографических изменений пересекаются традиционный уклад и импортируемые извне инновации» [Бориско и др. 2025]. Как известно, одна из основных характеристик фронтирных зон — изобилие ресурсов, но в данном случае это изобилие вариаций начать новое дело. В России (как и во многих странах) существует разрыв между численностью сельского населения и численностью занятых в производстве и переработке аграрной продукции. Этот разрыв можно заполнить только с помощью новых видов занятости — платформенной занятости, электронной торговли продукцией крестьянских фермерских хозяйств, организации агротуризма, этнического туризма, коворкингов в сельской местности и др. «Во многих сельских поселениях, которые в полной мере демонстрируют „истории успеха“, помимо выращивания и переработки аграрной продукции, создается и развивается рынок услуг, ориентированный на символические ресурсы сельских поселений. Тем самым создается основа для благополучия села в новых экономических условиях» [Морозова, Мирошниченко, Семененко 2020: 73]. Проявлению инициативы

[10] *Рузинова И.* И в вуз не дуют: в аграрный сектор нужны молодые кадры // Бизнес-журнал. Юг. 2025. № 3 (7). С. 55.

мешают стереотипы восприятия новых видов занятости как «баловства», но переломить эти стереотипы возможно, в том числе силой примера.

О глэмпинге и кемпинге на хуторе Кушинки Апшеронского района мы узнали во время фокус-групповой дискуссии. Выкупив два покоса, инициативная молодая предпринимательница создала объект экотуризма: арт-хутор с домами-сферами, конными прогулками, этнофестивалями. Практически все жители хутора (их 78) и соседних поселений уже вовлечены в этот бизнес: пекут домашний хлеб, производят домашний творог и радуют туристов народным творчеством.

Достаточно экзотический бизнес создали молодые предприниматели в станице Фастовецкой Тихорецкого района — это улиточная ферма. Ферму назвали «Ползитто» и расположили на территории заброшенной молочно-товарной фермы в станице Фастовецкой, а в Тихорецке открыли цех по переработке улитки[11]. Вся продукция производится без химикатов, с акцентом на качество и заботу о природе. Мощности позволяют выпускать до 40 т продукции в год. В летний период по договоренности с местным отделом по делам молодежи фермеры принимают на работу 60–70 подростков из неблагополучных семей — и повоспитывать в труде, и поддержать материально.

Инновации возникают и в информационной сфере, причем в ее самом динамичном сегменте — социальных медиа. Начиная с 2020 г. наблюдается быстрый рост популярности сельских блогеров. Аккаунты 36 молодых сельских блогеров, которые авторы мониторили в 2024–2025 гг., на 1 октября 2025 г. имели совокупную аудиторию, превышающую 30 млн подписчиков. Блогеры стали новой символической моделью, вышедшей на рынок смыслов [Мельникова 2020]. Как часть современной социокультурной среды сельские блогеры не только сохраняют существующие культурные практики, но и создают новые, уникальные формы взаимодействия. Они выступают не просто как ретрансляторы традиционных ценностей, а как создатели нового ценностного гибрида, в котором традиционные аграрные установки синтезируются с современными ценностями самореализации, экологичности и цифровой открытости. В определенном смысле практики сельских блогеров являются эмпирическим подтверждением идеи о том, что дихотомия традиции и инновации преодолима, возможна их конвергенция, которая может стать важным фактором успешной политики развития. Это делает блогеров важными акторами в процессе переопределения культурного и ценностного ландшафта сельских территорий современной России.

«Фронтирщиками» назвал прогрессивный тип сельской молодежи П.Е. Сушко из Института социологии РАН. «Они характеризуются активной жизненной позицией, открытостью к переменам и сильной мотивацией на успех. Представителям этой группы не страшны какие-либо препятствия, встречающиеся на их пути, они с легкостью находят оптимальные способы решения

[11] В Тихорецком районе открыли новое сельхозпроизводство // НИА-Кубань. 10.10.2024. URL: https://www.23rus.org/news/economy/52299.html (дата обращения: 21.02.2026).

своих проблем. В их ценностной системе присутствуют элементы, не свойственные традиционному сельскому укладу. Фронтирщики выстраивают свое поведение в логике городской жизни, стараясь по максимуму использовать весь имеющийся спектр возможностей» [Сушко 2015: 109]. Такое объяснение следует в русле деятельностно-активистского подхода, предполагающего, что личность с сильными «агентивными» ресурсами способна к глубокому преобразованию общественной жизни [Ядов 2001].

Очевидно, что инициаторы и организаторы всех новых форм сельской жизни, описанных выше, — яркие представители данного типа. В отличие от «типичных» и «ведомых» [Сушко 2015] им не нужна внешняя организация их деятельности, контроль и готовый план действий, у них собственная стратегия мышления. Это «золотой фонд» политики развития села в силу уникального ресурсного потенциала. Своим примером и историями успеха они способны позитивно влиять на жизненные стратегии сельской молодежи и таким образом наращивать человеческий капитал российского села.

Заключение

Привлечение молодежи к переезду на село и жизни там на постоянной основе требует комплексной долгосрочной работы, включающей в себя как коммуникационные мероприятия, так и позитивные изменения качества жизни в сельской местности. Эта работа может стать важной частью изменения «аграрно-отраслевой парадигмы», когда село, крестьянство, сельские территории фактически отождествлялись с сельскохозяйственным производством. В условиях диверсификации социально-экономических практик планирование развития сельских территорий должно быть ориентировано на создание альтернативных форм занятости, не имеющих отношения к сельскому хозяйству [Нечипоренко 2015]. Изменение парадигмы развития требует изменения привычных форм мотивации сельской молодежи, профориентации и развития новых образовательных программ, ориентированных как на внедрение современных технологий в АПК, так и на развитие креативных индустрий в сельских территориях.

Несмотря на сохраняющиеся структурные ограничения, молодые жители сельских территорий демонстрируют высокий уровень жизненного оптимизма, выраженность локальной идентичности и готовность связывать собственное будущее с малой родиной. Это свидетельствует о необходимости пересмотра традиционных исследовательских подходов, трактовавших молодежь преимущественно как объект внешних социально-экономических воздействий.

Региональные эффекты демонстрируют важность контекстуального анализа и подтверждают тезис о неоднородности российского сельского пространства. Стратегии развития субъектной позиции сельской молодежи в России могут быть успешными только с учетом регионального фактора, особенностей ценностных ориентаций и условий жизни молодых людей в различных субъектах РФ.

Ценности природной среды и рекреационного потенциала территории устойчиво присутствуют в аргументации жизненных стратегий и территориальной

привязанности сельской молодежи, а зеленое измерение выполняет функцию интегративного ценностного основания территориальной идентичности.

Специфика социального участия сельской молодежи свидетельствует о разрыве между ценностным оптимизмом и практической вовлеченностью в жизнь местных сообществ. В этой связи особое значение приобретают новые формы самоорганизации, связанные с цифровыми коммуникациями и деятельностью сельских блогеров, формирующих альтернативные каналы влияния на локальную повестку и культурные нормы.

Анализ политико-управленческих практик показывает, что государственная молодежная политика постепенно переходит от проблемно-ориентированной модели к ресурсному подходу, признающему молодежь ключевым актором развития сельских территорий. Появление новых социальных лифтов создает условия для проявления субъектной позиции сельской молодежи.

Наше эмпирическое исследование показало наличие противоречия между имеющимся позитивным в целом образом будущего села и дефицитом собственной социально-политической активности в развитии сельских территорий. Немалая часть молодых людей демонстрирует проявления социального иждивенчества, неготовности взять на себя социальную ответственность.

Особый интерес представляют выявленные примеры «фронтирщиков» — прогрессивной части сельской молодежи, выступающей инициатором новых моделей занятости, культурных практик и экономических проектов. Их деятельность демонстрирует возможность синтеза традиции и инновации, служит источником локального развития и меняет символический образ современного российского села. Фронтирные стратегии молодежи подтверждают, что сельские территории являются пространством не только дефицитов, но и возможностей.

Поступила в редакцию / Received: 13.12.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 11.07.2026
Принята к публикации / Accepted: 15.07.2026

Библиографический список

Балич Н.Л. Концептуальные основы исследования жизненных стратегий сельской молодежи Беларуси // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2023. Т. 68. № 2. С. 104–111. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-2-104-111 EDN: VPQAYI

Бориско О.А., Кольба А.И., Левченко Д.О., Мирошниченко И.В. Молодежь в политике развития сельских территорий: представления и ресурсный потенциал (по материалам Краснодарского края) // Перспективы науки и образования. 2026. № 2 (80). С. 743–761. http://doi.org/ 10.32744/pse.2026.2.46

Великий П.П. Социокультурные ресурсы устойчивости сельских территорий: состояние и перспективы воспроизводства // Теория и практика общественного развития. 2022. № 6(172). С. 15–20. https://doi.org/10.24158/tipor.2022.6.1 EDN: CHVRZF

Великий П.П., Вяльшина А.А. Социокультурные и политические аспекты жизненного мира российского сельского социума // Социологические исследования. 2025. № 4. С. 3–19. https://doi.org/10.31857/S0132162525040011 EDN: ZMRTFE

Виноградский В.Г., Виноградская О.Я. Феномен самоорганизации сельского населения: принципы и перспективы исследования // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 2. С. 355–367. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-2-355-367 EDN: ROZNSD

Зубок Ю.А. Изменяющаяся социальная реальность: рефлексия теоретических и эмпирических аспектов социологического исследования молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 3. С. 23–24. https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2 EDN: CUCVFI

Зубок Ю.А., Чупров В.И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 13–41. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602 EDN: GTXODD

Иванова О.А. Сельская молодежь как территориально-демографическая группа населения: теоретические основы социологического исследования // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2–2. С. 230–234. EDN: RSEYMJ

Мельникова Е.А. Биографии переезда из города в деревню и риторика самотрансформации в современной России // Этнографическое обозрение. 2020. № 6. С. 88–105. https://doi.org/10.31857/S086954150013123-5 EDN: LBFTPK

Мирошниченко И.В., Морозова Е.В., Русия Н.Т. Нематериальные ресурсы в политике развития сельских территорий: пирамида возможностей // Полис. 2025. № 1. С. 101–117. https://doi.org/10.17976/jpps/2025.01.08 EDN: OJLKNL

Мирошниченко И.В., Шпиро Л.А., Федоренко К.А. Проектный подход в государственной молодежной политике РФ: институциональные практики и потенциал развития // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23. № 1. С. 26–47. https://doi.org/10.31429/26190567-23-1-26-47 EDN: LFEFFH

Морозова Е.В. Сельская идентичность // Идентичность. Личность. Общество. Политика. Новые контуры исследовательского поля. 2023. С. 350–358.

Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Семененко И.С. Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 56–77. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.05 EDN: OEGKSH

Муханова М.Н. Сельская молодежь России: настоящее и будущее // РСМ. 2015. № 3. С. 26–42. EDN: UXLCIP

Нартова Н.А., Крупец Я.Н. «Мне довольно-таки тяжело жить в городе»: локальные идентичности и сопричастность месту молодых сельских россиян // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 342–361. URL: https://10.14515/monitoring.2019.1.17 EDN: ZBJALB

Нечипоренко О.В. Социальные риски инновационного развития сельских территорий: к методологии исследования // Сибирский философский журнал. 2015. Т. 13. № 2. С. 70–76. EDN: VDLQPX

Передерий В.А. Родовая память молодежи сельских территорий. Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2021. EDN: LVRUKQ

Петрушенко С.А., Мерзляков М.П., Агеева В.А. Природоохранные традиции и экологическая культура донского казачества // Экологическая культура донского казачества : сб. научных статей «Фундаментальные и прикладные науки сегодня». XII Международная научно-практическая конференция. Т. 2. NorthCharleston, 2017. С. 13–16.

Ракачев В.Н. Сельские территории Краснодарского края в контексте политики пространственного развития: социально-демографический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 3. С. 699–721. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-699-721 EDN: SABLGI

Семененко И.С. Традиция и инновация как концепты политической науки и ориентиры политики развития: диалектика совместимости // Полис. 2023. № 5. С. 45–65. https://doi.org/10.17976/jpps/2023.05.04 EDN: GZGVJK

Силласте Г.Г. Молодежь. Село. Безопасность // Безопасность Евразии. 2003. № 4 (14). С. 7–73. EDN: RAFRWD

Сушко П.Е. Сельская молодежь Ближнего Севера: основные типы и характеристики // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2015. № 3 (50). С. 106–113. EDN: WXJXTD

Терновая Л.О. Всемирная экологическая повестка: опыт казачества // Альманах «Казачество». 2021. № 56. С. 78–86.

Тощенко Ж.Т., Великий П.П. Основные смыслы жизненного мира сельских жителей России // Мир России. Социология. Этнология. 2018. Т. 27. № 1. С. 7–33. https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33 EDN: YPDTJB

Чупров В.И. Концепция социального развития // Социология молодежи: энциклопедический словарь. 2008. С. 451–454. EDN: SBXXMR

Шадриков А.В. Идентификационные ориентиры российской сельской молодежи // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 1. С. 180–182. https://doi.org/10.18454/VEPS.2017.1.5523 EDN: YKGQXZ

Шмаков В.С. Факторы социокультурного развития сельских локальных сообществ // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 10. С. 21–29. https://doi.org/10.5281/zenodo.4264584 EDN: MXSBXZ

Ядов В.А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: Возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? Москва : МВШСЭН, 2001.

Ядова М.А. Тенденции взросления современной российской молодежи: региональный аспект // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 3 С 102–116. https://doi.org/10 31249/kgt/2022 03 0 EDN: ZZUQEE

Сведения об авторах:

Морозова Елена Васильевна — доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и публичного управления, Кубанский государственный университет (e-mail: morozova_e@inbox.ru) (ORCID: 0000-0002-1369-7594, SPIN-код: 1051-4663, AuthorID: 388085, Scopus ID: 56583788300, WOS ID: R-9250-2016).

Рогов Александр Владимирович — старший преподаватель кафедры философии, культурологии и социологии, Астраханский государственный университет (e-mail: alexr.89@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-3512-8317, SPIN-код: 1925-2520, AuthorID: 693820).

Мирошниченко Инна Валерьевна — доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой государственной политики и публичного управления, Кубанский государственный университет (e-mail: mirinna78@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-2650-6662, SPIN-код: 6396-3143, AuthorID: 384930, Scopus ID: 57188723102, WOS ID: Q-7280-2016).

Русия Натэлла Тенгизовна — кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и публичного управления, Кубанский государственный университет (e-mail: natarus2412@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-5852-3574, SPIN-код: 5649-5217, AuthorID: 864885).

Клычева Ульяна Александровна — студентка, Кубанский государственный университет (e-mail: ulya.klycheva.04@mail.ru)

RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 3 612–621**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-3-612-621
EDN: LRXTZJ

Научная статья / Research article

Геополитические вызовы «Зеленой сделки» ЕС

К.А. Серомлянова

Российский университет дружбы народов, *Москва, Российская Федерация*
✉ seromlyanova@bk.ru

Аннотация. Геополитические вызовы, влияющие на реализацию «Зеленой сделки» Европейского союза, составляют важные измерения современного управления климатом. Климатическая повестка дня влияет на стратегическую автономию ЕС, а также на особенности реализации экологических инициатив в условиях растущей турбулентности в международных отношениях. Системные барьеры, препятствующие эффективному осуществлению «Зеленой сделки» в нынешних геополитических реалиях, с уделением особого внимания институциональным конфигурациям и системным взаимозависимостям, которые структурируют результаты политики. Интегрированная методологическая база, основанная на институционализме и системном анализе, рассматривает политику как целостную, сложно организованную систему. Эволюция энергетической стратегии ЕС прослеживается через институциональные преобразования и взаимосвязи, заложенные в нормативно-правовой базе. Системный анализ рассматривает «Зеленую сделку» как крупномасштабный проект, одновременно влияющий на экономику, безопасность и институциональную архитектуру Европейского союза. Сравнительный метод используется для анализа национальных стратегий государств-членов и третьих стран наряду с официальными документами Европейского союза, выявляя различия в возможностях реализации и политической приверженности. Ускоренная декарбонизация европейской экономики породила парадоксальную зависимость через преодоление зависимости от углеводородов, что привело к критической асимметричной уязвимости ЕС к импорту редкоземельных металлов и высокотехнологичных компонентов, необходимых для инфраструктуры возобновляемых источников энергии, электромобильности и цифровизации. Полученные результаты подчеркивают необходимость согласования климатической политики с промышленными, технологическими и внешнеполитическими стратегиями для смягчения возникающих факторов уязвимости и повышения согласованности системных ответных мер Европейского союза.

Ключевые слова: Европейский зеленый курс, геополитические вызовы, Европейский союз, декарбонизация, климатическая политика

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Серомлянова К.А., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Для цитирования: *Серомлянова К.А.* Геополитические вызовы «Зеленой сделки» ЕС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 3. С. 612–621. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-612-621 EDN: LRXTZJ

The Geopolitical Challenges of the EU Green Deal

Ksenia A. Seromlyanova

RUDN University, *Moscow, Russian Federation*

✉ seromlyanova@bk.ru

Abstract. The geopolitical challenges affecting the implementation of the European Union's Green Deal constitute important dimensions of modern climate governance. The climate agenda affects the strategic autonomy of the EU, as well as the specifics of implementing environmental initiatives in the context of growing turbulence in international relations. Systemic barriers preventing the effective implementation of the Green Deal in the current geopolitical realities, with particular attention to institutional configurations and systemic interdependencies that structure policy outcomes. An integrated methodological framework based on institutionalism and systems analysis considers politics as an integrated, complexly organized system. The evolution of the EU's energy strategy can be traced through institutional transformations and interconnections embedded in the regulatory framework. The system analysis considers the Green Deal as a large-scale project that simultaneously affects the economy, security and institutional architecture of the European Union. The comparative method is used to analyze the national strategies of member States and third countries along with official documents of the European Union, revealing differences in implementation opportunities and political commitment. The accelerated decarbonization of the European economy has created a paradoxical dependence through overcoming dependence on hydrocarbons, which has led to a critical asymmetric vulnerability of the EU to imports of rare earth metals and high-tech components necessary for renewable energy infrastructure, electric mobility and digitalization. The findings highlight the need to align climate policy with industrial, technological, and foreign policy strategies to mitigate emerging vulnerabilities and enhance coherence in the European Union's systemic response.

Keywords: European green course, geopolitical challenges, European Union, decarbonization, climate policy

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Seromlyanova, K.A. (2026). The geopolitical challenges of the EU Green Deal. *RUDN Journal of Political Science, 28*(3), 612–621. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-612-621 EDN: LRXTZJ

Введение

«Европейский зеленый курс» (European Green Deal, EGD), концептуализированный президентом Европейской комиссии Урсулой фон дер Ляйен в декабре 2019 г.[1], представляет собой системную трансформационную ма-

[1] The European Green Deal // European Commission. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en (accessed: 15.01.2026).

трицу, направленную на реконфигурацию Евросоюза в качестве ресурсосберегающей, технологически передовой и глобально конкурентоспособной экономики. EGD формирует комплексную дорожную карту секторальной трансформации — энергетики, транспорта, промышленности и сельского хозяйства — с акцентом на достижение климатической нейтральности к 2050 г. и сокращение антропогенных выбросов парниковых газов на 55 % к 2030 г. (базовый уровень 1990 г.), закрепленное в Европейском законе о климате от июля 2021 г.[2] Основными задачами EGD в этом контексте стали форсированное внедрение возобновляемых источников энергии (ВИЭ), развитие экономики замкнутого цикла, технологическая модернизация сталелитейной и цементной отраслей, а также переход к устойчивой продовольственной системе.

Однако в условиях нарастающей мировой турбулентности реализация «Зеленого курса» претерпела парадигмальный сдвиг: из долгосрочной климатической инициативы она трансформировалась в критически важный инструмент обеспечения региональной безопасности и стратегической автономии ЕС [Надточей 2024: 106–130]. Ранее запланированный энергопереход приобрел характер вынужденного и экстренного процесса, вызванного крахом прежней энергетической архитектуры Европы. В течение десятилетий европейская промышленная модель опиралась на бесперебойные поставки доступных ископаемых энергоносителей из России, которые рассматривались как «переходный мост» к экологии. Украинский кризис и последовавшее за ним резкое сокращение импорта российского газа разрушили эту модель, обнажив глубокую системную уязвимость ЕС перед внешними поставщиками.

Форсированная декарбонизация стала прямым ответом на возникшие финансовые шоки и санкционные противостояния, которые сделали использование традиционного топлива не только политически рискованным, но и экономически непредсказуемым. Таким образом, «вынужденность» энергоперехода детерминирована тем фактом, что ускоренное развитие внутренней «чистой» энергетики (включая водородные технологии и ВИЭ) стало единственным доступным путем к ликвидации внешней зависимости. В новой реальности экологическая повестка окончательно слилась с оборонной и экономической стратегией: теперь декарбонизация выступает не только как способ защиты климата, но и как гарант политического суверенитета Европы, превращая «Зеленый курс» в фундамент выживания ЕС в условиях глобальной нестабильности. В связи с этим ключевой целью данной статьи является верификация степени реализуемости и достижимости целевых показателей «Зеленой сделки» в условиях актуальных геополитических реалий.

Экологическая трансформация на фоне образования многополярной архитектуры мира обострила проблему зависимости ЕС от импорта сырьевых

[2] Regulation (EU) 2021/1119 of the European Parliament and of the Council of 30 June 2021 establishing the framework for achieving climate neutrality and amending Regulations (EC) No 401/2009 and (EU) 2018/1999 (‘European Climate Law’). URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2021/1119/oj/eng (accessed: 15.01.2026).

ресурсов и технологий, усиливая конкуренцию с акторами международных отношений. Острый дефицит редкоземельных элементов и технологических компетенций, необходимых для развертывания перспективной водородной энергетики, превращает климатическую повестку в пространство жесткой борьбы за технологическое лидерство и доступ к рынкам будущего с США и Китаем [Fan 2023: 2].

В сложившихся обстоятельствах, как в ходе своей работы прослеживает Т. Лазорчакова, задекларированная амбициозность «Зеленой сделки» наталкивается на жесткие ограничители социально-экономического и структурного характера, ставящие под вопрос возможность синхронной реализации ее ключевых этапов [Lazorcakova 2024: 115]. Эскалация российско-украинского конфликта весной 2022 г., как утверждает Н.Ю. Кавешников, спровоцировала парадигматический разворот в энергетической доктрине Европейского Союза, мгновенно переориентировав стратегические приоритеты с долгосрочных климатических траекторий на императив немедленного обеспечения энергетической безопасности [Кавешников 2023: 473]. Кратко- и среднесрочная повестка «Зеленой сделки» была радикально реприоритизирована: устойчивая энергетика, ранее позиционируемая как системный приоритет, была временно отодвинута на периферию в пользу операционализации мер по минимизации трансграничных уязвимостей.

Влияние финансовых изменений на экологическую политику ЕС

В 2022 г. на кризисную ситуацию наложились экзогенный шок, как утверждает Е.А. Ходаковский, санкции против финансовой системы России и российских нефтегазовых компаний, а также контрсанкции в контексте геополитического кризиса вокруг Украины [Ходаковский 2024: 186–194.]. Разрушение системы контрактов, платежей и физического предложения газа усилило энергетический кризис, сохраняющийся на момент завершения анализа в режимах высокой волатильности. Реагируя на вызовы, Еврокомиссия в мае 2022 г. представила план по снижению зависимости от российских ископаемых и ускорению энергоперехода, активизировав вмешательство национальных регуляторов в рынки электроэнергии и газа[3]. Первоочередная трудность заключается в возникновении «инвестиционного разрыва»: необходимость экстренного финансирования инфраструктуры для импорта СПГ и субсидирования высоких цен на ископаемое топливо для населения вступает в острое противоречие с долгосрочными планами по декарбонизации. Игнорируя нюансы, обусловленные различиями в энергетических системах стран ЕС, можно констатировать, что стабилизация достигалась через одновременное воздействие на спрос

[3] Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Counsil, the European Economic and social Committee and the Committee of the Regions. REPowerEU Plan. COM (2022) 230 final. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=C0M%3A2022%3A230%3AFIN&qid=1653033742483 (accessed: 15.01.2026).

и предложение: частичное возвращение угольных мощностей, отсрочка закрытия АЭС, рост импорта СПГ из альтернативных источников, строительство инфраструктуры регазификации, меры по снижению потребления газа (усиленные рыночными ценами) и сохранение тренда на рост доли неветровых возобновляемых источников энергии (НВИЭ) в генерации.

Зависимости ЕС от импорта ресурсов

Динамика породила противоречивые процессы в европейской электроэнергетике: временный реверс сокращения угольной генерации в 2021–2022 гг. контрастировал с устойчивым ростом НВИЭ (исключая аномальный 2021 г.), подчеркивая дихотомию между краткосрочной необходимостью энергетической безопасности и долгосрочной траекторией декарбонизации. План REPowerEU, запущенный в мае 2022 г. в ответ на энергетический кризис, аккумулировал 40 % ресурсов на обеспечение доступной, безопасной и устойчивой энергетики[4]. Диверсификация поставок (СПГ из США, Норвегии, Катара) снизила зависимость от российского газа с 40 до 18 % к 2025 г., одновременно ускоряя развитие инфраструктуры ВИЭ: ускоренные разрешения на солнечные и ветровые проекты, сеть зарядных станций для электромобилей с интервалом 60 км. Эти меры потенциально не только могут стабилизировать энергобаланс, но и усилили геополитическую автономию, трансформируя уязвимость в стратегическое преимущество, что в своем роде увеличит сроки реализации поставленных задач в рамках «Зеленой сделки».

RePowerEU, интегрируя промышленную политику с климатическими целями, логически эволюционирует в комплексный механизм, где диверсификация поставок (СПГ из США, Норвегии, Катара) сочетается с локализацией производства ключевых технологий, минимизируя внешние уязвимости. Таким образом, энергетический кризис выступает катализатором парадигмального сдвига, где макроэкономическая стабильность, монетарная автономия и геополитическая устойчивость ЕС сливаются в единую стратегию форсированного, но адаптивного зеленого перехода, закладывая основу для посткризисной энергетической архитектуры. Акцент был смещен со стимулирования зеленого потребления на стратегии глубокого укрепления производственно-технологического потенциала региона [Guarascio 2025: 1–44]. Текущий курс, закрепленный в плане RePowerEU, предполагает не только диверсификацию источников генерации, но и локализацию критических цепочек создания стоимости — от производства фотоэлектрических панелей до систем накопления энергии и ветрогенерации [Kleimann 2023: 46)]. Данная стратегия ставит амбициозные цели: достижение полной углеродной нейтральности к 2050 г. и форсированный отказ от импорта российских ископаемых видов топлива к 2027 г. [Veugelers 2024: 4].

[4] REPowerEU // European Commission. URL: https://commission.europa.eu/topics/energy/repowereu_en (accessed: 15.01.2026).

Однако, несмотря на это, с 2023 г. в Европе инициирована радикальная ревизия энергетической парадигмы, в рамках которой форсированный энергопереход переместился в эпицентр политической повестки [Tagliapietra 2023: 1–12]. Критическая значимость данного сектора детерминирована его доминирующей ролью в формировании инфляционной динамики: волатильность цен на энергоносители продолжает выступать сдерживающим фактором для монетарной политики [Ferreira 2024: 2]. В ответ на эти вызовы осуществляется масштабная модернизация инструментария экономической политики, направленная на минимизацию системных уязвимостей и повышение адаптивной устойчивости национальных хозяйств к внешним изменения.

Направления изменений в рамках реализации «Зеленой сделки»

Первый вектор изменения структуры энергоперехода охватывает последствия российско-украинского кризиса, ставшего катализатором принудительного энергоперехода. Отказ от долгосрочной модели потребления дешевых российских ископаемых ресурсов (прежде всего природного газа) спровоцировал не только физический дефицит энергоносителей, но и радикальную реконфигурацию финансовых потоков. Вместо оплаты стабильных поставок топлива европейский капитал был перенаправлен на два направления: экстренное субсидирование потребителей для сдерживания инфляционного шока и колоссальные инвестиции в новую инфраструктуру (СПГ-терминалы, газовые интерконнекторы). В данном контексте эффективность «Зеленой сделки» теперь напрямую зависит от способности ЕС нивелировать инфляционное давление и одновременно аккумулировать ресурсы для развертывания этой инфраструктуры, не отказываясь от долгосрочных климатических целей.

Второй стратегический вектор определяет эффективность перехода на альтернативные источники энергии (включая водород и атомную энергетику) через призму жесткой технологической конкуренции с КНР и США. Здесь происходит критическая смена парадигмы угроз: если первая (российская) угроза была связана с зависимостью от поставок топлива, то вторая — с критической зависимостью от технологий и сырья. ЕС оказался в тисках между доминированием Китая в производстве солнечных панелей, аккумуляторов и добыче редкоземельных металлов и масштабным протекционизмом США (в рамках Закона о сокращении инфляции, IRA).

Переход к «зеленой генерации» в Европе приобретает выраженную ресурсозависимую конфигурацию, критически опираясь на глобальные цепочки поставок лития, кобальта, никеля, графита и редкоземельных элементов (РЗЭ), незаменимый для производства аккумуляторных систем, электролизеров и лопастей ветровых турбин. Значительная рыночная консолидация электромобилей в автомобильном секторе сигнализирует о стабилизации их траектории экспоненциального роста, отражая структурный сдвиг в сторону энергоэффективных и низкоуглеродных технологий. На региональном уровне Европа консолидирует статус второго крупнейшего рынка электроавтомобилей после Китая,

аккумулируя 25 % глобальных продаж и 30 % мирового парка электромобилей[5]. Эта динамика радикально усиливает европейскую потребность в РЗЭ, расширяя спектр применения за пределы ВИЭ на весь жизненный цикл электромобилей — от производства батарей до эксплуатации и утилизации. Таким образом, климатическая амбиция EGD трансформируется в геоэкономический императив ресурсной безопасности, где технологический суверенитет предстает не как производная инноваций, а как функция контроля над критическими материалами в условиях глобальной конкуренции за сырьевые активы.

На этом фоне обнажилась критическая асимметрия: обладая минимальной внутренней базой (добыча менее 1 % и переработка менее 5 %), ЕС импортирует 98 % необходимых ресурсов[6]. Доминирующее положение здесь занимает Китай, контролирующий от 60 до 90 % мировых мощностей по переработке ключевых металлов [Fojtíková 2025: 1–23]. Период 2023–2025 гг. ознаменовался переходом к активному использованию этого превосходства: введенные Пекином ограничения на экспорт галлия, германия и РЗЭ-магнитов нанесли прямой удар по таким промышленным гигантам, как Siemens и Volkswagen, дестабилизировав их цепочки поставок [Саливон 2025: 1–2].

Ситуация осложняется конкурентным давлением со стороны союзников. Закон IRA с субсидиями в 369 млрд долл. США инициировал отток капитала из Европы, что поставило под угрозу промышленный потенциал региона и вынудило ЕС искать экстренные механизмы для защиты своей глобальной конкурентоспособности [Artecona 2022: 28]. Современный вектор глобальной конкуренции окончательно закрепил за полупроводниковой индустрией и зелеными технологиями статус фундаментальных опор промышленного суверенитета [Жуков 2023: 15–31]. Эксперты из Института Рузвельта консолидируют парадигматический тезис: в конфигурации современной геоэкономической реальности любая жизнеспособная стратегия экономического развития де-факто приобретает климатическую размерность, что возводит реализацию Европейского зеленого курса в ранг институциональной необходимости для стратегического позиционирования ЕС[7].

В ответ на глобальную нестабильность Европейский союз стремится укрепить свою промышленную автономию с помощью закона Critical Raw Materials Act (CRMA), принятого Европейским парламентом и Советом ЕС в 2024 г. для обеспечения устойчивого, надежного и диверсифицированного доступа Союза к стратегически важным сырьевым материалам, необходимым для реализации

[5] IEA report: Dimensions and trends of the global battery market // Electrive. URL: https://www.electrive.com/2025/06/03/iea-report-dimensions-and-trends-of-the-global-battery-market/ (accessed: 15.01.2026).

[6] EU trade relations with China // European Commission. URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/china_en (accessed: 15.01.2026).

[7] *Kahn S., Gunn-Wright R.* All Economic Policy Is Climate Policy: Tools for a Post-Neoliberal Green Transition. 2022. May 11. URL: https://rooseveltinstitute.org/publications/all-economic-policy-is-climate-policy/ (accessed: 10.01.2026).

зеленой и цифровой трансформации[8]. Этот документ знаменует собой переход от либеральной рыночной модели к политике «стратегического дирижизма», устанавливая жесткие целевые показатели на 2030 г. — обеспечение не менее 10 % внутренней добычи, 40 % мощностей по переработке и ограничение зависимости от любого отдельного поставщика (прежде всего КНР) уровнем в 65 %[9]. Однако реализация этой стратегии наталкивается на серьезное препятствие в виде агрессивной экономической политики США, которая формирует для Европы «двойную ловушку». Во-первых, Вашингтон создает колоссальный внутренний спрос на критические ресурсы, такие как литий и редкоземельные элементы. Это превращает США в прямого конкурента ЕС, вынуждая Брюссель бороться за доступ к сырью не только с доминирующим на этом рынке Китаем, но и со своим ключевым западным партнером. Во-вторых, массированные американские субсидии провоцируют опасный «технологический дренаж». Финансовая привлекательность рынка США стимулирует отток капитала и инноваций из Европы. В результате европейский бизнес оказывается перед жестким выбором: сохранять приверженность производственным площадкам внутри ЕС, сталкиваясь с высокими издержками, или переносить мощности за океан, поддаваясь деструктивному влиянию американских преференций.

Заключение

В условиях глобальной геополитической турбулентности, спровоцированной эскалацией российско-украинского конфликта весной 2022 г., приоритеты климатической повестки Европейского Союза претерпели парадигматический разворот, обнажив фундаментальные противоречия амбициозной траектории EGD. Финансовая нестабильность, связанная с сокращением поставок углеводородов, не только усилила энергетический кризис, но и показала системную уязвимость блока: глубокую зависимость от импорта критически важных материалов (литий, кобальт, никель, РЗЭ), необходимых для декарбонизационных технологий. Агрессивная декарбонизационная динамика, изначально позиционируемая как инструмент технологического лидерства, эволюционировала в арену соперничества с Китаем и США, где отказ от традиционных энергоносителей породил ресурсную зависимость. Эта конфигурация многополярной реальности трансформирует экологическую трансформацию ЕС из утопического нарратива в платформу «милитаризированной климатической дипломатии», где водородная энергетика и ВИЭ становятся ставками в борьбе за технологический суверенитет. Выявленные стратегические вызовы — от REPowerEU как вынужденной диверсификации до CRMA как инструмента сырьевой

[8] The European Critical Raw Materials Board // European Commission. URL: https://single-market-economy.ec.europa.eu/sectors/raw-materials/areas-specific-interest/critical-raw-materials/critical-raw-materials-act/board_en (accessed: 10.01.2026).

[9] An EU critical raw materials act for the future of EU supply chains // Council, European Union — Consilium. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/infographics/critical-raw-materials/ (accessed: 10.01.2026).

автономии — подчеркивают двойственность между декларируемыми целями и операциональными ограничениями.

Таким образом, реализация «Зеленой сделки» ЕС затрудняется, так как дефицит ресурсов и необходимость реагирования на немедленные вызовы безопасности вынуждают ЕС пересматривать сроки и механизмы реализации экологической стратегии, адаптируя ее к условиям новой реальности, где экология становится подчиненным элементом промышленной и оборонной политики.

Поступила в редакцию / Received: 31.03.2026
Доработана после рецензирования / Revised: 06.08.2026
Принята к публикации / Accepted: 00.08.2026

Библиографический список

Жуков С.В., Резникова О.Б. Энергетический переход в США, Европе и Китае: новейшие тенденции // Проблемы прогнозирования. 2023. № 4. С. 15–31. https://doi.org/10.47711/0868-6351-199-15-31

Кавешников Н.Ю. Реакция Евросоюза на энергетический кризис 2022 г // Материалы международной научной конференции «Устойчивое развитие: общество и экономика». Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2023. Т. 12907. № 10.03. С. 473–479. EDN: WTEEEI

Надточей Ю.И. Европейский союз в меняющейся парадигме глобализации // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 1 (121). С. 106–130. https://doi.org/10.31249/ape/2024.01.06

Саливон А.И. Секция Глобальная экономика: перспективы развития Борьба за ресурсы: стратегии Китая и Европейского союза : сборник по итогам конференции «Ломоносов-2025». 2025. С. 1–2.

Ходаковский Е.А., Сизов А.А. Четвертый энергетический переход: текущее состояние, перспективы, стратегия России в геополитической борьбе // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 3. С. 186–194. https://doi.org/10.33693/2223-0092-2024-14-3-186-194

Artecona R., Velloso H. Towards a new industrial policy. The United States economic policy agenda post-COVID. 2022. P. 28.

Fan J.H., Omura A., Roca E. Geopolitics and rare earth metals // European Journal of Political Economy. 2023. No. 78. P. 2. https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2022.102356

Ferreira V., Ferreira J.P., Guarascio D., Zezza, F. Shockflation in the EU: Sectoral shocks, cost-push inflation and structural asymmetries in core and periphery countries // Public Economics — Working Paper. 2024. No. 254. P. 2.

Fojtíková L. et al. Determinants of critical raw material imports: The case of the European Union and China: L. Fojtíková et al. // Mineral Economics. 2025. P. 1–23. https://doi.org/10.1007/s13563-025-00528-4

Guarascio D., Reljic J., Zezza F. Energy vulnerability and resilience in the EU: concepts, empirics and policy // Journal of Industrial and Business Economics. 2025. P. 1–44. https://doi.org/10.1007/s40812-025-00340-9

Kleimann D., Poitiers N., Sapir A., Tagliapietra S., Véron N., Veugelers R., Zettelmeyer J. Green tech race? The US inflation reduction act and the EU Net Zero Industry Act // World Economy. 2023. Vol. 46. No. 12. https://doi.org/10.1111/TWEC.13469

Lazorcakova T. European Green Deal: Success or Failure? // Studia Iuridica Cassoviensia. 2024. P. 115. https://doi.org/10.33542/SIC2024-2-08

Tagliapietra S., Veugelers R., Zettelmeyer J. Rebooting the European Union's net Zero Industry Act // Policy Brief (Center for Home Care Policy and Research (U.S.)). 2023. P. 1–12.

Veugelers R., Tagliapietra S., Trasi C. Green industrial policy in Europe: Past, present, and prospects // Journal of Industry Competition and Trade. 2024. Vol. 24. No. 1. P. 4. https://doi.org/10.1007/s10842-024-00418-5

Сведения об авторе:

Серомлянова Ксения Андреевна — аспирант кафедры теории и истории международных отношений, заведующий сектором учебно-методической работы и практик, Российский университет дружбы народов (e-mail: seromlyanova@bk.ru) (ORCID: 0000-0002-8974-5329, SPIN-код: 1442-0103, AuthorID: 1172261).

About the author:

Ksenia A. Seromlyanova — postgraduate student at the Department of Theory and History of International Relations, and the head of the sector for educational and methodological work and practical training, RUDN University (e-mail: seromlyanova@bk.ru) (ORCID: 0000-0002-8974-5329, SPIN-code: 1442-0103, AuthorID: 1172261)**.**

RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 3 622–641**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-3-622-641
EDN: KVCHMA

Научная статья / Research article

Европейская партия Зеленых: эволюция и перспективы

Т.Л. Ровинская

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, *Москва, Российская Федерация*

✉ mirtania@gmail.com

Аннотация. Зеленая повестка в Европе не теряет своей актуальности, напротив, становится все более значимой как по объективным причинам, так и благодаря активности Зеленых. Статья посвящена выявлению места и роли Европейской партии Зеленых (ЕПЗ) на общеевропейском политическом пространстве с момента ее возникновения по настоящее время. Рассматриваются главные вехи эволюции партии, ее организационные особенности, базовые идеологические принципы и основные направления ее деятельности. Особое внимание уделено участию европейских Зеленых в выборах в Европейский парламент (с 1984 г.) и их работе в составе фракции «Зеленые / Европейский свободный альянс» («Зеленые/ЕСА») в ЕП (с 1999 г. по сей день). По результатам исследования автор делает прогноз перспектив ЕПЗ с учетом сложных геополитических реалий сегодняшнего дня и приходит к следующему выводу: согласно результатам европейских выборов всех лет, несмотря на умеренные «волновые» колебания представленности европейских «Зеленых» в ЕП, общей тенденцией является постепенное увеличение их представительства в этом органе. Однако обострение геополитической и экономической ситуации в связи с военным конфликтом на Украине с февраля 2022 г. способствовало резкому снижению рейтинга экологических партий в крупнейших странах ЕС — Германии и Франции. Это отразилось на результатах евровыборов 2024 г. и может иметь более долгосрочный эффект: в случае углубления кризиса позиции ЕПЗ в будущем могут значительно ослабнуть.

Ключевые слова: социально-экологическая партия, Европейский парламент, евровыборы, фракция «Зеленые / Европейский свободный альянс», Хартия европейских зеленых, зеленая повестка, климатическая проблема, зеленый переход, кризис

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Ровинская Т.Л.* Европейская партия Зеленых: история и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 3. С. 622–641. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-622-641 EDN: KVCHMA

© Ровинская Т.Л., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

European Green Party: Evolution and Prospects

Tatiana L. Rovinskaya

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russian Federation*

✉ mirtania@gmail.com

Abstract. The "green" agenda in Europe is not losing its relevance, but, on the contrary, is becoming increasingly important both for intrinsic reasons and due to the activity of the Greens. The article analyzes the place and role of the European Green Party (EGP) in the pan-European political space from the moment of its emergence to the present day. The main stages of the Party's development, its organizational features, basic ideological principles and key areas of its activities are considered. Particular attention is paid to the participation of the European Greens in the elections to the European Parliament (since 1984) and their work as part of the "Greens / European Free Alliance" ("Greens/EFA") faction in the EP (from 1999 to present). Considering the results of the study, the author makes an attempt to outline the future prospects of the EGP, taking into account today's complex geopolitical realities, and comes to the following conclusion: according to the results of the European elections of all years, despite moderate "wavy" fluctuations in the representation of the European Greens in the EP, the general trend is a gradual increase in the representation of the Greens in this body. However, the aggravation of the geopolitical and economic situation amid the military conflict in Ukraine (since February 2022) contributed to a sharp decline in the rating of environmental parties in the largest EU countries — Germany and France. This was evidenced in the results of the 2024 European elections, and may have a long-term effect: if the crisis deepens, the positions of the EGP may significantly weaken in the future.

Keywords: European Green Party, social-ecological party, European Parliament, European elections, "Greens / European Free Alliance" faction, The Charter of the European Greens, "green" agenda, climate change problem, green transition, crisis

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Rovinskaya, T.L. (2026). European Green Party: Evolution and prospects. *RUDN Journal of Political Science, 28*(3), 622–641. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-622-641 EDN: KVCHMA

Введение

Одним из ведущих общественно-политических и информационных концептов современности является так называемая экологическая (зеленая) повестка, связанная с высокой актуальностью экологической проблемы в целом и отдельных ее аспектов (в том числе глобальное потепление климата).

Первоначально продвижением зеленой повестки занимались экологические неправительственные организации (экоНПО) стран Запада, затем она стала направлением деятельности международных межправительственных организаций (прежде всего ООН), была взята на вооружение партиями и правительствами и, наконец, экономическими лобби.

Движение «Зеленых» возникло в 1960-е гг. — в США и ряде западноевропейских стран — в формате инициативных объединений граждан, недовольных, с одной стороны, ухудшением экологической ситуации вследствие послевоенного промышленного бума, а с другой, — нежеланием/неспособностью политических партий, находящихся у власти в этих странах, а также международных организаций решать эти проблемы. У истоков движения стояли группы экологических и антиядерных активистов, борцов за мир и ненасилие, свободу и права человека, против бедности и за социальную справедливость, антиколониалистов, феминисток и представителей других альтернативных движений. Если зеленые в США заняли более прагматичную позицию, не предполагая отказа от индустриальной модели развития в целом и делая ставку на совершенствование экотехнологий, то европейские экологисты изначально придерживались более радикальных взглядов: против индустриализма как такового, основанных на нем концепций «государства благосостояния» и «общества потребления» [Глушенкова 2005, Ровинская 2021, Buttel 2000, Mol 2000].

Экологические неправительственные объединения первоначально не принимали участия в реальной политике, но к концу 1960-х. Зеленое движение (*Green Movement*) на Западе приобрело массовый политизированный характер, а в 1970-е гг. резко увеличилась численность природоохранных организаций. В 1970–1980-е гг. многие экоНПО превратились в политические партии, некоторые из них стали участвовать в выборах. Наибольший электоральный успех зеленые партии имели в странах с пропорциональной избирательной системой (Германии, Швейцарии, Бельгии, Финляндии, Нидерландах, Швеции, Исландии). Ключевую роль в активизации экологических партий сыграла катастрофа 1986 г. в Чернобыле. Поскольку на европейском континенте находится большое количество ядерных реакторов, масштабное экологическое бедствие способствовало тому, что зеленые совершили электоральный прорыв на местном, национальном и наднациональном уровне (на выборах в Европейский парламент 1989 г.[1]). В 1990-е гг. они уже были активно представлены в органах власти многих стран Западной Европы на различных уровнях.

Согласно европейской концепции «зеленой партийной семьи», все экологические партии Европы составляют одну «политическую семью» по ряду общих признаков: истории возникновения, социальному составу участников и электората, общим идеологическим принципам, организационным особенностям. Все они возникли в 1960–1980 гг. как гражданские инициативные объединения — на фоне невнимания властей к нарастающим экологическим проблемам; социальный состав участников и электорат европейских зеленых партий весьма схож от страны к стране и почти не изменился за последние десятилетия; подавляющее большинство этих партий относятся к левому флангу политического спектра и разделяют такие идеологические принципы, как приоритет

[1] По итогам выборов, зеленые от Франции, Германии, Италии, Бельгии, Нидерландов, Испании и Португалии получили 30 мест в Европарламенте. [Élections européennes 1989. URL: https://www.europe-politique.eu/elections-europeennes-1989.htm (accessed: 02.02.2025)].

экологической политики и устойчивого развития, социальной справедливости, благосостояния и общественной солидарности; во всех европейских странах произошла институционализация партий с сохранением опоры на рядовых граждан (*grassroots*) и непризнанием существующих политических авторитетов (при этом все экологические партии почти утратили первоначальную радикальную и протестную составляющую и встали на путь политического конформизма) [Green Parties in Europe 2016].

Настоящая статья посвящена анализу места и роли Европейской партии Зеленых на общеевропейском политическом пространстве с момента ее возникновения как первого координационного органа национальных экологических партий по настоящее время. Автор опирается на ряд российских и зарубежных исследований, в том числе Б.П. Гуселетова, Е.И. Глушенковой, собственные более ранние работы, а также Е. Бомберга, М. Рюдига и др. По результатам исследования представлены дальнейшие перспективы ЕПЗ с учетом нынешних сложных геополитических реалий.

История создания, структура, идеология и направления деятельности Европейской партии Зеленых

ЕПЗ объединяет в настоящее время 46 национальных экологических партий европейских стран (входящих и не входящих в ЕС), однако их статус различен: 39 из них имеют полное членство, 7 — статус ассоциированных членов. Членство одной партии на данный момент приостановлено, одной — упразднено (табл. 1)[2].

Реальный процесс объединения европейских зеленых сил начался с конца 1970-х гг., и первым консолидирующим моментом стало участие некоторых национальных экологических партий (ФРГ, Франции, Бельгии и Великобритании) в выборах в Европейский парламент 1979 г. Кроме того, европейские экологические партии сформировали «Координационную группу европейских зеленых и радикальных партий». Однако в силу серьезных разногласий между отдельными участниками группа не сумела выработать единую общеевропейскую избирательную программу [Bomberg 1998].

Хотя зеленые сыграли важную роль в «демократическом переходе» 1980-х — начала 1990-х гг. во многих странах Европы, затем их популярность начала падать, и европейский акцент стал важным элементом усилий по возрождению зеленой политики [Rüdig 2019]. В 1984 г. был основан координационный орган для развития кооперации зеленых партий на общеевропейском уровне — Организация по координации «Европейских Зеленых» (ОКЕЗ), которая в 1993 г. трансформировалась в Европейскую федерацию зеленых партий (ЕФЗП). 22 февраля 2004 г. в Риме на 4-м Конгрессе с участием 34 европейских зеленых партий Федерация с целью углубления кооперации была преобразована в Европейскую зеленую партию.

[2] Our Member Parties // European Greens. URL: https://europeangreens.eu/our-member-parties/ (accessed: 11.10.2025).

Таблица 1 / Table 1

Статус национальных экологических партий европейских стран в ЕПЗ / The status of national environmental parties of European countries in the EPZ

Полное членство	Ассоциированное членство	Членство приостановлено (с 2 декабря 2023 г.)	Членство упразднено (с 27 июля 2023 г.)
1	2	3	4
Швеция Sweden (Miljöpartiet de gröna)		Греция Greece (Oikologoi Prasinoi)	Белоруссия (Беларуская партыя Зяленыя, ликвидирована по инициативе белорусских властей)
Финляндия Finland (Vihreät — De Gröna)	Финляндия Finland (Hållbart Initiativ)		
Норвегия Netherlands (Miljøpartiet De Grønne)	Россия Russia (Zelenaya Rossia / Green Russia)		
Дания Denmark (SF — Green Left)			
Великобритания United Kingdom (Green Party of England and Wales; Scottish Green Party)			
Ирландия Ireland (Irish Green Party / Comhaontas Glas)			
Нидерланды Netherlands (GroenLinks)			
Германия Germany (Bündnis90/Die Grünen)			
Австрия Austria (Die Grünen — Die Grüne Alternative)			
Швейцария Switzerland (Grüne / Les Vert.e.s)	Венгрия Hungary (Párbeszéd – A Zöldek Pártja)		
Франция France (Les Écologistes — Europe Ecologie Les Verts)			
Люксембург Luxembourg (déi gréng)			
Бельгия Belgium (Ecolo; Groen)			
Италия Italy (Europa Verde — Verdi; Verdi — Grüne — Vërc)			
Испания Spain (Esquerra Verda; Verdes Equo)			
Португалия Portugal (LIVRE; Partido Ecologista Os Verdes)	Испания Spain (Catalunya en Comú)		
Кипр Cyprus (Cyprus Greens — Citizens Cooperation)	Португалия Portugal (Pessoas-Animais-Natureza / PAN)		

Окончание табл. / Table, ending

1	2	3	4
Мальта Malta (AD+PD)			
Румыния Romania (Partidul Verde)			
Болгария Bulgaria (Zeleno dvizhenie)			
Сербия Serbia (Zeleno-levi front)			
Хорватия Croatia (Možemo! — politička platforma)	Хорватия Croatia (Zelena alternativa — ORaH)		
Словения Slovenia (VESNA — zelena stranka)			
Черногория Montenegro (Građanski Pokret URA)			
Северная Македония North Macedonia (Demokratska Obnova na Makedonija)			
Албания Albania (Partia e Gjelbër / Party of the Greens of Albania)			
Чехия Czech Republic (Zelení — Strana zelených)			
Польша Poland (Zieloni)			
Украина Ukraine (Partija Zelenykh Ukrainy)			
Эстония Estonia (Eestimaa Rohelised)			
Латвия Latvia (PROGRESĪVIE)			
Литва Lithuania (Demokratų sąjunga «Vardan Lietuvos»)			
Молдавия Moldova (Ecological Green Party — Partidul Verde Ecologist)			
Грузия Georgia (Sakartvelo's mtsvaneta partia / Georgian Greens Party)	Азербайджан Azerbaijan (Azərbaycan Yaşıllar Partiyası)		

Источник: составлено Т.Л. Ровинской на основе: Our Member Parties // European Greens. URL: https://europeangreens.eu/our-member-parties/ (accessed: 11.10.2025).

Source: compiled by T.L. Rovinskaya based on: Our Member Parties // European Greens. Retrieved from https://europeangreens.eu/our-member-parties/ (accessed: 11.10.2025).

С тех пор **партийные структуры**[3] расширялись, создавая возможности для усиления политической роли своих членов (национальных зеленых партий). Вырабатывались общие политические позиции и предвыборные программы, создавались различные сети, объединяющие европейских зеленых политиков. Это стало возможным во многом благодаря финансированию, которое европейским политическим партиям предоставляет Европарламент.

Законодательным органом ЕПЗ является ежегодный Конгресс, где делегаты от партий-членов разрабатывают политическую стратегию, голосуют за резолюции, членство в партии и выборных структурах внутри нее. Существуют также «чрезвычайный Конгресс», который созывается по необходимости, и «расширенный Конгресс», собирающийся минимум раз в пять лет в расширенном составе.

Главный исполнительный орган — Комитет — отвечает за реализацию принятых на Конгрессе решений и за текущие вопросы управления. Он состоит из 9 членов, избранных Советом: 2 сопредседателей (мужского и женского пола), генерального секретаря, казначея и 5 других членов. Каждый из них избирается на два с половиной года, и их мандат может быть продлен дважды.

В качестве отдельного органа существует *Совет зеленого лидерства*, в который входят лидеры национальных партий с полноправным членством в ЕПЗ. На ежегодной встрече они задают политическое и стратегическое направление деятельности и развития партии. При необходимости проводятся дополнительные встречи онлайн. Решения Совета используются также в политической работе партий-членов.

Другими органами ЕПЗ являются Консультативный совет по финансам, Комитет по поправкам (регулирующий подсчет голосов по резолюциям и другим документам Конгресса) и Группа по примирению (отвечающая за организацию диспутов внутри партии).

Штаб-квартира партии находится в Брюсселе.

Молодежное крыло ЕПЗ — Федерация молодых европейских Зеленых — объединяет молодежные экологические организации Европы (включая постсоветское пространство): локальные экологические группы, студенческие союзы, молодежные крылья зеленых партий и НКО «Зеленая молодежь». Ее органами управления являются добровольный Исполнительный комитет, редакционный совет онлайн-журнала Федерации *Ecosprinter* и члены рабочих групп. Исполком и редакционный совет избираются раз в год организациями-членами. Членом рабочей группы может стать любой участник. Раз в два года избирается Генеральный секретарь, работающий вместе с остальным штатом в центральном офисе в Брюсселе[4].

Идеологически ЕПЗ является социально-экологической и относится к левому флангу политического спектра. Социальные цели и задачи имеют в ее политической деятельности не меньший, а в некоторых аспектах и больший вес, чем собственно экологические.

[3] About // European Greens. URL: https://europeangreens.eu/about/ (accessed: 11.10.2025).

[4] Who We Are // Young European Greens. URL: https://fyeg.org (accessed: 26.10.2025).

Официально заявленные **основные направления деятельности** партии — «Социальная справедливость и здоровье», «Окружающая среда и продукты питания», «Экономика и работа», «Права человека и миграция», «Внешняя политика и политика безопасности», «Европа и демократия», «Климат и энергия»[5].

Направление *Социальная справедливость и здоровье* является приоритетным. ЕПЗ выступает за «социальную революцию» для решения всех накопившихся проблем: пандемия *COVID-19*, энергетический и экономический кризисы выявили неравенство и несправедливость в обществе. Социальная справедливость является первостепенной задачей наравне с «климатической». Предлагаемые решения: равные права; достойный доход, доступное жилье; всеобщий доступ к жизненно важным лекарствам; зеленые инвестиции в общественную инфраструктуру, общественные блага и услуги (прежде всего здравоохранение); справедливая налоговая система; принцип «загрязнитель платит». Особое внимание уделяется поддержанию разнообразия и устойчивости городов. Партия борется против недальновидных правительственных мер жесткой экономии, мошенничества, уклонения от налогов. Важны координация и инвестиции в рамках ЕС.

Второе по значимости направление — *Окружающая среда и продукты питания* — включает в себя устойчивое сельское хозяйство, уважительное отношение к животным и окружающей среде. Это жизненно важно для обеспечения продовольственной безопасности — устойчивости продовольственной системы, которая может противостоять климатическим потрясениям и многоплановым кризисам.

Как экологическая партия ЕПЗ придерживается подхода, что защита климата и продовольственная безопасность могут и должны идти рука об руку. С одной стороны, методы сельскохозяйственного производства оказывают большое влияние на климат. С другой — необходимо помочь фермерам стать менее уязвимыми перед экстремальными климатическими явлениями (засухами, наводнениями, ливнями и др.). Партия выступает за переход от традиционного земледелия к органическому, обеспечение достойных условий труда в сельскохозяйственной сфере, высокие стандарты защиты животных, прекращение чрезмерного вылова рыбы, а также за права потребителей на здоровую пищу и прозрачность процесса ее производства. Партия поддерживает меры по защите и бережному использованию природных ресурсов, сохранению биоразнообразия, отказу от пестицидов и методов земледелия, приводящих к эрозии почв, по борьбе с изменением климата.

Третье направление деятельности партии — *Экономика и работа* — базируется на идее устойчивой и процветающей экономики, которая гарантирует общее будущее всем людям в равной мере. Речь идет о так называемой зеленой экономике[6], которая обеспечивает достойную оплату и достойную работу, ставит

[5] Our Positions // European Greens. URL: https://europeangreens.eu/vision/ (accessed: 26.10.2025).

[6] Зеленая экономика (Green Economy) — концепция устойчивой экономической системы, построенной с ориентацией на экологические и социальные факторы, где обеспечивается социальное благополучие и справедливость, но при этом риски для окружающей среды и экологический дефицит минимизированы.

людей выше прибыли, сокращает «экологический след»[7] и активно формирует отрасли будущего. Для адекватного ответа существующим вызовам требуется радикальное изменение моделей производства и потребления в Европе: отказ от устаревших моделей роста, наносящих ущерб климату; переосмысление экономической и фискальной политики с учетом планетарных границ и социальных показателей; ответственность ЕС по отношению к Глобальному Югу. Вместе с тем ЕПЗ выступает против режима жесткой экономии, снижающего уровень жизни, ратует за достойную работу, лучшие условия труда и заработную плату, инвестиции в непрерывное обучение, поддержку перехода к зеленым рабочим местам, ограничение таких опасных для экономики технологий, как искусственный интеллект (ИИ).

С точки зрения Зеленых, дни корпоративного капитализма, при котором обогащаются лишь немногие, при этом подвергая опасности всех людей и планету, сочтены. Это применимо не только в Европе, но и за ее пределами: партия выступает за справедливую торговлю, которая не создавала бы угроз существованию людей в развивающихся странах.

Четвертое направление — *Права человека и миграция* — основано на тезисе, что Европа — это «проект мира, преодоления границ и объединения людей». Главными европейскими ценностями являются человеческое достоинство, равенство и солидарность. Соответственно, в основе «европейского проекта» лежит принцип соблюдения прав человека — ключевой для политики защиты меньшинств и миграции.

Зеленые продвигают справедливый и гуманный подход к миграции, предоставлению политического убежища, политике интеграции: защищают права просителей убежища и мигрантов, подталкивают Евросоюз к определению общей политики в данном вопросе и содействуют ее реализации. В частности, ЕПЗ борется с бесчеловечным обращением, которому подвергаются мигранты на внешних границах ЕС. Кроме того, партия работает над устранением коренных причин миграции путем изменения политики торговли и развития, которая финансирует авторитарные режимы — главный источник мигрантов.

Один из важных аспектов — соблюдение «цифровых прав»: ЕПЗ выступает за регулирование ИИ и других цифровых технологий, настаивает на запрете тех из них, которые нарушают права («инвазивное наблюдение», распознавание лиц, новые инструменты «определения» пола, религии или склонности к совершению преступлений и др.). Партия также работает над обеспечением прозрачности и подотчетности, чтобы исключить автоматизированные системы принятия решений без четких правил.

Пятое направление — *Внешняя политика и политика безопасности.* Европейские Зеленые исходят из того, что «европейский проект» и европейские ценности должны стать гарантом мира и стабильности не только в Европе,

[7] Экологический след (ecological footprint) — мера воздействия человека на среду обитания, позволяющая рассчитать размеры прилегающей территории, необходимой для производства потребляемых экологических ресурсов и поглощения отходов.

но и за ее пределами. На международном уровне партия выступает за усиление гуманитарной помощи, защиту правозащитников и беженцев, борьбу с бедностью и неравенством, за мир и безопасность. Отдельной задачей «Зеленые» считают включение принципа гендерного равенства во все направления политики ЕС.

Партия поддерживает координацию между службами безопасности, властями и полицией на европейском уровне, создание общеевропейских ведомств, способных эффективно пресекать преступную деятельность на внешних границах ЕС: отмывание денег, торговлю наркотиками, оружием и дикими животными, торговлю людьми и принудительную проституцию.

Во внешней политике партия выступает за расширение ЕС с целью ускорения присоединения государств Западных Балкан — их «интеграцию, демократизацию, стабилизацию и примирение»[8]. Примечательно, что до 1989 г. европейские зеленые негативно относились к перспективам дальнейшего усиления интеграционных процессов в Европе, считая, что это не отвечает политическим, социальным и экологическим интересам европейских государств. Так, в программе ОКЕЗ 1984 г. предлагалась альтернативная модель евроинтеграции — более нейтральная и менее централизованная. Но с 1989 г. (когда в Европарламент впервые было избрано большое количество «зеленых депутатов») несколько партий — членов ОКЕЗ начали активно поддерживать евроинтеграцию, выдвигая в качестве условия реальную демократизацию политических институтов ЕС — их бóльшую открытость и ответственность перед гражданским обществом. Программы ЕФЗП 1994, 1999 и 2004 гг. уже не содержали никакой критики актуальной модели евроинтеграции, а лишь альтернативные предложения о реформировании политических институтов ЕС [Гуселетов 2020].

Шестое направление — *Европа и демократия* — построено на стремлении к расширению прав и возможностей граждан, повышению прозрачности и верховенства закона в ЕС. Партия работает над укреплением демократии, борется с проявлениями фашизма, крайнего национализма и авторитаризма на континенте и за рубежом. Геополитические столкновения (в частности военные действия на Украине) европейские «Зеленые» рассматривают исключительно как проявление «очевидной борьбы между демократическими и авторитарными силами», где «автократы, олигархи и крайне правые стремятся подорвать основы демократии, верховенства закона и гражданских свобод». Поэтому Евросоюз должен иметь обязательные и эффективные механизмы, гарантирующие верховенство закона. В связи с этим партия борется с мошенничеством, коррупцией и любым нецелевым использованием средств на уровне ЕС.

ЕПЗ первой из общеевропейских партий ввела первичный процесс отбора своих ведущих кандидатов на европейских выборах. Она выступает за то, чтобы граждане могли голосовать за транснациональные списки, – то есть за создание единого европейского избирательного округа для евровыборов. Кроме того,

[8] Foreign and Security Policy. Our Positions // European Greens. URL: https://europeangreens.eu/positions/foreign-security-policy/ (accessed: 06.02.2025).

она предлагает снизить возрастной ценз для голосования до 16 лет и соблюдать гендерный баланс в списках.

Седьмое направление — *Климат и энергетика*. Несмотря на то что это направление на официальном сайте партии указано последним, именно борьба с климатическим кризисом всегда была в центре «политического проекта» «Зеленых». В данном контексте ключевой задачей ЕПЗ считает решение «чрезвычайной ситуации с климатом» путем отказа от ископаемого топлива, устойчивого перехода на возобновляемые источники энергии (ВИЭ) согласно принципу «климатической справедливости». Партия также работает над укреплением сотрудничества в области международной защиты климата и расширением международного климатического финансирования.

В энергетике цели и задачи ЕПЗ обозначены следующим образом: пересмотр энергетической стратегии, прекращение зависимости Европы от ископаемого топлива (которое вносит наибольший вклад в глобальное изменение климата и, кроме того, ставит Европу в энергетическую зависимость от России). Необходимы такие виды энергии (прежде всего ВИЭ), которые не создают единой центральной зависимости от энергосетей, могут обеспечить безопасное, чистое и дешевое энергоснабжение. Атомная энергия негативно влияет на водо- и землепользование, оказывая дополнительную нагрузку на окружающую среду. Кроме того, она представляет гражданскую и военную угрозу. Партия также борется с «энергетической бедностью», работает над проблемой энергоэффективности. «Зеленые» придерживаются принципа «загрязнитель платит» и выступают против сверхприбылей энергетических компаний, настаивая на их налогообложении. Для достижения климатических целей необходимо уделять особое внимание развитию общественного транспорта, велосипедной инфраструктуры, железнодорожной сети и различных форм «совместной мобильности»[9].

Таким образом, главными целями и задачами на данном направлении являются достижение энергетического суверенитета, укрепление энергетической безопасности Европы, создание основ климатической нейтральности.

К **основным документам** партии относятся «Хартия европейских Зеленых»[10], «Нормативные акты Европейской партии Зеленых»[11], «Книга правил»[12] и финансовые отчеты.

Базовые принципы, лежащие в основе политической деятельности членов ЕПЗ, сформулированы в «Хартии»: партия выступает за «устойчивое развитие человечества на планете Земля», основанное на уважении к правам человека

[9] Модели совместного использования транспортных средств с целью сокращения единиц используемого транспорта (например, каршеринг, системы совместного использования велосипедов и др.).

[10] Charter of the European Greens // European Greens. URL: https://europeangreens.eu/charter-of-the-european-greens/ (accessed: 16.10.2025).

[11] Statutes of the European Green Party. URL: https://www.datocms-assets.com/87481/1734351623-adopted-revised-egp-statutes-copenhagen-4-dec-2022-with-annexes.pdf (accessed: 16.10.2025).

[12] Rule Book of the European Green Party. URL: https://www.datocms-assets.com/87481/1702900959-revised-egp-rule-book-adopted-by-36th-egp-council-copenhagen-4-dec-2022-18-dec-2023.pdf (accessed: 16.10.2025).

и базирующееся на таких ценностях, как «экологическая ответственность», «свобода», «справедливость», «разнообразие», «ненасилие»[13].

Первым и главным из них является принцип *экологической ответственности* — краеугольный камень «зеленых ценностей». Он подразумевает ответственность перед будущими поколениями за охрану и защиту природного наследия планеты, необходимость жить в рамках «экологических возможностей» (рациональное использование природных ресурсов), поддержание биоразнообразия, борьбу с глобальным потеплением. Важным моментом является отношение к природному разнообразию планеты не только как к ресурсу, но и как к ценности самой по себе, требующей защиты. ЕПЗ признает, что практикуемая в Европе модель производства, потребления и торговли вызывает серьезную деградацию окружающей среды и климатическую нестабильность, и именно она способствует продолжающейся нищете большинства жителей планеты. Поэтому партия выступает за принятие срочных мер со стороны промышленно развитых и развивающихся государств по изменению этой модели: экономическая и торговая политика должны служить социальным и экологическим, а не только экономическим целям. «Устойчивое развитие» призвано сгладить противоречия между странами с разным уровнем развития. Во всех сферах деятельности необходимо использовать наиболее экологически безвредные методы[14].

Второй принцип, обозначенный в Хартии, звучит как *Свобода через самоопределение*. Он включает в себя тезисы об «индивидуальной автономии» и «инклюзивной демократии». «Индивидуальная автономия» подразумевает свободу выбора, самовыражения и самоопределения, независимо от пола, возраста, сексуальной ориентации или идентичности, этнического происхождения или состояния здоровья. Эта свобода включает не только материальное, но и социальное, культурное, интеллектуальное и духовное измерения человеческой жизни. Неотъемлемые права как основа функционирования общества должны быть закреплены законом и подкрепляться материальными возможностями. «Зеленые» выступают в роли борцов за те права, которые в дефиците, а также за солидарность, образование, сотрудничество в целях развития, за защиту от насилия, угнетения и дискриминации. «Инклюзивная демократия» основана на принципе равенства всех людей. Для максимального демократического участия граждан необходимо добиваться прозрачности и доступности процессов принятия решений, справедливого распределения ответственности за принимаемые решения. Партия придерживается стратегии «думай глобально, действуй локально»: для максимальной вовлеченности граждан полномочия по принятию решений должны быть предоставлены органам власти на наиболее низком уровне, и, наоборот, при принятии решений на более высоком уровне необходимо учитывать последствия для более низких уровней. Также важно уделять отдельное внимание проблемам меньшинств. «Зеленые» привержены укреплению демократии в Европе,

[13] Charter of the European Greens // European Greens. URL: https://europeangreens.eu/charter-of-the-european-greens/ (accessed: 16.10.2025).

[14] Ibid.

выступают за усиление демократической ответственности и подотчетности многосторонних институтов.

Третьим из базовых принципов является *Расширение правосудия*. «Зеленая» политика предполагает справедливое распределение общественных благ и «внимание к слабому». ЕПЗ выступает за социальную справедливость, гендерное равенство, справедливость между поколениями, глобальную справедливость (на глобальном уровне Европа должна содействовать развитию более слабых экономик). Справедливость между поколениями означает обязанность старших поколений передать экологическое, социальное и культурное наследие будущим поколениям в сохранном виде. Сегодняшняя ситуация в этих областях неблагоприятна и ставит будущее под угрозу. Справедливость в широком смысле включает в себя также солидарность, отсутствие дискриминации и участие граждан в общественно-политическом процессе.

Четвертый принцип — *Разнообразие как неотъемлемое условие.* Богатство цивилизаций, обществ и культур основано на разнообразии, и само Зеленое движение является результатом слияния нескольких социальных движений. Поэтому, с точки зрения ЕПЗ, именно разнообразие в широком смысле слова является обязательным условием успеха и самого́ выживания в любой сфере: оно повышает устойчивость организаций и групп, является защитой от проявлений нетерпимости, экстремизма, тоталитаризма. Человеческое разнообразие имеет много измерений: гендерное, социальное, культурное, духовное, философское, религиозное, лингвистическое, экономическое, этническое, сексуальное, региональное. Оно проявляется как индивидуально, так и в социальных группах, но никогда не должно быть основанием для лишения кого-либо неотъемлемых прав.

Пятый — принцип *Ненасилия*. Само понятие ненасилия — ключевое в философии Зеленых и составляет сущность их подходов к любому вопросу: ни один конфликт не может быть решен с помощью силы, а методы достижения цели должны быть совместимы с этой целью (например, для достижения мира и справедливости нельзя применять военные методы). Под насильственными методами подразумевается не только физическое насилие, но и нарушение прав человека (в том числе права на благоприятную окружающую среду), и социальная несправедливость (так, нищета — одна из форм насилия). Для борьбы с бедностью Зеленые продвигают международные структуры, нацеленные на экономическое равенство и безопасность, защиту прав человека на глобальном уровне. Что касается урегулирования вооруженных конфликтов, особенно важно разрабатывать эффективные инструменты предотвращения конфликтов и их гражданского регулирования (во избежание военного сценария). Вооруженные методы могут использоваться только по решению международного сообщества (мандату ООН), когда исчерпаны остальные средства, и только при наличии четкой политической стратегии вмешательства.

В целом ЕПЗ признает, что пять перечисленных базовых принципов в известной степени берутся на вооружение и другими политическими силами. Отличие подхода «Зеленых» — в том, что они считают их взаимозависимыми и неразделимыми. Именно эти принципы определяют все действия партии, направленные на устойчивое социальное, культурное, экологическое

и экономическое развитие во всем мире. Как региональная партия ЕПЗ выступает за «свободную, демократическую и социальную Европу в мирном, равноправном и экологически устойчивом мире»[15]. Те же принципы применяются во внутрипартийной организации.

В «Хартии» говорится о том, что европейцы как пионеры индустриализации (являющейся корнем многих глобальных проблем современности) и как жители одного из наиболее богатых регионов мира несут основную ответственность за то, чтобы обратить вспять заданные деструктивные тенденции и создать альтернативную устойчивую модель развития. Масштабы имеющихся проблем выходят за рамки возможностей одного государства в плане их решения, поэтому требуют кооперации на общеевропейском уровне. Подходящей для этого структурой ЕПЗ считает Евросоюз, поскольку он открыт для дальнейшего расширения; развивается в направлении истинно демократического института; его приоритетом является модель устойчивого экономического и социального развития; он принимает глобальные обязательства в рамках ООН и сотрудничает с общеевропейскими институтами (ОБСЕ, Совет Европы) ради мирного и устойчивого будущего[16].

Именно в связи с ведущей ролью институтов ЕС в формировании общеевропейского политического ландшафта для любой общеевропейской партии ключевое значение имеет присутствие в главном законодательном органе Союза — Европейском парламенте.

Электоральное участие европейских «Зеленых» (выборы в Европарламент)

В ЕП «Зеленые» постоянно представлены с 1984 г., когда были избраны первые кандидаты от зеленых партий Германии и Бельгии [Rüdig 2019]: 7 от Германии и 2 от Бельгии (в составе парламентской группы «Радуга»). В 1999 г. они вошли в состав фракции «Зеленые / Европейский свободный альянс», объединяющей «Зеленых» и Европейский свободный альянс. Последний не является экологической партией, а представляет собой объединение регионалистских и сепаратистских политических партий. В настоящее время в состав фракции, помимо ЕПЗ и ЕСА, входят также Европейская пиратская партия и проевропейское еврофедералистское политическое движение «Вольт Европа».

В 1989 г. «Зеленым» впервые удалось войти в Европарламент как самостоятельному объединению[17]. В 1999 г. произошел электоральный «рывок» в составе созданного блока «Зеленые/ЕСА», а число стран, чьи зеленые партии прошли в ЕП на национальных выборах, увеличилось почти

[15] European Green Party // Green Party. Comhaontas Glas. URL: https://www.greenparty.ie/about/european-green-party (accessed: 10.10.2025).

[16] Charter of the European Greens // European Greens. URL: https://europeangreens.eu/charter-of-the-european-greens/ (accessed: 16.10.2025).

[17] Создается «Группа „Зеленые“ в Европейском парламенте» (Green Group in the European Parliament, GGEP) [Van Haute 2016: 4].

вдвое (табл. 2). На выборах 2004 г. «Зеленые» уже были представлены как ЕПЗ в составе той же фракции; в эти и последующие годы еще увеличилось число представленных стран. На выборах 2019 г. «Зеленые/ЕСА» получили больше голосов, чем за все предыдущие годы. Этим успехом они во многом были обязаны школьным протестам под руководством шведской экоактивистки Греты Тунберг, которые способствовали подъему климатической повестки до самой обсуждаемой в мире, в том числе на высоком политическом уровне. На последних евровыборах 2024 г. блок «Зеленые/ЕСА» переместился с четвертой на шестую позицию. Данный результат свидетельствует о снижении рейтинга Зеленых в Европе в настоящее время.

Идеологические позиции Зеленых и фракций, составляющих правящую коалицию в Европарламенте 10-й легислатуры (2024–2029 гг.), — Европейской народной партии, Прогрессивного альянса социалистов и демократов и «Обновить Европу» — схожи по ключевым вопросам, среди которых углубление европейской интеграции; однозначная поддержка Украины и режима В. Зеленского в текущем конфликте; поддержка различных нетрадиционных форм сексуальной ориентации и инклюзивности; борьба с проявлениями правого популизма, экстремизма и ксенофобии. Это предполагает альянсы между ними при голосовании по важным вопросам.

Интересен расклад голосов внутри стран — участниц евровыборов: вес национальных партий внутри фракции «Зеленые/ЕСА» (по количеству полученных мандатов) не коррелирует напрямую с процентом полученных на выборах голосов, а зависит от численности населения этих стран. Например, в Германии, где партия «Союз 90/Зеленые» (*Bündnis 90/Die Grünen*) с 2021 г. входила в состав правительственной коалиции, мандаты в Европарламенте по итогам выборов 2024 г. получили 15 кандидатов (см. табл. 2), за «Зеленых» проголосовали 11.9 % избирателей (почти в два раза меньше, чем в 2019 г.[18]). В то же время в Дании (от которой избрано только 3 кандидата) «Социалистическая народная партия — Зеленые левые» (*Socialistisk Folkeparti, SF — Green Left*)[19] набрала 17,4 % голосов (на 4,2 % больше, чем в 2019 г.), а в Швеции (также 3 мандата) «Экологическая партия Зеленых» (*Miljöpartiet de Gröna*, *MP*)[20] получила 13,9 % голосов (на 2,3 % больше, чем в 2019 г.)[21].

[18] На евровыборах 2019 г. эта цифра составляла 20,5 % голосов и 21 мандат (в составе ЕПЗ), что стало вторым результатом после партии власти Христианско-демократический союз / Христианско-социальный союз (ХДС/ХСС).

[19] Denmark // European Greens. URL: https://europeangreens.eu/our-member-parties/dk/ (accessed: 13.10.2025).

[20] Sweden // European Greens. URL: https://europeangreens.eu/our-member-parties/se/ (accessed: 13.10.2025).

[21] Die 27 EU-Länder entsenden je nach Bevölkerungsgrösse zwischen sechs und 96 Abgeordnete. Europawahl 2024: gesamte EU // Spiegel Ausland, 29.07.2024. URL: https://www.spiegel.de/ausland/europawahl-2024-so-haben-die-eu-laender-abgestimmt-interaktive-karte-a-48542ce5-c2c5-4889-9255-caf0d727b849 (accessed: 13.10.2025).

Таблица 2 / Table 2

Результаты ЕПЗ (с 1999 г. — партий фракции «Зеленые/ЕСА») на выборах в ЕП, количество полученных мандатов / The results of the EGP (since 1999 — the parties of the Green/EU faction) in the elections to the EP, the number of received mandates

Страна / Country	1989	1994	1999	2004	2009	2014	2019	2024
Германия Germany	8	12	7	13	14	13	25	15
Франция France	8	—	9	6	14	6	12	5
Великобритания United Kingdom	—	—	6	5	5	6	11	—
Ирландия Ireland	—	2	2	—	—	—	2	—
Нидерланды Netherlands	2	1	4	4	3	2	3	6
Бельгия Belgium	3	2	7	2	4	2	3	2
Люксембург Luxembourg	—	1	1	1	1	1	1	1
Швеция Sweden	—	—	2	1	3	4	2	3
Финляндия Finland	—	—	2	1	2	1	2	2
Дания Denmark	—	1	—	1	2	1	2	3
Австрия Austria	—	—	2	2	2	3	2	2
Венгрия Hungary	—	—	—	—	—	2	—	—
Чехия Czech Republic	—	—	—	—	—	—	3	1
Словения Slovenia	—	—	—	—	—	1	—	1
Хорватия Croatia	—	—	—	—	—	1	—	1
Румыния Romania	—	—	—	—	—	—	—	1
Греция Greece	—	—	—	—	1	—	—	—
Италия Italy	7	4	2	2	—	—	—	4
Испания Spain	1	—	4	3	2	4	2	4
Португалия Portugal	1	—	—	—	—	—	1	—
Латвия Latvia	—	—	—	1	1	1	1	1
Литва Lithuania	—	—	—	—	—	1	2	1
Эстония Estonia	—	—	—	—	1	1	—	—
Всего голосов Votes (total), %	**5.8**	**4.1**	**7.7**	**5.7**	**7.5**	**6.7**	**9.9**	**7.4**
Всего мандатов Mandates (total)	**30**	**23**	**48**	**42**	**55**	**50**	**74**	**53**
Общее число мест в ЕП Seats in the EP (total)	518	567	626	732	736	751	751	720

Источник / Source: Parlement européen 1989. URL: https://www.europe-politique.eu/wiki/Parlement_européen_1989 (accessed: 22.10.2025). Parlement européen 1994. URL: https://www.europe-politique.eu/wiki/Parlement_européen_1994 (accessed: 22.10.2025). Parlement européen 1999. URL: https://www.europe-politique.eu/wiki/Parlement_européen_1999 (accessed: 22.10.2025). Parlement européen 2004. URL: https://www.europe-politique.eu/wiki/Parlement_européen_2004 (accessed: 22.10.2025). Parlement européen 2009. URL: https://www.europe-politique.eu/wiki/Parlement_européen_2009 (accessed: 22.10.2025). Parlement européen 2014. URL: https://www.europe-politique.eu/wiki/Parlement_européen_2014 (accessed: 22.10.2025). Parlement européen 2019. URL: https://www.europe-politique.eu/wiki/Parlement_européen_2019 (accessed: 22.10.2025) Parlement européen 2024. URL: https://www.europe-politique.eu/wiki/Parlement_européen_2024 (accessed: 22.10.2025).

По результатам евровыборов всех лет можно наблюдать умеренные «волновые» колебания представленности европейских «Зеленых» как самостоятельного объединения (с 1999 г. — в составе фракции «Зеленые/ЕСА») в Европейском парламенте (см. табл. 2). Однако общей тенденцией, начиная с 1984 г., является постепенное увеличение представительства «Зеленых» в этом институте.

Перспективы зеленой повестки по итогам евровыборов 2024 г.

Заметные электоральные потери Зеленых на последних выборах в ЕП в ведущих странах ЕС (Германии и Франции), а также по общеевропейским итогам, породили в Европе тревогу за ее «зеленое будущее», в особенности за судьбу «Европейского зеленого курса» (ЕЗК). «Зеленый курс» является программой Брюсселя, однако судьба европейских «Зеленых» решается прежде всего на национальных евровыборах в странах ЕС. Так, в Германии и Франции результат экологических партий на евровыборах 2024 г. упал почти вдвое по сравнению с 2019 г. Это, очевидно, вызвано не столько непосредственно экологическими «просчетами» этих партий, сколько общей геополитической ситуацией на европейском континенте, сопутствующим энергетическим кризисом и серьезными социально-экономическими проблемами в странах Европы вследствие указанных причин. Озабоченность европейцев климатическим кризисом остается очень высокой, однако аналитики предупреждают об угрозе массового сопротивления климатической политике ЕС в случае ухудшения социального положения граждан, особенно малоимущих, даже несмотря на их веру в реальность климатического кризиса[22].

На слушаниях назначенных комиссаров Еврокомиссии перед членами Европарламента 4–12 ноября 2024 г. представители фракции «Зеленые/ЕСА» подняли ряд острых вопросов, так или иначе связанных с деятельностью фракции в ЕП: влияние энергетического кризиса на социально-экономическую ситуацию в странах ЕС; производство технологий *Net Zero*; «циркулярная экономика»; финансирование зеленого перехода — особенно в части обеспечения социальной справедливости и поддержки трудящихся; социальные аспекты индустриальной политики; резкий рост энергопотребления в связи с развитием искусственного интеллекта и других цифровых технологий; вопросы энергоэффективности; проблемы малоимущих и бездомных; судьба ЕЗК; стихийные бедствия, вызванные изменением климата; бережное («устойчивое») использование ресурсов; «зеленые финансы» и налогообложение; проблемы обращения с «вечными токсичными химикатами» (*PFAS*); проблема использования пестицидов в сельском хозяйстве; органическое земледелие; защита биоразнообразия; защита животных; экологические факторы в медицине и многие другие.

[22] Niranjan A., O'Caroll L. 2024. Green Party Losses in EU Elections Raise Concerns over Green Deal // The Guardian. 09.06.2024. URL: https://www.theguardian.com/world/article/2024/jun/09/green-party-losses-in-eu-elections-raise-concerns-over-green-deal (accessed: 30.09.2025).

Основной экологический нарратив, транслируемый представителями фракции «Зеленые/ЕСА», состоит в том, что Европа потребляет непропорционально много природных ресурсов и оказывает непропорционально большое влияние на окружающую среду с точки зрения доли населения континента по отношению к населению всего Земного шара. Так, европейские страны используют 70–97 % всех мировых ресурсов, которые могут быть получены «устойчивым» путем (без нарушения экологического баланса). При этом в ЕС проживает лишь 6 % мирового населения. Сама по себе эта ситуация является крайне «неустойчивой»[23].

Многие вопросы, поставленные Зелеными перед будущими еврокомиссарами, не касались непосредственно социально-экологической тематики, однако являются острыми вопросами развития и поэтому актуальны: права человека; права мигрантов; верховенство закона; проблемы равенства, бедности, абортов и дискриминации; защита потребителя; кризис стоимости жизни; Соглашение о свободной торговле; финансовое регулирование; макроэкономическая стабилизация; пересмотр национальных планов; «экономика данных» (*Data economy*); технический суверенитет; проблема использования шпионских технических устройств; цифровая грамотность, проблема многоязычности; прозрачность и этика; вопросы культуры; региональная интеграция в ЕС; внешняя политика; политика безопасности и миграционная политика; проблемы границ и Шенгена; глобальное партнерство; расширение и реформа ЕК; судоходство и авиация; безопасность автомобильных дорог; проблемы здравоохранения и др.[24]

Таким образом, актуальность зеленой повестки по итогам выборов в Европарламент 2024 г., несмотря на ухудшение результатов фракции «Зеленые/ЕСА», не снижается, а, напротив, возрастает. Это обусловлено как объективными причинами, так и усилиями ЕПЗ (в составе фракции) по ее продвижению в институтах ЕС, в частности в Европарламенте и Еврокомиссии.

Заключение

Европейские Зеленые с 1984 г. (с момента первого избрания их представителей в Европарламент) принимают активное участие в политических процессах на уровне ЕС, с 1989 г. — как самостоятельное объединение «Группа «Зеленые» в Европейском парламенте», с 1999 г. — в составе фракции «Зеленые / Европейский свободный альянс» в ЕП, с 2004 г. — как Европейская партия зеленых в составе фракции.

За эти несколько десятилетий партия в целом укрепила свои электоральные позиции, несмотря на периодические «волновые» колебания ее результатов на евровыборах.

[23] Hearings of the Commissioners-Designate. Our Questions // The Greens-EFA in the European Parliament. URL: https://www.greens-efa.eu/opinions/hearings-of-the-commissioners/ (accessed: 11.10.2025).

[24] Ibid.

Согласно базовым принципам, отраженным в основополагающих документах ЕПЗ и официально обозначенным направлениям деятельности, партия является социально-экологической и располагается на левом фланге политического спектра. На общеевропейском уровне (как и на национальном) это означает продвижение базовых социально-экологических ценностей и поддержку политических решений левого толка.

В условиях острого и многопланового кризиса 2020-х гг. зеленая повестка не теряет своей актуальности, а становится все более значимой. Этому способствуют и объективные причины, и активная деятельность «Зеленых» в институтах и органах ЕС.

Вместе с тем обострение геополитической и экономической ситуации в связи с военным конфликтом на Украине (с февраля 2022 г.) способствовало резкому снижению рейтинга экологических партий в крупнейших странах ЕС — Германии и Франции. Это уже отразилось на результатах евровыборов 2024 г., но предположительно будет иметь и более долгосрочный эффект, который в случае углубления кризиса может значительно ослабить позиции ЕПЗ в будущем.

Поступила в редакцию / Received: 07.06.2026
Доработана после рецензирования / Revised: 23.07.2026
Принята к публикации / Accepted: 14.08.2026

Библиографический список

Глушенкова Е.И. Международные неправительственные экологические организации и ТНК: глобальное политическое противостояние // ТНК в мировой политике и мировой экономике: проблемы, тенденции, перспективы / отв. ред. Э.Г. Соловьев. Москва : ИМЭМО, 2005. С. 99–104.

Гуселетов Б.П. О феномене роста популярности Европейской партии Зеленых // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 3 (15). С. 55–61. https://doi.org/10.15211/vestnikieran320205561 EDN: LXJAKH

Ровинская Т.Л. Европейское зеленое движение в условиях кризиса: новые подходы. Анализ и прогноз // Журнал ИМЭМО РАН. 2021. № 4. С. 24–33. https://doi.org/10.20542/afij-2021-4-24-33 EDN: XDCVPN

Bomberg E. Green Parties and Politics in the European Union. London : Routledge, 1998. 225 p. https://doi.org/10.4324/9780203982228

Buttel H. Ecological Modernisation as Social Theory // Geoforum 2000. Pergamon: Elsevier Science Ltd., 2000. Vol. 31. P. 57–65. https://doi.org/10.1016/S0016-7185(99)00044-5

Green Parties in Europe / ed. by E. van Haute. London : Routledge, 2016. 352 p.

Mol A. The Environmental Movement in an Era of Ecological Modernisation // Geoforum 2000. Pergamon : Elsevier Science Ltd., 2000. Vol. 31. P. 45–56. https://doi.org/10.1016/S0016-7185(99)00043-3

Rüdig W. Green Parties and Elections to the European Parliament, 1979–2019 // Greens for a Better Europe: Twenty Years of UK Green Influence in the European Parliament: 1999–2019 / ed. by L. Ward, J. Brady. London : London Publishing Partnership, 2019. P. 3–48.

References

Bomberg, E. (1998). *Green parties and politics in the European Union*. London: Routledge. 225 p. https://doi.org/10.4324/9780203982228

Buttel, H. (2000). Ecological modernisation as social theory. In *Geoforum 2000*. 31 (pp. 57–65). Pergamon: Elsevier Science Ltd. https://doi.org/10.1016/S0016-7185(99)00044-5

Glushenkova, E.I. (2005). International non-governmental environmental organizations and TNC: Global opposition. In E.G. Soloviev (Ed.), *TNC in World Politics and World Economy: Problems, Tendecies, Perspectives* (pp. 99–104). Moscow: IMEMO. (In Russian).

Guseletov, B.P. (2020). About the phenomenon of growing popularity of the European Green Party. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, *3*(15), 55–61. (In Russian). https://doi.org/10.15211/vestnikieran320205561 EDN: LXJAKH (In Russian).

Mol, A. (2000). The environmental movement in an era of ecological modernization. In *Geoforum 2000* (vol. 31, pp. 45–56). Pergamon: Elsevier Science Ltd. https://doi.org/10.1016/S0016-7185(99)00043-3

Rovinskaya, T.L. (2021). The European Green Movement in Times of Crisis: New Approaches. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, *4*, 24–33. (In Russian). https://doi.org/10.20542/afij-2021-4-24-33 EDN: XDCVPN

Rüdig, W. (2019). Green Parties and elections to the European Parliament, 1979–2019. In L. Ward & J. Brady (Eds.), *Greens for a Better Europe: Twenty Years of UK Green Influence in the European Parliament: 1999–2019* (pp. 3–48). London: London Publishing Partnership.

Van Haute, E. (Ed.). (2016). *Green Parties in Europe*. London: Routledge.

Сведения об авторе:

Ровинская Татьяна Леонидовна — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Сектора теории политики Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН) (e-mail: mirtania@gmail.com) (ORCID: 0000-0003-4939-3653, SPIN-код: 9046-4913, AuthorID: 420988, Scopus ID: 57192273346, WOS ID: V-9799-2017).

About the author:

Tatiana L. Rovinskaya — Candidate of Political Science; Senior Researcher at the Theory of Politics Section, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAN) (e-mail: mirtania@gmail.com) (ORCID: 0000-0003-4939-3653, SPIN-code: 9046-4913, AuthorID: 420988, Scopus ID: 57192273346, WOS ID: V-9799-2017).

RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 3 642–656**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-3-642-656
EDN: KEZNFD

Научная статья / Research article

Цена «зеленого лидерства»: экологические приоритеты и социально-экономические вызовы в аграрной политике Новой Зеландии

Т.И. Хайнацкая

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, *Москва, Российская Федерация*

✉ tatianakh@imemo.ru

Аннотация. Сегодня экологический курс Новой Зеландии стал полем политической конкуренции, где определяются приоритеты общественного развития, распределяются издержки преобразований и происходит борьба за доступ различных групп к процессу принятия политических решений. Наиболее остро эти противоречия проявляются в аграрной политике, где сталкиваются интересы правительства, политических партий, фермерских ассоциаций, крупных агропромышленных компаний, экологических движений, профсоюзов и коренных народов. Каждая из групп стремится закрепить собственное понимание допустимого соотношения между климатическими обязательствами, экономическими выгодами, обеспечением социальной поддержки сельских территорий и правами на землю и природные ресурсы. Несмотря на репутацию «чистой и зеленой» страны, Новая Зеландия сталкивается с ростом внутренних дисбалансов: экологические стандарты усиливают нагрузку на малые фермерские хозяйства, способствуют концентрации капитала в крупных бизнес-компаниях и углублению социального неравенства в сельских регионах, а доступ к процессам принятия политических решений остается неравномерным. В результате экологическая политика представляется как подвижный политический компромисс. Методологическую основу исследования составляют концепция политического компромисса, кейс-стади и анализ групп интересов. Такой подход позволяет выявить границы применимости зеленого курса как инструмента экономического и социального регулирования, стейкхолдеров и их интересы, институциональные механизмы балансирования этих интересов. Реализуемая политика сочетает элементы компромисса и адаптации, когда идеалы экологического лидерства и экономического роста достигаются ценой социальных уступок. Опыт Новой Зеландии демонстрирует, что «зеленая трансформация» требует технологических, идейно-концептуальных решений, связанных с переосмыслением принципов экономического развития, а также эффективного политического согласования интересов, обеспечивающего справедливое распределение издержек и выгод между различными акторами, регионами и культурными сообществами.

© Хайнацкая Т.И., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Ключевые слова: экологические приоритеты, зеленая повестка, Новая Зеландия, сельскохозяйственная политика, устойчивое развитие, «пончиковая» экономика

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Хайнацкая Т.И.* Цена «зеленого лидерства»: экологические приоритеты и социально-экономические вызовы в аграрной политике Новой Зеландии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 3. С. 642–656. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-642-656 EDN: KEZNFD

The Price of Green Leadership: Environmental Priorities and Socio-Economic Challenges in New Zealand's Agricultural Policy

Tatiana I. Khaynatskaya

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russian Federation*

✉ tatianakh@imemo.ru

Abstract. New Zealand's environmental agenda has become an arena of political contestation in which development priorities, the distribution of transition costs, and access to public decision-making are negotiated and challenged. These tensions are particularly visible in agricultural policy, where the interests of the government, political parties, farmers' associations, major agribusiness companies, environmental movements, trade unions, and Māori communities intersect. Each group advances its own understanding of the acceptable balance between climate commitments, economic benefits, support for rural areas, and rights to land and natural resources. Despite its "clean and green" reputation, New Zealand faces growing internal imbalances: environmental standards place greater pressure on small farms, contribute to capital concentration in large companies, and deepen social inequality in rural regions, while access to political decision-making remains uneven. Environmental policy therefore emerges as a fluid political compromise shaped by asymmetries of power, unequal resources, competing interests, and shifts in governing coalitions. Methodologically, the study combines the concept of political compromise, a case-study approach, and interest group analysis. This framework makes it possible to identify the principal stakeholders, their resources and strategies, and the institutional mechanisms through which interests are represented, negotiated, and balanced. The policy pursued combines compromise and adaptation, as environmental leadership and economic growth are often achieved at the cost of social concessions. The New Zealand case demonstrates that green transformation requires not only technological innovation and a rethinking of economic development, but also effective political coordination capable of ensuring a fair distribution of costs and benefits among different actors, regions, and cultural communities.

Keywords: environmental priorities, green agenda, New Zealand, agricultural policy, sustainable development, doughnut economics

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Khaynatskaya, T.I. (2026). The price of green leadership: Environmental priorities and socio-economic challenges in New Zealand's agricultural policy. *RUDN Journal of Political Science, 28*(3), 642–656. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-642-656 EDN: KEZNFD

Введение

Уже прошло почти 40 лет после представления комиссией Брундтланд доклада «Наше общее будущее»[1], где были обозначены основные проблемы общественного развития, возможные пути их решения и новые ориентиры устойчивого развития (УР)[2]. В дальнейшем эти идеи легли в основу Целей развития тысячелетия до 2015 г.[3] и Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН[4] до 2030 г. При этом уже сегодня ставится под сомнение возможность полного достижения этих целей. Отмечается, что они противоречат друг другу и мешают реализации других приоритетных направлений развития [Gupta 2017: 4–5]. Например, ведутся дискуссии о проблеме баланса между сохранением окружающей среды и улучшением качества жизни людей в развивающихся странах [Hunjra et al. 2024] или о достижении высоких экономических показателей без критического уровня потребления ресурсов и за счет инноваций, в том числе зеленых [Aghion et al. 2021: 186–187]. Доклад, представленный Экономическим и Социальным Советом ООН, о прогрессе в достижении ЦУР рисует достаточно мрачную картину[5] — по всем 17 ЦУР наблюдается отставание от намеченных ориентиров. Западные государства имеют более значительные успехи в реализации ЦУР по сравнению с другими странами, что связано с наличием у них экономических ресурсов и других возможностей [Soto 2024].

К их числу относится Новая Зеландия. Хотя эта страна принадлежит к числу малых стран [Алешин 2025: 57], ее политика сочетает экологические приоритеты, сохранение традиций маори и высокие экономические показатели, формируя модель «зеленого лидерства». Представление о Новой Зеландии как о стране с чистой природой, натуральной продукцией и высокой туристической привлекательностью прочно закрепилось в национальном самовосприятии [Dew 1999], повысив восприимчивость политической системы к экологической проблематике и способствуя включению зеленой повестки в число приоритетов государственного управления. Образ Новой Зеландии

[1] Наше общее будущее : доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию / пер. с англ // ООН, 1987. URL: https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf (дата обращения: 07.07.2026).

[2] УР — развитие, при котором потребности современных поколений удовлетворяются без ущерба для возможности будущих поколений удовлетворять свои потребности.

[3] Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций : принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 г. // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 07.07.2026).

[4] Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. : декларация Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/420355765 (дата обращения: 07.07.2026).

[5] Progress towards the Sustainable Development Goals: Special Edition 2023 / United Nations. URL: https://hlpf.un.org/sites/default/files/2023-04/SDG%20Progress%20Report%20Special%20Edition.pdf (accessed: 01.09.2025).

как «чистой и зеленой» (*clean and green*) получил политическое значение в 1980-е гг. и используется в качестве элемента позиционирования государства как на внутреннем, так и во внешнем контуре [Coyle, Fairweather 2005]. На национальном уровне проводится системная экологическая политика, ориентированная на международные стандарты, однако она была приоритетной еще до принятия ЦУР [Bührs et al. 1993].

Пример Новой Зеландии примечателен тем, что зеленые показатели сочетаются с ведением интенсивного сельского хозяйства и животноводства. Доля сельского хозяйства в экономике страны составляет лишь 4,6 % от ВВП по данным на 2022 г.[6], при этом 80 % доходов от внешней торговли приносит аграрный сектор[7]. Позитивную картину омрачает тот факт, что около 10–20 % населения страны находятся в состоянии продовольственной «неуверенности», которая характеризуется нерегулярным или ограниченным доступом к питательной еде (*nutritious food*)[8]. Это свидетельствует о достаточно несбалансированной картине в приоритетах развития страны. Хотя зеленая повестка является важным императивом политического курса страны, однако ее реализация демонстрирует расхождения между экологическими амбициями государства и социально-экономическими последствиями принимаемых решений.

Политика в зеркале компромисса: новозеландский «казус»

Традиционно в политической дискуссии Новой Зеландии значительное место занимают вопросы, связанные с поиском баланса между различными направлениями политики, интересами стейкхолдеров, выстраиванием диалога с коренным населением маори, включая меры по сокращению социального неравенства и вовлечением его в процессы принятия политических решений. Именно эти проблемы остаются одними из главных уязвимостей в реализации комплексной политики развития.

Принятие решений в политике всегда требует компромисса и согласования интересов. Категория компромисса закрепилась в политологии как инструмент политико-аналитического осмысления и исследовательской методологии. В этом контексте она позволяет рассматривать конкурирующие направления политики как равноценные, подлежащие объективной оценке на основе их относительных возможностей и преимуществ в достижении заранее заданных целей [Nilsson et al. 2019]. Компромисс в политике

[6] Agriculture, forestry, and fishing, value added (% of GDP) // World Bank Open Data. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NV.AGR.TOTL.ZS?locations=NZ (accessed: 01.09.2025).

[7] New Zealand scraps clean, green policies to boost economy // Reuters. August 8, 2024. URL: https://www.reuters.com/world/asia-pacific/new-zealand-scraps-clean-green-policies-boost-economy-2024-08-04/ (accessed: 01.09.2025).

[8] Food Sovereignty and Equitable Food Systems [Report] // Center for Social Impact. April, 2023. URL: https://www.foundationnorth.org.nz/downloads/assets/1137/Food%20Sovereignty%20and%20Equitable%20Food%20Systems.pdf (accessed: 01.09.2025).

обычно понимается как ситуативное решение, связанное с уступками в объеме, качестве или целостности отдельных ценностей и интересов ради достижения выгоды или баланса в других сферах политического процесса [Jackson 2024: 1311]. Эта методологическая рамка преимущественно применяется для оценки соотношения экологических и экономических приоритетов, однако в данном исследовании к ним добавляется третье — социальное измерение.

В стране упор делается на экономическую эффективность и экспортную конкурентоспособность аграрного сектора, а также на обеспечение устойчивости для поддержания зеленого образа страны[9]. Социальное измерение становится предметом компромисса: сохранение занятости и развитие территорий противостоят издержкам экологических ограничений и экспортной ориентации. Подобные противоречия формируют поле конкуренции и согласования интересов между аграрными объединениями как *Federated Farmers, DairyNZ* и *Beef + Lamb New Zealand*, экологическими организациями, например, *Forest & Bird*, профсоюзами, коренным населением и правительством. В партийной системе интересы фермеров преимущественно поддерживают *National* и *ACT*, а экологическую и климатическую повестку — *Green Party of Aotearoa New Zealand* и лейбористы. Их взаимодействие сочетает неокорпоративистские механизмы и плюралистическую конкуренцию через парламент, консультации, протесты и общественное лоббирование.

Экологические приоритеты Новой Зеландии

Новая Зеландия выступает форпостом западных зеленых ценностей в Тихоокеанском регионе. Здесь зеленое направление осмысляется в качестве ресурса развития, а не как инструмент регулирования. Политическая поддержка такого курса строится на влиянии *Green Party of Aotearoa New Zealand*, лейбористов, институциональной роли *Ministry for the Environment* и *Climate Change Commission,* а также экологических ценностей населения.

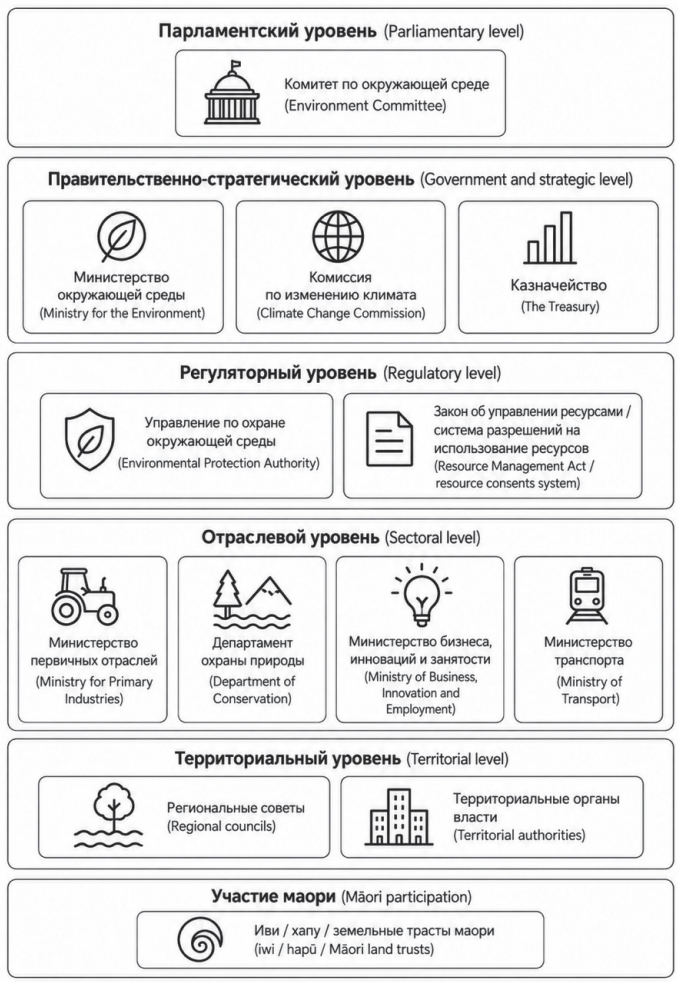
Среди девяти основных правительственных целей, преимущественно ориентированных на решение узких социальных вопросов, одна направлена на сокращение выбросов CO_2, что делает проблему изменения климата ключевым экологическим приоритетом государственной повестки[10].

Ответственным органом за формирование экологической политики является Министерство окружающей среды (рис.). Именно оно определяет экологические приоритеты страны, разрабатывает и внедряет национальные экологические стандарты, инициативы и др. В соответствии со своей компетенцией Министерство формирует долгосрочные стратегические ориентиры

[9] Fit for a Better World: Accelerating our Economic Potential // Wellington : Ministry for Primary Industries, 2020. URL: https://www.mpi.govt.nz/dmsdocument/41031-Fit-for-a-Better-World-Accelerating-our-economic-potential (accessed: 07.07.2026).

[10] Government Targets // Department of the Prime Minister and Cabinet : official website. URL: https://www.dpmc.govt.nz/our-programmes/government-targets (accessed: 08.07.2026).

экологической политики. Среди приоритетов на 2025–2029 гг. — улучшение системы управления природными ресурсами, укрепление устойчивости сообществ, бизнеса и территорий к изменениям климата и стихийным бедствиям, поддержка перехода к конкурентоспособной низкоуглеродной и ресурсоэффективной экономике, а также повышение качества и доступности научных данных и доказательной базы для всех, кто участвует в процессе принятия решений[11]. Выбор этих направлений демонстрирует переход Новой Зеландии к системному управлению через интеграцию экологических, экономических и управленческих целей в единый национальный курс.

Институциональные уровни экологической политики Новой Зеландии

Источник: составлено Т.И. Хайнацкой.

Institutional levels of New Zeland's Green Policy

Source: compiled by T.I. Khaynatskaya.

[11] Ministry for the Environment. Strategic Intentions 2025–2029 // Government of New Zealand. 2025. URL: https://environment.govt.nz/assets/publications/strategic-intentions-2025-29-web.pdf (accessed: 05.11.2025).

Несмотря на то, что страна ориентируется на метрики ЦУР при оценке результатов своей политики, страна использует и иные индикаторы развития, например мониторинг структуры жизненных стандартов (*Living Standards Framework*)[12], измеряющий благополучие населения наряду с ВВП и отслеживающий обеспечение баланса между экономическими, социальными и экологическими приоритетами. В его основе лежит концепт благополучия (*wellbeing*), который рассматривается как ключевая цель государственного развития [Семененко et al. 2022]. Развивая это направление, Новая Зеландия активно участвует в работе Альянса за экономику благополучия[13], объединяющего государства (Шотландия, Финляндия, Исландия, Уэльс, Новая Зеландия и Канада), стремящихся выстроить экономическую политику на зеленых принципах и принципах высокого качества жизни.

Наряду с концепцией устойчивого развития для достижения общественного благополучия рассматривается и концепт «пончиковой» экономики (*Doughnut Economics*) [Raworth 2017]. Основная идея — экономика должна функционировать в пределах «пончика» в своеобразных допустимых границах, обеспечивающих баланс между социальным основанием (условиями достойной жизни) и экологическим потолком (пределами природных ресурсов). Официально модель «пончика» не закреплена в нормативных документах Новой Зеландии, но фактически ее принципы реализуются через национальную систему оценки благополучия[14], отмеченной выше, УР, встроенную в политику и бюджетное планирование.

В стране формируется интегрированная система управления развитием, основанная на зеленых императивах, где общее политическое руководство осуществляет Кабинет министров, а полномочия распределяются между центральными ведомствами, независимыми регулирующими органами и местными советами. При этом Министерство окружающей среды определяет стратегические направления, устанавливает стандарты и формирует приоритеты экологической политики, а реализация практических мер осуществляется другими ведомствами, прежде всего Министерством первичных отраслей промышленности, в сферу ответственности которого входят сельское хозяйство, лесное хозяйство и рыболовство.

Аграрный сектор в системе трех измерений развития

Сегодня ведение сельскохозяйственной деятельности невозможно без учета экологических факторов и практик регулирования, в особенности без связки с климатической политикой и политикой по сохранению

[12] Our Living Standards Framework // The Treasury New Zealand. URL: https://www.treasury.govt.nz/information-and-services/nz-economy/higher-living-standards/our-living-standards-framework (accessed: 07.07.2026).

[13] Wellbeing Economy Governments partnership (WEGo) // Wellbeing Economy Alliance. URL: https://weall.org/wego/ (accessed: 07.07.2026).

[14] Wellbeing Report seminar series: Doughnut Economics in action: Perspectives for Aotearoa // The Treasury New Zealand. URL: https://www.treasury.govt.nz/news-and-events/our-events/wellbeing-report-seminar-series-doughnut-economics-action-perspectives-aotearoa (accessed: 07.07.2026).

биоразнообразия [Ortiz 2021]. Традиционно сельскохозяйственное направление политики Новой Зеландии отличалось радикальной либерализацией [MacLeod 2006]. Выбор в пользу свободного рынка позволил повысить конкурентоспособность сельскохозяйственной отрасли и ориентировать ее на экспорт [Scrimgeour et al. 2006]. Однако теперь прибыль в большей степени зависит от внешних факторов, а ориентация на экспорт обострила экологические проблемы из-за интенсификации производства [Ge et al. 2025]. Ввиду этого на государственном уровне были приняты меры по нивелированию экологического ущерба и запущены целевые программы. Например, инициатива «Наша земля и вода»[15] была направлена на сохранение качества почв и водных ресурсов, развитие экспорта продукции с более высокой добавленной стоимостью при использовании зеленых методов землепользования, внедрение технологий.

Политическая дискуссия сосредоточена на поиске баланса между экономической эффективностью и сохранением экосистем в аграрной политике. Инициативные группы фермеров также продвигают собственные практики и предлагают новые принципы управления, сочетая производственные цели с экологической ответственностью, например, регенеративное сельское хозяйство, в рамках которого сельскохозяйственная деятельность направлена на восстановление природной среды, производство «питательной» продукции и обеспечение достойного уровня жизни фермеров [Grelet, Lang, 2021; Norton, Reid, Young 2013]. Для фермерских сетей (например, *Quorum Sense NZ, Farmer's Footprint New Zealand*) регенеративные практики означают большую автономию производителей и возможность пересмотра существующей модели землепользования.

В малых и удаленных районах аграрное производство обеспечивает жизнеспособность местных сообществ, поддерживает социальную инфраструктуру и способствует стабильному развитию экономики регионов, а политические лидеры стремятся получить их голоса[16]. Однако новые экологические требования ставят фермеров, особенно малые хозяйства, в менее выгодное положение. Приоритет государства в пользу экологической повестки оттесняет их интересы на периферию и ослабляет их позиции в процессе принятия политических решений[17].

Крупный бизнес, включая *Fonterra*, стремится встроить зеленую повестку в корпоративные стандарты, систему сертификации, брендинг и экспортную стратегию, превращая экологические требования в инструмент

[15] Our Land and Water National Science Challenge Strategy 2019–2024 // Our Land and Water National Science Challenge, 2019. URL: https://ourlandandwater.nz/wp-content/uploads/2019/02/OLWStrategy2019-2024.pdf (accessed: 07.07.2026).

[16] New Zealand's Plans for Agricultural Emissions Pricing. OECD.

[17] Campbell H. The battle for NZ's farming heartland: Groundswell, ACT and the changing face of rural politics // The Conversation. URL: https://theconversation.com/the-battle-for-nzs-farming-heartland-groundswell-act-and-the-changing-face-of-rural-politics-213979 (accessed: 06.07.2026).

укрепления рыночных позиций. В результате политический конфликт разворачивается вокруг контроля над содержанием «зеленого перехода» — будут ли его параметры определяться самими производителями, населением или государством.

Социальное измерение проявляется в политической борьбе за распределение ее издержек и преимуществ между крупным агробизнесом, малыми хозяйствами и сельскими сообществами. Неравенство ресурсов и возможностей влияния приводит к тому, что одни акторы участвуют в формировании правил перехода и извлекают из него рыночные выгоды, тогда как другие сталкиваются с ростом затрат, рисками сокращения занятости и ослаблением благополучия территорий. Принятый в 2022 г. первый национальный план по сокращению выбросов CO_2[18] предусматривает систему ценообразования на выбросы в сельскохозяйственном секторе, что вызывает опасения у фермеров из-за роста затрат и снижение конкурентоспособности. Реализация климатических мер в этой отрасли осложняется тем, что фермеры уже работают в условиях высоких стандартов и ограничений[19]. Для продвижения новых мер необходимы технологии и инвестиции, доступные только ограниченному кругу производителей, преимущественно из числа крупных компаний, что ведет к концентрации производства в руках крупных агрохолдингов и социальному расслоению в сельских районах [Scrimgeour et al. 2006].

Экспортная ориентация аграрного сектора, экологические ограничения и социальные проблемы сельских территорий создают политическую дилемму: как совместить конкурентоспособность и привлекательность сельского хозяйства, сохранение окружающей среды и справедливое развитие территорий.

Социальные конфликты при реализации экологических мер

Введение новых экологических ограничений вызвало сопротивление части фермерских сообществ. Наиболее резонансной стала инициатива лейбористского правительства по введению платы за выбросы CO_2, производимые скотоводческими хозяйствами, представленная бывшим премьер-министром Дж. Ардерн[20]. Власти преподнесли эту меру как способ укрепить «зеленое» лидерство Новой Зеландии, однако объединения фермеров *Federated Farmers* и *Groundswell NZ* расценили ее как угрозу рентабельности хозяйств

[18] Aotearoa New Zealand's First Emissions Reduction Plan // New Zealand Government. May, 2022. URL: https://environment.govt.nz/assets/publications/Aotearoa-New-Zealands-first-emissions-reduction-plan.pdf (accessed: 03.10.2025).

[19] New Zealand's Plans for Agricultural Emissions Pricing. OECD.

[20] Pragmatic proposal to reduce agricultural emissions and enhance exports and economy // New Zealand Government : official website. October, 2022. URL: https://www.beehive.govt.nz/release/pragmatic-proposal-reduce-agricultural-emissions-and-enhance-exports-and-economy (accessed: 07.07.2026).

и сельским территориям. В 2022 г. инициатива вызвала фермерские протесты, а после смены правительства в 2023 г. была свернута в пользу более мягкого курса, ориентированного на технологии и добровольное сокращение выбросов[21].

Такая реакция показала недоверие части аграриев к государственной зеленой политике, воспринимаемой как навязанная «сверху» под влиянием международных климатических обязательств и экспортной репутации страны. Хотя эту критику активнее поддерживают правоцентристские силы (*National* и *ACT*), ее социальная база шире и связана с ощущением недостаточного учета интересов представителей сельских территорий. Противоречия между экологическими целями, с одной стороны, и интересами фермеров, агрохолдингов, малых хозяйств и маори-фермеров — с другой, отражают глубинный конфликт целеполагания.

В экологической политике Новой Зеландии используется маорийский подход бережного отношения к земле, основанный на принципе *kaitiakitanga*, понимаемом как охрана и ответственное управление природной средой. Однако аграрная сфера во многом остается ориентированной на экспортную эффективность, экологическое позиционирование и технологическую модернизацию сектора, а не изменение управленческих практик[22]. Это ограничивает участие маори в «зеленом переходе». Например, значительная часть маорийских земель имеет статус *Māori freehold land* и регулируется *Te Ture Whenua Māori Act* 1993[23], что осложняет продажу, консолидацию участков и использование земли как залога для получения кредитования. Поэтому даже при наличии специальных инструментов поддержки, таких как *Māori Agribusiness Extension Programme*, маорийские хозяйства сталкиваются с более сложными условиями доступа к финансированию и программам модернизации.

Будущее аграрного сектора страны во многом зависит от способности политического руководства страны выработать сбалансированный подход, сочетающий реализацию экологических целей с обеспечением социальной справедливости, при котором будут учтены интересы различных групп интересов, вовлеченных в реализацию сельскохозяйственной политики и экологических приоритетов.

[21] New Zealand farmers to face livestock emissions charges under new scheme // Al Jazeera. October 11, 2022. URL: https://www.aljazeera.com/news/2022/10/11/new-zealand-farmers-to-face-livestock-emissions-charges-under-new (accessed: 01.09.2025).

[22] Māori Access to Capital: Market Failures // Reserve Bank of New Zealand Bulletin. May 14, 2025. URL: https://www.rbnz.govt.nz/-/media/project/sites/rbnz/files/publications/bulletins/2025/maori-access-to-capital_market-failures-bulletin-article.pdf (accessed: 05.10.2025).

[23] Te Ture Whenua Māori Act 1993 = Māori Land Act 1993 // New Zealand Legislation : official website. 1993. URL: https://www.legislation.govt.nz/act/public/1993/0004/latest/DLM289882.html (accessed: 09.07.2026).

«Мы все в одной лодке»

Одним из наиболее показательных примеров является инициатива «Мы все в одной лодке» (*He Waka Eke Noa)*, представляющая собой государственно-частное партнерство, созданное в 2019 г. для разработки системы учета и сокращения выбросов парниковых газов в сельском хозяйстве. В проект вошли более 11 ключевых отраслевых животноводческих ассоциаций и организаций (*Federated Farmers, Beef + Lamb New Zealand*, *DairyNZ* и др.), а также правительство и научные институты. Цель проекта заключалась в создании к 2025 г. системы учета выбросов парниковых газов для фермерских хозяйств и поддержке разработки планов по их сокращению. Однако инициатива показала ограниченность такой модели регулирования: попытка согласовать экологические цели с интересами аграрного сектора столкнулась с сопротивлением фермеров и была свернута в пользу более мягких мер.

При реализации программы возник ряд противоречий. С одной стороны, правительство рассматривало инициативу как инструмент балансировки между международными обязательствами Новой Зеландии по Парижскому соглашению и интересами фермеров. С другой стороны, значительная часть фермерских ассоциаций сочла требования чрезмерными и угрожающими конкурентоспособности отрасли. В итоге программа стала предметом острого политического противостояния между правительством, аграриями и экологистами: первые видели в ней компромиссный шаг, вторые — угрозу своей жизнеспособности, а третьи — слишком мягкий инструмент, недостаточный для реального сокращения выбросов.

Отношение аграрного сектора к зеленой политике неоднозначно: для малых и средних производителей экологические требования означают рост издержек и бюрократической нагрузки, в то время как крупные компании имеют больше ресурсов для адаптации и влияния на политические решения.

Возникающие конфликты отражают более широкую дилемму политического управления: как обеспечить экологическую устойчивость, закрепленную в ЦУР, и достичь экологического лидерства, не разрушая социально-экономическую базу сельских территорий и не теряя конкурентоспособности на мировом рынке. Тем не менее экологические приоритеты — не единственный фактор, подрывающий сельскохозяйственный сектор, но они становятся дополнительным вызовом и причиной социальных разрывов.

Инструменты и механизмы балансирования интересов

Несмотря на небольшие субсидии в аграрной политике Новой Зеландии, в последние годы наблюдается сдвиг к адресной поддержке. Правительство уже внедряет системы компенсаций и льгот для тех хозяйств, которые переходят на более экологичные практики. Например, в рамках программы *Essential Freshwater* фермерам предоставляются гранты на их деятельность. Кроме того, ведутся обсуждения о создании системы «углеродных» кредитов: хозяйства, высаживающие лесополосы, смогут продавать эти кредиты в рамках национальной схемы торговли выбросами. Государство стремится смягчить

экономический удар по малым фермерским хозяйствам, которым сложнее выдерживать ужесточение экологических норм.

Развитие НИОКР и внедрение низкоуглеродных технологий является также приоритетом. Например, современные испытания новых компонентов в кормовых добавок показали сокращение выбросов метана у скота до 80 %, и некоторые фермы уже участвуют в пилотных проектах совместно с *Fonterra*. В растениеводстве активно внедряются системы точного внесения удобрений и датчики влажности почвы, позволяющие экономить до 20–30 % азота и воды. В ряде регионов аграрии тестируют возможности совмещения смешанных посевов трав и бобовых культур, снижающие зависимость от минеральных удобрений. Эти технологические решения уменьшают нагрузку на экосистемы и повышают продуктивность хозяйств.

Среди мер поддержки — создание фондов для финансирования зеленых инициатив. Так, в 2021 г. был учрежден фонд *Sustainable Food and Fibre Futures*, из которого выделяются средства на совместные проекты фермеров, научных институтов и частных компаний. Это позволяет частично компенсировать риски малых хозяйств и вовлекать их в долгосрочные инновационные программы.

Внимание также уделяется маори-фермерам: ряд проектов (например, *Whenua Kura*) обучают маори-молодежь принципам устойчивого землепользования, совмещая традиционные знания с современными технологическими подходами и практиками. Это способствует сохранению культурных особенностей подходов к фермерству у коренных народов и смягчению социальных издержек, сохранению конкурентоспособности и обеспечению постепенного переход к зеленым практикам.

Заключение

Очевидно, что достижение равновесия между тремя измерениями УР остается не столько стратегической задачей, сколько труднодостижимым идеалом политического баланса. Ориентация на экологические и экономические вопросы не позволяет Новой Зеландии достичь комплексных целей развития. Опыт страны подтверждает, что сам баланс остается динамичным: приоритеты постоянно смещаются в зависимости от внешнеполитических, экономических и экологических вызовов, а также от общественных ожиданий, амбиций политических лидеров и давления ключевых стейкхолдеров. В периоды кризисов политическая система неизбежно «перенастраивается» в пользу тех направлений, которые требуют немедленного реагирования, но с запозданием, что снижает эффективность мер. В итоге политика развития принимает адаптивный характер, где идеал равновесия уступает место компромиссным решениям, направленным на краткосрочную и среднесрочную перспективу.

Экологическая повестка занимает важное место в системе политических приоритетов страны, формируя имидж как «чистой и зеленой» с заявкой на становление в качестве одного из мировых лидеров в области экологической политики. Хотя государственные меры направлены на экологизацию экономики и социальной политики, на практике зеленая повестка все чаще служит

инструментом политического позиционирования и привлечения инвестиций для достижения экономического роста.

Наиболее остро эти противоречия проявляются в сельскохозяйственной политике. Ужесточение зеленых стандартов повышает издержки производителей и обостряет конфликт между государством, аграрным бизнесом, фермерскими объединениями и сельскими сообществами. При этом крупные отраслевые игроки располагают большими ресурсами влияния на формирование правил, тогда как малые хозяйства, маори и жители удаленных районов чаще несут основные социально-экономические издержки экологической трансформации. В результате УР становится не только моделью балансирования трех измерений, но и предметом политической борьбы за распределение выгод, ответственности и доступа к принятию решений.

Общественное развитие — это процесс постоянной динамики и коррекции. Парадокс Новой Зеландии заключается в том, что, добившись успехов в климатической политике и институциональных инновациях, страна сохраняет структурные дисбалансы между экологией, экономикой и социальной сферой, подтверждая, что идеал «устойчивости» остается скорее нормативной утопией, чем реализуемой моделью развития.

Поступила в редакцию / Received: 20.01.2026
Доработана после рецензирования / Revised: 11.04.2026
Принята к публикации / Accepted: 15.05.2026

Библиографический список

Алешин А.А. Внешняя политика Новой Зеландии: малая страна в эпоху глобальной конкуренции // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2025. № 2. С. 54–71. https://doi.org/10.20542/afij-2025-2-54-71 EDN: BBUZID

Семененко И.С., Хайнацкая Т.И. Дискурсы о благополучии в реальности «неустойчивого развития»: между прошлым и будущим // Общественные науки и современность. 2022. № 5. С. 76–99. https://doi.org/10.31857/S0869049922050045 EDN: EZXYEY

Aghion P., Antonin C., Bunel S. The power of creative destruction: Economic upheaval and the wealth of nations. Harvard University Press, 2021.

Bührs T., Bartlett R.V. Environmental policy in New Zealand: The politics of clean & green? Auckland : Oxford University Press, 1993.

Coyle F., Fairweather J. Challenging a place myth: New Zealand's clean green image meets the biotechnology revolution // Area. 2005. Vol. 37. No. 2. P. 148–158. https://doi.org/10.1111/j.1475-4762.2005.00617.x

Dew K. National identity and controversy: New Zealand's clean green image and pentachlorophenol // Health & Place. 1999. Vol. 5. No. 1. P. 45–57.

Ge H., Zhou L., Mu R. An overview of New Zealand's economic and environmental sustainability in agriculture: 40 years without subsidies // Sustainability. 2025. Vol. 17. No. 1. P. 123–145. https://doi.org/10.3390/su17010123

Grelet G., *Lang S.* 'Think piece' on Regenerative Agriculture in Aotearoa New Zealand: project overview and statement of purpose: Contract Report LC3954 for Our Land and Water National Science Challenge & The NEXT Foundation. Lincoln : Manaaki Whenua — Landcare Research, 2021.

Gupta G.S. The paradox of sustainable development: A critical overview of the term and the institutionalization process // Periodica Polytechnica Social and Management Sciences. 2017. Vol. 25. No. 1. P. 1–7. https://doi.org/10.3311/PPso.8919

Hunjra A.I. et al. Economic growth and environmental sustainability in developing economies // Research in International Business and Finance. 2024. Vol. 70. Article no. 102341. https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2024.102341

Jackson J. Trading-off or trading-in? A critical political economy perspective of green growth's policy framing // Globalizations. 2024. Vol. 21. No. 7. P. 1309–1329. https://doi.org/10.1080/14747731.2024.2348259

Lee W.G. Agricultural intensification: whither indigenous biodiversity? // New Zealand Journal of Ecology. 2008. Vol. 32. No. 1. P. 109–113. https://doi.org/10.1080/00288230809510475

*MacLeod C.*J. Intensification and diversification of New Zealand agriculture since 1960: An evaluation of current indicators of land use change // Agriculture, Ecosystems & Environment. 2006. Vol. 115. No. 1–4. P. 201–218. https://doi.org/10.1016/j.agee.2006.01.003

Nilsson M., Weitz N. Governing trade-offs and building coherence in policy-making for the 2030 agenda // Politics and Governance. 2019. Vol. 7. P. 245. https://doi.org/10.17645/pag.v7i4.2229

Norton D.A., Reid N., Young L. Ultimate drivers of native biodiversity change in agricultural systems // F1000Research. 2013. Vol. 2. P. 1–15. https://doi.org/10.12688/f1000research.2-214.v1

Norton D.A., Walker S.A., Reid J.R. Native biodiversity and regenerative agriculture in New Zealand. Lincoln : Our Land and Water National Science Challenge. 2021.

Ortiz A.M.D. et al. A review of the interactions between biodiversity, agriculture, climate change, and international trade: research and policy priorities // One Earth. 2021. Vol. 4. No. 1. P. 88–101. https://doi.org/10.1016/j.oneear.2020.12.008

Raworth K. Why it's time for Doughnut Economics // IPPR Progressive Review. 2017. Vol. 24. P. 216–222. https://doi.org/10.1111/newe.12058

Scrimgeour F. et al. New Zealand agribusiness success: an approach to exploring the role of strategy, structure and conduct on firm performance // Research Report, Massey University. Palmerston North, 2006. 48 p.

Soto G.H. Falling behind: Evaluating projected sustainable development goals Progress across varied income countries // Sustainable Development. 2024. Vol. 32. No. 3. P. 2194–2207. https://doi.org/10.1002/sd.2776

References

Aghion, P., Antonin, C., & Bunel, S. (2021). The power of creative destruction: Economic upheaval and the wealth of nations. Harvard University Press.

Aleshin, A.A. (2025). New Zealand foreign policy: A small state in the era of global competition. *Analysis and Forecast. IMEMO Journal*, (2), 54–71. https://doi.org/10.20542/afij-2025-2-54-71

Bührs, T., & Bartlett, R.V. (1993). *Environmental policy in New Zealand: The politics of clean & green?* Auckland: Oxford University Press.

Coyle, F., & Fairweather, J. (2005). Challenging a place myth: New Zealand's clean green image meets the biotechnology revolution. *Area*, *37*(2), 148–158. https://doi.org/10.1111/j.1475-4762.2005.00617.x

Dew, K. (1999). National identity and controversy: New Zealand's clean green image and pentachlorophenol. *Health & Place, 5*(1), 45–57.

Ge, H., Zhou, L., & Mu, R. (2025). An overview of New Zealand's economic and environmental sustainability in agriculture: 40 years without subsidies. *Sustainability, 17*(1), 123–145. https://doi.org/10.3390/su17010123

Grelet, G., & Lang, S. (2021). *'Think piece' on Regenerative Agriculture in Aotearoa New Zealand: Project overview and statement of purpose* (Contract Report LC3954 for Our Land and Water National Science Challenge & The, NEXT Foundation). Lincoln: Manaaki Whenua — Landcare Research.

Gupta, G.S. (2017). The paradox of sustainable development: A critical overview of the term and the institutionalization process. *Periodica Polytechnica Social and Management Sciences, 25*(1), 1–7. https://doi.org/10.3311/PPso.8919

Hunjra, A.I., et al. (2024). Economic growth and environmental sustainability in developing economies. *Research in International Business and Finance, 70*, 102341. https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2024.102341

Jackson, J. (2024). Trading-off or trading-in? A critical political economy perspective of green growth's policy framing. *Globalizations, 21*(7), 1309–1329. https://doi.org/10.1080/14747731.2024.2348259

MacLeod, C.J., & Moller, H. (2006). Intensification and diversification of New Zealand agriculture since 1960: An evaluation of current indicators of land use change. *Agriculture, Ecosystems & Environment, 115*(1–4), 201–218. https://doi.org/10.1016/j.agee.2006.01.003

Norton, D.A., Reid, N., & Young, L. (2013). Ultimate drivers of native biodiversity change in agricultural systems. *F1000Research, 2*, 214. https://doi.org/10.12688/f1000research.2-214.v1

Norton, D.A., Walker, S.A., & Reid, J.R. (2021). *Native biodiversity and regenerative agriculture in New Zealand.* Lincoln: Our Land and Water National Science Challenge.

Nilsson, M., & Weitz, N. (2019). Governing trade-offs and building coherence in policy-making for the 2030 Agenda. *Politics and Governance, 7*(4), 245. https://doi.org/10.17645/pag.v7i4.2229

Ortiz, A.M. D., et al. (2021). A review of the interactions between biodiversity, agriculture, climate change, and international trade: Research and policy priorities. *One Earth, 4*(1), 88–101. https://doi.org/10.1016/j.oneear.2020.12.008

Raworth, K. (2017). Why it's time for doughnut economics. *IPPR Progressive Review, 24,* 216–222. https://doi.org/10.1111/newe.12058

Scrimgeour, F., McDermott, P., Saunders, C., Shadbolt, N., & Sheath, G. (2006). *New Zealand agribusiness success: An approach to exploring the role of strategy, structure and conduct on firm performance* (Research Report). Palmerston North: Massey University.

Semenenko, I.S., & Khaynatskaya, T.I. (2022). Well-Being Discourses in an Environment of "Unsustainable Development": Bridging the Past and the Future. *Social Sciences and Contemporary World*, (5), 76–99. https://doi.org/10.31857/S0869049922050045

Soto, G.H. (2024). Falling behind: Evaluating projected sustainable development goals progress across varied income countries. *Sustainable Development, 32*(3), 2194–2207.

Сведения об авторе:

Хайнацкая Татьяна Игоревна — кандидат политических наук, научный сотрудник, Центр сравнительных социально-экономических и политических исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (e-mail: tatianakh@imemo.ru) (ORCID: 0000-0002-6364-4765, SPIN-код: 4570-8647, AuthorID: 1108737, Scopus ID: 57223854604, WOS ID: KJL-9561-2024).

About the author:

Tatiana I. Khaynatskaya — Cand. of Science (Politics), Research Fellow, Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (e-mail: tatianakh@imemo.ru) (ORCID: 0000-0002-6364-4765, SPIN-code: 4570-8647, AuthorID: 1108737, Scopus ID: 57223854604, WOS ID: KJL-9561-2024).

RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 3 657–677**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-3-657-677
EDN: JXUJZG

Научная статья / Research article

Зеленая политика в условиях трансформации мирового порядка: стратегическое партнерство России и Китая

А.С. Науменко

Российский университет дружбы народов, *Москва, Российская Федерация*
✉ naumenko-as@rudn.ru

Аннотация. В условиях трансформации мирового порядка и формирования многополярной системы международных отношений особую актуальность приобретает анализ стратегического партнерства ведущих незападных центров силы. Цель данного исследования — анализ целей, механизмов и фундаментальных противоречий российско-китайского сотрудничества в сфере экологической и климатической политики. В работе использованы институциональная теория, сравнительный метод, а также метод кейс-стади для изучения конкретных проектов и инициатив. Автором проанализированы концептуальные основы зеленой политики двух стран, их взаимодействие в рамках международных структур (БРИКС и ШОС) и практические шаги по реализации совместных проектов в области энергоперехода. Сделан вывод о том, что политика стратегического партнерства России и Китая как инструмент координации и создания переговорного противовеса западной климатической повестке не является подлинно стратегической в долгосрочной перспективе из-за объективного расхождения национальных интересов и будет оставаться ситуативным и прагматичным.

Ключевые слова: зеленая политика, стратегическое партнерство, Россия, Китай, многополярный мировой порядок, энергетический переход, зеленый Шелковый путь, экологическая цивилизация

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Науменко А.С.* Зеленая политика в условиях трансформации мирового порядка: стратегическое партнерство России и Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 3. С. 657–677. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-657-677 EDN: JXUJZG

© Науменко А.С., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

The Green Policy in the Context of a Transforming World Order: Strategic Partnership Between Russia and China

Alina S. Naumenko

RUDN University, *Moscow, Russian Federation*

✉ naumenko-as@rudn.ru

Abstract. In the context of the transformation of the global order and the emergence of a multipolar system of international relations, the analysis of strategic partnerships between leading non-Western centers of power has acquired particular relevance. The aim of this study is to analyze the goals, mechanisms, and fundamental contradictions of Russian-Chinese cooperation in environmental and climate policy. This paper utilizes a comparative political method, institutional analysis, and case studies to examine specific projects and initiatives. The author analyzes the conceptual foundations of the two countries' green policies, their interaction within international structures (BRICS, SCO), and practical steps to implement joint energy transition projects. The author concludes that the policy of strategic partnership between Russia and China as a tool for coordination and creating a negotiating counterweight to the Western climate agenda is not truly strategic in the long term due to the objective divergence of national interests and will remain situational and pragmatic.

Keywords: green policy, strategic partnership, Russia, China, multipolar world order, energy transition, green Silk Road, ecological civilization

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Naumenko, A.S. (2026). The green policy in the context of a transforming world order: Strategic partnership between Russia and China. *RUDN Journal of Political Science, 28*(3), 657–677. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-657-677 EDN: JXUJZG

Введение

Современная трансформация мирового порядка характеризуется не только сдвигом экономического и военно-политического влияния, но и переосмыслением глобальных проблем, среди которых климатическая и экологическая занимают центральное место. Зеленая политика превратилась в политическую арену, где сталкиваются конкурирующие модели развития, технологические стандарты и видение будущего мироустройства.

Термин «зеленая политика» как политическая идеология (в академической литературе также используется понятие «экологизм») сформировался в странах Запада в 1970-е гг. [Добсон 2010]. Под идеологией в данном контексте понимается целостная система ценностей, убеждений и программных установок, которая предлагает альтернативную модель общественного устройства, ставя во главу угла защиту окружающей среды, децентрализацию власти и постматериальные ценности [Gill, Kaur 2025]. Согласно другой точке зрения, зеленая политика — это политическая идеология, направленная на экономическое развитие при одновременном учете экологических целей. Такая политика «существенно

отличается от других политических идеологий, поскольку она связывает, объединяет людей и окружающую среду» [Saswatil, Ray 2022]. Таким образом, если первое определение акцентирует трансформацию общественного устройства на основе постматериальных ценностей, то второе сводит зеленую политику к более прагматичной задаче балансировки экономического роста и экологических ограничений, что характерно для дискурса устойчивого развития.

Наряду с термином «зеленая политика» используется термин «зеленая экономика», под которым понимается модель, сочетающая низкоуглеродное развитие, эффективное использование ресурсов и сохранение экосистем [Минцзюнь 2025]. Некоторые специалисты также вводят понятие «зеленый экологический порядок», понимаемый как метапорядок, обеспечивающий сохранение всей биосферы, в рамках которого международная система, включающая государства и иных акторов, рассматривается лишь как один из компонентов. Исходной предпосылкой для этого служит убеждение, что современный мировой порядок не способен эффективно справляться с глобальным экологическим кризисом, поскольку не может одновременно решать экономические проблемы и предотвращать экологическую катастрофу[1]. Именно поэтому возникают новые подходы зеленой экономики и зеленой политики.

С. Патрик предлагает в качестве решения концепцию «планетарной политики», основанную на двух ключевых принципах. Во-первых, это переоценка суверенитета: отказ от его понимания как абсолютного права государства и признание обязанности стран защищать глобальное общее достояние (климат, океан, биоразнообразие), даже если это требует добровольного ограничения национальной политики. Во-вторых, это внедрение понятия «природный капитал», которое рассматривает природные ресурсы (леса, воду, запасы углерода) как исчерпаемый актив и требует их экономической оценки для предотвращения невосполнимых потерь. Для реализации такого подхода необходимо создание механизмов глобального регулирования и международной финансовой системы, стимулирующей устойчивое развитие[2].

Для анализа российско-китайского взаимодействия в сфере зеленой политики важно опереться на три взаимосвязанных концептуальных процесса, выделяемых в современной политической науке. Политизация экологии означает, что экологическая проблематика перестает быть исключительно предметом экспертного или природоохранного дискурса и становится полем политического торга, принятия стратегических решений и международного соперничества. Экологизация политики – это встречный процесс, при котором экологические нормы, знания и ценности проникают в смежные сферы: экономику, безопасность, дипломатию, формируя новые критерии оценки эффективности государственной политики. Наконец, экологическая повестка

[1] Global Green Politics in a Time of Crisis // Green European Journal. 18.08.2020. URL: https://www.greeneuropeanjournal.eu/global-green-politics-in-a-time-of-crisis/ (accessed: 05.02.2026).

[2] Патрик С. Мировой порядок не готов к климатическому кризису // Россия в глобальной политике. 27.12.2021. URL: https://globalaffairs.ru/articles/mirovoj-poryadok-ne-gotov/ (дата обращения: 05.02.2026).

как политическая повестка рассматривается не как объективное отражение состояния окружающей среды, а как результат активного конструирования — привлечения внимания определенных социальных групп и институтов к тем или иным проблемам [Авраменко 2023]. В контексте российско-китайского партнерства эти процессы проявляются по-разному. Так, для Китая экологизация политики стала драйвером промышленной трансформации и глобального технологического лидерства, тогда как для России она остается преимущественно реакцией на внешнее давление и способом сохранения ресурсной модели. Именно через эту призму мы и будем анализировать асимметрию подходов двух стран к зеленой повестке.

«Зеленая повестка» — совокупность международных и национальных мер, направленных на низкоэмиссионное развитие, декарбонизацию и устойчивое использование природных ресурсов [Ефимова, Мальцев, Чупина 2023]. Она важна для модернизации национальных и региональных экономик и может стать двигателем экономической политики, предоставляя новые возможности для промышленности и стимулируя инновации[3]. Для Российской Федерации и Китайской Народной Республики, которые являются стратегическими партнерами и стремятся к формированию многополярного миропорядка, эта повестка представляет собой уникальный инструмент для координации действий, альтернативного нормотворчества и легитимации собственных позиций в противовес странам коллективного Запада.

Экологическая политика двух стран демонстрирует принципиально разные уровни ее интеграции в общегосударственные системы планирования и экономические приоритеты. В Китае зеленая повестка интегрирована в пятилетние планы в качестве обязательных индикаторов (пик CO_2 к 2030 г., нейтральность к 2060 г.), создана национальная система торговли выбросами (ETS), а отраслевые стратегии содержат разделы по декарбонизации. Россия обладает уникальными преимуществами в зеленом переходе, являясь крупнейшим в мире природным «углеродным щитом» (леса абсорбируют ~2,5 млрд т CO_2 в год), лидером в атомной энергетике (30 зарубежных энергоблоков «Росатома»), а также имеет значительный потенциал в водородной и природоподобной технологиях. Несмотря на низкую институциональную интеграцию экологической повестки в экономические стратегии, Россия остается важным игроком в формировании справедливого энергоперехода, прежде всего в природоемких и ресурсных решениях.

Межправительственное сотрудничество России и Китая смещаются на площадки БРИКС и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), а также в сферу решения конкретных трансграничных экологических проблем. Китай, в свою очередь, видит в совместном строительстве «Зеленого Шелкового пути» инструмент для укрепления стратегического партнерства в рамках своей

[3] *Лисоволик Я.* Зеленая трансформация как инструмент экономической политики // Россия в глобальной политике. 24.09.2021. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/zelyenaya-transformatsiya/ (дата обращения: 05.02.2026).

модели «двойной циркуляции»[4] [Кондратенко 2023]. Экологическое законодательство как Российской Федерации, так и КНР на современном этапе имеет значительные пробелы [Попова 2018].

В данной статье автором ставится следующий исследовательский вопрос: как асимметрия национальных моделей энергоперехода (ресурсно-ориентированной стратегии России и технологически-наступательной стратегии Китая) ограничивает глубину двустороннего экологического сотрудничества и сводит его к ситуативному, прагматичному взаимодействию даже в рамках общих институциональных площадок (БРИКС, ШОС)?

Ключевые направления российско-китайского сотрудничества в сфере зеленой политики

Фундаментальное различие в подходах России и Китая к зеленой политике заложено на концептуальном уровне. Китай продвигает всеобъемлющую идеологическую конструкцию «экологической цивилизации», которая позиционируется не только как национальная стратегия, но и как глобальное предложение для устойчивого развития[5]. Эта концепция предполагает системную трансформацию экономики, энергетики и общества, где зеленые технологии становятся двигателем роста и инструментом «мягкой силы». Кроме того, под экологической цивилизацией понимается характерная для Китая идеология, обозначающая путь к устойчивому развитию с китайской национальной спецификой, с учетом экономических, культурных, экологических и иных особенностей страны [Анисимов, Волков 2023; Растопчина, Ковалева 2023].

Китай активно продвигает конструкцию «экологической цивилизации» в рамках инициативы «Пояс и путь», сотрудничая более чем со 100 странами в области зеленой энергетики, среди которых Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан[6]. Инвестиции Китая в энергопереход достигли рекордных 818 млрд долл. США только в 2024 г., что превышает совокупные вложения Соединенных Штатов Америки (США), стран Европейского Союза

[4] Модель «двойной циркуляции» — стратегия экономического развития Китая, официально провозглашенная в 2020 г. Она предполагает опору на два взаимодополняющих контура: «внутреннюю циркуляцию» (стимулирование внутреннего потребления, технологическое самообеспечение, развитие национального рынка) и «внешнюю циркуляцию» (поддержание экспорта, привлечение иностранных инвестиций, участие в глобальных цепочках поставок). При этом приоритет отдается внутреннему контуру как основе стабильности, а внешний служит источником инноваций и расширения.

[5] Amendment to the Constitution of the People's Republic of China (2018) // FAO. 26.10.2018. URL: https://faolex.fao.org/docs/pdf/chn180555.pdf (accessed: 28.05.2026).

[6] Аналитический доклад раскрывает глобальную ценность экологической концепции и практики Китая // Синьхуа Новости. 10.08.2025. URL: https://russian.news.cn/20250810/94f29824d2e34db7a17b70a560e01e2e/c.html (дата обращения: 31.01.2026). Зеленый пояс, зеленый путь. Как Китай продвигает зеленую энергетику в мире // РИА Новости. 15.11.2021. URL: https://ria.ru/20211115/energetika-1759145121.html (дата обращения: 31.01.2026).

(ЕС) и Японии[7]. В 2025 г., по данным отчета BloombergNEF, объем глобальных инвестиций в энергопереход достиг рекордных 2,3 трлн долл. США, увеличившись на 8 % по сравнению с 2024 г.[8] Китай сохранил лидерство с показателем около 800 млрд долл. США[9]. Несмотря на лидерство, Пекин продемонстрировал первое с 2013 г. снижение инвестиций в возобновляемую энергетику[10]. Согласно прогнозам на 2026 г., китайский энергетический сектор переходит от фазы экстенсивного наращивания мощностей к этапу повышения эффективности и качества. Ожидается, что в 2026 г. темпы ввода новых мощностей возобновляемой энергии в Китае замедлятся: прирост солнечной энергии снизится примерно с 300 ГВт в 2025 г. до около 200 ГВт[11].

Российская «зеленая дипломатия» нацелена на защиту и монетизацию через экспорт существующего ресурсного потенциала (нефть, газ, лес) и продвижение справедливого энергетического перехода. На международных форумах, таких как Конференция ООН по климату (КС-30), состоявшаяся в ноябре 2025 г., Россия поддержала решение развитых стран о наращивании мер адаптации. Указанные меры направлены на повышение устойчивости инфраструктуры и экосистем, что российская сторона рассматривает как безусловный приоритет глобальной климатической повестки[12]. Китайская сторона, в свою очередь, уделила приоритетное внимание вопросам международной торговли, высказавшись против «односторонних мер», ограничивающих «зеленые товаропотоки», а также поддержав новые механизмы диалога по сопряженной проблематике климата и торговли[13].

---

[7] Россия усиливает международное сотрудничество по развитию экономики благополучия // Ведомости. 09.12.2025. URL: https://www.vedomosti.ru/esg/regulation/articles/2025/12/09/1161569-rossiya-usilivaet-mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-po-razvitiyu-ekonomiki-blagopoluchiya (дата обращения: 31.01.2026).

[8] A record $A3.3 trillion was invested in the global energy transition in 2025, BNEF says // Renew Economy. 27.01.2026. URL: https://reneweconomy.com.au/a-record-a3-3-trillion-was-invested-in-the-global-energy-transition-in-2025-bnef-says/amp/ (accessed: 28.05.2026).

[9] BloombergNEF Finds Global Energy Transition Investment Reached Record $2.3 Trillion in 2025, Up 8 % from 2024 // Bloomberg. 26.01.2026. URL: https://tankterminals.com/news/bloombergnef-finds-global-energy-transition-investment-reached-record-2-3-trillion-in-2025-up-8-from-2024/ (accessed: 28.05.2026).

[10] A record $A3.3 trillion was invested in the global energy transition in 2025, BNEF says // Renew Economy. 27.01.2026. URL: https://reneweconomy.com.au/a-record-a3-3-trillion-was-invested-in-the-global-energy-transition-in-2025-bnef-says/amp/ (accessed: 28.05.2026).

[11] S&P Global Energy Releases Key Clean Energy+ Trends for 2026 as AI Growth and Geopolitical Shifts Reshape Global Energy Markets // S&P Global. 09.12.2025. URL: https://press.spglobal.com/2025-12-09-S-P-Global-Energy-Releases-Key-Clean-Energy-Trends-for-2026-as-AI-Growth-and-Geopolitical-Shifts-Reshape-Global-Energy-Markets (accessed: 28.05.2026).

[12] Руслан Эдельгериев принял участие в 30-й сессии Конференции Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата // Президент России. 21.11.2025. URL: http://kremlin.ru/events/administration/78569 (дата обращения: 28.05.2026).

[13] China's Climate Focus is Shifting from Carbon Cuts to Green Tech Dominance // The Wire China. 08.03.2026. URL: https://www.thewirechina.com/2026/03/08/chinas-climate-focus-is-shifting-from-carbon-cuts-to-green-tech-dominance/ (accessed: 28.05.2026).

Технологическая и ресурсная взаимодополняемость России и Китая создает материальную основу для сотрудничества в зеленой повестке. Эта синергия проявляется в нескольких конкретных плоскостях. На технологическом уровне Китай занимает лидирующие позиции в производстве солнечных панелей, ветрогенераторов и литий-ионных аккумуляторов (около 80 % мирового рынка), тогда как Россия обладает накопленным опытом в области улавливания, использования и хранения углерода (CCUS) — прежде всего в нефтегазовом секторе (проекты «Оренбург», «Астрахань»). Это создает потенциал для совместных НИОКР: например, интеграция китайских систем накопления энергии с российскими технологиями CCUS на газовых электростанциях. При этом Китай, несмотря на лидерство, сталкивается с проблемой «скрытых» выбросов при производстве и утилизации зеленых технологий (особенно аккумуляторов), что открывает для России возможность предложить совместные разработки технологий безопасной переработки литий-ионных аккумуляторов, а также методов снижения углеродоемкости производства компонентов ВИЭ.

В экономической сфере возникает ключевой вопрос: можно ли говорить о формировании «зеленых цепочек поставок» между двумя странами? На текущий момент прямые зеленые цепочки (например, поставки китайских электромобилей или ветряков в обмен на российский зеленый водород) находятся на начальной стадии. Однако значительные природные ресурсы России (лесной фонд для поглощения углерода, гидроэнергетический потенциал Сибири и Дальнего Востока, запасы никеля и меди — критически важные для зеленой энергетики) в сочетании с китайскими производственными мощностями и емким рынком сбыта действительно могут лечь в основу будущих низкоуглеродных цепочек. Например, переработка российского никеля в Китае для производства катодных материалов для аккумуляторов с последующим экспортом готовых батарей — это потенциальная зеленая цепочка с контролируемым углеродным следом.

В политической сфере членство обеих стран в БРИКС и Группе двадцати позволяет согласовывать позиции по стандартам ESG, продвигая альтернативные подходы, учитывающие интересы развивающихся экономик (например, признание атомной и гидроэнергетики как зеленых источников, против чего часто выступают некоторые западные страны). ESG-факторы (Environmental, Social, Governance) являются инструментом оценки соответствия бизнеса принципам устойчивого развития (экология, общество, корпоративное управление)[14] [Вукович, Аверина, Стефанова 2026].

Китайская и российская модели устойчивого развития демонстрируют принципиальные различия. Китай использует зеленую повестку как инструмент промышленного экспансионизма: государственные субсидии

[14] Глоссарий терминов в области финансирования устойчивого развития и климатического регулирования // Банк России. 15.05.2023. URL: https://cbr.ru/develop/ur/faq/ (дата обращения: 30.05.2026).

позволили ему занять глобальное лидерство в производстве солнечных панелей (80 % мирового рынка), электромобилей и ветряных турбин (2/3), что, однако, спровоцировало протекционистские меры США и ЕС. Россия, напротив, прошла эволюцию от рыночной адаптации ESG-стандартов (2000-е гг.) к государственно-координируемой модели, ориентированной на внутренний баланс экономической эффективности, социальной стабильности и экологического благополучия. В отличие от Китая, где экологическая политика подчинена внешней конкуренции, российская стратегия сохраняет макроэкономическую устойчивость и развивает национальные инструменты ESG-оценки. При этом Китай остается глобальным экспортером зеленых технологий, а Россия — региональным актором, координирующим повестку в рамках ШОС и БРИКС [Красавин 2026].

Практическая реализация зеленой политики прослеживается в проектах «Зеленого Шелкового пути». Так, при строительстве газопровода «Сила Сибири» применялись технологии минимизации воздействия на вечную мерзлоту и восстановления почвенного слоя, что позволило снизить экологический ущерб. Перспективными направлениями являются гибридные энергокомплексы (например, совместное использование ветропарков и газовых турбин в приграничных районах) и цифровые платформы для учета углеродных единиц[15].

На Российско-Китайском форуме, прошедшем в мае 2025 г. в Хабаровске, стороны обозначили конкретные практические шаги в области зеленой экономики. Пилотной территорией для совместных проектов был определен остров Большой Уссурийский, который станет международной территорией опережающего развития с целью полного исключения загрязняющих выбросов и создания зоны с низким углеродным следом. В сфере инфраструктуры заключено соглашение с АО «КАМА» о разработке программы развития электромобильности до 2035 г., предусматривающей расширение сети зарядных станций в крае с 33 до 200 единиц. Другим значимым проектом станет строительство завода по сжижению природного газа мощностью 70 тыс. тонн в год для перевода транспорта и котельных на газомоторное топливо. Параллельно обсуждалось развитие возобновляемой энергетики, включая ветровые и приливные электростанции, при этом эксперты подчеркивали необходимость баланса между возобновляемыми источниками энергии (ВИЭ) и традиционной генерацией. Всего в энергетической сфере на полях форума было подписано 10 соглашений, что свидетельствует о переходе от общих деклараций к реализации конкретных инфраструктурных проектов в русле зеленого перехода[16].

[15] *Пэн Бо.* Углубление сотрудничества Китая и России в области ESG: создание новой парадигмы глобального экономического управления // Валдай. 23.04.2025. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/uglublenie-sotrudnichestva-kitaya-i-rossii/ (дата обращения: 31.01.2026).

[16] Совместные проекты в сфере «зеленой» энергетики обсудили на Российско-Китайском форуме // Официальный сайт Хабаровского края, Губернатора и Правительства Хабаровского края. 20.05.2025. URL: https://khabkrai.ru/events/news/208075 (дата обращения: 31.01.2026).

Рассматривая систему нормативных актов, регулирующих эту область, необходимо указать, что в России экологическая политика носит преимущественно декларативный характер. В 2012 г. был утвержден документ «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г.», который является рамочной декларацией. В документе провозглашается стратегическая цель «экологически ориентированного роста», что формально интегрирует экологию в число экономических приоритетов, и закрепляется ряд передовых принципов, таких как презумпция экологической опасности и обязательность стратегической экологической оценки[17]. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 г. не устанавливает количественных обязательств по сокращению выбросов парниковых газов или целевых показателей по генерации на основе ВИЭ[18]. Обновленная Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 г. обозначила конкретные шаги в сфере зеленой политики: формирование национальной системы управления зелеными инструментами в электроэнергетике и начало регулярных расчетов с публикацией данных об углеродоемкости производимой электроэнергии[19].

Кроме того, механизм климатического регулирования, заложенный Федеральным законом № 296-ФЗ, носит добровольный характер для предприятий и не создает жестких экономических стимулов для сокращения выбросов[20]. Пришедшая на смену распоряжению 2009 г. новая Климатическая доктрина Российской Федерации определила долгосрочную стратегическую цель — обеспечить баланс между антропогенными выбросами парниковых газов и их поглощением к 2060 г. Этот документ позиционируется в качестве системной основы для реализации единой государственной политики по вопросам, связанным с изменением климата и его последствиями. Доктрина базируется на положениях Стратегии социально-экономического развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г. и учитывает стратегические установки в сфере экологической и энергетической безопасности. В отличие от предыдущих рамочных деклараций данный документ делает акцент на создании регуляторных и экономических механизмов для сокращения выбросов,

[17] Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г. (утв. Президентом РФ 30.04.2012) // КонсультантПлюс. 30.04.2012. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129117/ (дата обращения: 31.01.2026).

[18] Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 г. // Правительство России. 09.06.2020. URL: http://static.government.ru/media/files/w4sigFOiDjGVDYT4IgsApssm6mZRb7wx.pdf (дата обращения: 30.05.2026).

[19] Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 г. // Министерство энергетики РФ. 14.04.2025. URL: https://minenergo.gov.ru/ministry/energy-strategy?docs-group=file-330334 (дата обращения: 05.02.2026).

[20] Федеральный закон «Об ограничении выбросов парниковых газов» от 02.07.2021 № 296-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. 02.07.2021. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388992/ (дата обращения: 30.05.2026).

включая разработку системы климатических проектов и развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества[21].

В Китае приверженность климатической повестке закреплена на высшем государственном уровне. Пятилетние планы Китая являются основным инструментом программирования энергетической политики (с 1953 г.). Каждый план содержит разделы по энергоэффективности, структуре топливно-энергетического баланса, инвестициям в ВИЭ [Демина, Мазитова 2024]. Цели по достижению пика выбросов углекислого газа к 2030 г. и углеродной нейтральности к 2060 г. были включены в качестве обязательных индикаторов в 14-ю пятилетку (2021–2025 гг.), что привело к созданию национальной системы торговли выбросами, охватывающей энергетический сектор[22].

Отметим, что энергетическое сотрудничество Китая с иностранными государствами является ключевым элементом его внешней политики и используется как инструмент укрепления позиций Китая на международной арене. Пекин стремится диверсифицировать маршруты поставок ресурсов, формировать альтернативные центры влияния и снизить собственную зависимость от западной экономической политики. Примером служит активное продвижение Китаем собственных зеленых стандартов в рамках ШОС и сотрудничество по линии Парижского соглашения, где он выступает как один из ключевых игроков. Однако эта стратегия сталкивается с серьезными вызовами: жесткая конкуренция со стороны США и ЕС, ограничения на экспорт зеленых технологий замедляют реализацию проектов, а сохраняющееся высокое потребление угля внутри страны вступает в противоречие с климатическими обязательствами Китая, ставя под сомнение его приверженность устойчивому развитию [Чэнь Фанбо 2025].

Необходимо указать, что Китай стал одним из лидеров в глобальной экологической повестке, активно внедряя возобновляемую энергетику и восстанавливая леса. Важным является конструктивный диалог с Европейским Союзом и США по вопросам экологии и климата, который может помочь России избежать негативных последствий европейских и американских экологических инициатив, таких как введение углеродных таможенных

[21] Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2023 г. № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации» // Президент России : официальный сайт. 26.10.2023. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=606023547 (дата обращения: 30.05.2026).

[22] См.: «Жэньминь Жибао»: Зачем Китай составляет пятилетние планы? // KABAR. 17.04.2021. URL: https://ru.archive.kabar.kg/news/zheen-min-zhibao-zachem-kitai-sostavliaet-piatiletnie-plany/ (дата обращения: 30.05.2026); Peak emissions and carbon neutrality remain key targets // China Daily. 05.03.2025. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202503/05/WS67c7ee74a310c240449d8cfe.html (дата обращения: 30.05.2026); Reuters: рынок углерода Китая охватит несколько секторов промышленности // Ведомости. 26.08.2025. URL: https://www.vedomosti.ru/esg/regulation/news/2025/08/26/1134268-reuters-rinok-ugleroda-kitaya-ohvatit-neskolko-sektorov-promishlennosti?from=newsline_vedomosti (дата обращения: 30.05.2026).

пошлин[23]. Таким образом, экология, защита природы и зеленая политика могут стать важными факторами укрепления международных позиций России и ее экономического роста.

Ввиду геополитических рисков и нестабильной обстановки Китай диверсифицирует маршруты поставок энергоресурсов. Концепция «Нового Шелкового пути» создает инфраструктуру для энергетического и транспортного сотрудничества[24]. Ключевой задачей современной энергетической политики Китая является надежное и стабильное обеспечение растущих потребностей национальной экономики в энергоресурсах. В этом контексте происходит стратегический переход к широкомасштабному внедрению возобновляемых источников энергии и последовательному сокращению доли ископаемого топлива в энергобалансе. Политика декарбонизации, направленная на сокращение выбросов парниковых газов и ускорение энергетического перехода, является одним из основных векторов этого развития [Матвеев 2022].

Одним из активно развиваемых направлений в рамках этой стратегии является водородная энергетика, рассматриваемая как важный инструмент для снижения выбросов углекислого газа. Особое внимание уделяется развитию производства зеленого водорода с использованием электроэнергии от экологически чистых источников, таких как вода, солнце и ветер. Данное направление обладает значительным потенциалом, чтобы стать ключевым элементом будущей низкоуглеродной энергетической системы Китая [Матвеев 2022].

Китай демонстрирует рекордные темпы и масштабы изменений, стремительно двигаясь к будущему на основе чистой энергии благодаря активному развитию возобновляемых источников и электрификации. В 2024 г. на солнечную и ветровую генерацию пришлось 84 % прироста потребления электроэнергии, а в первой половине 2025 г. чистая генерация впервые превысила рост спроса, что привело к сокращению использования ископаемого топлива на 2 %. Эта динамика подтверждается долгосрочным трендом: с 2015 по 2023 г. потребление ископаемого топлива в конечных секторах (здания, промышленность, транспорт) сократилось на 1,7 %, в то время как потребление электроэнергии выросло на 65 %. Инфраструктурная база для энергоперехода также масштабно укрепляется. Инвестиции в хранение энергии (аккумуляторы) в Китае выросли на 69 % в первом полугодии 2025 г., а в электросети — на 22 %.

[23] Поворот к природе: новая экологическая политика России в условиях «зеленой» трансформации мировой экономики и политики: доклад по итогам серии ситуационных анализов / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет мировой экономики и мировой политики. Москва : Международные отношения, 2021. 97 с.

[24] Энергетическая стратегия КНР в Центральной Азии. Аналитическая записка // Центр международных стратегических исследований. Сентябрь 2024. URL: https://www.dipacademy.ru/documents/9093/%D0%90%D0%97_%D0%AD%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F_%D0%9A%D0%9D%D0%A0_%D0%B2_%D0%A6%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B8_%D0%90%D0%B7%D0%B8%D0%B8_1.pdf (дата обращения: 05.02.2026).

Производственные мощности поражают воображение: прогнозируемая мощность производства солнечной энергии в Китае к 2030 г. (1255 ГВт) превышает прогнозируемый мировой объем новых солнечных установок по сценарию МЭА для достижения нулевых выбросов (761 ГВт)[25]. Таким образом, Китай не только перестраивает собственную энергетическую систему, но и, устанавливая новые границы возможного, задает тон и определяет траекторию глобального перехода к чистому энергетическому будущему, что несет глубокие последствия для всех стран и регионов мира.

Фундаментальные противоречия зеленого перехода позволяют по-новому взглянуть на трансформацию мирового порядка. Как отмечает С.А. Караганов, мир переживает тектонический сдвиг ввиду того, что подрывается фундамент многовекового господства Запада, формируется новая миросистема — Большая Евразия[26]. Китай, агрессивно наращивая технологическое лидерство в ВИЭ, использует зеленую повестку как инструмент экономического и геополитического влияния, пытаясь не только «озеленить» свою экономику, но и «перекроить» глобальные цепочки создания стоимости под свой контроль. Однако эта стратегия несет в себе внутренний экологический конфликт по причине того, что форсированный энергопереход не решает старые проблемы (ископаемые выбросы), а создает новые (токсичные отходы). Следовательно, «зеленый переход» в том виде, в котором он происходит сейчас, не только не гарантирует экологической устойчивости, но и становится фактором новых экономических и экологических рисков, которые модель стратегического партнерства России и Китая должна учитывать в первую очередь.

Влияние трансформации мирового порядка на российско-китайское экологическое партнерство

Россия и Китай выступают за продвижение многополярного мирового порядка в своей внешнеполитической деятельности. В совместном заявлении Президента России В.В. Путина и Председателя КНР Си Цзиньпина в 2024 г. стороны подчеркнули приверженность принципам равной и неделимой безопасности, отвергая «менталитет холодной войны» и действия, подрывающие стратегическую стабильность[27]. Стороны продолжают выступать за формирование многополярного миропорядка, подтверждением чего стало

[25] *Muyi Yang, Biqing Yang, Sam Butler-Sloss, Euan Graham*. China Energy Transition Review 2025. 09.09.2025. URL: https://ember-energy.org/app/uploads/2025/09/China-Energy-Transition-Review-2025.pdf (accessed: 05.02.2026).

[26] *Караганов С.А.* В Евразию с интеллектуальной свободой // Россия в глобальной политике. 13.03.2025. URL: https://globalaffairs.ru/articles/v-evraziyu-karaganov/ (дата обращения: 31.05.2026).

[27] Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, в контексте 75-летия установления дипломатических отношений между двумя странами // Президент России : официальный сайт. 16.05.2024. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/6132 (дата обращения: 31.01.2026).

принятие в мае 2026 г. Совместной декларации о становлении многополярного мира и международных отношений нового типа[28]. Документ фиксирует переход от констатации факта многополярности к определению принципов упорядоченного многополярного мирового устройства, формируя нормативную рамку для координации внешнеполитических позиций двух стран, формирования альтернативной системы глобальной координации, что имеет прямое значение для анализа взаимодействия двух стран по широкому спектру международных проблем, включая вопросы экологической политики и климатической повестки.

Россия и Китай предпринимают попытку сформировать незападную климатическую коалицию. Для этого Москва и Пекин используют многосторонние форматы, такие как БРИКС и ШОС, в качестве ключевых платформ для согласования своих подходов[29]. Россия, например, активно лоббирует признание поглощающей способности лесов и более эффективного использования ископаемого топлива в качестве климатических мер, что позволяет продлить срок функционирования ее экспортно-сырьевой модели[30]. Китай, с одной стороны, демонстрирует экономический рост, сопровождающийся серьезными экологическими проблемами, связанными с увеличением потребления энергии и значительным загрязнением воздуха и водоемов. С другой — активно включается в международные климатические инициативы, прикладывает значительные усилия для развития возобновляемых источников энергии, таких как солнечная и ветровая электроэнергетика[31].

Россия продолжает развивать атомную энергетику как безопасную и эффективную, входя в число признанных лидеров мировой атомной энергетики. Страна не только активно эксплуатирует действующие мощности, но и планомерно развивает отрасль, рассматривая атомную генерацию как экологически чистый ресурс и уделяя приоритетное внимание повышению безопасности всех ядерных объектов[32]. Как отмечает председатель правительства М.В. Мишустин, энергетическая стратегия призвана играть интегрирующую роль: она должна

[28] Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о становлении многополярного мира и международных отношений нового типа // Президент России. 20.05.2026. URL: http://kremlin.ru/supplement/6486 (дата обращения: 30.05.2026).

[29] Россия усиливает международное сотрудничество по развитию экономики благополучия // Ведомости. 09.12.2025. URL: https://www.vedomosti.ru/esg/regulation/articles/2025/12/09/1161569-rossiya-usilivaet-mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-po-razvitiyu-ekonomiki-blagopoluchiya (дата обращения: 31.01.2026).

[30] Россия на КС-30: позиция Москвы в разработке решений по изменению климата // Поворот России в Азию. 24.11.2025. URL: https://russiaspivottoasia.com/russian/rossiya-na-ks-30-pozicziya-moskvy-v-razrabotke-reshenij-po-izmeneniyu-klimata/ (дата обращения: 31.01.2026).

[31] China's Climate Focus is Shifting from Carbon Cuts to Green Tech Dominance // The Wire China. 08.03.2026. URL: https://www.thewirechina.com/2026/03/08/chinas-climate-focus-is-shifting-from-carbon-cuts-to-green-tech-dominance/ (accessed: 28.05.2026).

[32] Россия делает все для повышения безопасности атомных объектов, заявил Путин // РИА Новости. 06.03.2024. URL: https://ria.ru/20240306/atom-1931525097.html (дата обращения: 17.02.2026).

объединять динамику экономики и энергосектора, гарантируя, что ввод новых объектов будет скоординирован с актуальными запросами как со стороны граждан, так и со стороны бизнеса. Так, российский национальный проект «Новые атомные и энергетические технологии» сочетает строительство крупных энергоблоков с внедрением инноваций в сфере малой генерации, исследовательских реакторов и замкнутого топливного цикла. Эти направления продолжают курс на технологическое лидерство и долгосрочное развитие российской атомной энергетики[33].

Россия располагает передовыми технологиями в области атомной энергетики [Серегина 2023]. Портфель зарубежных проектов Госкорпорации «Росатом» включает 30 энергоблоков большой мощности в 9 странах, а также 6 блоков малой мощности в Узбекистане. Среди ключевых проектов АЭС «Аккую» (Турция), «Куданкулам» (Индия), «Пакш-2» (Венгрия), «Руппур» (Бангладеш), «Тяньвань» (Китай) и «Эль-Дабаа» (Египет). К числу перспективных направлений относятся реакторы на быстрых нейтронах с замкнутым ядерным топливным циклом, а также атомные станции малой мощности, являющиеся перспективным экспортным продуктом для развивающихся экономик Азии и Африки[34].

В сентябре 2025 г. Европейский суд общей юрисдикции подтвердил правомерность включения атомной энергетики в «зеленую таксономию» ЕС, признав ее деятельность способствующей борьбе с изменением климата[35] (решение не распространяется на российские проекты). Эта резолюция укрепляет статус атомной энергии как низкоуглеродного источника и расширяет доступ к «зеленому финансированию» для зарубежных проектов российского дизайна. В этих условиях для России сохраняется актуальность дальнейшего продвижения проектов мирного атома как на внутреннем, так и на внешнем рынках, поскольку их реализация способствует снижению выбросов парниковых газов и укреплению энергетической безопасности в долгосрочной перспективе.

Экологическая проблематика становится на геополитическом уровне полем концептуального противостояния, где через призму защиты суверенитета и требований справедливости формулируется проект иного мироустройства. Реализуемые совместные инициативы служат не только символом партнерства, но и наглядной демонстрацией потенциала по созданию конкурирующих управленческих институтов, альтернативных западным.

[33] Как Россия развивает атомную промышленность // РБК. 01.12.2025. URL: https://www.rbc.ru/economics/01/12/2025/692d7c899a79474dff09407e (дата обращения: 17.02.2026).

[34] 88 % мирового рынка экспорта строительства АЭС обеспечивает Россия // РБК. 20.11.2025. URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/cmrm/691ec8a39a79470bd753570b?from=copy (дата обращения: 30.05.2026).

[35] Суд ЕС подтвердил «зеленый» статус ядерной и газовой энергетики // Национальное информационное агентство «Экология». 10.09.2025. URL: https://nia.eco/2025/09/10/107897/ (дата обращения: 30.05.2026).

Политика сотрудничества России и Китая в рамках БРИКС и ШОС

Практическим полем реализации российско-китайского стратегического взаимодействия в экологической сфере выступают многосторонние институты, прежде всего БРИКС и ШОС. Россия заинтересована в институционализации климатической повестки в этих форматах, продвигая идеи гармонизации углеродных рынков и взаимного признания климатических проектов. Китай, будучи технологическим лидером, использует эти площадки для расширения рынков сбыта своих решений и стандартов.

Таблица 1

Партнерство России и Китая в рамках БРИКС и ШОС

Международная структура	Общие цели партнерства	Внутренние противоречия и асимметрия
БРИКС	Формирование альтернативной повестки зеленого роста, критика невыполнения странами Западного мира обязательств по климатическому финансированию, создание собственных финансовых инструментов (зеленые облигации)	Конкуренция внутри блока: Индия и Бразилия имеют собственные амбиции в зеленой энергетике. Доминирование Китая как основного инвестора и поставщика технологий создает зависимость остальных участников, включая Россию
ШОС	Сотрудничество в области экологической безопасности, адаптации к изменению климата, совместные проекты в Центральной Азии	Приоритет Китая — реализация зеленых проектов в рамках «Пояса и пути». Россия фокусируется на вопросах региональной стабильности и доступа к ресурсам, что не всегда совпадает с экологическими приоритетами Пекина

Источник: составлено А.С. Науменко.

Table 1

Partnership between Russia and China within BRICS and SCO

International structure	Common partnership goals	Internal contradictions and asymmetry
BRICS	Formation of an alternative green growth agenda, criticism of Western countries' failure to meet climate finance commitments, and creation of their own financial instruments (green bonds).	Competition within the bloc: India and Brazil have their own ambitions in green energy. China's dominance as the main investor and technology supplier creates dependence among the other participants, including Russia.
SCO	Cooperation in environmental security, adaptation to climate change, and joint projects in Central Asia.	China's priority is the implementation of "green" projects under the Belt and Road Initiative. Russia focuses on regional stability and access to resources, which does not always coincide with Beijing's environmental priorities.

Source: compiled by A.S. Naumenko.

Эволюция восточноазиатского международного порядка, который выделяют специалисты из Китая Сюй Бо и С. Гармаева, демонстрирует, что изменения в мировом устройстве оказывают существенное влияние

на китайско-российское региональное сотрудничество. «Зеленое развитие» и кооперация в области экологической политики становятся актуальными трендами. Сегодня изменение климата признано важнейшей темой глобального сотрудничества, а концепция «зеленого развития» превращается в стандарт взаимодействия между странами. Китай и Россия активно реализуют инициативы по уменьшению выброса углекислого газа и переходу на ВИЭ. Среди возможных направлений двустороннего сотрудничества — укрепление связей в сфере альтернативной энергетики, совместные проекты по развитию водородной энергетики и инвестиционные программы в климатические проекты, нацеленные на поддержку инноваций и распространение опыта в области устойчивого развития [Сюй Бо, Гармаева 2023]. Такой подход подчеркивает особую роль зеленого вектора в стратегическом партнерстве России и Китая, которое способствует формированию эффективных международных отношений в Восточной Азии.

Проблемы и перспективы развития российско-китайского партнерства в сфере зеленой политики

Несмотря на общую геополитическую риторику, стратегические цели России и Китая в зеленой трансформации кардинально расходятся. Эта асимметрия является главным фактором, ограничивающим глубину партнерства.

Таблица 2

Сравнение целей и подходов России и Китая в зеленой политике

Критерий	Россия	Китай
Основной интерес	Сохранение и монетизация ресурсной базы (нефть, газ, лес)	Технологическое и промышленное доминирование в цепочках создания стоимости ВИЭ (солнечные панели, ветрогенераторы, электромобили, аккумуляторы)
Видение перехода	Постепенный, с центральной ролью газа как «переходного» топлива и акцентом на поглощающую способность лесов	Ускоренный, с фокусом на тотальной электрификации и захвате рынков зеленых технологий
Ключевые инструменты	Дипломатия в многосторонних форматах, продвижение «углеродных единиц» от лесов	Промышленная политика (5-летние планы), масштабные инвестиции в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), экспорт инфраструктуры (инициатива «Пояс и путь»)
Отношение глобальному регулированию	Попытки ослабить строгие нормы для защиты экспорта	Стремление стать незаменимым поставщиком решений, даже в рамках западных правил
Участие в цепочках	Поставщик сырья (металлы для ВИЭ, потенциально водород) и «углеродных квот»	Контроль над всей цепочкой: от добычи сырья до производства готовых технологий

Источник: составлено А.С. Науменко.

Table 2

Comparison of Russia's and China's goals and approaches in green policy

Criterion	Russia	China
Main interest	Preservation and monetization of the resource base (oil, gas, timber).	Technological and industrial dominance in value chains for renewable energy sources (RES) (solar panels, wind turbines, electric vehicles, batteries).
Vision of transition	Gradual, with a central role for gas as a "transitional" fuel and emphasis on the carbon absorption capacity of forests.	Accelerated, with a focus on total electrification and capture of green technology markets.
Key instruments	Diplomacy in multilateral formats, promotion of forest-based "carbon units."	Industrial policy (five-year plans), large-scale investment in research and development (R&D), export of infrastructure (Belt and Road Initiative).
Attitude toward global regulation	Attempts to weaken strict regulations to protect exports.	Aspiration to become an indispensable supplier of solutions, even within Western rules.
Participation in value chains	Supplier of raw materials (metals for RES, potentially hydrogen) and "carbon quotas."	Control over the entire chain: from raw material extraction to the production of finished technologies.

Source: compiled by the author.

Россия, являясь крупнейшим экспортером углеводородов, вынуждена реагировать на низкоуглеродный тренд. Ее стратегия носит оборонительно-адаптивный характер. Энергетическое партнерство с Китаем рассматривается как жизненно важный канал диверсификации экспорта, но его потенциал ограничен инфраструктурными и коммерческими проблемами. Китай, напротив, придерживается наступательной стратегии, превратив зеленые технологии в стержень новой экономической модели и инструмент глобального влияния. Для Пекина зеленый переход является возможностью переформатирования мировых энергетических и технологических рынков под своим контролем.

Анализ российско-китайского сотрудничества в экологической сфере показывает, что партнерство упирается в системные барьеры. Россия экономически заинтересована в максимально долгом сохранении спроса на нефть и газ. Китай, будучи крупнейшим импортером, стратегически нацелен на сокращение этой зависимости через электрификацию и возобновляемые источники. Это фундаментальное противоречие интересов не может быть разрешено в рамках политического партнерства.

Несмотря на рост поставок, Россия не способна стать для Китая «энергетическим спасательным кругом» в гипотетическом кризисе. Ограниченность трубопроводной инфраструктуры означает, что даже в случае блокады морских путей российские поставки смогли бы компенсировать потери Китая лишь на считаные недели. Более того, Китай сознательно диверсифицирует

источники энергии, не желая попадать в чрезмерную зависимость от России. Китай проводит гибкую внешнюю политику, выстраивая отношения со всеми центрами силы, включая ЕС и США. Его участие в западных цепочках создания стоимости зеленых технологий делает его крайне уязвимым к идее полного разрыва с Западом ради сотрудничества с Россией.

Заключение

Зеленая повестка в условиях трансформирующегося мирового порядка стала для России и Китая значимым полем стратегического взаимодействия, выходящим за рамки сугубо экологических вопросов. Это сотрудничество формируется на пересечении общих геополитических амбиций по построению многополярной системы и асимметрии национальных подходов к энергетическому переходу.

С одной стороны, партнерство обладает значительным потенциалом, основанным на взаимодополняемости ресурсов и технологий. Китай, осуществивший беспрецедентный рывок в области чистой энергетики и превративший «экологическую цивилизацию» в идеологическую основу своего глобального предложения, выступает как источник технологий, инвестиций и масштабных инфраструктурных инициатив (таких как «Зеленый Шелковый путь»). Россия, рассматривающая зеленую повестку прежде всего через призму ресурсного прагматизма и адаптации к внешним вызовам, может предложить сырьевую базу и дипломатическую поддержку в многосторонних форматах. Практические проекты, обсуждаемые на площадках вроде Российско-Китайского форума, и координация позиций в рамках БРИКС и ШОС демонстрируют переход от общей риторики к конкретным, хотя и локальным, шагам.

В то же время исследование выявляет фундаментальные структурные противоречия, ограничивающие глубину альянса. Стратегические цели сторон расходятся: Китай нацелен на технологическое доминирование и ускоренную декарбонизацию как драйвер нового экономического роста, тогда как Россия заинтересована в пролонгации и монетизации своей углеводородной модели, используя зеленую дипломатию для ее защиты. Эта асимметрия предопределяет зависимый характер возможной кооперации, где Россия рискует остаться поставщиком сырья и «углеродных квот» в цепочках стоимости, контролируемых Китаем. Кроме того, глубина партнерства ограничена интеграцией Китая в западные технологические цепочки и его прагматичным курсом, не предполагающим разрыва с другими центрами силы ради союза с Москвой.

Таким образом, экологическое сотрудничество России и Китая является важным, но не безусловным элементом их стратегического партнерства. Оно служит инструментом легитимации альтернативной модели мирового развития, критики западной гегемонии и решения конкретных приграничных задач. Однако превращение его в подлинный двигатель совместного глобального проекта маловероятно из-за различий в стратегических интересах, экономических моделях и видении сути энергоперехода. Будущее российско-китайского

партнерства будет определяться способностью сторон находить синергию в условиях нарастающей асимметрии, переводя ее из области политической декларативности в сферу взаимовыгодных технологических и инфраструктурных решений.

Поступила в редакцию / Received: 14.05.2026
Доработана после рецензирования / Revised: 15.07.2026
Принята к публикации / Accepted: 15.08.2026

Библиографический список

Авраменко А.А. Политизация экологии и экологизация политики: ценности и интересы // Международная аналитика. 2023. Т. 14. № 4. С. 11–20. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-11-20 EDN: IXNZCZ

Анисимов А.П., Волков И.К. Концепция экологической цивилизации Китая: представляет ли она интерес для российского права? // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2023. Т. 48. № 3. С. 540–549. https://doi.org/10.52575/2712-746X-2023-48-3-540-549 EDN: RTKFOA

Вукович Н.А., Аверина А.О., Стефанова К.А. Рейтинги ответственного бизнеса: особенности и тенденции развития // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2026. № 1. С. 26–39. https://doi.org/10.20542/afij-2026-1-26-39 EDN: QHAVEG

Демина О.В., Мазитова М.Г. Энергопереход в Китае: новые возможности и вызовы // Регионалистика. 2024. Т. 11. № 5. С. 41–58. https://doi.org/10.14530/reg.2024.5.41 EDN: YOYPTC

Добсон Э. «Все, что я оставил позади» — включение экологизма в политический мейнстрим // Политическая наука. 2010. № 2. С. 75–87.

Ефимова Е.Г., Мальцев А.А., Чупина Д.А. «Зеленая» повестка в современной практике стран и регионов: в поисках единого подхода // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2023. Т. 39. № 1. С. 55–72. https://doi.org/10.21638/spbu05.2023.103 EDN: DZBCYY

Кондратенко Г.В. Российско-китайское сотрудничество в сфере экологии в условиях меняющегося политического баланса в мире // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2023. № 42. С. 35–44. http://doi.org/10.24412/2658-5960-2023-42-35-44 EDN: BTRCXV

Красавин Е.В. Эволюция концепции устойчивого развития в России в условиях усиления международной конкуренции // Постсоветский материк. 2026. № 1 (49). С. 104–114. http://doi.org/10.48137/23116412_2026_1_104 EDN: BTGYWV

Матвеев В.А. Современная энергетическая политика Китая: внешние и внутренние вызовы : монография. Москва : ИДВ РАН, 2022. 168 с.

Попова И.В. Сотрудничество России и Китая в сфере экологии и добычи природных ресурсов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 4. С. 28–33. EDN: TJYSAG

Растопчина Ю.Л., Ковалева Е.И. «Зеленая» экономика и «зеленые» инвестиции Китая: возможности и перспективы // Научный результат. Экономические исследования. 2023. Т. 9. № 3. С. 29–40. http://doi.org/10.18413/2409-1634-2023-9-3-0-3 EDN: XQWSSY

Серегина А.А. Перспективы зеленой энергетики для России // Геоэкономика энергетики. 2023. Т. 21. № 1. С. 108–122. http://doi.org/10.48137/26870703_2023_21_1_108 EDN: MOOQGO

Сюй Бо Гармаева С.Э. Эволюция восточноазиатского международного порядка и ее влияние на китайско-российское региональное сотрудничество: эклектический анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2023. Т. 16. Вып. 4. С. 367–384. https://doi.org/10.21638/spbu06.2023.404 EDN: VMKQIA

Минцзюнь Х. Формирование экологической цивилизации и декарбонизация как приоритетное направление развития экономики Китая // Международная торговля и торговая политика. 2025. Т. 11. № 2 (42). С. 71–83. https://doi.org/10.21686/2410-7395-2025-2-71-83 EDN: QIJAGU

Чэнь Фанбо. Энергетическое сотрудничество Китая с иностранными государствами как приоритет его внешней политики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. № 2 (859). С. 53–61. EDN: IQTOVO

Kaur P., Gill S. Emergence of green politics in the world // International Journal of Political Science and Governance. 2025. Vol. 7. № 5. P. 25–31. https://doi.org/10.33545/26646021.2025.v7.i5a.520

Saswatil S., Ray S. Rise of Green Politics and Evaluation in the Context of the Contemporary World // International Journal of Law Management and Humanities. 2022. Vol. 5. Iss. 5. P. 1228–1242. https://doij.org/10.10000/IJLMH.113698

References

Avramenko, A.A. (2023). Politicization of ecology and ecologization of politics: values and interests. *International Analytics*, *14*(4), 11–20. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-11-20 EDN: IXNZCZ

Anisimov, A.P., & Volkov, I.K. (2023). The concept of China's ecological civilization: is it of interest to Russian environmental law? *Nomothetika: Philosophy. Sociology. Right*, *48*(3), 540–549. https://doij.org/10.52575/2712-746X-2023-48-3-540-549 EDN: RTKFOA (In Russian).

Vukovic, N.A., Averina, A.O., & Stefanova, K.A. Responsible Business Ratings: Features and Development Trends. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal,* 2026, (1), 26–39. https://doi.org/10.20542/afij2026-1-26-39 EDN: QHAVEG (In Russian).

Chen, Fangbo. (2025). China's Energy Cooperation with Foreign Countries as a Priority of Its Foreign Policy. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, *2*, 53–61. EDN: IQTOVO (In Russian).

Demina, O.V., & Mazitova, M.G. (2024). Energy transition in China: new opportunities and challenges. *Regionalism*, *11*(5), 41–58. https://doi.org/10.14530/reg.2024.5.41 EDN: YOYPTC (In Russian).

Dobson, A. (2010). "All I left behind" — the mainstreaming of ecologism. *Political Science*, *2,* 75–87. (In Russian).

Efimova, E.G., Maltsev, A.A., & Chupina, D.A. (2023). Green agenda in the modern practice of countries and regions: in search of a unified approach. *Bulletin of St. Petersburg University. Economy, 39*(1), 55–72. https://doi.org/10.21638/spbu05.2023.103 EDN: DZBCYY (In Russian).

Gill, P.K., & Kaur, S. (2025). Emergence of green politics in the world. *International Journal of Political Science and Governance*, *7*(5), 25–31. https://doi.org/10.33545/26646021.2025.v7.i5a.520

Kondratenko, G.V. (2023). Russian-Chinese cooperation in the field of ecology in the global context of a changing political balance. *Proceedings of the Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*, *42,* 35–44. http://doi.org/10.24412/2658-5960-2023-42-35-44 EDN: BTRCXV (In Russian).

Krasavin, E.V. (2026). Evolution of the concept of sustainable development in Russia under conditions of increasing international competition. *Post-Soviet Continent, 1*(49), 104–114. http://doi.org/10.48137/23116412_2026_1_104 EDN: BTGYWV (In Russian).

Matveyev, V.A. (2022). *China's Modern Energy Policy: External and Internal Challenges: Monograph*. Moscow: IFES RAS, 168. (In Russian).

Mingjun, H. (2025). Building ecological civilization and decarbonization as the priority direction of the development of China's economy. *International trade and trade policy*, 11, *2*(42), 71–83. https://doi.org/10.21686/2410-7395-2025-2-71-83 EDN: QIJAGU (In Russian).

Popova, I.V. (2018). Russian-Chinese Cooperation in the Sphere of Ecology and Natural Resource Extraction. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, *4,* 28–33 EDN: TJYSAG (In Russian).

Rostopchina, Yu.L., & Kovaleva, E.I. (2023). China's green economy and green investment: opportunities and perspectives. *Scientific result. Economic research, 9.* 3, 29–40. http://doi.org/10.18413/2409-1634-2023-9-3-0-3 EDN: XQWSSY

Seregina, A.A. (2023). Prospects of green energy for Russia. *Geoeconomics of energy*, *21*(1), 108–122. http://doi.org/10.48137/26870703_2023_21_1_108 EDN: MOOQGO

Saswatil S., Ray S. (2022). Rise of Green Politics and Evaluation in the Context of the Contemporary World. *International Journal of Law Management and Humanities*, *5*(5), 1228–1242. https://doij.org/10.10000/IJLMH.113698

Xu, Bo, & Garmaeva, S.E. (2023). Evolution of international order in East Asia and its impact on Sino-Russian regional cooperation: An eclecticist analysis. *Bulletin of St. Petersburg University. International Relations*, 16, *4,* 367–384. (In Russian). https://doi.org/10.21638/spbu06.2023.404 EDN: VMKQIA

Сведения об авторе:

Науменко Алина Сергеевна — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры сравнительной политологии, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (e-mail: naumenko-as@rudn.ru) (ORCID: 0000-0003-4461-4728, SPIN-код: 3270-2202, AuthorID: 1168311, Scopus ID: 59540008700, WOS ID: MFJ-7645-2025).

About the author:

Alina S. Naumenko — PhD in Political Science, Senior lecturer in the Department of Comparative Politics, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University (e-mail: naumenko-as@rudn.ru) (ORCID: 0000-0003-4461-4728, SPIN-code: 3270-2202, AuthorID: 1168311, Scopus ID: 59540008700, WOS ID: MFJ-7645-2025).

RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 3 678–695**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

ЗЕЛЕНАЯ ПОВЕСТКА НА НАДНАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

THE GREEN AGENDA AT THE SUPRANATIONAL LEVEL

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-3-678-695
EDN: JLNVDA

Научная статья / Research article

Зеленое развитие стран Юго-Восточной Азии: проблемы и решения

Н.Г. Рогожина

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, *Москва, Российская Федерация*

✉ ngrogozhina@mail.ru

Аннотация. Переход к модели зеленого развития в странах Юго-Восточной Азии (ЮВА) мотивируется экономическими, энергетическими, технологическими, финансовыми, социальными и климатическими интересами. Определяется приоритетное направление зеленого развития в рамках декарбонизации экономики, что обусловлено необходимостью сокращения выбросов двуокиси углерода, учитывая высокие экономические и социальные издержки изменения климата и взятые странами ЮВА климатические обязательства. Особое внимание уделяется энергетическому переходу как важнейшему условию реализации низкоуглеродного развития. Выявлены факторы, осложняющие практическое проведение проектов зеленого развития, что требует прямого участия государства с целью внесения изменений в нормативно-правовую базу, создания новых институтов и благоприятного инвестиционного климата. Главная дилемма, стоящая сегодня перед странами ЮВА, — это нахождение баланса между своими экономическими и экологическими интересами, что требует политической воли, которую далеко не всегда демонстрируют правительства государств региона, отдающие предпочтение интересам экстенсивного экономического роста. Страны ЮВА находятся лишь на начальном этапе зеленого развития, и взятый ими временной лаг в тридцать лет для реализации новой модели продиктован имеющимися возможностями.

Ключевые слова: зеленое развитие, низкоуглеродное развитие, зеленый переход, альтернативные источники энергии, изменение климата, страны Юго-Восточной Азии

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Рогожина Н.Г., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Для цитирования: *Рогожина Н.Г.* Зеленое развитие стран Юго-Восточной Азии: проблемы и решения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 3. С. 678–695. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-678-695 EDN: JLNVDA

Green Development in Southeast Asian Countries: Challenges and Solutions

Nataliya G. Rogozhina

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, *Moscow, The Russian Federation*

✉ ngrogozhina@mail.ru

Abstract. The green transition to the development model in the countries of Southeast Asia is motivated by economic, energy, technological, financial, social and climatic interests. The priority direction of green development within the framework of the decarbonization of the economy is determined, which is due to the need to reduce carbon dioxide emissions, considering the high economic and social costs of climate change and the climate commitments made by the Southeast Asian countries. Special attention is paid to the energy transition as the most important condition for the implementation of low-carbon development. The factors complicating the practical implementation of green development projects are identified, which requires the direct participation of the state to make changes to the regulatory framework, create new institutions and a favorable investment climate. The main dilemma facing Southeast Asian countries today is finding a balance between their economic and environmental interests, which requires political will, which is not always demonstrated by the governments of the region's states, which prefer the interests of extensive economic growth. The Southeast Asian countries are only at the initial stage of green development, and their thirty-year time lag they have taken to implement the new model is dictated by the available opportunities.

Keywords: green development, low-carbon development, green transition, alternative energy sources, climate change, Southeast Asian countries

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Rogozhina, N.G. (2026). Green development in Southeast Asian countries: Challenges and solutions. *RUDN Journal of Political Science, 28*(3), 678–695. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-678-695 EDN: JLNVDA

Введение

Зеленое развитие стало общепризнанной в мире стратегией, направленной на достижение экономического роста при минимизации негативного воздействия на окружающую среду. Это достаточно расплывчатое определение, носящее скорее декларативный, чем нормативный, характер, делает возможным употребление схожих терминов для определения предлагаемого направления развития — зеленое развитие, зеленый рост, зеленая экономика, которые

тождественны по содержанию и в принципе взаимозаменяемы. Все они отражают видение новой модели экономического развития с учетом издержек деградации окружающей среды и истощения природных ресурсов.

По мнению Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), зеленый рост представляет собой смену традиционной парадигмы измерения прогресса по показателям экономического роста[1]. Поскольку достижение экономического роста осуществлялось за счет истощения природных ресурсов и загрязнения окружающей среды, что обесценивает результаты экономического прогресса, возникла необходимость переосмысления стратегия развития. Это стало предметом дискуссий об устойчивом развитии [Демидова 2019; Яковлев 2017], но как желаемая модель будущего развития человечества сформировалась в ходе обсуждения мер по выходу из глобального экологического кризиса, связанного с изменением климата.

Это предопределило насыщение модели конкретным содержанием, которое в наибольшей мере соответствует решению задачи по минимизации последствий потепления климата в рамках процесса декарбонизации экономики. Придерживаясь общего подхода в данном вопросе, страны мира руководствуются прежде всего своими национальными интересами, которые и лежат в основе видения ими приоритетных направлений осуществления стратегии зеленого развития. Непосредственная привязанность данной стратегии к экономической сфере не должна, однако, затмевать ее политическое содержание, что проявляется в формировании новых ценностных ориентаций и интересов у отдельных сегментов общества, которые и оказывают влияние на государственную политику зеленого развития.

Однако было бы упрощением говорить, что одно лишь признание необходимости корректировки модели экономического развития с учетом экологического императива является залогом ее успешной реализации. Практика показывает, насколько сложным является этот процесс, связанный с преодолением противоречий субъектов экономической и политической деятельности, придерживающихся разных взглядов на характер модели развития, основываясь на своих оценках выгод и затрат перехода к зеленому развитию.

Общепринятой политики такого перехода нет, как и в целом не сформировалась и идеология зеленого развития на государственном уровне в мире, которая имеет лишь общие очертания, заданные осознанием неизбежности борьбы с изменением климата, что и определяет глобальный политический дискурс о зеленом развитии. Основой зеленого развития служит климатическая политика, реализация которой пока не отвечает поставленной Парижским соглашением 2014 г. цели о допустимом уровне повышения температуры воздуха на 1,5°, являясь заложницей борьбы интересов разных субъектов политического процесса. Неудивительно, что политика в области зеленого развития фрагментирована, носит непоследовательный характер и имеет форму проектов в той или иной сфере экономической деятельности. Это в полной мере относится и к странам

[1] Towards green growth in Southeast Asia. OECD. 2014.·188 p.

Юго-Восточной Азии, в которых переход к зеленому развитию осложнен приоритизацией экономических ценностей развития в ущерб экологическим и в немалой степени формируется под давлением внешних факторов — принуждения со стороны развитых стран, стремящихся включить их в глобальный процесс борьбы с изменением климата.

Выбор данного региона для анализа специфики национальной модели зеленого развития обусловлен следующими факторами. Страны ЮВА относятся к развивающимся экономикам, которые сталкиваются с серьезными экологическими проблемами, обусловленными их индустриализацией, основанной на ресурсоэнергозатратной модели развития. Переход к зеленому развитию связан с переустройством экономической системы, что диктует прямое вмешательство государства, которое по-прежнему видит свою задачу в наращивании темпов экономического роста за счет деградации окружающей среды. Нахождение разумного баланса между экономическими и экологическими интересами развития превращается в серьезную дилемму.

Однако осознание того, что переход к зеленому развитию, открывает немалые возможности для роста их экономического производства на базе использования новых технологий, которые могут вывести их из ловушки «среднего уровня развития», мотивирует страны ЮВА к признанию зеленого развития как новой экономической реальности[2]. По прогнозам, зеленая экономика стран ЮВА способна генерировать прибыль в размере 1 трлн долл. к 2030 г.[3] Зеленое развитие рассматривается в ЮВА как разумная опция сокращения экологических издержек экономического развития и выполнения международных климатических обязательств, потребность в которых диктуется как участием в глобальной борьбе с изменением климата, так и национальными интересами.

Хотя доля региона в мировом производстве парниковых газов составляет 6 %, он относится к числу самых уязвимых к последствиям изменения климата, которые уже сегодня проявляются в интенсификации экстремальных природных явлений, в повышении уровня моря, затоплении территорий, разрушении инфраструктуры, повышении температуры воздуха и частых засухах, сокращении промышленного и сельскохозяйственного производства, потере биоразнообразия, увеличении числа экологических беженцев. Согласно данным Глобального индекса климатического риска (Global Climate Risk Index) 2025 г., Мьянма, Филиппины и Камбоджа входят в двадцатку стран, наиболее пострадавших от изменения климата в период с 1993 по 2022 г.[4]

---

[2] Среди быстрорастущих зеленых отраслей промышленности — управление отходами и их переработка, возобновляемые источники энергии, энергоэффективное строительство домов и зданий, сокращение промышленных выбросов углерода и парниковых газов, производство электромобилей и управление зеленым финансированием.

[3] Chasing Southeast Asia's green future. Climate works center. URL: https://www.climateworkscentre.org/news/chasing-southeast-asias-green-future (accessed: 20.10. 2025).

[4] Cahyani Widi Larasakti. (2024). Australia can help flip the switch on Southeast Asia's energy transition // East Asia Forum. URL: https://eastasiaforum.org/2025/04/04/australia-can-help-flip-the-switch-on-southeast-asias-energy-transition/ (accessed: 24.04. 2024)

За последние 30 лет экономические потери стран ЮВА в связи с изменением климата составили к 2023 г. около 220 млрд долл. США[5] По оценкам Азиатского банка развития, экономические убытки потепления климата обойдутся им в 11 % ВВП к 2100 г.[6], если не будут внесены корректировки в их модели развития. а по прогнозам швейцарской страховой компании Swiss Re, эта цифра может возрасти до 37 % ВВП[7].

Растущая угроза изменения климата не получила адекватного ответа со стороны государств ЮВА, хотя по темпам роста выбросов CO_2 они опережают многие другие страны мира. По прогнозам Международного энергетического агентства, их объем к 2050 г. может возрасти на 71 % по сравнению с 2018 г., поскольку экономический рост региона характеризуется высокой углеродоемкостью[8]. Страны ЮВА продолжают применять практики, не соответствующие мерам по смягчению последствий изменения климата и адаптации к нему. Сингапурский исследовательский центр по изучению стран ЮВА *ISEAS-Yusof Ishak Institut*e пришел к выводу об «амбивалентности» в усилиях стран региона по борьбе с изменением климата [Seah 2021].

Закономерно задаться вопросом, хватит ли у них политической воли для перехода к зеленому развитию, принимая во внимание тот факт, что этот процесс задается сверху и требует прежде всего формирования новой идеологии развития как основы реализации стратегии зеленого роста, опирающейся на современную нормативно-правовому базу, новые институты, активное сотрудничество с бизнес-сообществом и международную поддержку.

В отличие от западных стран с развитой демократической системой и гражданским обществом в странах ЮВА политические решения, касающиеся корректировки модели развития с учетом экологического императива, принимаются сверху. Поэтому политический дискурс по зеленому развитию практически не ведется, ограничиваясь сферой взаимодействия между исполнительной властью и тесно связанным с ней крупным бизнесом, отношение которого к проектам зеленого развития варьируется от сопротивления до поддержки в зависимости от его экономического интереса. Обсуждение этой проблематики ведется в экспертном сообществе, но его влияние на выработку окончательных

[5] How Singapore is accelerating the green transition in South-East Asia. Financial Times. URL: https://stb.ft.com/article/singapore-accelerating-green-transition (accessed: 23.10. 2023).

[6] *Moi M.* Southeast Asia's energy transition is lacking both finance and policy // South China Morning Post. 2024. URL: https://www.scmp.com/opinion/asia-opinion/article/3288756/southeast-asias-energy-transition-lacking-both-finance-and-policy?module=perpetual_scroll_0&pgtype=article (accessed: 03.12. 2024).

[7] *Bu K., Fairholme S.* Catalytic Capital Holds the Key to Southeast Asia's Green Transition // Project Syndicate. 2024. URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/public-private-partnerships-crucial-to-southeast-asia-climate-transition-by-kitty-bu-and-stefanie-fairholme-2024-02/russian (accessed: 23.02. 2024).

[8] *Moi M.* Southeast Asia's energy transition is lacking both finance and policy // South China Morning Post. 2024. URL: https://www.scmp.com/opinion/asia-opinion/article/3288756/southeast-asias-energy-transition-lacking-both-finance-and-policy?module=perpetual_scroll_0&pgtype=article (accessed: 03.12. 2024).

правительственных решений прослеживается слабо. Участие местных сообществ в этом дискурсе сведено до минимума и выражается, как правило, в форме локальных протестов против проектов с высокой социально-экологической стоимостью. Транслятором общественного недовольства нередко выступают неправительственные организации, действующие в сфере развития и выступающие с зеленой повесткой. Важным субъектом зеленых преобразований в регионе выступают международные организации и финансовые учреждения, которые видят свою цель в побуждении стран ЮВА к участию в глобальной борьбе с изменением климата, а также крупные иностранные компании, заинтересованные в укреплении своих позиций на новом рынке, учитывая общемировой тренд на зеленое развитие.

Используя системный подход, позволяющий проследить связи между экономической, политической и экологической системной и ставя во главу угла политические решения правительств стран региона, влияющие на процесс развития, автор попыталась проследить соотношение тенденций, благоприятствующих и тормозящих формирование и реализацию стратегии зеленого развития в странах ЮВА.

Для анализа данной проблематики были изучены обширная литература по данной тематике, которая в основном касалась экономических и энергетических аспектов зеленого роста, а также аналитические материалы в формате статей, обзоров, докладов в том числе международных организаций: ОЭСР[9]; Международного агентства по возобновляемым ресурсам[10], Азиатского банка развития[11], Международного банка развития и реконструкции[12], Международного института энергетической экономики и финансового анализа (IEEFA)[13], Центра стратегических и международных исследований[14], Центра АСЕАН по энергетике[15]. Большой интерес представляли исследования, подготовленные ведущими аналитическими центрами региона — Институтом по изучению стран Юго-Восточной Азии (Yusof Ishak Institute), Школой международных исследований имени С. Раджаратнама (S. Rajaratnam School of International Studies, NTU Singapore). При написании статьи использовались

[9] Towards Greener and More Inclusive Societies in Southeast Asia, Development Centre Studies, OECD.

[10] Socio-economic footprint of the energy transition: Southeast Asia, International Renewable Energy Agency, IRENA. 2023.

[11] *Correia J.* Transforming Asean for Sustainability: The Role of Regional Integration in Advancing ASEAN's Green Transition. ADBi Working Paper Series. June 2025.

[12] См.: Muthukumara Mani and Hector Pollittю Towards a Green and Resilient Thailand. International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank. September 2024; Vietnam Country Climate and Development Report. 2022 International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank.

[13] *Mutya Yustika*. Unlocking Indonesia's Renewable Energy Investment Potential. The Institute for Energy Economics and Financial Analysis (IEEFA). 2018.

[14] Lauren Mai. Energy Technologies and Decarbonisation in Southeast Asia. Center for Strategic and International Studies, September 2024.

[15] The Agenda for Decarbonizing ASEAN. November 2021. ASEAN Center for Energy.

публикации зарубежных авторов, а также материалы региональных СМИ. Обзор литературы демонстрирует отсутствие исследований, касающихся политического аспекта зеленого развития, а также значимых публикаций по этой проблематике российских ученых.

Нахождение баланса между экономическими и экологическими интересами

На встрече министров иностранных дел Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) во Вьентьяне в 2024 г. в совместном коммюнике встречи подчеркивается важность зеленого роста в продвижении устойчивого развития и декарбонизации, в основе которой повышение энергоэффективности, постепенный отказ от использования угля, увеличение инвестиций в развитие возобновляемых источников энергии (ВИЭ). АСЕАН как межправительственная организация, объединяющая на сегодня 11 стран ЮВА, констатирует лишь общее направление развития региона, не вторгаясь в сферу национальных интересов, определяющих конкретную политику каждого государства, которое действует автономно, исходя из своих приоритетов развития.

В 2021 г. Сеть решений ООН в области устойчивого развития инициировала региональное сотрудничество в рамках проекта АСЕАН «Зеленое будущее». Первая рекомендация для стран ЮВА касалась ускорения декарбонизации энергетического сектора за счет перехода на возобновляемые источники энергии[16]. Декарбонизация экономики осознается странами ЮВА как необходимое условие выполнения взятых ими добровольных обязательств в рамках Парижского соглашения (т. н. определяемые на национальном уровне вклады). В их планы входит сокращение выбросов CO_2 на 32 % к 2030 г., достижение углеродной нейтральности[17] и нулевого уровня выбросов парниковых газов к 2050 г.

Выполнение поставленных целей является непростой задачей, учитывая необходимость нахождения компромисса между экономическими и климатическими потребностями в условиях приоритизации интересов экономического роста. При этом страны ЮВА, которые заметно отличаются друг от друга по уровню экономического развития и политическим системам, имеют разные возможности для перехода к зеленому развитию, что отражается в осуществляемых стратегиях развития.

Для ускорения темпов декарбонизации в отчете о зеленой экономике Юго-Восточной Азии, подготовленном фирмами *Bain & Company, GenZero, Standard Chartered and Temasek,* определены 13 инвестиционных возможностей в различных секторах, в том числе развитие регенеративного сельского хозяйства, солнечной и ветровой энергетики, зеленого коммунального хозяйства,

[16] *Guntur Sutiyono.* Can Southeast Asia maintain its high growth without carbon baggage? // SDG Action. 2021. URL: https://sdg-action.org/can-southeast-asia-maintain-its-high-growth-without-the-carbon-baggage/ (accessed: 04.11. 2021).

[17] Углеродная нейтральность достигается, когда выбросы CO_2, произведённые компанией, страной или континентом, компенсируются объемом поглощения CO_2 из атмосферы этой компанией/страной/континентом в течение этого же периода.

производство электромобилей и зарядных устройств. По оценкам авторов отчета, зеленая экономика ЮВА, если ее потенциал будет полностью раскрыт, может приносить ежегодный доход в размере 300 млрд долл. США к 2030 г., или 5 % ВНП региона[18]. Но этот оптимистичный прогноз носит умозрительный характер, не учитывая объективных препятствий на пути к зеленому развитию, вытекающих из достигнутого странами ЮВА уровня экономического и технологического развития, их ограниченных финансовых возможностей, а главное, отсутствия приверженности руководства идеологии зеленого развития.

Страны ЮВА находятся в начале пути, и его приоритетное направление задается решением двуединой задачи — сократить выбросы CO_2 без ущерба для стабильных темпов роста экономики. Этим объясняется принятый курс на энергопереход, что позволит обеспечить энергетическую безопасность, сократить зависимость от импорта энергоресурсов, привлечь новые инвестиции в экономику, ускорить научно-технический прогресс и при этом сократить выбросы углекислого газа. Выбирая данный подход к решению двуединой задачи, страны ЮВА опираются на общемировой тренд низкоуглеродного развития.

ЮВА, где проживает около 679 млн чел., — один из самых динамично развивающихся регионов мира, который по суммарному показателю ВВП является пятой экономикой мира с перспективной стать четвертой уже к 2030 г. Этим тенденциям соответствует и стремительный рост спроса на энергию — в два раза с 2017 по 2040 г.[19] Исходя из сегодняшних политических установок в развитии энергетического сектора, на Юго-Восточную Азию будет приходиться 25 % роста мирового спроса на энергию в период до 2035 г.[20] Последствием этого является увеличение объемов выбросов CO_2 на 60 % к 2050[21] и рост социальных издержек, вызванных загрязнением атмосферы[22].

Сценарий подобного развития исходит из существующей структуры энергопотребления, где доминирует ископаемое топливо (75 %). Энергопереход, предполагающий постепенный отказ от использования ископаемого топлива, прежде всего угля, и развитие ВИЭ, рассматривается странами ЮВА как наиболее разумная опция выхода на траекторию зеленого развития. Страны ЮВА (за исключением Камбоджи) включили возобновляемые источники энергии в свои

[18] *Dale Hardcastle, Yukiko Tsukamoto, Berakah Hyunbin Lee.* Report. Southeast Asia's Green Economy 2024 Moving the Needle. URL: https://www.bain.com/globalassets/noindex/2024/bain_report_southeast_asias_green_economy_2024.pdf (accessed: 04.11. 2024).

[19] Asean Plan of Action for Energy Cooperation (APAEC) 2016–2025. PHASE II: 2021–2025. Endorsed by: The 38th ASEAN Ministers on Energy Meeting (AMEM) Published by: ASEAN Centre for Energy (ACE).

[20] Southeast Asia's role in the global energy system is set to grow strongly over next decade // International Energy Agency. 22 October 2024. URL: https://www.iea.org/news/southeast-asias-role-in-the-global-energy-system-is-set-to-grow-strongly-over-next-decade (accessed: 22.10. 2024).

[21] FabbyTumiwa. Accelerating Southeast Asia's Energy Transition with Renewables. Institute for Essential Services Reform (IESR) Revision 2024, Tokyo, 14 March 2024. URL: https://www.renewable-ei.org/pdfdownload/activities/OS-4_IESR_FTumiwa_20240314.pdf (accessed: 20.10.2025).

[22] Число смертей, связанных с загрязнением атмосферы, возрастет до 650 тыс. человек к 2040 г. по сравнению с 450 тыс. человек в 2018 г.

национальные определяемые вклады в рамках Парижского соглашения и поставили цель увеличить их долю в структуре энергопотребления до 23 % к 2025 г.

Подобная установка обосновывается наличием соответствующего потенциала: регион имеет большие запасы солнечной и ветровой энергии, является крупным мировым производителем солнечных фотоэлектрических систем (его доля на мировом рынке составляет 11 %). Индонезия обладает самыми богатыми геотермальными источниками энергии в мире (40 % мировой доли) и является лидером по производству жидкого биотоплива в ЮВА. Филиппины имеют самый большой потенциал ветровой энергии в регионе [Thang Nam Do 2024]. Страны ЮВА также богаты сырьем, необходимым для производства экологически чистой энергии. К ним относятся бокситы, никель, олово и редкоземельные элементы.

Развитие сектора возобновляемой энергетики стало продуманным решением стран региона и потребовало от них осуществления мер по стимулированию его роста путем корректировки энергетической политики и внесения изменения в отраслевую нормативно-правовую базу и институциональную систему при содействии со стороны международных организаций.

Хотя региональные показатели выглядят многообещающими, отдельные страны различаются по скорости, масштабам и выбору разрабатываемых технологий использования возобновляемых источников энергии. В то время как Сингапур, Бруней и Вьетнам добились успехов в этой области, другие попрежнему в значительной степени зависят от ископаемого топлива.

Пример Вьетнама демонстрирует влияние политического фактора на принятие решений в области развития возобновляемых источников энергии. В 2023 г. на страну приходилось почти 2/3 всей производимой в ЮВА электроэнергии солнечной и ветровой генерации. Национальная стратегия зеленого роста Вьетнама, рассчитанная на период 2021–2030 гг. и вплоть до 2050 г., ориентирована на переход к более устойчивой и инклюзивной экономике и предусматривает сокращение выбросов парниковых газов, повышение энергоэффективности, продвижение экологически чистых отраслей промышленности и улучшение качества окружающей среды[23].

В 2023 г. доля солнечной и ветровой энергии в электроэнергетике составила 13 % по сравнению с почти нулевым показателем в 2017 г. Прорыв Вьетнама в этой сфере можно объяснить следующими факторами. Осознание руководством страны необходимости сокращения выбросов парниковых газов в соответствии с принятыми климатическими обязательствами послужило основой для стимулирования энергоперехода, начало которому было положено еще в 2015 г, когда была принята «Стратегия развития возобновляемой энергетики до 2030 г. с перспективой до 2050 г.». Данное решение в немалой степени обусловлено уязвимостью

[23] В Национальном плане развития энергетики на период с 2021 по 2030 г. с перспективой до 2050 года (PDP8), принятом в 2023 г., было прописано, что электростанции, работающие на угле и проработавшие 20 лет, будут либо переведены на использование биомассы и аммиака, либо будут закрыты. А электростанции, проработавшие более 40 лет, будут закрыты, если конверсия топлива окажется нерентабельной. На уголь приходится 45 % производства электроэнергии в стране СМ [Sembiring 2025].

Вьетнама к последствиям глобального потепления, убытки от которого, по оценкам Всемирного банка, составят 12–14,5 % ВВП к 2050 г. [24]

Согласование Вьетнама с международной повесткой дня в области климата обусловлено и интересами его энергетической безопасности. Дело в том, что спрос на энергию стал превышать имеющиеся в стране резервы углеводородных ресурсов, что поставило страну в зависимость от их импорта. Потеря энергетического суверенитета оценивалась руководством страны как угроза сохранения своей легитимности, основанной на долгосрочном экономическом росте.

Решение руководства страны о поэтапном отказе от использования угля и развитии возобновляемых источников энергии отвечало и социальному запросу общества, обеспокоенного ростом загрязнения воздуха. Некоторые местные власти отказывались давать разрешения на строительство новых угольных электростанций.

В целях стимулирования энергоперехода использовались такие инструменты политики, как щедрые тарифы на подачу электроэнергии для проектов в области солнечной и ветряной энергетики и на импортируемое оборудование, освобождение от подоходного налога, сокращение платежей за аренду земли и создание благоприятной среды для инвестиций в возобновляемую энергетику [Thang 2024]. В 2021 г. Вьетнам вошел в первую пятерку стран мира по показателю роста сектора возобновляемой энергетики, получив 84 из 100 баллов, согласно Индексу устойчивой энергетики Всемирного банка [Thang 2024].

Правительство Вьетнама активно закладывает основу для устойчивого энергетического будущего посредством таких национальных стратегий, как План развития энергетики VIII (PDP8), Национальный генеральный план развития энергетики и Национальная стратегия по изменению климата до 2050 г. По Плану развития энергетики № 8, треть энергобаланса Вьетнама перейдет на солнечную и ветровую энергию и доля угля сократится до 20 % к 2030 г.

Руководство Вьетнама оценивает зеленый переход с точки зрения новых возможностей по ускорению экономики и стабилизации политической системы, зависящей от устойчивости социального контракта между властью и обществом, что послужило основой для последовательной реализации взятого курса, предполагающего признание новых ценностей развития. Достижения Вьетнама в сфере чистой энергии — это сочетание политической воли, отраслевых реформ и рыночных стимулов.

Успехи Вьетнама в сфере развития возобновляемой энергии являются особенно показательными на фоне слабой результативности в целом по региону с исключением ряда стран, таких как Сингапур и Малайзия. В 2022 г. лишь 15,6 % общего объема поставок первичной энергии в странах ЮВА приходилось на возобновляемые источники[25]. А между тем ускорение энергетического перехода имеет первостепенное значение для достижения целей по нулевым выбросам.

[24] Vietnam Country Climate and Development Report. CCDR Series. World Bank Group. 2022.

[25] *Irvan Tengku Harja.* Southeast Asia's green transition at a tipping point // East Asia Forum. 2025. 09 August. URL: https://eastasiaforum.org/2025/08/09/southeast-asias-green-transition-at-a-tipping-point (accessed: 09.08.2024).

Трудности перехода к зеленому развитию

Несмотря на прослеживающийся в ряде стран ЮВА тренд на энергопереход, в регионе наблюдается один из самых медленных темпов развития ВИЭ в мире как с точки зрения инвестиций в отрасль, так и с точки зрения вводимых мощностей [Vakulchuk 2023]. Идеология зеленой энергетики еще полностью не сформировалась[26].

Зеленое развитие в ЮВА является в определенной мере вынужденной реакцией на давление со стороны развитых стран, обеспокоенных последствиями изменения климата. И хотя эта проблема стоит достаточно остро перед государствами региона, в вопросе борьбы с изменением климата они придерживаются позиции общей, но дифференцированной ответственности, предполагающей учет издержек зеленого перехода. Тормозит этот процесс несколько обстоятельств.

Во-первых, сохраняющаяся зависимость от ископаемых видов топлива, прежде всего угля. По состоянию на середину 2023 г. в ЮВА было около 106 ГВт активных угольных электростанций и еще 40 ГВт в стадии разработки. По этому показателю регион уступал только Китаю, Индии и США [Thang Nam Do, Burke 2024]. 60 % угольных электростанций имеют молодой возраст — 13 лет, что затрудняет их закрытие в связи с долгосрочными договорами закупок и инвестиционными обязательствами. Вывод из эксплуатации этих угольных электростанций потребует более 277 млрд долл. США, или 13 % общего ВВП стран ЮВА [Thang Nam Do 2024].

Доля угля в энергетическом балансе продолжит рост: прогнозируемый спрос на него в 2040 г. возрастет вдвое в сравнении с 2019 г. [Vakulchuk, Overland, Suryadi 2025]. Согласно отчету Wood Mackenzie, уголь по-прежнему будет доминирующим источником топлива для выработки электроэнергии в регионе, достигнув пика в 2027 г., затем его рост замедлится и составит 36 % общего объема выработки электроэнергии в 2040 г. Сохраняющая в ЮВА поддержка угольной отрасли объясняется как экономическими, так и политическими причинами. Для политиков безопасность электроснабжения имеет первостепенное значение и превышает их опасения по поводу климатических изменений. В 2022 г. субсидии на потребление ископаемого топлива в странах ЮВА составили 105 млрд долл. США[27].

Во-вторых, существуют институциональные проблемы. Несмотря на установление целевых показателей по вводу новых мощностей, страны ЮВА не создали институтов по реализации энергетического транзита. В регионе действуют серьезные бюрократические барьеры для развития ВИЭ, которые в большинстве случаев рассматриваются руководством стран ЮВА только как

[26] *Board J.* Southeast Asia's renewable energy transition likely to take hit from COVID-19 // The Channel News. 09.04.2020. URL: https://www.channelnewsasia.com/asia/covid19-southeast-asia-renewable-energy-nuclear-asean-1338846 (accessed: 25.10.2025).

[27] *Mutiara Indriani.* Indonesia's climate retreat puts the region's .green future at risk // The Interpreter. 2025, February 17. URL: https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/indonesia-s-climate-retreat-puts-region-s-green-future-risk#msdynttrid=5RB_pBNz6gkDrqXr2y6mVzECM1gIxgkihs8_D524Zvc (accessed: 25.10.2025).

дополнение к другим источникам энергии. Это нашло отражение и в структуре энергетического управления.

Кроме Малайзии и Вьетнама ни одна другая страна ЮВА не провела крупных реформ управления возобновляемой энергией. Определенные передовые меры в области возобновляемой энергии, такие как аукционы и фиксированные тарифы, были приняты в некоторых государствах, но институциональный потенциал для их внедрения ограничен [Vakulchuk 2023]. Политика в области ВИЭ возложена на множество мелких подразделений, которые имеют ограниченные полномочия по принятию решений, не обладают необходимыми кадровыми и финансовыми ресурсами. Имеющаяся в распоряжении стран ЮВА институциональная база в сфере энергетики ориентирована прежде всего на управление отраслью ископаемого топлива, что ограничивает возможности зеленого перехода. Преодолеть эти институциональные проблемы можно либо путем глубокой реформы старых министерств ископаемого топлива, либо путем создания новых министерств по возобновляемой энергетике, что благоприятствовало бы привлечению инвестиций. Десятилетия институциональной поддержки ископаемого топлива привели к появлению влиятельных лоббистов, которые сопротивляются внедрению альтернативных источников топлива. Кроме того, существует острая нехватка квалифицированных специалистов, необходимых для разработки и реализации эффективной энергетической политики, инфраструктура чистой энергии не развита.

В-третьих, страны ЮВА сталкиваются с нехваткой финансирования для реализации проектов зеленого развития, и в первую очередь для осуществления энергетического транзита. Для достижения поставленной цели по увеличению доли ВИЭ до 25 % потребуется инвестировать 290 млрд долл. США, не считая затрат на реформу системы управления [Vakulchuk, Overland, Suryadi 2023].

Общий объем инвестиций в зеленую экономику увеличился на 20 % с 5,2 до 6,3 млрд долл. в 2023 г., но эта сумма значительно меньше требуемых 1,5 трлн долл. США на финансирование зеленых преобразований в Юго-Восточной Азии к 2030 г.[28] Притоку капитала препятствуют общая низкая кредитоспособность проектов в Юго-Восточной Азии, повышенный риск привлечения инвестиций и отсутствие политической приверженности долгосрочной политике зеленого развития. Инвесторы будут рассчитывать на реформу энергетического сектора, включая отмену субсидий на ископаемое топливо, а также на благоприятный инвестиционный и регуляторный климат. Это важно, поскольку международная поддержка и внешние инвестиции позволят снизить финансовую нагрузку и риски, связанные с разработкой и масштабированием новых технологий.

[28] Green investments in ASEAN rise 20 % to US$6.3 billion in 2023, Bain, Temasek report. 2024, May 9. URL: https://www.edb.gov.sg/en/business-insights/insights/green-investments-in-asean-rise-20-to-us-6-3-billion-in-2023-bain-temasek-report.html#:~:text=Private%20sector%20investments%20for%20the,by%20Bain%20and%20Temasek%20indicated. (accessed: 25.10.2025).

Некоторые страны ЮВА, в частности Филиппины, Индонезия, Таиланд и Вьетнам, связывают выполнение своих климатических обязательств с международной помощью, учитывая размер необходимого финансирования на проекты зеленого развития. При этом наблюдается значительный дефицит финансирования в сфере ВИЭ и развития энергосетей, что тормозит процесс декарбонизации.

Налажено международное сотрудничество через такие институты, как Партнерство по энергетическому переходу в Юго-Восточной Азии, Азиатское сообщество по нулевым выбросам и Механизм энергетического перехода Азиатского банка развития. Выделяются гранты на осуществление отдельных проектов в области зеленого развития, оказывается помощь в становлении новой институциональной и правой базы, в подготовке кадров. Важным инструментом привлечения иностранного финансирования является Партнерство по справедливому энергетическому переходу под руководством Группы семи, в котором участвуют Индонезия и Вьетнам.

Согласно соглашению 2022 г., Индонезии выделяется 20 млрд долл. США, а Вьетнаму 15,5 млрд долл. в виде грантов, кредитов и частного финансирования в течение следующих 3–5 лет на ускорение декарбонизации [Thang Nam Do, Burke 2024]. Предполагается, что эта программа будет содействовать привлечению частного капитала в проекты зеленого развития. Но как заметил один вьетнамский эксперт в области энергетики, «Партнерство по справедливому энергетическому переходу похоже на красивый кусок пирога, но ему нужно больше времени в духовке, чтобы стать удобоваримым» [Thang Nam Do, Burke 2024]. Ситуация с получением международной финансовой помощи осложняется с выходом США из данного соглашения в 2025 г. Вскоре после этого ключевые стратегические партнеры АСЕАН, включая Европейский союз и Великобританию, объявили о планах сокращения расходов на помощь, чтобы сделать приоритетными инвестиции в оборону в ответ на динамику региональной безопасности в Европе.

Эти действия США и ЕС укрепляют позиции Китая на энергетическом рынке стран ЮВА, который вложил более 2,7 млрд долл. США в период с 2013 по 2023 г. в чистую энергетику региона[29] и занимает прочное положение в проектах по ВИЭ, передаче электроэнергии и производству электромобилей. Энергетический сектор Вьетнама стал ключевым для китайских инвестиций. Среди других получателей китайской энергетической помощи — Камбоджа, Малайзия, Таиланд, Индонезия, Филиппины, Лаос. Двусторонние соглашения способствуют передаче технологий, обмену знаниями и наращиванию потенциала в области исследований и разработок в сфере ВИЭ. Китай также лидирует в торговле чистой энергией со странами Юго-Восточной Азии, чему благоприятствует активный экспорт аккумуляторов для электромобилей, солнечных модулей и компонентов ветроэнергетики.

[29] *Cahyani Widi Larasakti.* Australia can help flip the switch on Southeast Asia's energy transition // East Asia Forum. URL: https://eastasiaforum.org/2025/04/04/australia-can-help-flip-the-switch-on-southeast-asias-energy-transition/ (accessed: 19.08.2026).

В то же время роль Китая в финансировании и строительстве гидроэнергетических проектов на реке Меконг вызывает серьезные опасения у стран, расположенных в ее бассейне, в связи с высокими социальными и экологическими затратами. Существует и другая проблема. Хотя Китай уделяет все больше внимания ВИЭ, значительная часть инвестиций в энергетику была направлена в проекты, связанные с использованием ископаемого топлива, в частности, в Индонезии. Потенциальное прекращение участия США в энергетическом секторе региона усиливает опасения по поводу доминирования Китая в проектах энергетической инфраструктуры, включая энергосистему АСЕАН.

По объему инвестиций в чистую энергетику за Китаем следует Япония с 2,45 млрд долл. США[30], крупнейший инвестор в геотермальную и солнечную энергетику. Япония имеет специализированные механизмы финансирования чистой энергии в регионе. Азиатское сообщество нулевых выбросов является флагманским проектом сотрудничества АСЕАН — Япония в области климата и энергетики. Япония также играет ведущую роль в Партнерстве по переходу на справедливую энергетику.

Южная Корея инвестировала 583 млн долл. США и была крупнейшим экспортером компонентов аккумуляторных батарей в Индонезию и Малайзию в период с 2017 по 2024 г. Ее участие в производстве ВИЭ и энергосетях региона остается относительно небольшим. Четвертым важным игроком на энергетическом рынке ЮВА является Австралия, которая инвестировала в развитие чистой энергетики 51 млн долл. США[31].

По данным BloombergNEF, Китай является ведущим торговым партнером в области чистых технологий в пяти странах ЮВА с объемом в 4,3 млрд долл. США, за ним следуют Южная Корея (316,2 млн долл.), Япония (85,6 млн долл.) и Австралия (16,1 млн долл.). Наиболее продаваемыми чистыми технологиями являются аккумуляторы для электромобилей, солнечные модули и компоненты аккумуляторов[32].

Согласно отчету исследовательской группы по вопросам климата и энергетики Zero Carbon Analytics, эти четыре страны являются основными внешними державами, определяющими энергопереход в ЮВА. Число международных инвестиционных проектов в области ВИЭ увеличивалось в среднем примерно на 15 % в год с 2020 г., что превышает среднемировой показатель

[30] *Cahyani Widi Larasakti*. Australia can help flip the switch on Southeast Asia's energy transition // East Asia Forum. 2024. URL: https://eastasiaforum.org/2025/04/04/australia-can-help-flip-the-switch-on-southeast-asias-energy-transition/ (accessed: 19.06.2026).

[31] The race to invest in Southeast Asia's green economy. Report May 2025. Zero carbon analysis URL: https://zerocarbon-analytics.org/wp-content/uploads/2025/05/2025-05-The-race-to-invest-in-Southeast-Asias-green-economy.pdf (accessed: 25.10.2025).

[32] *Biman Mukherji.* Asean renewable energy sector gets boost from China's solar projects, faces hurdle of fossil fuels reliance // South China Morning Post. 2024, February 2. URL: https://www.scmp.com/week-asia/economics/article/3250686/asean-renewable-energy-sector-gets-boost-chinas-solar-projects-faces-hurdle-fossil-fuels-reliancee (accessed: 25.10.2025).

в 11 %[33]. Хотя Евросоюз также является ведущим сторонником энергетического перехода, введение Механизма пограничной корректировки выбросов углерода в 2026 г. потребует от экспортеров углеродоемких товаров, таких как цемент, сталь и удобрения, покупать сертификаты на свои выбросы парниковых газов. Это может привести к значительным экономическим потерям для стран ЮВА, осложнив их усилия по достижению баланса между декарбонизацией и экономическим ростом. Страны региона должны проводить целенаправленную и прозрачную политику, чтобы повысить доверие инвесторов к энергопереходу.

Однако, как отмечается в докладе, подготовленном компаниями *Bain and Temasek*, уровень инвестиций по-прежнему значительно ниже 1,5 трлн долл. США, необходимых для финансирования зеленых преобразований в ЮВА к 2030 г. Начиная с 2021 г. совокупные государственные и частные инвестиции составили всего 45 млрд долл. США[34].

Часто инвесторы не считают принятое законодательство достаточной основой для инвестирования и уделяют больше внимания тому, существуют ли институты, способные эффективно и последовательно реализовывать законодательство. Пока инвесторы неохотно вкладывают средства в регион из-за неопределенности политических обязательств и продолжительного срока реализации реформ. Согласно докладу Международной финансовой корпорации и Международного энергетического агентства 2023 г., странам ЮВА требуется 9 млрд долл. США льготного финансирования в год до 2031–2035 гг. для мобилизации частного капитала, необходимого для декарбонизации их экономики[35].

Хотя международная помощь имеет решающее значение для зеленого развития, она должна не ограничиваться финансовой поддержкой, а содействовать укреплению местного потенциала в разработке эффективной энергетической политики, созданию ее правовой и институциональной основы, проведению технической экспертизы, подготовке кадров и информированию общественности. По словам Майк Лим, партнера TRIREC, сингапурской венчурной фирмы, занимающейся декарбонизацией, в регионе отсутствуют четкая и последовательная политика и стимулы для развития возобновляемой энергетики[36]. Все это осложняет и отодвигает по времени переход к зеленому развитию.

---

[33] *Cahyani Widi Larasakti.* Australia can help flip the switch on Southeast Asia's energy transition // East Asia Forum. 2024, April 4. URL: https://eastasiaforum.org/2025/04/04/australia-can-help-flip-the-switch-on-southeast-asias-energy-transition/ (accessed: 19.08.2026).

[34] Green investments in ASEAN rise 20 % to US$6.3 billion in 2023, Bain, Temasek report // EDB Singapore. 2024, May 9. URL: https://www.edb.gov.sg/en/business-insights/insights/green-investments-in-asean-rise-20-to-us-6-3-billion-in-2023-bain-temasek-report.html#:~:text=Private%20sector%20investments%20for%20the,by%20Bain%20and%20Temasek%20indicated (accessed: 25.10.2025).

[35] Scaling up Private Finance for Clean Energy in Emerging and Developing Economies. Executive summary // International Energy Agency. 2023, June. https://www.iea.org/reports/scaling-up-private-finance-for-clean-energy-in-emerging-and-developing-economies/executive-summary (accessed: 25.10.2025).

[36] *Biman Mukherji.* Asean renewable energy sector gets boost from China's solar projects, faces hurdle of fossil fuels reliance // South China Morning Post. 2024, February 2. URL: https://www.scmp.com/week-asia/economics/article/3250686/asean-renewable-energy-sector-gets-boost-chinas-solar-projects-faces-hurdle-fossil-fuels-reliance (accessed: 13.05.2026).

Заключение

Впервые с момента выхода первой версии отчета Индекса зеленой экономики в 2020 г. в 2024 г. по 10 странам ЮВА был констатирован прогресс в области декарбонизации по таким показателей, как установленные целевые показатели, нормативная база, дорожные карты по достижению нулевых выбросов и уровни выбросов. Наибольшего прогресса добился Вьетнам в 2023 г., его общий балл вырос на пять пунктов — до 38. Самым большим вкладом в улучшение его показателей стала разработка национальной дорожной карты по достижению нулевых выбросов. Зеленая экономическая деятельность во Вьетнаме принесла 6,7 млрд долл. США в 2020 г. (2 % ВВП), способствовала созданию более 400 тыс. рабочих мест. [37]

За последнее десятилетие страны ЮВА продвинулись вперед в направлении зеленого развития, сконцентрировав свое внимание на декарбонизации экономики. Это затронуло не только сферу энергетики, но и транспорт (регион планирует стать мировым центром глобального производства электромобилей [Sin Lu Tan 2024). В промышленном производстве упор делается на повышении его энергоэффективности. Многие страны региона приняли меры в этом направлении. Осуществляются проекты «зеленых городов». Например, в Сингапуре введены стандарты «Зеленая марка» для зданий. Практически во всех странах региона проводится программа управления отходами. Определенные достижения достигнуты в использовании новых технологий в сельском хозяйстве. В ряде стран обсуждается проблема развития атомной энергетики.

Изменения коснулись и нормативно-правовой базы регулирования в рамках принятия новых законов по повышению энергоэффективности и развитию энергетического сектора, включая сектор возобновляемой энергии. В Сингапуре, Вьетнаме и Индонезии приняты «зеленые планы». В Таиланде на завершающей стадии находится Закон об изменении климата, который направлен на стимулирование инвестиций в более чистые технологии и методы.

В целях поддержки и активизации процесса декарбонизации используются различные инструменты политики. В Индонезии с 2023 г. введена система торговли квотами на выбросы углекислого газа. В Сингапуре установлен налог на выбросы углерода. Аналогичные меры в рамках Закона об охране окружающей среды 2020 г. предусмотрены во Вьетнаме с 2028 г. Подсчитано, что масштабирование региональных рынков выбросов углерода в странах региона может принести 65,7 млрд долл. США дохода к 2030 г. и 267 млрд долл. к 2050 г., способствуя декарбонизации и одновременно поддерживая местную экономику и сообщества[38].

Однако, несмотря на значительный прогресс в определении того, что необходимо сделать для продвижения к низкоуглеродному развитию, вопрос «как»

[37] Green growth in Vietnam Open Development Vietnam. 2024, March 13. URL: https://vietnam.opendevelopmentmekong.net/topics/green-growth-in-vietnam (accessed: 25.10.2025).

[38] *Siew R.* COP29 affirms cooperation is key to ASEAN's carbon markets // East Asua Forum. 2025, January 10. URL: https://eastasiaforum.org/2025/01/10/cop29-affirms-cooperation-is-key-to-aseans-carbon-markets/ (accessed: 11.05.2026).

все еще неясен из-за недостаточного регулирования и стимулов для содействия реализации планов. Необходимо более серьезное политическое вмешательство.

Страны региона находятся на начальном этапе зеленого развития, и их продвижение в этом направлении детерминировано поиском компромисса между интересами экономического роста и экологическими потребностями. Задача сложная, учитывая наличие технологических, финансовых, институциональных ограничений, обусловленных их нахождением на том этапе развития, когда еще не созданы необходимые экономические и политические условия для активного внедрения новой модели развития. С одной стороны, они осознают необходимость включения в глобальный тренд по декарбонизации экономики как важнейшего условия своей модернизации и повышения конкурентоспособности, с другой — считают, что спешка с зеленым переходом может быть контрпродуктивной, нанести ущерб экономике и потенциально оттолкнуть бизнес[39]. Позицию стран ЮВА в отношении зеленого развития можно охарактеризовать как конструктивный прагматизм. Они оставляют для себя достаточный временной резерв для транзита к низкоуглеродному развитию, в течение которого они смогут при внешнем содействии попытаться найти необходимое решение своих экономических и экологических задач.

Поступила в редакцию / Received: 22.11.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 11.05.2026
Принята к публикации / Accepted: 15.05.2026

Библиографический список / References

Demidova, E.A. (2019). The history of the concept of "green" growth. *The age of science, 19,* 50–52. (In Russian). http://doi.org/10.24411/2409-3203-2019-1915
Демидова Е.А. История концепции «зеленого» роста // Эпоха науки. 2019. № 19 С. 50–52.]. https://doi.org/10.24411/2409-3203-2019-1915 EDN: JCFMVV

Seah, S. (2021). Gaps and opportunities in ASEAN's climate governance. Trend. In Southeast Asia. Singapore: ISEAS Publishing (vol. 5). Retrieved from https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2021/03/TRS5_21.pdf

Sembiring, M. (2025). Southeast Asia's Renewable Energy Ambition: The Case of Vietnam. *NTS Insight*, 25. Retrieved February 01, 2025.

Sin Lu Tan. *The geopolitics of Southeast Asia's green transition. International Institute of Strategic Studies*. Retrieved September 9, 2024, from https://www.iiss.org/online-analysis/online-analysis/2024/09/the-geopolitics-of-southeast-asias-green-transition

Thang Nam Do, & Burke, P.J. (2024). Phasing out coal power in two major Southeast Asian thermal coal economies: Indonesia and Vietnam. *Energy for Sustainable Development,* 80. https://doi.org/10.1016/j.esd.2024.101451 EDN: INFCUM

[39] Singapore's climate action has been graded 'highly insufficient' but is that too harsh CNA. URL: https://www.channelnewsasia.com/commentary/singapore-climate-action-tracker-target-green-paris-agreement-4620731?cid=braze-cna_CNA-Morning-Brief_newsletter_24092024_cna (accessed: 25.10.2025).

Thang Nam Do. (2024). Insider perspectives on Southeast Asia's clean energy transition. *Asia and Pacific Policy Studies*, *11*(2), https://doi.org/10.1002/app5.390Citations

Trang Nguyen Jannata. (2025). *Southeast Asia's critical role as a green industrial leader*. Interpreter Lowy Institute. Retrieved March, 20, 2025, from https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/southeast-asia-s-critical-role-green-industrial-leader

Vakulchuk, R., Overland, I., & Suryadi, B. (2023). ASEAN's energy transition: How to attract more investment in renewable energy. *Energ. Ecol. Environ*, *8*(1),16. https://doi.org/10.1007/s40974-022-00261-6 EDN: QCKXWN

Yakovlev, I.A., Kabir, L.S., Nikulina, C., & Rakov, I.D. (2017). Financing "green" economic growth: Concepts, problems, approaches. *Financial Journal, 3,* 9–21. (In Russian).
Яковлев И.А., Кабир Л.С., Никулина С. И, Раков И.Д. Финансирование «зеленого» экономического роста: концепции, проблемы, подходы // Финансовый журнал. 2017. № 3. С. 9–21. EDN: YSLZRT

Сведения об авторе:

Рогожина Наталия Григорьевна — доктор политических наук, главный научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.И. Примакова РАН (e-mail: ngrogozhina@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-9924-2493, SPIN-код: 2966-7560, AuthorID: 77720, Scopus ID: 57193354808, WOS ID: AAE-7718-2020).

About the author:

Nataliya G. Rogozhina — Dr. Sci. (Political Science), Senior Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO) (e-mail: ngrogozhina@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-9924-2493, SPIN-code: 2966-7560, AuthorID: 77720, Scopus ID: 57193354808, WOS ID: AAE-7718-2020).

RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 3 696–709**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-3-696-709
EDN: JDHGAV

Научная статья / Research article

БРИКС в системе международного режима климатического регулирования

А.В. Короткова

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, *Москва, Российская Федерация*

✉ akorotkova@imemo.ru

Аннотация. Изменение климата (глобальное потепление), несмотря на споры вокруг реальных причин и возможных последствий этого процесса, оказывает ощутимое влияние на все основные сферы жизнедеятельности современного человека: экономико-хозяйственную, общественную, политическую и пр. Именно всепланетарный масштаб проблемы делает ее предметом озабоченности международных организаций различных уровней и форматов. Автор исследует причины и обстоятельства, побудившие объединение БРИКС, создававшееся на базе проблематики, далекой от климатической трансформации, не просто обратиться к этим вопросам, но включить их в качестве важной составляющей в свою повестку. На базе методов ивент-анализа, обзора рабочей организационной документации и исследовательской литературы по теме сделан вывод о возникновении такой потребности из-за противоречий, присущих официальной международной климатической политике, продвигаемой по линии ООН и других формальных и неформальных международных организаций и клубов в рамках программ устойчивого развития. В качестве теоретической рамки работы выбран мир-системный анализ. Он позволяет последовательно и предметно рассмотреть генезис как самих дебатов по климатической проблеме, так и закономерности распределения «спорящих» сторон относительно нее. С его помощью объясняется тот факт, что столь разностороннее и «эклектичное» на первый взгляд формирование, как БРИКС (при всей разности уровней экономического развития, политического устройства и традиций, географической пестроты участников), приходит к осознанию необходимости единства действий, помимо прочих, и на климатическом треке. Автор показывает, что на данном этапе позиция объединения не противопоставлена официальному международному режиму климатического регулирования, но сводится к требованию учета особенностей его участников и их потребностей дальнейшего развития. Однако в теоретическом разрезе становится ясно, что глубинные противоречия, которыми вызваны расхождения по данному

© Короткова А.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

кругу вопросов, не снимаются простым согласованием позиций, но коренятся в сложившейся системе экономико-политических и международных отношений, ключевым свойством которой выступает неравенство. В данном случае — неравенство государств как субъектов международной климатической политики.

Ключевые слова: БРИКС, глобальное потепление, международное климатическое регулирование, энергетический переход, развитие, неравенство, мир-система

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Короткова А.В.* БРИКС в системе международного режима климатического регулирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 3. С. 696–709. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-696-709 EDN: JDHGAV

BRICS in the System of the International Climate Regime

Alla V. Korotkova

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russian Federation*

✉ akorotkova@imemo.ru

Abstract. The discuses about the real causes and possible consequences of climate change (global warming) continue. However, this process has a huge impact on all spheres of modern human life: economic, social, political, etc. It is the global scale of the problem that makes it a matter of concern for international organizations of different levels and formats. The BRICS was created to solve problems other than the climate. The author explores the reasons and circumstances that stimulated the group not only to address these issues, but to include them as particularly important on its agenda. The article is based on the methods of inventorying, reviewing the association's documents and research literature. It is concluded that the BRICS interest in the topic of climate is caused by the contradictions of the official international climate policy pursued by the United Nations and other formal and informal international organizations within the framework of sustainable development programs. The theoretical framework of the work is the World-systems theory. It allows us to explore the genesis of the debate on the climate issue and the principles of the distribution of parties in this matter. It explains, why such an "eclectic" BRICS (the members of the group differ significantly in economics, politics, traditions, geography) recognizes the need for unity of action on the climate track. The author shows that currently the association does not oppose the official international climate regulation regime. Its requirement is to take into account the characteristics and needs of the further development of its members. However, theoretically it becomes clear that deep-seated differences on this range of issues cannot be eliminated by simply agreeing positions. They are rooted in the established system of economic, political and international relations, which is based on hidden inequality. In this case, this is the inequality of States as subjects of international climate policy.

Keywords: BRICS, global warming, international climate regime, energy transition, development, inequality, world-system

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Korotkova, A.V. (2026). BRICS in the system of the international climate regime. *RUDN Journal of Political Science, 28*(3), 696–709. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-696-709 EDN: JDHGAV

Введение

Изменение климата Земли — процесс глобального потепления — проблема мирового масштаба. Для предотвращения негативных последствий этой трансформации важны понимание ее причин, включая адекватную оценку антропогенного фактора[1], а также вовлеченность всех субъектов, способных влиять на ситуацию, в принятие и имплементацию необходимых решений.

Важность международного регулирования и согласованности действий в климатическом вопросе сегодня осознана. Участие в обсуждении и решении проблемы принимают государства, международные правительственные и неправительственные организации, интеграционные объединения, общественные движения. Официальной площадкой формирования и контроля международного климатического режима в настоящее время является ООН, его полномочными субъектами — государства, а основными документами, задающими режимные рамки, — Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (РКИК ООН, 1992 г.) и Парижское соглашение по климату (2015 г.)

Многообразие возможных вариантов борьбы с глобальным потеплением порождает дискуссию о ее конкретных способах. Свой подход к решению проблем климата обозначила и группа БРИКС. Ориентированная изначально на иные цели (главным образом — финансовое регулирование), она тем не менее включила климатические мероприятия в свою повестку, что подтверждено сегодня официальной документацией и запуском профильных проектов.

Цель исследования — поиск глубинных причин и оценка потенциала развития климатического курса БРИКС. Для этого предлагается обозначить предпосылки акцентирования этой повестки высоким форумом; дать общую характеристику его климатическому направлению, выяснив, насколько оно альтернативно официальному международному курсу; показать связь возникших противоречий с явлениями более фундаментального характера. Данный анализ поможет ответить на вопрос о том, какие свойства нынешнего международного уклада в целом отразил «частный» климатический вектор объединения, о каких процессах он свидетельствует и каких сценариях предупреждает.

В качестве теоретической базы исследования автор выбрала мир-системный анализ[2]. Парадигмально он относится к неомарксизму, при этом от ортодоксальных концепций во многом далек настолько, что классики, вероятно, сочли бы его «ревизионизмом». Вместе с тем рамочные постулаты,

[1] См.: *Миловидов В.* Зеленые мечты ведут в бездну // Эксперт. 10.06.2024. URL: https://expert.ru/mnenie/zelenye-mechty-vedut-v-bezdnu/ (дата обращения: 02.08.2025).

[2] Автор опускает детали дискуссии о правописании термина «мир-системный» или «миросистемный». В статье принят вариант с дефисом.

которые этот подход заимствует в своих первоисточниках, не утратили актуальности и частично применяются другими объяснительными парадигмами и теориями в качестве подхода. По мнению автора статьи, мир-системный ракурс привлекателен широтой охвата анализируемых факторов, взглядом на систему не в статике, а в движении (мир-система — не явление, а процесс) и попытками преодоления раздробленности знаний о мире. Он увязывает воедино сферы экономики, политики и культуры, рассматривает общества с эволюционно-исторической точки зрения. Само мир-системное направление достаточно широко и не лишено внутренних расхождений. К числу его авторитетов принадлежат такие авторы, как Дж.Л. Абу-Луход, С. Амин, Дж. Арриги, К. Чейз-Данн, Э. Аргири, А.Г. Франк, Б.К. Джиллс, Т. Хопкинс и И. Валлерстайн. Для сужения рамок анализа, обусловленных форматом статьи, данное исследование базируется в основном на подходах И. Валлерстайна.

В качестве методов исследования в статье применены ивент-анализ, анализ документов и исследовательской литературы.

Сегодня тематика БРИКС изучается широко, в первую очередь учеными — представителями стран самого объединения. Научный интерес к климатическому курсу БРИКС возрос со времени его заметной активизации с 2023 г. В статье нет возможности представить развернутую историографию вопроса, но с точки зрения поставленных автором задач следует отметить следующие работы [Ковалев, Поршнева 2021; Макаров, Хлебнова, Шуранова 2024; Сахаров 2024; Липунов[3]; Huifang Tian 2015; Das, Chaturvedi 2021; Qi Shen, Xiaolong Zou 2024; Sousa Soidan 2025].

Новизна предлагаемого исследования заключается в подходе к теме с обозначенным теоретическим инструментарием. Фундаментальных теоретических обобщений климатического направления деятельности БРИКС пока немного, попытка применения мир-системного анализа для его характеристик в российском исследовательском поле, вероятно, одна из первых.

Поиски общего видения проблемы климата

Страны БРИКС[4] принимали участие в климатических мероприятиях и международных договоренностях и вне объединения. Все они — подписанты Парижского соглашения по климату (лишь Иран не ратифицировал его)[5].

[3] *Липунов Н.С.* Климатическая политика новых участников БРИКС: вызовы и возможности // Аналитическая записка № 56. Российский совет по международным делам. 29.01.2025. 24 с. URL: Available at: https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/klimaticheskaya-politika-novykh-uchastnikov-briks-vyzovy-i-vozmozhnosti/?ysclid=m6t8n3mfy4859276321 (дата обращения: 10.04.2025).

[4] На момент написания статьи 10 членов: Бразилия, Египет, Индия, Индонезия, Иран, Китай, ОАЭ, Россия, Эфиопия, ЮАР.

[5] Парижское соглашение. 2015. URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf (дата обращения: 02.08.2025).

Каждое государство разрабатывало свои программы и меры защиты климата, руководствуясь принятыми обязательствами и целями национальных экономик. Разнообразие стран — членов объединения — разброс по климатическим зонам, разница в размерах территорий, природных ресурсах, плотности населения, экономических условиях — обусловливало трудности выработки единого «зеленого курса» БРИКС. С учетом же уставного устройства форума высокого уровня, не имеющего механизмов реализации какой-либо пошаговой обязательной политики, такие усилия выглядели чрезмерными. Тем не менее обнаружились факторы, подтолкнувшие его участников к совместным действиям на этом направлении.

Автор согласна с точкой зрения исследователей из НИУ ВШЭ, отмечавших: «Климатическое сотрудничество внутри БРИКС не относилось к приоритетам вплоть до 2023 г.» [Макаров, Хлебнова, Шуранова 2024: 5][6]. Стимулировал его ряд причин[7], но основной стала активизация развитыми западными странами (в первую очередь — под эгидой Евросоюза) курса на полную декарбонизацию в ущерб прочим мерам борьбы с глобальным потеплением.

К началу 2020-х гг. на ведущих международных площадках, включая ООН, Группы семи и двадцати, Всемирный экономический форум и др., заметно форсировалось обсуждение темы климата. Возведение ее в ранг *первостепенной* глобальной проблемы подкреплялось всплеском активности эко-климатических НПО. Эта деятельность сопровождала принятие в 2019 г. Европейским союзом «зеленого курса» (Green Deal) — рамочной программы интеграционного объединения по переходу к «чистой» экономике. Помимо прочего она включала механизм трансграничного углеродного регулирования — Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM), который, по замечанию В.Г. Варнавского (ИМЭМО РАН), «является первой и единственной в мировой практике системой глобального управления выбросами парниковых газов, посягающей на юрисдикцию иностранных государств» [Варнавский 2025: 230]. Профессор Варнавский исчерпывающе характеризует этот механизм в своей монографии, указывая на нестыковки с международным правом и опасность установления тотального контроля европейского регулятора над производственными процессами (sic!) в иностранных государствах[8].

[6] Другую точку зрения высказывали китайские ученые, считающие, что БРИКС именно как объединение оказало влияние на формирование принципов Парижского соглашения, и что саммиты группы 2012–2015 гг. прямо содействовали его успешному заключению [Qi Shen, Xiaolong Zou 2024: 66].

[7] Подробнее этот вопрос исследован автором в другой работе: *Короткова А.В.* Климатическая повестка для БРИКС — альтернатива или поиск компромисса? // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2025. № 4. С. 92–102. https://doi.org/10.20542/afij-2025-4-92-102

[8] Также об экономико-политической составляющей современных механизмов регулирования выбросов парниковых газов (ПГ), в частности, ЕС и США, см., напр.: [Ровинская 2025].

Автор статьи также полагает справедливым заключить, что западное «климат-лобби», навязывая опережающие темпы энергетическому переходу, вдохновлялось не столько заботой о природном благополучии, сколько потенциалом новой рыночной ниши для развития и распространения зеленых технологий и продукции по всему миру в отсутствие ощутимой конкуренции. Этот процесс был чреват серьезными издержками, но трудности коснулись бы в первую очередь не «чистых передовиков», а тех, кто в условиях форсированной декарбонизации оказался бы вынужден осуществлять энергетическое переустройство на базе навязываемых технологий. Авторы доклада «Климат: повестка для БРИКС+» (Дипломатическая академия МИД России)[9], подробно рассматривая механизмы *межстранового* распределения издержек «зеленой энергетической революции», заключают, что «за выбросы ПГ, связанные с транзитом к ВИЭ, отвечать будут… преимущественно развивающиеся страны, в которых добываются сырьевые… материалы и производится инфраструктура ВИЭ, в то время как развитые страны, использующие на своих территориях эту инфраструктуру для получения энергии, будут демонстрировать относительно низкие прямые выбросы»[10]. При этом речь не только об эмиссиях CO_2, в перспективе системы транснационального контроля распространятся на прочие виды ПГ[11].

Агрессивное навязывание перехода к «чистому нулю» вызвало противодействие государств, которые находили для себя выгодными иные (согласно международным договоренностям[12]) меры борьбы за климатическое благополучие. Участники БРИКС относились к данной категории, и площадка объединения оказалась удобной для обозначения собственных позиций.

Иллюстрируют этот тезис декларации саммитов «десятки» 2024 и 2025 гг.[13] Обращает на себя внимание резко возросший по сравнению с документацией прошлых лет объем статей по экоклиматической тематике: 22 пункта в различных разделах Казанской декларации и отдельный специальный раздел «Борьба с изменением климата и обеспечение

[9] Климат: повестка для БРИКС+ // Научно-аналитический доклад Дипломатической академии МИД России. Москва, 2024. 484 с. URL: https://www.dipacademy.ru/documents/8644/doklad_compressed.pdf (дата обращения: 10.04.2025).

[10] Там же.

[11] По словам члена-корреспондента РАН С.В. Жукова (ИМЭМО РАН), «к настоящему времени европейские регуляторы выстроили целостную систему регулирования выбросов углерода и от решения задач декарбонизации все более смещаются в направлении деметанизации» [Жуков 2025: 10].

[12] Так, Парижское соглашение предписывает различные меры митигации (смягчения воздействия на климат). Главным критерием применения выступает эффективность этих мер.

[13] Казанская декларация «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности» // XVI Саммит БРИКС. 23.10.2024. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf (дата обращения: 28.03.2025).; Декларация Рио-де-Жанейро «Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления» // XVII Саммит БРИКС. 06.06.2025. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3HuuI7EBmqrC.pdf (дата обращения: 02.08.2025).

устойчивого, справедливого и инклюзивного развития» в Декларации Рио-де-Жанейро (ст. 81–101). Общее в их содержании: безусловное признание климатической проблемы экзистенциально важной для человечества; твердая приверженность положениям РКИК ООН и Парижскому соглашению; стремление членов группы к энергетическому переходу, более того — активному участию в нем; старт совместных программ климатической направленности в рамках «десятки» и с привлечением партнеров БРИКС; подключение Нового банка развития к климатическим проектам. И одновременно — развернутая критика односторонних дискриминационных мер по ускорению декарбонизации.

Таким образом, объединяющим фактором для столь разных в отношении климатических рисков и возможностей их преодоления государств БРИКС стал их статус крупных доноров природных ресурсов и в то же время — активно развивающихся экономик. Для этой группы критически важен поиск баланса устойчивости окружающей среды и роста энергопотребления, сопровождающего процессы индустриализации и цифровизации — прогресса в современном понимании. «Экономики стран БРИКС характеризуются высокими темпами роста, повышенным потреблением энергии и значительными выбросами… CO_2. Их ожидания, в статусе развивающихся, связаны с *новым международным порядком,* который в большей степени будет соответствовать их потребностям в области развития… В отличие от других развивающихся, государства БРИКС являются *региональными экономическими лидерами*... (Курс. наш. — *А.К.*). Следовательно, они в большей мере предрасположены к объединению усилий в борьбе с изменением климата» [Qi Shen, Xiaolong Zou 2024: 79]. Здесь китайские исследователи выделяют крайне важную особенность — лидерство участников БРИКС в определенных сферах, которое они способны закрепить в качестве конкурентного преимущества. То есть потенциал объединения кроется не только в преодолении «отсталости» своих членов, но в занятии и удержании ведущих позиций в мире в тех или иных отраслях, включая передовые зеленые.

Следует отметить, что выражение недовольства односторонними мерами западных регуляторов в официальной документации БРИКС пока декларативное. В частности, в названных итоговых документах саммитов высказываются лишь озабоченность существующей ситуацией и призывы учитывать точки зрения и возможности всех участников Парижского соглашения. О результативности многочисленных стартовавших в последние годы проектов (от всеохватывающих — типа Контактной группы БРИКС по вопросам изменения климата и устойчивого развития, Рамочной программы по изменению климата и устойчивому развитию, Платформы энергетических исследований БРИКС, Климатической программы лидерства БРИКС и др. — до более предметных и практикоориентированных, например, «Чистые реки БРИКС» в рамках Платформы экологически чистых технологий БРИКС и др.) судить пока рано по причине слишком короткого

срока их действия. В любом случае в нынешней форме ни они, ни официальные заявления объединения не несут никаких угроз существующему международному климатическому режиму[14].

В терминах теории

Теоретики мир-системного анализа показали закономерности возникновения кризисной ситуации, по внешним признакам совпадающей с той, что имеет место в современном мире, базируясь на ряде ключевых характеристик самой этой системы, а также на общих фундаментальных постулатах. В целом, нивелируя разницу подходов, эти характеристики сводятся к следующему.

Мир-система (миросистема), по определению И. Валлерстайна, «представляет собой территориально-временное пространство, которое охватывает многие политические и культурные единицы, но в то же время является единым организмом, вся деятельность которого подчинена единым системным правилам» [Валлерстайн 2006: 75]. Современная система, которой, по датировке ученого, около 500 лет — с «долгого» XVI в., является *капиталистической*. Основной ее признак, движущая сила и смысл существования — «бесконечное накопление капитала» [Валлерстайн 2006: 86].

Внутри себя система неоднородна, представители мир-системного анализа делят охваченные ею государства на *центр* (ядро) и *периферию* (иногда выделяя полупериферию). При классификации стран важны не их географическое положение, культурная принадлежность или политическое устройство, а характерные для них *производственные процессы*. Отношение центра к остальным участниками определяется *прибыльностью* этих процессов. Различия между ядерной и периферийной моделями, с характерными для них схемами накопления капитала, экономического и социального развития, удачно синтезированы С. Амином [Amin 1974]. В целом входящие в состав мир-системы страны делятся на *поставщиков ресурса* (предоставляющие выгодные с точки зрения издержек труд, сырье) и *поставщиков готовых продуктов* (владельцев капитала и разработчиков передовых технологий). «В результате товарообмена между ядром и периферией добавочную стоимость, то есть значительную часть реальной прибыли многочисленных производителей, всегда получают государства, где превалируют производственные процессы, характерные для ядра», — поясняет со своей стороны И. Валлерстайн [Валлерстайн 2006: 77].

[14] Однако обратим внимание, что на страновом уровне в первом национальном докладе «О климатической повестке в России» в 2025 г. прямо высказано положение о шаткости этого режима: «В настоящее время становится все более очевидным, что Парижское соглашение — ключевой элемент архитектуры международной климатической политики — находится в кризисе». Документ призывает усилить климатическое сотрудничество в рамках БРИКС. См.: О климатической повестке в России. Первый ежегодный национальный доклад // Центр «Климатическая политика и экономика России» ИНП РАН. 2025. 54 с. URL: https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2025/06/natsionalnyj-doklad-o-klimaticheskoj-povestke-v-rossii.pdf (дата обращения: 07.08.2025).

Перманентное извлечение прибавочной стоимости из производств «периферии» производителями «ядра» (путем постоянного, фактически принудительного экспорта на периферию «новых технологий») получило название неравного обмена, продуцирующего так называемое *развитие неразвитости* [Gunder Frank 1996]. Эта весьма условно понимаемая «неразвитость» (в том смысле, что «развитие» подразумевает прохождение определенных экономико-политических стадий и уподобление некоему лидеру) — «в значительной мере результат прошлой истории и продолжающихся экономических и иных отношений между неразвитыми странами-сателлитами и ныне развитыми странами метрополии. Более того, эти отношения — важная часть структуры и развития капиталистической системы в мировом масштабе как единого целого» [Gunder Frank 1996: 108]. В таких условно «неразвитых» странах подлинное развитие (понимаемое как переход от простых структур к сложным) может осуществляться только при условии прекращения подобной диффузии.

В соответствии с этими представлениями проясняются понятия, вошедшие сегодня в политический дискурс: Глобальный Север символизирует центр, Глобальный Юг — (полу) периферию. Объединение БРИКС прямо ассоциирует себя с Глобальным Югом. Некоторое несоответствие вызывает присутствие в его составе России, которая самими мир-системными теоретиками относилась иногда к центру, иногда — к (полу) периферии. Однако в целом, если руководствоваться критерием характерных производственных процессов — экспорт преимущественно первичных ресурсов в обмен на средства производства и предметы роскоши, принадлежность РФ к «южному лагерю» непротиворечива.

В настоящее время мир-система пребывает в стадии кризиса. Для нее это явление периодическое, но, по мысли сторонников принятого подхода, без предопределенного финала. В этих обстоятельствах в странах Глобального Юга обострились все проблемы «неразвитости», и в числе первых — преодоления технологической отсталости, которая одновременно при этом остается фактором (мир) системообразующим. Рамки системы становятся тесны для ее участников, потенциально способных претендовать на место не только донора ресурса, но и части технологического ядра. Для мир-системы в целом речь сегодня идет о собственной сохранности: произойдет ли ее воспроизводство, трансформация или слом. Для стран Глобального Юга и БРИКС как его лидеров во главу угла ставятся условия, при которых осуществится любой из возможных вариантов.

Для анализа избрана климатическая проблема как одно из знаковых проявлений кризиса мир-системы. Именно экологическое неблагополучие И. Валлерстайн называл одной из четырех базовых долгосрочных кризисных тенденций мир-системы[15]. Следовательно, экологическая политика

[15] Кроме экологического кризиса среди них: разрушение сельского уклада жизни, ведущее к сокращению резерва дешевой рабочей силы; демократизация мира (требование социальных благ в странах не только ядра, но и периферии); смена прежних тенденций развития государственной власти на прямо противоположные (неспособность государств выполнять регулирующие функции) [Валлерстайн 2003: 43–46].

и борьба с глобальным потеплением как ее составляющая становятся показателем того, как система ищет выход из кризиса. А претенциозность и работоспособность этой политики свидетельствуют о возможностях его преодоления, выхода из него в обновленном виде и/или сохранения каких-то системных черт в новой фазе.

В мир-системе, цель существования которой — бесконечное накопление и потребление, эколого-климатическое богатство (как выясняется, исчерпаемое и не являющееся константой) также представляет собой потребительский ресурс. Проблемы его пополнения/обеднения при этом перекладываются на общественность или страны — поставщики этого ресурса в глобальной системе. Когда эти «поставщики» начинают претендовать, в том числе и коллективно, на собственные выгоды и *равноправие* в сложившемся укладе, их даже допускаемые международными договоренностями концепции и работоспособные технологии тормозятся различными скрытыми и явными ограничителями.

Со своей стороны климатический курс БРИКС и границы его амбиций позволяют судить о том, выступает ли само объединение в кризисных условиях «системной» или «несистемной» силой. Ограничится ли оно лишь частичной перестройкой имеющихся реалий, скорректировав их в своих интересах, либо окажется способно предложить реальную альтернативу в виде технологического прорыва, в том числе в сфере возможностей зеленых технологий, ухода от роли «ресурса» человеческого, природного и прочих видов капитала?

Потенциал климатической политики БРИКС действительно велик. Реализуется он при условии самостоятельного, не реактивного, но проактивного подхода, в случае если группа возьмет на себя смелость объединенными усилиями возглавить процесс борьбы за климат. Многие исследователи считают данную перспективу вполне достижимой[16] [Макаров, Хлебнова, Шуранова 2024; Huifang Tian 2015]. Некоторые эксперты усматривают в таком подходе сценарии не просто экономической «эмансипации», не догоняющего, но и опережающего развития [Das, Chaturvedi 2021: 138]. Окно инновационных возможностей, сулящих в перспективе и международно-политические преобразования, здесь гипотетически открывается, поскольку действительно: «Ни одна крупная страна в истории не достигла высокого уровня развития без использования значительных объемов ископаемого топлива. Таким образом, содействие развитию при одновременной работе по смягчению последствий изменения климата (и адаптации к ним) — это нечто новое» [de Moraes 2021: 141]. То есть, развивая климатическое направление, БРИКС способно внести реальную лепту в урегулирование одной из ключевых *долгосрочных кризисных тенденций* системы. Здесь перед ним открывается перспектива расширения спектра «зеленых задач»,

[16] *Близнецкая Е.* Анализ климатических инициатив России в БРИКС // Российский совет по международным делам. 07.06.2024. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/analiz-klimaticheskikh-initsiativ-rossii-v-briks/?bx_sender_conversion_id=13088665 (дата обращения: 10.04.2025).

ухода от простого совместного давления на страны Первого мира с целью получения компенсаций, финансовой и технической поддержки в виде передачи уже разработанных соответствующих технологий в сторону продвижения собственного альтернативного курса[17].

Заключение

Экологическое неблагополучие и чувствительное негативное воздействие климатической трансформации фактически на все сферы жизнедеятельности человека, включая экономическую, социальную, политическую и пр. ее составляющие, отражают общую кризисную ситуацию современной мир-системы. С этой точки зрения сложившийся международный режим в виде институциональных структур и договоренностей, касающихся климата, также сконцентрировал в себе все мировые системные противоречия и зачатки дальнейших тенденций.

Внутри рамок этого режима, приверженность которому формально демонстрируют все участники, наметился разлом по линии, совпадающей с мир-системным делением «центр–периферия», Глобальный Север — Глобальный Юг, «поставщик технологий — поставщик ресурса». Такое деление иллюстрирует фактическое *неравенство субъектов режима*. Его правила, несмотря на юридически зафиксированное допущение посильного и рентабельного для каждого члена участия, определяет традиционный «центральный» лидер. При этом попытки представителей другого лагеря воспользоваться своим ресурсным преимуществом для перехода в новый технологический статус пресекаются посредством механизмов, зачастую противоречащих международному праву. Речь в данном случае идет не о предоставлении «достаточного» финансирования и технологий в целях системного (консервирующего) догоняющего «развития», а о претензиях представителей Глобального Юга преодолеть «периферийные» рамки и закрепить полноценное лидерское положение в новом полицентричном мире.

В этой ситуации климатический курс государств — участников БРИКС, позиционирующей себя в качестве представительной группы Глобального Юга, можно рассматривать как заявку на коллективное лоббирование интересов этой части мир-системы в международной климатической политике.

Позиция объединения на данном этапе не противопоставлена существующим официальным договоренностям на уровне ООН, но сводится к требованию учета особенностей всех участников и их потребностей

[17] Это мнение оспаривают исследователи левых взглядов. Согласно их точке зрения, БРИКС стремится лишь к переделу климатического рынка, укрепляя своими действиями существующую систему. Все страны группы они характеризуют как капиталистические по сути, а в логике данной формации одновременно устранить проблемы глобального потепления и международного (и социального) неравенства невозможно. См. например: *Bond P., Fuentes F.* US imperial dominance, BRICS sub-imperialism and unequal ecological exchange. 10.01.2024. URL: https://www.cadtm.org/US-imperial-dominance-BRICS-sub-imperialism-and-unequal-ecological-exchange (accessed: 15.08.2025).

дальнейшего развития. Стремления БРИКС нацелены на диверсификацию решений, многообразие подходов и равенство сторон в формировании и развитии глобального климатического режима. Они могут быть приняты прочими международными игроками к сведению, но за этим должны последовать реальные шаги по реализации Парижского соглашения по климату на паритетных началах. В таком виде участие и предложения БРИКС могут способствовать стабилизации международной климатической работы и мир-системы в целом.

В случае же дальнейшего форсирования неприемлемых для Глобального Юга условий энергетического перехода гипотетически возможна «радикализация» климатической программы БРИКС. В частности, нельзя исключить попыток разработок реально альтернативных Парижскому соглашению схем и стремления группы, ассоциирующей себя с «мировым большинством», перехватить лидерство в мировой климатической политике в целом. Реальность подобных сценариев сильно зависит от внутренней сплоченности сообщества и в немалой степени от оставленного за скобками статьи социально-политического фактора. При этом именно такой вариант развития событий чреват серьезным (мир) системным дисбалансом с непрогнозируемым исходом.

Поступила в редакцию / Received: 25.10.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 10.04.2026
Принята к публикации / Accepted: 15.05.2026

Библиографический список

Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. Москва : Логос, 2003. 368 с.

Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. Москва : Издательский дом «Территория будущего», 2006. 248 с.

Варнавский В.Г. Мировая экономика: драйверы, тренды, перспективы. Москва : Весь мир, 2025. 416 с.

Жуков С.В. Представляем номер «Современный энергетический переход: экономика, технологии, регуляторика» // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2025. № 3. С. 10–13.

Ковалев Ю.Ю., Поршнева О.С. Страны БРИКС в международной климатической политике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 64–78. http://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-64-78 EDN: YUJIDQ

Макаров И.А., Хлебнова А.Д., Шуранова А.А. На пути к глобальному зеленому лидерству: приоритеты сотрудничества стран БРИКС по вопросам борьбы с изменением климата. НИУ ВШЭ, Центр международных и сравнительно-правовых исследований, 2024.

Ровинская Т.Л. Экологическая политика КНР к началу мирового кризиса 2020-х гг.: цели и результаты // Мировая экономика и международные отношения. 2025. Т. 69. № 9. С. 104–115. http://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-9-104-115 EDN: KCECWY

Сахаров А.Г. Прогресс стран БРИКС в достижении климатических и экологических целей Повестки 2030 // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 1. С. 106–128. http://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-01-05 EDN: ZQBRHB

Amin S. Accumulation and Development: A Theoretical Model // Review of African Political Economy. 1974. No. 1. (Aug.–Nov.). P. 9–26. URL: https://www.jstor.org/stable/3997857?seq=1 (accessed: 10.04.2025).

Das P., Chaturvedi V. Accelerating Finance, Capacity Development and Innovation in BRICS for a Net-Zero Future // The Future of BRICS / ed. by J. Preeti Lourdes. New Delhi : Observer Research Foundation, 2021. P. 134–140.

Gunder Frank A. The Development of Underdevelopment // The Political Economy of Development and Underdevelopment / ed. by K.P. Jameson, Ch.K. Wilber. New York : McGraw-Hill Inc., 1996. P. 107–117.

Huifang Tian. Gathering Momentum for BRICS Cooperation on Climate Change // VII BRICS Academic Forum / ed. by G. Toloraya. Moscow: NCR BRICS, 2015. P. 267–280. URL: https://nkibrics.ru/system/asset_publications/data/5708/0dd6/6272/6943/9e02/0000/original/VII_BRICS_Academic_forum.pdf?1460145622 (accessed: 10.04.2025).

de Moraes R.F. Reviving a Global South Stance on Climate Action // The Future of BRICS / ed. by Preeti Lourdes John. New Delhi : Observer Research Foundation, 2021. P. 141–151.

Sousa Soidan G. BRICS e a transformação da cooperação global diante da emergência climática // BRICS Brasil 2025. 03.07.2025. URL: https://brics.br/pt-br/noticias/artigos/brics-e-a-transformacao-da-cooperacao-global-diante-da-emergencia-climatica (accessed: 26.07.2025).

Qi Shen Xiaolong Zou. Evolution of Cooperation among BRICS Countries in Global Climate Governance: From UNFCCC to the Paris Agreement // Вестник МГИМО Университета. 2024. № 17(1). С. 65–85. http://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-1-94-65-85 EDN: JSYDOG

References

Amin, S. (1974). Accumulation and Development: A Theoretical Model. *Review of African Political Economy*, *1 (Aug.–Nov.)*, 9–26. Retrieved April 10, 2025, from https://www.jstor.org/stable/3997857?seq=1

Das, P., Chaturvedi, V. (2021). Accelerating Finance, Capacity Development and Innovation in BRICS for a Net-Zero Future. In J. Preeti Lourdes (Ed.), *The Future of BRICS* (pp. 134–140). New Delhi: Observer Research Foundation.

Gunder Frank, A. (1996). The Development of Underdevelopment. In K.P. Jameson & Ch.K. Wilber (Eds.), *The Political Economy of Development and Underdevelopment* (pp. 107–117). New York: McGraw-Hill Inc.

Huifang Tian. (2015). Gathering Momentum for BRICS Cooperation on Climate Change. In G. Toloraya (Ed.), *VII BRICS Academic Forum* (pp. 267–280). Moscow: NCR BRICS. Retrieved April 10, 2025, from https://nkibrics.ru/system/asset_publications/data/5708/0dd6/6272/6943/9e02/0000/original/VII_BRICS_Academic_forum.pdf?1460145622

Kovalev, Yu.Yu., & Porshneva, O.S. (2021). BRICS Countries in International Climate Policy. *Vestnik RUDN. International Relations, 21(1)*, 64–78. (In Russian). http://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-64-78.

Makarov, I.A., Khlebnova, A.D., & Shuranova, A.A. (2024). *Towards global green leadership: Priorities for BRICS cooperation on combating climate change*. Higher School of Economics, Center for International and Comparative Legal Studies. 110 p. (In Russian).

de Moraes R.F. (2021). Reviving a Global South Stance on Climate Action. In P. Lourdes John (Ed.), *The Future of BRICS* (pp. 141–151). New Delhi: Observer Research Foundation.

Qi Shen, Xiaolong Zou. (2024). Evolution of Cooperation among BRICS Countries in Global Climate Governance: From UNFCCC to the Paris Agreement. *MGIMO Review of International Relations*, *17(1)*, 65–85. http://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-1-94-65-85.

Rovinskaya, T.L. (2025). The PRC's environmental policy up to the world crisis of 2020s: Goals and results. *World economy and international relations*, *9(69)*, 104–115. (In Russian). http://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-9-104-115.

Sakharov, A.G. (2024). BRICS Countries' progress in achieving the climate and environmental goals of Agenda 2030. *International Organisations Research Journal*, *1(19)*, 106–128. (In Russian). http://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-01-05.

Sousa Soidan, G. (03.07.2025). *BRICS e a transformação da cooperação global diante da emergência climática*. BRICS Brasil 2025. (In Portuguese). Retrieved July 26, 2025, from https://brics.br/pt-br/noticias/artigos/brics-e-a-transformacao-da-cooperacao-global-diante-da-emergencia-climatica

Varnavskii, V.G. (2025). *The Global Economy: Drivers, Trends, Prospects*. Moscow: Ves' mir Publ. 416 p. (In Russian).

Wallerstein, I. (2003). *The end of the world as we know it. Social Science for the Twenty-First Century*. Moscow: Logos. 368 p. (In Russian).

Wallerstein, I. (2006). *Worldsystems Analysis An Introduction*. Moscow: Territoriya budushchego Publ. 248 p. (In Russian).

Zhukov, S.V. (2025). Presenting the Issue "A current state of the energy transition: Economics, technology and regulations." *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, *3,* 10–13. (In Russian).

Сведения об авторе:

Короткова Алла Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела международно-политических проблем, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (e-mail: akorotkova@imemo.ru) (ORCID: 0000-0002-8861-6613, SPIN-код: 7369-5687, AuthorID: 352281, Scopus ID: 57216508910, WOS ID: AAX-1218-2020).

About the author:

Alla V. Korotkova — Ph D in History, Senior Researcher, Department for International Political Problems, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO) (e-mail: akorotkova@imemo.ru) (ORCID: 0000-0002-8861-6613, SPIN-code: 7369-5687, AuthorID: 352281, Scopus ID: 57216508910, WOS ID: AAX-1218-2020).

RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 3 710–730**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-3-710-730
EDN: IXPWNT

Исследовательская статья / Research article

Факторы формирования коалиций развивающихся государств в рамках переговорного процесса Рамочной конвенции ООН об изменении климата

А.А. Чистикова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», *Москва, Российская Федерация*

✉ ashuranova@hse.ru

Аннотация. Международный политический процесс по климату институционально оформлен прежде всего в Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН) и ее Конференциях сторон (КС), где согласуются основные направления климатической политики и распределение ответственности. Переговоры структурированы вокруг межгосударственных коалиций. Исторически коалиции формировались по статусу в самой Конвенции, т.е. принадлежности к ее Приложениям. Однако несмотря на то, что в этих условиях общие интересы развивающихся государств представлены единой крупнейшей коалицией — «„Группой 77“ и Китаем», сформировались и более узкие группы. Предложено выделить категории таких коалиций согласно общим механизмам их формирования. Для каждой коалиции приводятся ключевые характеристики их переговорных позиций, а затем проводится количественный анализ релевантных в климатическом контексте факторов, по которым данные группы могут демонстрировать однородность. Сделан вывод о том, что для многих из рассмотренных коалиций характерна однородность по показателям, релевантным для формирования их переговорной позиции. Выявлены причины низкой однородности ряда коалиций, что характерно для групп, сформированных в первую очередь с политической ориентацией, и коалиций стран с общими географическими особенностями. Для различных коалиций показатели, по которым наблюдается их однородность, различаются в зависимости от механизмов их формирования и принципов, на которых основывается их переговорная позиция.

Ключевые слова: международные климатические коалиции, климатические переговоры, Рамочная конвенция ООН об изменении климата, развивающиеся государства

© Чистикова А.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Благодарности. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2025 г.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Чистикова А.А.* Факторы формирования коалиций развивающихся государств в рамках переговорного процесса Рамочной конвенции ООН об изменении климата // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 3. С. 710–730. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-710-730 EDN: IXPWNT

Drivers of Coalition Formation Among Developing Countries in the UNFCCC Process

Anna A. Chistikova

HSE University, *Moscow, Russian Federation*

✉ ashuranova@hse.ru

Abstract. The international political process on climate change is institutionally enshrined primarily in the United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC) and its Conferences of the Parties (COPs), where the main directions of climate policy and the allocation of responsibilities are agreed upon. Negotiations are structured around intergovernmental coalitions. Historically, coalitions were formed based on status within the Convention itself — that is, membership in its Annexes. However, although under these conditions the common interests of developing countries are represented by a single, largest coalition — the "Group of 77 and China" — narrower groups have also emerged. It is proposed to categorize such coalitions according to the general mechanisms by which they are formed. For each coalition, the key characteristics of their negotiating positions are outlined, followed by a quantitative analysis of factors relevant to the climate context on which these groups may demonstrate homogeneity. It is concluded that many of the coalitions examined are characterized by homogeneity in terms of indicators relevant to the formation of their negotiating positions. The reasons for the low homogeneity of a number of coalitions have been identified; this is characteristic of groups formed primarily along political lines and of coalitions of countries with common geographical features. For different coalitions, the indicators along which their homogeneity is observed vary depending on the mechanisms of their formation and the principles underlying their negotiating positions.

Keywords: international climate change coalitions, climate change negotiations, United Nations Framework Convention on Climate Change, developing countries

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at HSE University and with the grant support of the Faculty of World Economy and International Affairs of the HSE University in 2025.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Chistikova, A.A. (2026). Drivers of coalition formation among developing countries in the UNFCCC process. *RUDN Journal of Political Science, 28*(3), 710–730. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-710-730 EDN: IXPWNT

Введение

Климатические изменения становятся неотъемлемой частью мировой социально-экономической и политической динамики. Необходимость борьбы с климатическим кризисом требует коллективных усилий, а следовательно, — согласования интересов и распределения ответственности для их реализации. Это происходит в условиях того, что государства мира существенно отличаются по уровню развития, структуре экономики, историческому вкладу в климатические изменения и степени уязвимости к ним.

Ключевой институциональной площадкой современного международного климатического процесса выступает РКИК ООН, в рамках которой различия в интересах и возможностях государств получают политическое выражение и становятся предметом переговоров о распределении обязательств, финансовых ресурсов и технологической поддержки. При этом их динамика и исход во многом определяются не отдельными государствами, но их коалициями — переговорными группами, сформированными для повышения качества и эффективности репрезентации национальных интересов по ключевым вопросам климатической политики [Bliznetskaya 2023; Chistikova 2025]. В рамках переговорного процесса РКИК ООН функционирует 16 коалиций[1].

Развивающиеся страны репрезентируются прежде всего «„Группой 77“ и Китаем» — крупнейшей коалицией, насчитывающей 134 члена и выражающей общие интересы стран Глобального Юга в контексте митигации климатических изменений и адаптации к ним. Однако, несмотря на наличие единой переговорной группы, на протяжении всего периода развития международной климатической политики развивающиеся государства формировали коалиции в более узком составе — от малых островных государств и ряда региональных объединений до группы государств — обладателей тропических лесов [Kasa, Gullberg, Heggelund 2008]. Наиболее современная динамика включает формирование Группы горных государств в 2023 г. и Группы развивающихся стран, не имеющих выхода к морю, в 2025 г. Между отдельными коалициями переговорные позиции могут существенно отличаться [Vihma et al. 2011].

С теоретических позиций основной целью формирования коалиций является получение выигрыша и максимизация выгод [de Swaan 1973], т. е. коалиции имеют противоположно направленные интересы [Liska 1962]. Однако климатические изменения задают контекст, в котором деятельность коалиций не может полностью противоречить друг другу, так как действия всех государств так или

[1] Active Negotiating Groups (16) in the UNFCCC process. URL: https://unfccc.int/documents/648981 (accessed: 07.11.2025).

иначе направлены на решение глобальной проблемы. Тем не менее в ее рамках существует целый пул вопросов, связанных с влиянием на процесс принятия решений, распределением ролей в формулировании ориентиров международной климатической политики и ответственности в реализации климатических действий, по которым интересы государств не совпадают — именно вокруг них и строится деятельность коалиций.

Существует возможность выделить несколько подходов к тому, в соответствии с какими факторами происходит формирование коалиций развивающихся государств в рамках РКИК ООН.

С одной стороны, выступление в составе коалиции является одной из ключевых стратегий усиления своей переговорной позиции для развивающихся стран [Chasek, Rajamani 2003]. Кроме того, многие из них могут вступать сразу в несколько групп с целью улучшения возможностей и расширения масштаба репрезентации своей позиции в рамках переговоров [Yi 2003], поскольку самостоятельно могут позволить себе направить только ограниченную делегацию. Объединение в коалиции позволяет более организованно выстроить переговорный процесс, так как позиции выражаются группами консолидированно в противоположность необходимости высказывания своей позиции каждым государством по отдельности; некоторые коалиции также адресуют специфичные вопросы, такие как проблемы дождевых лесов или горных экосистем в связи с изменением климата, и привлекают к ним внимание [Bhandary 2017; Klöck 2020].

С другой стороны, переговорная динамика не может являться единственным объяснением того, почему именно те или иные государства объединились в конкретные группы. Большинство исследователей придерживаются закрепившегося в коалиционной теории положения о том, что необходимым условием для формирования коалиции является наличие общих позиций и целей ее членов, то есть сходства по материальным и идейным параметрам [Axelrod 1970; Groennings 1970; Flanagan 1973; Rapoport 1989]. Выявление факторов, которые определяют общность позиций стран и, таким образом, способствуют формированию и стабильности коалиций, представляет основную цель данной статьи. Мы придерживаемся подхода, согласно которому интересы стран в международных климатических переговорах и их коалиционное поведение определяются объективными внутренними факторами, связанными с социально-экономическим и политическим развитием, что, в свою очередь, обеспечивает идейное сходство их переговорных позиций [Costantini et al. 2016; Wu, Thill 2018].

Структура статьи выстраивается по следующей логике. Во-первых, рассматриваются историко-институциональные линии формирования коалиций в рамках РКИК ООН и раскрываются позиции, разделяемые развивающимися государствами в целом. Во-вторых, предпринимается попытка категоризации актуальных групп развивающихся стран согласно механизмам их формирования. Наконец, проводится количественный анализ релевантных в климатическом контексте факторов, по которым данные группы могут демонстрировать однородность, и делаются выводы на основе соотнесения результатов анализа с выявленными категориями коалиций.

Историко-институциональные основы коалиционного взаимодействия в рамках РКИК ООН

РКИК ООН представляет собой рамочный документ, устанавливающий основы климатического сотрудничества государств. В рамках процесса РКИК было создано два ключевых для международной климатической политики документа: Киотский протокол и затем — Парижское соглашение.

РКИК имеет два приложения, в первое из которых входят промышленно развитые страны и ряд переходных экономик (по состоянию на 1992 г.), в то время как Приложение II включает только первые из них. На государства обоих приложений возлагается основная часть прописанных в Конвенции обязанностей, в том числе на страны, включенные в Приложение II, — ответственность по финансированию перехода к низкоуглеродному развитию и адаптации к климатическим изменениям в развивающихся странах. В свою очередь, не входящие в оба приложения страны преимущественно являются именно развивающимися. Таким образом, Приложения к РКИК выступают институтом закрепления различий в обязательствах государств в системе распределения климатической ответственности.

Это институциональное разграничение структурирует интересы участников и создает основу для их коалиционного поведения, так как ключевые противоречия в рамках международных климатических переговорах во многом продолжают определяться именно этим разделением. В особенности это касается вопросов климатического финансирования и передачи технологий развивающимся государствам, которые находятся в числе наиболее остро обсуждаемых на последних КС РКИК, являющихся ее руководящим органом. В контексте таких вопросов позиции развивающихся государств, как правило, не противоречат друг другу и выражаются «„Группой 77“ и Китаем». В свою очередь, интересы развитых стран представлены двумя группами — Европейским союзом (ЕС) и группой, изначально называвшейся JUSSCANNZ (Япония, США, Швейцария, Канада, Австралия, Норвегия и Новая Зеландия), а в 1997 г. присоединившей ряд стран и трансформировавшейся в Зонтичную группу.

Эти три группы сформировались согласно своему историческому статусу. ЕС функционирует как группа в составе соответствующего объединения. Зонтичная группа[2] была образована из стран Приложений I и II, не входивших в ЕС, и включила страны — члены СНГ из Приложения I. В свою очередь, «Группа 77» — крупнейшее объединение развивающихся стран. Статус имеет важное значение в контексте членства в группах: так, Мексика и Республика Корея покинули «Группу 77» в 1994 и 1996 гг. соответственно в связи с присоединением к ОЭСР, хотя страны, ставшие членами ОЭСР после 2020 г. (в частности, Колумбия и Чили), пока сохраняют членство в группе, что свидетельствует об относительно длительном процессе перехода.

[2] До 2022 г. включала Россию и Беларусь.

«Группа 77» берет начало вне климатического контекста: коалиция образовалась в 1964 г. в ходе первой сессии Конференции ООН по торговле и развитию. Группа ориентирована на продвижение экономических интересов развивающихся государств и усиление их позиции в рамках переговоров по международной торговле и экономике в целом в рамках системы ООН, а также развитие сотрудничества в этих сферах между самими развивающимися странами. Тесная связь климатических изменений и необходимости борьбы с ними с социально-экономическим развитием предопределила использование формата «Группы 77» и в климатических переговорах [Penetrante 2013]. Перенос данного формата снизил издержки организации развивающихся государств: между ними уже существовали каналы координации и практики согласования позиций.

В общих подходах к ряду принципиальных вопросов международной климатической политики позиции развивающихся стран совпадают. Одним из основных является вопрос о необходимости гармоничного сочетания низкоуглеродной трансформации и продолжения социально-экономического роста. Данные государства последовательно продвигают позицию о том, что наибольший ущерб окружающей среде был нанесен развитыми экономиками в процессе индустриализации: использование ими дешевой ископаемой, в первую очередь угольной, энергии и отсутствие учета экологических стандартов в промышленном развитии позволило обеспечить их экономический статус и высокий уровень благополучия. В свою очередь, развивающиеся страны уже не получат подобного беспрецедентного шанса и вынуждены соблюдать множество экологических норм.

Развивающимися странами подчеркивается неоспоримость исторической ответственности стран развитых за повышение глобальной температуры и, как следствие, необходимость несения ими основного бремени митигации. Подобный дискурс также стал центральным элементом концепции «климатической справедливости», которая подчеркивает, что наиболее уязвимы и подвержены наибольшему ущербу от климатических изменений те индивиды, сообщества и государства, которые вносят наименьший вклад в то, что данные изменения произошли и продолжают нарастать. «Климатическая справедливость» во многом представляет моральную составляющую аргументов развивающихся государств и в обсуждениях климатического финансирования, которое также является одним из принципиальных вопросов международной климатической политики и в последние годы стало центральной темой КС РКИК. Другим связанным вопросом является передача технологий от развитых стран развивающимся. Следует подчеркнуть, что предметом является не только сам объем международной поддержки, но и более принципиальный вопрос того, какие государства должны нести основные издержки климатического перехода и насколько легитимно признание потребностей в развитии основанием для дифференциации обязательств. В целом подобные ключевые вопросы актуальны для всех развивающихся стран и выражаются через «Группу 77 и Китай».

Категории коалиций развивающихся государств

«Группа 77 и Китай» продолжает оставаться «зонтичной» коалицией, в общих вопросах выражающей интересы всех развивающихся государств [Klöck et al. 2021], однако по многим конкретным вопросам интересы ее членов разнятся и в некоторых случаях даже являются полярными. Разногласия, возникавшие с самых начальных этапов развития международного климатического режима, привели к тому, что развивающиеся государства представлены в целом ряде коалиций с более узким членством, нежели «Группа 77». В табл. 1 приведен список коалиций, активных по состоянию на 2025 г. Данные коалиции можно разделить на несколько категорий согласно механизмам их формирования (одна коалиция может входить в несколько категорий, так как соответствует одновременно ряду механизмов).

Таблица 1 / Table 1

Активные коалиции государств, не являющихся стороной Приложения I РКИК, в 2025 г. / Active coalitions of states that are not parties to Annex I of the UNFCCC in 2025

Переговорная группа / Negotiation group	Год создания / Established in
Африканская группа переговорщиков / African Group of Negotiators ((AGN)	1995
Группа по изменению климата Боливарианского альянса для народов нашей Америки / The Climate Change Group of the Bolivarian Alliance for the Peoples of Our America (ALBA)	2004
Независимый альянс стран Латинской Америки и Карибского бассейна / Independent Association of Latin America and the Caribbean (AILAC)	2012
Альянс малых островных государств / Alliance of Small Island States (AOSIS)	1990
Арабские государства / Arab Group (АГ)	1945
BASIC	2009
Коалиция наций тропических лесов / Coalition for Rainforest Nations (CfRN)	2005
Группа развивающихся стран-единомышленников / яLike-Minded Developing Countries (LMDC)	2007
Группа горных государств / Mountainous States Group (MG)	2010, 2023
Группа развивающихся стран, не имеющих выхода к морю / Group of Landlocked Developing Countries (LLDC)	2025
Группа Юг / Grupo SUR – GS	2006 (in ABU)
Группа наименее развитых стран / Least Developed Countries (LDC)	2000

Примечание. Годы создания коалиций приводятся согласно данным ООН и соответствуют дате начала их функционирования, в том числе вне климатического контекста : Party Groupings. URL: https://unfccc.int/process-andmeetings/parties-non-party-stakeholders/parties/party-groupings(accessed: 07.11.2025).
Note. The years of coalition formation are provided according to UN data and correspond to the start date of their operation, including outside the context of climate. Retrieved November 7, 2025, from https://unfccc.int/process-andmeetings/parties-non-party-stakeholders/parties/party-groupings

Источник: составлено на основе данных РКИК ООН : Active Negotiating Groups (16) in the UNFCCC process. URL: https://unfccc.int/documents/648981 (accessed: 07.11.2025).
Source: compiled by A.A. Chistikova based on data from the UNFCCC. Retrieved November 7, 2025, from https://unfccc.int/documents/648981

Коалиции наиболее уязвимых с физико-географической и экономической точек зрения государств. К данной группе относятся прежде всего AOSIS и LDC, состав которых частично пересекается. Для малых островных государств изменение климата представляет не просто вызов, реализация которого повлечет ущерб в будущем, но процесс, напрямую угрожающий самому их существованию. AOSIS исторически придерживались одной из наиболее амбициозных позиций в международной климатической политике. Именно эта коалиция инициировала включение цели в 1,5 °C в международное климатическое соглашение: впервые она была озвучена ими еще на КС-14, а после Копенгагенского соглашения, которое ориентировалось только на цель в 2°C, AOSIS широко использовала возможности процессов РКИК, чтобы в итоге добиться ее внесения в Парижское соглашение [de Águeda Corneloup, Mol 2014]. LDC фокусируются на защите своих интересов с точки зрения уязвимости и адаптации к климатическим изменениям, передачи технологий и укрепления потенциала. LDC представляют собой государства, выбросы парниковых газов которых до сих пор занимают крайне малую долю в глобальных выбросах; в связи с этим их позиция фокусируется вокруг необходимости усиления амбициозности климатической политики крупнейших государств и расширения климатического финансирования, особенно в части адаптации [Klöck et al. 2021]. Достигнув определенного уровня социально-экономических показателей, страны периодически регулярно «выпускаются» из этой категории государств.

Одним из основных методов достижения переговорного успеха для таких коалиций становится «назвать и пристыдить» (*naming and shaming*) [de Águeda Corneloup, Mol 2014]. Это означает применение публичных дискурсивных стратегий, позволяющих «назвать» основных «виновников» — крупнейших эмитентов парниковых газов, производителей ископаемого топлива или государства с недостаточно амбициозной климатической политикой — и апеллировать к их репутации и престижу, «пристыдить» и мотивировать к принятию либо более серьезных обязательств и более жесткого национального климатического регулирования [Ruiz-Campillo, Rubial 2025]. В данном случае государства с наименьшей по объективным параметрам переговорной силой способны оказать существенное воздействие на более сильных акторов [Emerson 1962] через механизмы репутации и легитимности.

Коалиции, сформированные в соответствии с категориями или группами ООН. «Группа 77 и Китай» не является единственной коалицией развивающихся государств, сформировавшейся в отличном от РКИК контексте. В частности, система ООН подразделяет государства мира на пять региональных групп, которые актуальны и для РКИК: например, именно внутри групп поочередно происходит выбор государства, которое примет КС. Однако формальная институционализация в рамках ООН сама по себе не является основанием для активизации коалиционного поведения: среди регионов действующую переговорную группу представляют собой только страны Африки, сформировавшие Африканскую группу переговорщиков (AGN) в ходе КС-1. Кроме того, в 2000 г. была сформирована LDC, к которым ООН относит государства

согласно их социально-экономическому статусу с 1971 г., обеспечивая им таким образом возможности для приоритетного получения международной помощи, технологий и содействия в укреплении потенциала. Отдельно необходимо выделить AOSIS, включающий практически все малые островные развивающиеся государства (МОРАГ), выделенные ООН, которые являются сторонами РКИК, однако полностью AOSIS и МОРАГ не пересекаются.

Соответственно, к этой группе также относится LDC и частично — AOSIS, а также AGN, которая представляет в значительной степени схожие с LDC позиции, фокусируясь на адаптации, финансировании и технологиях. AGN является относительно гетерогенной группой — например, ЮАР, Алжир и Нигерия являются крупными производителями углеводородов [Yamin, Depledge 2004]. Во многом по этой причине, а также ввиду того, что многие африканские государства также классифицируются как наименее развитые, некоторые страны континента являются рекордсменами по количеству переговорных групп, к которым они принадлежат [Klöck et al. 2021]. Схожая ситуация характерна и для AOSIS, страны-члены которого различаются и по размеру и численности населения, и в культурном плане [Klöck, Risi 2025], а также существенно географически удалены друг от друга.

Коалиции, образованные членами региональных или субрегиональных объединений. К данной категории можно отнести упомянутые Арабские государства, а также три коалиции латиноамериканских государств — Группу по изменению климата Боливарианского альянса для народов нашей Америки (ALBA), Независимый альянс стран Латинской Америки и Карибского бассейна (AILAC) и Группу Юг (Grupo SUR — GS). Если между арабскими странами отсутствует как полное политическое единство, так и экономические сходства, — учитывая, что только некоторые из них являются крупнейшими экспортерами ископаемого топлива, латиноамериканские коалиции относительно связаны как минимум в политическом и идентичностном плане. ALBA является организацией (в переговорной группе по климату представлены не все ее члены), объединяющей страны с социалистическими и социал-демократическими правительствами и основанной на соответствующем видении региональной экономической интеграции, которое берет начало в историческом проекте С. Боливара и предполагает региональное единство и автономию от США. В климатическом контексте это отражается в сильной переговорной риторике с призывами к равенству и справедливости, подчеркиванием исторической ответственности развитых стран и противодействием рыночным механизмам углеродного регулирования [Watts, Depledge 2018].

Другой региональный проект, выражаемый странами AILAC, в практическом плане на современном этапе реализовался в Тихоокеанском альянсе, созданном на основе идей экономической либерализации и ориентации на открытые рынки, и ориентируется на развитие торговли с формирующимися экономиками, особенно азиатскими, и большее сотрудничество со странами Запада [Ibid.]. В климатических переговорах AILAC — одна из редких групп, занимающих центристскую позицию и стремящаяся наладить сотрудничество

между различными коалициями, включая группы развитых и развивающихся стран; не подвергая сомнению необходимость лидерства первых в митигации климатических изменений, AILAC призывает и последние активизировать климатические усилия [Blaxekjær, Nielsen 2015].

Наконец, GS (бывшая группа ABU — Аргентина, Бразилия, Уругвай) включает в себя практически всех членов МЕРКОСУР за исключением Боливии. Одной из особенностей позиции данной группы является активное участие в дискуссиях по поводу климатической политики в сельском хозяйстве, что отражает экономические особенности ее участниц [Klöck et al. 2021]. Наличие сразу нескольких примеров в рамках данного механизма позволяет говорить о том, что существование институтов и предшествующего опыта регионального сотрудничества позволяет снижать издержки координации позиций для государств в том числе и в других сферах, включая климатическую.

Коалиции, объединенные по политическим или экономическим принципам. В эту категорию можно включить BASIC (Бразилия, Индия, Китай, ЮАР) и Группу развивающихся стран-единомышленников (LMDC). Последние представляют собой объединение, выступающее на общих позициях развивающихся государств и противодействующее какой-либо их трансформации: это включает и историческую ответственность развитых стран, и необходимость наращивания климатического финансирования, передачи технологий, при том что для самих развивающихся стран принятие на себя новых климатических обязательств нежелательно [Blaxekjær, Nielsen 2015]. В свою очередь, BASIC состоит из крупнейших растущих экономик, привлечение которых к климатическим действиям изначально было приоритетным для вовлечения в глобальные усилия по борьбе с изменением климата. Страны BASIC сыграли ключевую роль в выработке Копенгагенского соглашения: его финальная версия согласована президентом США Б. Обамой именно с лидерами Бразилии, Индии, Китая и ЮАР. В рамках климатических переговоров BASIC, как и LMDC, акцентирует внимание на том, чтобы быть выразителем интересов всех стран Глобального Юга. Группа продвигает общие актуальные для развивающихся стран позиции, а также необходимость согласования их интересов и сотрудничества с целью поддержания переговорной силы в противовес развитым странам [Brütsch, Papa 2013].

Коалиции стран с общими географическими особенностями. К этой группе относится AOSIS как коалиция островных государств, а также Коалиция наций тропических лесов (CfRN), Группа горных государств (MG) и Группа развивающихся стран, не имеющих выхода к морю (LLDC). Особенности географии этих стран определяют их особую уязвимость к климатическим изменениям, общую для каждой отдельной группы. Такие коалиции стремятся акцентировать внимание международного сообщества на связанных с ними проблемах, а также продвинуть в рамках переговоров повестку адаптации. Формирование подобных коалиций является примером «нишевой дипломатии» — концентрация усилий на конкретном,

специфичном вопросе и приобретение в нем значимой переговорной силы и возможностей оказывать значимое влияние на повестку дня и принимаемые решения [Cooper 1997].

Рассмотренные коалиции не противоречат общей позиции «Группы 77 и Китая», а скорее дополняют ее. Все выделившиеся из «Группы 77» коалиции воспринимались скорее как ее подгруппы: это отразилось, например, в том, что в ходе переговоров в рамках КС, как правило, вначале выступает представитель «Группы 77», за которым следуют представители подгрупп, которые обязательно подчеркивают свою поддержку и согласие с заявлением «большой» группы. Помимо процедурных особенностей, это имеет и важнейший смысл для коалиционной динамики в рамках РКИК. Восприятие коалиций в качестве подгрупп «Группы 77» скорее как «наслоения», нежели раскола в единой коалиции Глобального Юга, предполагает, что в них не могут быть задействованы страны, не включенные в «Группу 77» (исключение составляют только несколько малых островных государств, участвующих в AOSIS) [Klöck et al. 2021]. Во многом именно этим можно объяснить сохраняющийся «барьер» между развитыми и развивающимися странами в контексте формирования коалиций в рамках РКИК.

Анализ факторов однородности коалиций развивающихся государств

В качестве вспомогательного метода для решения задач исследования использовался количественный анализ факторов однородности коалиций развивающихся государств. Важным условием для формирования и поддержания стабильности коалиций является наличие общих интересов и целей между их членами [Chasek, Rajamani 2003; Klöck 2020]. Данное исследование придерживается подхода, в рамках которого для выявления этих интересов и целей используется набор релевантных в контексте климатических изменений количественных параметров [Costantini, Sforna, Zoli 2016; Wu, Thill 2018]. Были выявлены не позиции государств как таковые, а факторы, которые лежат в их основе и формируют их, что позволило определить сходства либо различия между государствами даже в условиях, когда дискурсивно в рамках переговоров государства выражают не все свои интересы. Например, страны — экспортеры углеводородов и углеродоемкой продукции не будут в явном виде заявлять о стремлении стагнировать прогресс переговоров, в то время как выявление значительной доли доходов от экспорта соответствующих товаров в их ВВП показало бы их сходство по этому параметру. Такой подход и применяется к существующим коалициям развивающихся государств с целью определения параметров, по которым в каждой из них наблюдается наибольшее сходство.

В качестве факторов были избраны показатели, относящиеся к следующим группам: общие физико-географические, климатические, социально-экономические, энергетические. Список показателей основывается на предложенном Costantini с соавт. [Costantini, Sforna, Zoli 2016; Wu, Thill 2018]

с рядом переработок и дополнений. С целью избежания искажения результатов ввиду вариативности данных год от года в анализе используются средние значения каждой переменной за 2021–2023 гг. Исключение составляют показатели темпов обезлесения, взятые за период 2015–2020 гг., и доли населения, затронутой засухой, наводнениями и экстремальными температурами, рассмотренные за период 1990–2009 г., как наиболее актуальные существующие данные. В связи с тем, что значения показателей в ряде случаев представлены не для всех анализируемых государств, для коалиций с более чем 30 % пропусков в данных по конкретному показателю анализ не проводился.

В ходе анализа были рассчитаны отношения дисперсии каждого из параметров внутри коалиции к дисперсиям этих же параметров для всех стран, не входящих в Приложение I РКИК. Более низкое значение данного отношения означает более высокую однородность коалиции по соответствующему параметру, поскольку в таком случае дисперсия внутри коалиции является меньшей, чем дисперсия всех остальных стран в целом. Для проверки статистической значимости был проведен перестановочный тест, в частности, для каждой коалиции и каждого параметра было подготовлено 10 000 множеств размером с коалицию, состоящих из случайно выбранных стран, не входящих в Приложение I РКИК. Для каждого из выбранных множеств также были рассчитаны показатели дисперсии, после чего была рассчитана доля случаев (p-value), в которых разность дисперсии случайно подобранных множеств и средней дисперсии по всем этим множествам была больше или равна разности дисперсии коалиции и средней дисперсии по множествам. Статистически значимыми были признаны те результаты, когда доля таких случаев составляла менее 5 %. Результаты анализа приведены в табл. 2.

Результаты показали, что среди коалиций, наиболее уязвимых с физико-географической и экономической точек зрения государств, LDC демонстрирует высокую однородность по ряду социально-экономических параметров, а также по уязвимости к климатическим изменениям. Это подтверждает справедливость отнесения коалиции к данной категории и свидетельствует о том, что наименее развитые страны являются одними из наиболее уязвимых государств. В свою очередь, AOSIS демонстрирует однородность только по некоторым показателям социального развития; в этой связи следует отметить, что коалиция относится и к некоторым другим категориям, в том числе к коалициям стран с общими географическими особенностями. Расположение на островах определяет общность стран AOSIS в части создания для них основной угрозы одинакового характера от климатических изменений — поднятия уровня моря. Это обусловливает их функционирование в качестве единой сплоченной коалиции в рамках переговоров, однако даже внутри нее государства неодинаковы по социально-экономическому статусу, географии, культуре и политическим особенностям. Данные различия подтверждаются, например, высокой гетерогенностью этих стран по показателю роста ВВП.

Таблица 2

Результаты анализа факторов однородности коалиций развивающихся стран

Группа показателей	Параметр	AGN	ALBA	AILAC	AOSIS	АГ	BASIC	CfRN	MG	LLDC	GS	LDC	LMDC
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Географические показатели	Сельскохозяйственные земли, % от общей площади земель	1	0,3	0,26*	0,76	1,57**	0,63	1	0,4	0,84	0,83	0,82	0,86
	Площадь лесов, % от общей площади земель	0,9	0,29	0,24*	1,22	0,04**	0,45	0,99	0,18*	0,62*	0,61	0,85	0,55*
	Площадь лесов, % от мировой площади лесов	0,19	0,23	0,29	0,02	0,01	15,58*	0,15	0,01	0,06	16,8*	0,23	1,04
	Темпы вырубки лесов, 2015–2020		0,15	0,21			7,71				8,75*		
Социально-экономические показатели	Прирост населения, в год, %	0,38**	0,41	0,1	0,85	1,03	0,18	0,5**	0,64	0,9	0,13	0,6*	0,69
	Сельское население, % от общей численности населения	0,69**	0,17	0,27*	1,11	0,85	0,66	0,89	0,63	0,58**	0,38	0,44**	0,8
	Плотность населения, чел. на кв. км суши	0,04	~ 0	~ 0	3,61	0,38	0,07	2,54	0,02	0,04	~ 0*	0,11	0,15
	ВВП, в текущих долл. США	~ 0		0,01	~ 0	0,03	20,86*	0,1	0,01	~ 0	0,21	~ 0	5,82
	ВВП на душу населения, в текущих долл. США	0,05*		0,16	1,25	2,53*	0,09	0,83	0,89	0,05	0,17	0,01	0,53
	Рост ВВП, в год, %	0,41	0,27	0,25	2,38*	0,77	0,26	1,51	0,16	0,44	0,04	0,64	0,68
	Индекс человеческого развития (ИЧР)	0,68*	0,04*	0,36	0,52**	1,13	0,14	0,74*	0,94	1,08	0,13	0,29**	0,67
	Промышленность (включая строительство), добавленная стоимость), % ВВП	0,9	0,18	0,13	0,84	2,32**	0,2	0,66	0,31	0,41*	0,18	0,5*	0,74
	Сельское, лесное и рыбное хозяйство, добавленная стоимость, % ВВП	1,3	0,35	0,12*	0,96	0,81	0,29	0,83	0,55	1,26	0,04*	0,94	0,54
	Услуги, добавленная стоимость, % ВВП	0,93	0,74	0,33	1,04	1,28	0,17	0,88	0,94	0,4**	0,22	0,62*	0,79
	Пользователи Интернета, % населения	0,88	0,2	0,24*	0,52**	0,69	0,01*	0,93	1,16	1,29	0,08*	0,45**	0,66
	Количество абонентов мобильной связи, на 100 человек	0,97		0,5		1,29	0,78		0,35	0,85	0,22		0,93
	Количество абонентов фиксированного широкополосного доступа, на 100 человек	0,32**		0,31		0,88	1,77		1,44	0,64	0,39		0,75

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Климатические показатели	Общие выбросы ПГ	0,01	~ 0	~ 0	~ 0	0,02	19,6*	0,19	0,02	~ 0	0,13	~ 0	5,31*
	Выбросы ПГ на душу населения	0,09*	0,01	0,03	1,61	2,56	0,11	0,1*	0,7	0,39	0,09	0,01	0,73
	Выбросы ПГ на единицу ВВП	0,57	0,29	0,03	3,11	0,2	0,08	0,38	0,53	0,87	0,01	0,62	0,2
	Уязвимость к изменению климата	0,76*	0,13*	0,18*	0,94	0,87	0,33	0,68**	0,83	1,39*	0,19	0,29**	0,71
	Внутренне перемещенные лица, новые перемещения, связанные со стихийными бедствиями, число случаев	0,07	~ 0	0,01	~ 0	0,01	8,66	0,8	2	0,04	0,16	0,11	5,06**
	Засухи, наводнения, экстремальные температуры, % населения, среднее за 1990–2009 гг.	1,4	0,04	0,07		0,73	1,82	1,01	0,82	1,4	0,01	1,28	0,82
Энергетические показатели	Доля угля и угольных продуктов в энергобалансе		~ 0	0,1		0,19	2,27		1,85	1,3	0,01		1,08
	Доля нефти и нефтепродуктов в энергобалансе		0,73	0,26		1,48	0,13		0,24	0,58	0,92		0,89
	Доля природного газа в энергобалансе		0,51	0,18		1,29	0,01		1,13	1,19	0,53		0,71
	Доля солнечной, ветровой и других возобновляемых источников в энергобалансе		3,21	3,98		0,25	0,07		0,02	0,01	0,54		1,51
	Доля гидроэнергии в энергобалансе		0,6	2,35		0,02	0,34		4,08**	2,55*	3,24		0,27
	Доля ядерной энергии в энергобалансе		~ 0	~ 0		0,36	0,08		4,68*	1,9	0,25		0,3
	Доступ к электроэнергии, % населения	1,07	0,04	0,01*	0,52*	0,36	0,04	1,06	0,87	1,79**	~ 0	1,08	0,2**
	Импорт топлива, % от импорта товаров	0,84		0,18			0,56	0,55	1,33		0,15		
	Экспорт топлива, % от экспорта товаров			0,4			0,06	0,71	0,53		0,15		

** значение p-value <0,05;*

*** значение p-value <0,01.*

Примечание: Пустые ячейки означают, что для конкретной коалиции по конкретному показателю доля пропусков превышает 30 %.

Источник: составлено А.А. Чистяковой по данным: World Bank, FAO, UNDP, EDGAR, ND-GAIN, IEA

Table 2

Results of analysis of developing country coalitions' cohesion

Indicator group	Indicator	AGN	ALBA	AILAC	AOSIS	AS	BASIC	CfRN	MG	LLDC	GS	LDC	LMDC
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Geographic indicators	Agricultural land, % of land area	1	0.3	0.26*	0.76	1.57**	0.63	1	0.4	0.84	0.83	0.82	0.86
	Forest area, % of land area	0.9	0.29	0.24*	1.22	0.04**	0.45	0.99	0.18*	0.62*	0.61	0.85	0.55*
	Forest area, % of world forest area	0.19	0.23	0.29	0.02	0.01	15.58*	0.15	0.01	0.06	16.8*	0.23	1.04
	Deforestation rate, 2015–2020		0.15	0.21			7.71				8.75*		
Socio-economic indicators	Population growth, annual %	0.38**	0.41	0.1	0.85	1.03	0.18	0.5**	0.64	0.9	0.13	0.6*	0.69
	Rural population, % of total population	0.69**	0.17	0.27*	1.11	0.85	0.66	0.89	0.63	0.58**	0.38	0.44**	0.8
	Population density, people per sq. km of land area	0.04	~ 0	~ 0	3.61	0.38	0.07	2.54	0.02	0.04	~ 0*	0.11	0.15
	GDP, current US$	~ 0		0.01	~ 0	0.03	20.86*	0.1	0.01	~ 0	0.21	~ 0	5.82
	GDP per capita, current US$	0.05*		0.16	1.25	2.53*	0.09	0.83	0.89	0.05	0.17	0.01	0.53
	GDP growth, annual %	0.41	0.27	0.25	2.38*	0.77	0.26	1.51	0.16	0.44	0.04	0.64	0.68
	Human Development Index	0.68*	0.04*	0.36	0.52**	1.13	0.14	0.74*	0.94	1.08	0.13	0.29**	0.67
	Industry, including construction, value added, % of GDP	0.9	0.18	0.13	0.84	2.32**	0.2	0.66	0.31	0.41*	0.18	0.5*	0.74
	Agriculture, forestry, and fishing, value added, % of GDP	1.3	0.35	0.12*	0.96	0.81	0.29	0.83	0.55	1.26	0.04*	0.94	0.54
	Services, value added, % of GDP	0.93	0.74	0.33	1.04	1.28	0.17	0.88	0.94	0.4**	0.22	0.62*	0.79
	Individuals using the Internet, % of population	0.88	0.2	0.24*	0.52**	0.69	0.01*	0.93	1.16	1.29	0.08*	0.45**	0.66
	Mobile cellular subscriptions, per 100 people	0.97		0.5		1.29	0.78		0.35	0.85	0.22		0.93
	Fixed broadband subscriptions, per 100 people	0.32**		0.31		0.88	1.77		1.44	0.64	0.39		0.75

Ending of the Table 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Climate-related indicators	GHG emissions, total	0.01	~ 0	~ 0	~ 0	0.02	19.6*	0.19	0.02	~ 0	0.13	~ 0	5.31*
	GHG emissions per capita	0.09*	0.01	0.03	1.61	2.56	0.11	0.1*	0.7	0.39	0.09	0.01	0.73
	GHG emissions per unit of GDP	0.57	0.29	0.03	3.11	0.2	0.08	0.38	0.53	0.87	0.01	0.62	0.2
	Vulnerability to climate change	0.76*	0.13*	0.18*	0.94	0.87	0.33	0.68**	0.83	1.39*	0.19	0.29**	0.71
	Internally displaced persons, new displacement associated with disasters, number of cases	0.07	~ 0	0.01	~ 0	0.01	8.66	0.8	2	0.04	0.16	0.11	5.06**
	Droughts, floods, extreme temperatures, % of population, average 1990–2009	1.4	0.04	0.07		0.73	1.82	1.01	0.82	1.4	0.01	1.28	0.82
Energy-related indicators	Share of coal and coal products in energy mix		~ 0	0.1		0.19	2.27		1.85	1.3	0.01		1.08
	Share of oil and petroleum products in energy mix		0.73	0.26		1.48	0.13		0.24	0.58	0.92		0.89
	Share of natural gas in energy mix		0.51	0.18		1.29	0.01		1.13	1.19	0.53		0.71
	Share of solar, wind and other renewables in energy mix		3.21	3.98		0.25	0.07		0.02	0.01	0.54		1.51
	Share of hydropower in energy mix		0.6	2.35		0.02	0.34		4.08**	2.55*	3.24		0.27
	Share of nuclear power in energy mix		~ 0	~ 0		0.36	0.08		4.68*	1.9	0.25		0.3
	Access to electricity, % of population	1.07	0.04	0.01*	0.52*	0.36	0.04	1.06	0.87	1.79**	~ 0	1.08	0.2**
	Fuel imports, % of merchandise imports	0.84		0.18			0.56	0.55	1.33		0.15		
	Fuel exports, % of merchandise exports			0.4			0.06	0.71	0.53		0.15		

* p-value <0,05;
** p-value <0,01.
*Note. E*mpty spaces imply that for a given coalition, the share of missing data on a given indicator exceeds 30%.
Source: compiled by Anna Chistyakova by the results of the study World Bank, FAO, UNDP, EDGAR, ND-GAIN, IEA

Схожие с AOSIS результаты получены и по другим коалициям стран с общими географическими особенностями. По ряду параметров, отражающих структуру экономики, однородны страны LLDC, что свидетельствует о возможном схожем отражении отсутствия выхода к морю в особенностях экономического развития. Эти же страны демонстрируют и существенную гетерогенность по множеству значимых параметров, которая обусловливается наличием в группе государств из разных частей света с высокой степенью отличий с различными уровнями экономического развития, энергетическими системами и политическими особенностями, включая вовлеченность в вооруженные конфликты.

Меньшую однородность по некоторым социально-экономическим и климатическим параметрам показывают страны CfRN, которая объединяет ряд также отличных друг от друга малых островных государств, стран Африки, Азии и Латинской Америки. Схожей является ситуация для MG, в которую, помимо относительно однородных центральноазиатских государств, входит, например, малое государство Андорра. Это позволяет говорить о том, что коалиции могут формироваться даже в отсутствие существенного сходства по большинству параметров, если они объединены одной масштабной общей особенностью, вызывающей схожие проблемы, которые формируют позицию этих стран на климатических переговорах.

Среди коалиций, сформированных в соответствии с категориями или группами ООН, высокую однородность, как было отмечено, демонстрируют LDC; в свою очередь, причины меньшей однородности AOSIS были также затронуты. AGN демонстрирует высокую однородность по относительно большому числу социально-экономических и климатических параметров, что объясняет активность этой коалиции как единственной региональной группы и соответствует кругу вопросов, составляющих основную часть ее переговорной позиции.

Коалиции, образованные членами региональных или субрегиональных объединений, различаются в однородности по релевантным для климатических изменений параметров, что отражает особенности этих объединений. Арабские государства являются длительно существующей исторической группой, внутри которой экономический статус ряда государств значительно выше других за счет обладания ископаемыми ресурсами, а объединение носит прежде всего политический характер. Аналогично низкую однородность демонстрирует ALBA, объединенная в первую очередь на идеологической основе. Более выраженный экономический характер имеют AILAC и особенно GS, хотя и ALBA основана на торговом соглашении. Тем не менее AILAC и GS объединены по большему числу социально-экономических параметров, важными из которых являются показатели, относящиеся к сельскому хозяйству — сектору, являющемуся важным в экономиках и профиле выбросов парниковых газов, в частности, для GS, что формирует их круг приоритетов и переговорные позиции.

Коалиции, объединенные по политическим или экономическим принципам, являются одними из наиболее разнородных. В случае BASIC главным объединяющим фактором является статус формирующихся экономик, который является скорее качественной характеристикой. Кроме того, и BASIC, и LMDC

позиционируют себя в качестве представляющих интересы всех развивающихся государств — которые, в свою очередь, являются гетерогенными по всем группам параметров, и состав данных коалиций, в особенности LMDC, отражает именно эту гетерогенность. В контексте всех стран Юга разнородность не препятствует наличию совместных интересов по наиболее общим вопросам климатической политики, что отражается и в активности «Группы 77 и Китая»; рассматриваемые коалиции в своей переговорной позиции в основном также ориентируются именно на защиту интересов развивающегося мира по подобным вопросам.

Заключение

В исследовании был очерчен актуальный ландшафт международных климатических коалиций в рамках РКИК ООН и рассмотрены как историко-институциональные линии их формирования, так и более современная динамика относительно коалиций развивающихся государств.

Для коалиций, выделившихся из «Группы 77 и Китая», было предложено несколько обобщенных механизмов формирования, а также очерчены переговорные позиции объединений, входящих в каждую из категорий. Так, коалиции наиболее уязвимых с физико-географической и экономической точек зрения государств зачастую апеллируют к повышению амбициозности международной климатической политики, усиленному вниманию к адаптации и необходимости увеличения климатического финансирования. Последние два направления разделяют и страны Африки, входящие в категорию коалиций, сформированных в соответствии с категориями или группами ООН, которая в остальном пересекается по составу с первой категорией. В свою очередь, коалиции, образованные членами региональных или субрегиональных объединений, в климатических переговорах склонны продвигать повестку, которая является для них общим объединяющим фактором и вне климата, но актуальна для климатического контекста, и стоять тесно связанных с этим позициях. Коалиции стран с общими географическими особенностями придерживаются позиции концентрации ресурсов с целью максимального привлечения международного внимания к конкретным проблемам и уязвимостям, которые для них данные особенности создают. Наконец, коалиции, объединенные по политическим или экономическим принципам, представляют общие позиции стран Глобального Юга и ориентированы на активизацию сотрудничества между ними.

Вложенность этих коалиций в «Группу 77 и Китай» позволяет, с одной стороны, не отклоняться от общих для развивающегося мира позиций, а с другой — артикулировать различающиеся региональные и статусные требования. Таким образом, формирование коалиций становится способом организации внутренней неоднородности Глобального Юга и преобразования отдельных требований в многоплановое коллективное представительство. Возможности такого представительства различаются в зависимости от типа коалиции. AOSIS усиливает влияние через нормативную легитимность; AILAC — через

посредничество; BASIC — через доступ крупнейших развивающихся экономик к выработке ключевых решений и т. д.

Для коалиций развивающихся государств был проведен анализ факторов их однородности, который позволил выявить, по каким релевантным для климата параметрам в той или иной коалиции наблюдается наибольшее сходство. Анализ продемонстрировал, что многие из рассмотренных коалиций показали однородность по параметрам, релевантным для формирования их переговорной позиции. В особенности это характерно для коалиций, сформированных в соответствии с категориями или группами ООН, за некоторым исключением AOSIS, а также для некоторых групп, сформированных на основе существующих объединений, в частности тех, которые имеют экономический фокус. В свою очередь, группы, сформированные в первую очередь с политической ориентацией, будь то коалиции, «перетекшие» в климатические переговоры из других объединений, или коалиции, возникшие непосредственно в рамках РКИК, демонстрируют низкую однородность, что обусловлено их ориентацией на выражение общих политико-идеологических интересов, не всегда возможных для определения с помощью набора количественных параметров. Наконец, относительно низкая однородность выявлена и для коалиций стран с общими географическими особенностями: этот результат дает основания предположить, что масштабный объединяющий географический фактор, который обусловливает схожий характер (но необязательно одинаковую степень) уязвимости стран перед климатическими изменениями и, соответственно, общие потребности в этом контексте, а также может предопределять некоторые особенности их социально-экономического развития в целом, позволяет коалициям объединяться и выступать с общими позициями, несмотря на наличие внутри них разнородных государств с существенно отличающимися экономиками, населением, культурой, политическими особенностями и т. д.

В итоге проведенный анализ коалиций развивающихся государств позволяет сделать общие выводы в контексте формирования и стабильности коалиций. В частности, отсутствует какая-либо одна или несколько групп параметров, формирующих интересы и позиции государств в климатической политике, в которой все коалиции демонстрировали бы высокую однородность. Соответственно, в противоположность ряду исследований (например, [Genovese et al. 2023]) отсутствует возможность утверждать, что те или иные параметры являются определяющими в сплоченности климатических коалиций. Напротив, для различных переговорных групп такие параметры будут различаться в зависимости от механизмов их формирования и принципов, на которых основывается их переговорная позиция. Последующие исследования могут в большей степени сфокусироваться на исследовании взаимосвязи определяющих факторов формирования коалиций развивающихся государств и выражаемых ими переговорных позиций.

Поступила в редакцию / Received: 06.12.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 12.05.2026
Принята к публикации / Accepted: 15.05.2026

Библиографический список / References

Axelrod, R. (1970). *Conflict of interest: A theory of divergent goals with applications to politics*. Markham.

Bhandary, R.R. (2017). Coalition strategies in the climate negotiations: An analysis of mountain-related coalitions. *International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics, 17*(2), 173–190. https://doi.org/10.1007/s10784-015-9313-6 EDN: QFMZWA

Blaxekjær, L.Ø., & Nielsen, T.D. (2015). Mapping the narrative positions of new political groups under the UNFCCC. *Climate Policy, 15*(6), 751–766. https://doi.org/10.1080/14693062.2014.965656

Bliznetskaya, E. (2023). Quasi-formal entities and dialogue formats in international climate governance. *International Organisations Research Journal, 18*(2), 82–105. https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-02-05 EDN: OBVEQT

Brütsch, C., & Papa, M. (2013). Deconstructing the BRICS: Bargaining coalition, imagined community, or geopolitical fad? *The Chinese Journal of International Politics, 6*(3), 299–327. https://doi.org/10.1093/cjip/pot009

Chasek, P.S., & Rajamani, L. (2003). Steps toward enhanced parity: Negotiating capacity and strategies of developing countries. In I. Kaul, P. Conceição, K. Le & Goulven R.U. Mendoza (Eds.), *Providing global public goods: Managing globalization* (pp. 245–262). Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/0195157400.003.0011

Chistikova, A.A. (2025). The potential of coalition theory in international studies: The case of climate change coalitions. *Polis. Political Studies, 34*(4), 91–106. https://doi.org/10.17976/jpps/2025.04.08 EDN: ZIKPOO

Cooper, A.F. (Ed.). (1997). *Niche diplomacy: Middle powers after the Cold War*. Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-1-349-25902-1

Costantini, V., Sforna, G., & Zoli, M. (2016). Interpreting bargaining strategies of developing countries in climate negotiations: A quantitative approach. *Ecological Economics, 121,* 128–139. https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2015.11.026

de, Águeda, Corneloup, I., & Mol, A.P.J. (2014). Small island developing states and international climate change negotiations: The power of moral "leadership." *International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics, 14*(3), 281–297. https://doi.org/10.1007/s10784-013-9227-0 EDN: ALSYYA

de Swaan, A. (1973). *Coalition theories and cabinet formations: A study of formal theories of coalition formation applied to nine European parliaments after 1918*. Jossey-Bass.

Dupont, C. (1994). Coalition theory: Using power to build cooperation. In I.W. Zartman (Ed.), *International multilateral negotiations: Approaches to the management of complexity* (pp. 148–177). Jossey-Bass.

Emerson, R.M. (1962). Power-dependence relations. *American Sociological Review, 27*(1), 31–41. https://doi.org/10.2307/2089716

Flanagan, S.C. (1973). Theory and method in the study of coalition formation: Toward a more general model of political coalitions. *Journal of Comparative Administration, 5*(3), 267–314. https://doi.org/10.1177/009539977300500301 EDN: ILSYYF

Genovese, F., McAlexander, R.J., & Urpelainen, J. (2023). Institutional roots of international alliances: Party groupings and position similarity at global climate negotiations. *The Review of International Organizations, 18*(2), 329–359. https://doi.org/10.1007/s11558-022-09470-4 EDN: LCAEXV

Groennings, S. (1970). Notes towards theories of coalition behavior in multiparty systems: Formation and maintenance. In S. Groennings, E.W. Kelly & M. Leiserson (Eds.), *The study of coalition behavior: Theoretical perspectives and cases from four continents* (pp. 445–465). Holt, Rinehart and Winston.

Kasa, S., Gullberg, A.T., & Heggelund, G. (2008). The Group of 77 in the international climate negotiations: Recent developments and future directions. *International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics, 8*(2), 113–127. https://doi.org/10.1007/s10784-007-9060-4 EDN: QVESJQ

Klöck, C. (2020). Multiple coalition memberships: Helping or hindering small states in multilateral (climate) negotiations? *International Negotiation, 25*(2), 279–297. https://doi.org/10.1163/15718069-25131244 EDN: NEJHIY

Klöck, C., Castro, P., Weiler, F., & Blaxekjær, L.Ø., (Eds.). (2021). *Coalitions in the climate change negotiations*. Routledge. https://doi.org/10.4324/9780429316258

Klöck, C., & Risi, D.C. (2025). La (non-) coopération des petites îles de l'océan Indien dans les négociations climatiques. *Études internationales, 55*(3), 549–571. https://doi.org/10.7202/1120078ar EDN: PGWAHN

Liska, G. (1962). *Nations in alliance: The limits of interdependence*. Johns Hopkins University Press.

Penetrante, A.M. (2013). Common but differentiated responsibilities: The North–South divide in the climate change negotiations. In G. Sjöstedt & A.M. Penetrante (Eds.), *Climate change negotiations: A guide to resolving disputes and facilitating multilateral cooperation* (pp. 249–276). Routledge.

Rapoport, A. (1989). *Decision theory and decision behaviour: Normative and descriptive approaches*. Kluwer Academic Publishers.

Ruiz-Campillo, X., & Rubial, M.B. (2025). Adaptation in the UNFCCC: How the G77 & China, shaped the agenda. *International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics, 25,* 489–510. https://doi.org/10.1007/s10784-025-09681-1 EDN: TSJYOI

Saha, C.K. (2024). Least developed countries versus fossil fuel incumbents: Strategies, divisions, and barriers at the United Nations climate negotiations. *International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics, 24*(1), 91–120. https://doi.org/10.1007/s10784-024-09629-x EDN: FNROWX

Vihma, A., Mulugetta, Y., & Karlsson-Vinkhuyzen, S. (2011). Negotiating solidarity? The G77 through the prism of climate change negotiations. *Global Change, Peace & Security, 23*(3), 315–334. https://doi.org/10.1080/14781158.2011.601853

Watts, J., & Depledge, J. (2018). Latin America in the climate change negotiations: Exploring the AILAC and ALBA coalitions. *WIREs Climate Change, 9*(6), e533. https://doi.org/10.1002/wcc.533

Wu, J., & Thill, J.-C. (2018). Climate change coalition formation and equilibrium strategies in mitigation games in the post-Kyoto era. *International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics, 18*(4), 573–598. https://doi.org/10.1007/s10784-018-9406-0 EDN: LIBGDT

Yamin, F., & Depledge, J. (2004). *The international climate change regime: A guide to rules, institutions and procedures*. Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9780511494659 EDN: QWPAIN

Yi, S.-S. (2003). Endogenous formation of economic coalitions: A survey of the partition function approach. In C. Carraro (Ed.), *The endogenous formation of economic coalitions* (pp. 80–124). Edward Elgar Publishing. https://doi.org/10.4337/9781781009888.00011

Сведения об авторе:

Чистикова Анна Артёмовна — младший научный сотрудник Института экономики природных ресурсов и изменения климата, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (e-mail: ashuranova@hse.ru) (ORCID: 0000-0002-3001-8979, SPIN-код: 7439-1442, AuthorID: 1137901, Scopus ID: 57299912300).

About the author:

Anna A. Chistikova — Junior Research Fellow, Institute for the Economics of Natural Resources and Climate Change, HSE University (e-mail: ashuranova@hse.ru) (ORCID: 0000-0002-3001-8979, SPIN-code: 7439-1442, AuthorID: 1137901, Scopus ID: 57299912300).

RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 3 731–749**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-3-731-749
EDN: IMRMSD

Обзорная статья / Review article

Зеленая экономика в странах Центральной Азии: итоги и вызовы для политики

С.С. Жильцов

Дипломатическая академия МГИМО МИД России, *Москва, Российская Федерация*
✉ sergej-z71@yandex.ru

Аннотация. Формирование в странах Центральной Азии зеленой экономики нашло отражение в принятых в государствах региона документах. Критически рассматривается комплекс проблем, с которыми сталкиваются центральноазиатские государства на пути создания зеленой экономики. Это связано с необходимостью перестройки всей экономической системы, перехода к новым принципам развития центральноазиатских государств. На этом пути страны региона сталкиваются с рядом проблем, среди которых следует выделить роль изменения климата и нарастание дефицита водных ресурсов, а также ограниченные возможности центральноазиатских государств финансировать переход к зеленой экономике. Для решения поставленной задачи задействованы историко-аналитический метод, метод сравнения. Вместе с этим применена теория рационального выбора, при помощи которой выявлены факторы, которые оказали влияние на решения центральноазиатских государств проводить курс на создание зеленой экономики. Опираясь на системный подход в рамках теории неореализма, автор рассматривает Центральную Азию в качестве структуры, в которой устанавливаются новые экономические и политические связи между отдельными ее составляющими — государствами региона. Создание зеленой экономики не только открывает новые возможности, но и несет для стран Центральной Азии определенные политические риски. Вывод исследования заключается в том, что создание зеленой экономики является долгосрочным трендом, который сформировался в странах Центральной Азии, окажет значительное влияние на его дальнейшее экономическое развитие и в то же время оставляет открытым вопрос относительно достижения поставленных целей.

Ключевые слова: Центральная Азия, зеленая экономика, изменение климата, дефицит водных ресурсов, экономическая политика

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Жильцов С.С.* Зеленая экономика в странах Центральной Азии: итоги и вызовы для политики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 3. С. 731–749. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-731-749 EDN: IMRMSD

© Жильцов С.С., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Green Economy in the Countries of Central Asia: Results and Political Challenges

Sergey S. Zhiltsov

Diplomatic Academy of MGIMO University of the Russian Foreign Ministry, *Moscow, Russian Federation*

✉ sergej-z71@yandex.ru

Abstract. The issues related to the development of a green economy in Central Asian countries are reflected in the documents adopted by the regional states. The research critically examines the complex challenges faced by Central Asian states on their way towards a green economy. It is explained by the need to restructure the entire economic system and implement a transition to new development principles. Along this path, the countries of the region encounter a number of challenges, including the role of climate change and increasing water scarcity, as well as the limited capacity of Central Asian states to finance the transition to a green economy. To address this academic objective, methodologies from historical and political sciences are employed: the historical-analytical method, the comparative method. Rational choice theory is also applied, identifying the factors that influenced the decisions of Central Asian states to pursue a green economy. Using a systems approach within the framework of neorealist theory, the author examines Central Asia as a structure in which new economic and political ties are being established between its individual parts — regional states. The creation of a green economy not only opens up new opportunities but also carries certain risks for Central Asian countries. The research concludes that the establishment of a green economy is a long-term trend that has emerged in Central Asian states and will have a significant impact on their further economic development. However, the achievement of these goals remains uncertain.

Keywords: Central Asia, green economy, climate change, water scarcity, economic policy

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Zhiltsov, S.S. (2026). Green economy in the countries of Central Asia: Results and political challenges. *RUDN Journal of Political Science, 28*(3), 731–749. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-731-749 EDN: IMRMSD

Введение

Переход к зеленой экономике в Центральной Азии и комплекс вопросов, которые связаны с решением данной задачи, стали обсуждаться под влиянием происходящих климатических изменений, что оказывало негативное влияние на страны региона. Интерес к зеленой проблематике возрастал по мере усиления негативных тенденций, которые развивались в центральноазиатских государствах. Однако дискуссии, касающиеся перехода к зеленой экономике в странах Центральной Азии, показали, что преобладают упрощенные, зачастую поверхностные подходы к исследованию данной проблемы.

На официальном уровне переход к зеленой экономике рассматривался в качестве политического тренда, который был призван продемонстрировать готовность стран региона следовать в русле мировых политических и экономических

тенденций. Создание зеленой экономики в Центральной Азии имело политический оттенок, поскольку это позиционировалось через призму решения водных проблем, климата и экологии. Более того, зеленая экономика стала рассматриваться в качестве безальтернативного инструмента по решению стоящих перед странами региона экономических, экологических, климатических проблем. При этом некритически оценивались возможности стран региона по переходу к зеленой экономике.

В итоге страны Центральной Азии приняли политические решения по активизации поиска путей перехода к новым принципам развития, но при этом акцент в большей мере делается на вопросы водных ресурсов и климата. Подобный подход нашел отражение в документах, принятых в странах региона, в которых усилено внимание к проблеме формирования зеленой экономики. В данном контексте цель исследования — анализ поставленных странами Центральной Азии политически мотивированных целей по созданию зеленой экономики и соотнесение их с политико-экономическими возможностями стран региона, которые находятся под сильным влиянием внерегиональных акторов.

Пересмотр принципов развития

Поводом для дискуссий о поиске новых подходов к решению экономических проблем послужили проблемы в мировой экономике, ухудшение экологии и продолжающееся изменение климата. Все более остро вставал вопрос о разработке новых принципов экономического развития, которые позволили бы снизить потребление углеводородных ресурсов и внедрять энергосберегающие технологии.

В 1972 г. был опубликован доклад «Пределы роста» (Римский клуб)[1]. В нем был поставлен вопрос об изменении модели потребления, включая природные ресурсы. Тему продолжила Международная комиссия по окружающей среде и развитию, которая в 1987 г. представила доклад «Наше общее будущее»[2]. В нем внимание было обращено к экологическим проблемам.

В ходе обсуждения концепции зеленой экономики в оборот вошло понятие «устойчивое развитие». Всемирная комиссия по вопросам окружающей среды и развития (ООН) дала определение устойчивому развитию как «развитию, которое удовлетворяет потребностям нынешнего поколения без ущерба для возможности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»[3].

[1] The Limits to growth; a report for the Club of Rome's project on the predicament of mankind by Meadows, Donella H; Club of Rome. 1972. URL: https://archive.org/details/limitstogrowthr00mead/page/n5/mode/2up (accessed: 23.06.2026).

[2] Our Common Future Report. 1987. Report of the World Commission on Environment and Development. URL: https://www.alor.org/Storage/Library/PDF/Our_Common_Future_Brundtland_Report1987.pdf (accessed: 24.06.2026).

[3] Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее». 1987, 4 августа. URL: https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf (дата обращения: 11.01.2026).

В работе Программы ООН по окружающей среде, озаглавленной «На пути к зеленой экономике[4] было дано определение зеленой экономики. Под ней понималась экономика, которая «повышает благосостояние людей и обеспечивает социальную справедливость, и при этом существенно снижает риски для окружающей среды и ее обеднение»[5]. Также подчеркивалось, что в зеленой экономике рост доходов и занятости обеспечивается государственными и частными инвестициями, уменьшающими выбросы углерода и загрязнение, повышающими эффективность использования энергии и ресурсов и предотвращающими утрату биоразнообразия и экосистемных услуг»[6]. В 2012 г. Конференция по устойчивому развитию ООН (РИО+20) дала свое определение зеленой экономики: «Один из инструментов для достижения устойчивого развития»[7].

Таким образом, переход к зеленой экономике предусматривал поиск новых путей развития, которые бы отвечали интересам государств и предотвращали различные кризисы. По мере возрастания количества и масштаба проблем в мировой экономике и нарастания экологических последствий внимание к проблеме зеленой экономики усилилось.

В 2010-х гг. страны Центральной Азии стали уделять большее внимание концепции зеленой экономики. Это было связано с тем, что спустя десятилетия после распада СССР страны региона не могли похвастаться успехами в экономическом развитии, поскольку сохранялся низкий уровень торговой взаимодополняемости. Страны Центральной Азии производили и экспортировали однотипные товары. Это вынуждало их искать торговых партнеров за пределами региона. С 2014 по 2022 г. «доля взаимной торговли товарами стран Центральной Азии во внешнеторговом обороте увеличилась с 6,4 % до 9,9 %» [Винокуров и др. 2022: 3].

Экономические проблемы стали усугубляться под влиянием комплекса вопросов. Так, сложно происходило встраивание стран региона в сложившуюся структуру мировой экономики. Страны оказались под мощным прессингом внерегиональных акторов, которые стремились использовать центральноазиатские государства в собственных интересах. При этом усилилось влияние водно-энергетических противоречий, все более заметное влияние стал играть климатический фактор, который привел к снижению объема доступных водных ресурсов и в более широком плане стал влиять на развитие национальных экономик [Zhiltsov, Zonn, Grishin, Egorov, Ruban 2018]. Также сказывалась «деградация земель и эрозия почв в результате интенсивных методов ведения сельского хозяйства; неэффективное водоснабжение; отсутствие доступа к современным видам энергии в некоторых областях; тяжелые последствия стихийных

[4] На пути к зеленой экономике. 2011. Экологическая программа ООН (ЮНЕП). 52 с. URL: http://old.ecocongress.info/5_congr/docs/doklad.pdf (дата обращения: 28.01.2026).

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Будущее, которое мы хотим. Генеральная Ассамблея ООН. 2012, 24 июля. URL: https://undocs.org/ru/A/66/L.56 (дата обращения: 23.01.2026).

бедствий» [Зеленая экономика 2014]. Соответственно, концепция зеленой экономики выглядела для стран региона все более привлекательной. В результате, сохранение прежних и появление новых проблем в экономическом развитии потребовали принятие политических решений, направленных на усиления внимания к вопросам, связанным с формированием зеленой экономики. При этом подходы центральноазиатских государств формировались в рамках мирового тренда, связанного с переходом к зеленой экономике.

Политические аспекты формирования зеленой экономики в странах Центральной Азии

Проблематика зеленой экономики отражена в ключевых документах, принятых в странах Центральной Азии. Они заложили основы для последующей реализации зеленого курса.

Одним из первых государств, в котором проблема зеленой экономики нашла отражение в документах, стал Казахстан. В 2012 г. президент Казахстана Н. Назарбаев в Послании «Стратегия „Казахстан-2050“: новый политический курс состоявшегося государства»[8] поставил задачу создания эффективной модели экономики, основанной на переходе страны на зеленый путь развития[9]. Затем, в 2013 г. был принят документ «О концепции по переходу Республики Казахстан к „зеленой экономике“»[10]. Согласно Концепции 2013 г., до 2020 г. Казахстан рассчитывал добиться значительных успехов в изменении национальной экономики.

Заинтересованность Казахстана в создании новой экономики определялась фундаментальными причинами. Страна сохраняла высокую зависимость от добычи и экспорта углеводородных ресурсов. Их разработка и экспорт обостряли экологические проблемы, которые оказывали все более масштабное давление на социально-экономическую сферу. В документе подчеркивалось, что «экологические проблемы Казахстана приобретают угрожающие масштабы и создают угрозу населению страны и не только»[11]. Конечно, сказывался политический фактор, который подталкивал Казахстан к разработке документов, посвященных зеленой экономике. В указанный период зеленая повестка

[8] Послание Президента Республики Казахстан — Лидера Нации Н.А. Назарбаева Народу Казахстана. «Стратегия «Казахстан-2050»: Новый политический курс состоявшегося государства» (Астана, 14 декабря 2012 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31305418 (дата обращения: 19.01.2026).

[9] Послание президента Республики Казахстан — Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана. Стратегия «Казахстан-2050». URL: https://primeminister.kz/assets/media/strategiya-kazakhstan-2050.pdf (дата обращения: 12.01.2026).

[10] О Концепции по переходу Республики Казахстан к «зеленой экономике». Указ президент Республики Казахстан от 30 мая 2013 г. № 577. Министерство юстиции Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000577 (дата обращения: 13.01.2026).

[11] *Боженко Я.* Экологические проблемы Казахстана и пути их решения. 2021, 2 ноября. URL: https://www.nur.kz/family/school/1666860-ekologicheskie-problemy-kazakhstana/?ysclid=ml51ssyb7854645120 (дата обращения: 13.01.2026).

набирала силу в развитых странах и для Казахстана, который стремился соответствовать мировым тенденциям, было важно продемонстрировать готовность к таким изменениям.

Модернизационная риторика служила в основном укреплению политической власти Н. Назарбаева и не воплощалась в практические решения. Это было связано с преобладанием политической составляющей в движении к зеленой повестке, нежели нацеленностью на достижение конкретных результатов. В результате документ 2013 г. оказался амбициозным, но невыполнимым. Он был перегружен большим количеством задач, и, самое главное, сказывался дефицит средств, необходимых для финансирования поставленных задач. В итоге намеченные цели оказались не выполнены. Например, «снижение водопотребления на душу населения на 15 % к 2020 г. не произошло, а 400 тысяч новых рабочих мест в сельскохозяйственной индустрии не создано»[12].

Несмотря на сложности, Казахстан продолжил курс на создание зеленой экономики. Акцент был сделан на создание системы, предусматривающей рациональное использование природных ресурсов, и активное развитие альтернативных видов энергетики. Для выполнения данной задачи требовались «серьезные инвестиции и инновационный подход в решении проблемы»[13]. В 2017 г. доля возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в производстве электроэнергии была на уровне 1,1 %. В конце 2024 г. «в Казахстане функционировали 153 объектов ВИЭ общей установленной мощностью 3032 МВт, что позволило обеспечить 6,43 % от общего объема производства электроэнергии в стране»[14]. При этом «правительство страны намеревалось увеличить данный показатель до 50 % к 2050 г.» [Зеленая экономика: реалии и перспективы в Казахстане 2018]. Несмотря на скромные темпы внедрения зеленой экономики, политическое руководство получало определенные дивиденды, поскольку демонстрировало ЕС и США готовность следовать предложенным курсом. Кроме того, экономические выгоды получал Китай, который активно способствовал развитию зеленой экономики Казахстана за счет поставки необходимого оборудования.

В 2020 г. был утвержден «новый План мероприятий по переходу к зеленой экономике уже на период до 2030 г.»[15]. Он внес конкретику в этапы и направления перехода Казахстана к зеленой экономике. Проект стал реализовываться

[12] Стратегия по переходу на «зеленую» экономику: цели и задачи. 2019. 6 ноября // Министерство экономического развития и сокращения бедности Республики Узбекистан : официальный сайт. URL: https://mineconomy.uz/ru/info/2937 (дата обращения: 11.01.2026).

[13] «Зеленая» экономика как осознанный выбор Казахстана. 2020, 28 сентября. URL: https://greenkaz.org/index.php/press-centr/novosti-v-strane/item/3106-zelenaya-ekonomika-kak-osoznannyj-vybor-kazakhstana (дата обращения: 17.01.2026).

[14] Казахстан укрепляет курс на «зеленую» энергетику: более 3 100 МВт мощности ВИЭ и масштабные проекты до 2027 г. 25 июня 2025 г. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/energo/press/news/details/1024332?lang=ru&ysclid=mkbifeemee493746829 (дата обращения: 23.01.2026).

[15] Об утверждении Плана мероприятий по реализации Концепции по переходу Республики Казахстан к «зеленой экономике» на 2021–2030 г. Постановление правительства Республики Казахстан от 29 июля 2020 г. № 479. Министерство юстиции Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2000000479 (дата обращения: 23.01.2026).

с 2021 г. Однако к 2024 г. выяснилось, что переход к зеленой экономике столкнулся с трудностями, поскольку финансирование осуществлялось «в размере 80 % от плана и достижение показателей проекта на 78 %»[16].

В результате в 2024 г. в Казахстане обновили концепцию по переходу страны к зеленой экономике, внеся изменения и дополнения. В новой редакции документа изложены практически все разделы документа, в том числе вводная часть раздела «Видение по переходу к зеленой экономике»[17]. Документ затрагивает практически все секторы экономики, содержит много прогнозных показателей, выполнение которых должно придать импульс казахстанской экономике. Обращает на себя внимание подраздел «Потребность в инвестициях», в котором указывается, что «совокупный размер дополнительных инвестиций, необходимых для реализации Концепции с текущего момента до 2050 г., ежегодно в среднем составит около 15 млрд долларов»[18]. Выделение подобного объема финансирования на протяжении длительного времени вызывает сомнения. Более того, отвлечение данных средств из других секторов экономики создавало для Казахстана значительные риски, усиливая диспропорции в финансировании.

В том же году в Казахстане было принято постановление Правительства «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Концепции по переходу Республики Казахстан к „зеленой экономике“ на 2024–2030 гг. и признании утратившими силу некоторых решений Правительства Республики Казахстан»[19]. Документ содержит различные целевые индикаторы, которые страна намерена достичь в будущем. Например, ожидается, что доля возобновляемых и альтернативных источников в выработке электроэнергии возрастет с 4,53 % в 2022 г. до 15 % в 2030 г.[20].

Таким образом, Казахстан принял ряд документов, которые определяют подходы страны по переходу к зеленой экономике, а также целевые показатели. Однако ключевой проблемой остается финансирование данного перехода, поскольку Казахстан не располагает необходимыми средствами. Ставка сделана на привлечение внешнего финансирования, которое будет усиливать зависимость страны от внерегиональных акторов, заинтересованных использовать «зеленый переход» в собственных целях. Тем не менее политический аспект зеленой экономики превалирует над экономическими рисками. Для руководства страны попрежнему важно быть в «тренде мирового развития», нежели соотносить собственные возможности с эффективностью перехода к зеленой экономике.

---

[16] *Бапиев К.* Казахстан изменил стратегию перехода к зеленой экономике. 20 июня 2024. URL: https://kz.kursiv.media/2024-06-20/print1039-green/?ysclid=ml22h8g7a6166476851 (дата обращения: 13.01.2026).

[17] В Казахстане обновили концепцию по переходу страны к «зеленой экономике». 14 июня 2024. URL: https://www.zakon.kz/pravo/6438120-v-kazakhstane-obnovili-kontseptsiyu-po-perekhodu-strany-k-zelenoy-ekonomike.html (дата обращения: 23.01.2026).

[18] Там же.

[19] Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 ноября 2024 г. № 1019. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400001019 (дата обращения: 17.01.2026).

[20] Там же.

Переход к зеленой экономике предполагали совершить и в Киргизии. В 2018 г. была принята Концепция, которая «определила задачи и пути перехода к „зеленой“ энергетике»[21]. При этом отмечалось, что «развитие зеленой энергетики должно иметь приоритетное значение, учитывая стратегическое направление на развитие зеленой экономики и обеспечение энергетической безопасности из-за высокой зависимости страны от импортных нефтепродуктов и природного газа»[22]. В итоге, ставя задачу по переходу к зеленой экономике в Киргизии, в первую очередь, имелась в виду энергетика, поскольку она «фактически является зеленой энергетикой, так как свыше 90 процентов электроэнергии вырабатывается за счет гидроэнергетических ресурсов»[23].

Подобная путаница исходила из того, что перед Киргизией стояла следующая задача: «не увеличение доли возобновляемых источников энергии (ВИЭ), а их эффективное и рациональное использование. Распад единой системы использования водных ресурсов» [Глянц 2018], что произошло после исчезновения с политической карты мира СССР, привел к «значительным проблемам с энергосбережением и энергоэффективностью. Энергоемкость экономики Киргизии, которая характеризует эффективность использования энергии, по данным Всемирного банка, в 1,8 раза выше среднемирового показателя и в 2,3 раза выше, чем в Евросоюзе»[24]. По этой причине, в документе акцент делался на более эффективном использовании энергии на транспорте и в сельском хозяйстве, промышленности и переработке отходов, охране биоразнообразия и образовании.

Несмотря на акцентирование внимания на зеленой энергетике, в Киргизии ставили амбициозную задачу по созданию зеленой экономики. Опираясь на Концепцию 2018 г., в 2019 г. было принято Постановление «Об утверждении Программы развития зеленой экономики в Кыргызской Республике на 2019–2023 гг.»[25], в рамках которой ставилась задача по «снижению энергоемкости ВВП страны»[26]. Обращение к данному вопросу определялось тем обстоятельством, что «в стране не уделялось должного внимания политике энергосбережения и энергоэффективности… Серьезной проблемой является отсутствие реальных механизмов, стимулирующих потенциальных участников процесса

[21] Концепция зеленой экономики в Кыргызской Республике «Кыргызстан — страна зеленой экономики». Утверждена постановлением Жогорку Кенеша Кыргызской Республики от 28 июня 2018 г. № 2532-VI // Министерство юстиции Кыргызской Республики : официальный сайт. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/83126?cl=ru-ru (дата обращения: 23.01.2026).

[22] Там же.

[23] Там же.

[24] Там же.

[25] Постановление Правительства «Об утверждении Программы развития зеленой экономики в кыргызской Республике на 2019–2023 гг.» // Министерство экономики и финансов Кыргызской Республики : официальный сайт. http://mineconom.gov.kg/ru/discussion/5 (дата обращения: 12.01.2026).

[26] Программа развития «зеленой» экономики в Кыргызской Республике на 2019–2023 гг.» // URL: http://mineconom.gov.kg/froala/uploads/file/c1bd41356ef3493410fa40a48dd878a6e48ba878.pdf (дата обращения: 14.01.2026).

энергосбережения, а также инвестиционный дефицит и слабая финансовая поддержка со стороны государства в области осуществления энергосберегающей политики»[27].

Подобные оценки, зафиксированные в основополагающих документах, лишь подтверждали наличие политической составляющей в принятии решений, которые касались зеленой экономики. В условиях низкого финансирования и отсутствия возможностей для внедрения зеленой экономики, принимались решения на интенсификацию данного процесса.

В итоге, начиная с 2019 г., политика Киргизии по переходу к зеленой экономике приобрела системный характер. Можно отметить, что были определены меры, «направленные на продвижение зеленой экономики в республике»[28]. Затем парламент страны принял Закон «О присоединении Кыргызской Республики к Соглашению об учреждении Глобального института зеленого роста»[29] и начал работать Центр климатического финансирования. В Центре «проводилась работа по объединению Координационной комиссии по развитию зеленой экономики и по проблемам изменения климата»[30].

Продолжением усилий по продвижению к зеленой экономике стало принятие в 2022 г. закона «О возобновляемых источниках энергии» (в 2024 г. в закон внес изменения Закон Кыргызской Республики от 13 сентября 2024 г. № 164 «О внесении изменений в Закон Кыргызской Республики „О возобновляемых источниках энергии“»). Документ был направлен на дальнейшее развитие и использование возобновляемых источников энергии, усовершенствование энергетической структуры и диверсификацию энергоресурсов.

Несмотря на предпринимаемые усилия, реализация намеченных мер столкнулась с рядом трудностей. Среди них следует выделить такие факторы, как отсутствие постоянной поддержки конкретных проектов со стороны региональных властей или при смене министров в правительстве, отсутствие кадров, способных осуществлять создание и мониторинг углеродных кредитов, сертификации и ведения международной отчетности. Высокими

[27] Программа развития «зеленой» экономики в Кыргызской Республике на 2019–2023 гг.» // URL: http://mineconom.gov.kg/froala/uploads/file/c1bd41356ef3493410fa40a48dd878a6e48ba878.pdf (дата обращения: 14.01.2026).

[28] О мерах Правительства Кыргызской Республики по продвижению зеленой экономики в республике. Бишкек, 2019. Green Economy Kyrgyzstan // Министерство экономики и финансов Кыргызской Республики : официальный сайт. URL: http://mineconom.gov.kg/froala/uploads/file/900d7c2f5bbbde0b63123982568c79f120f7dbff.pdf (дата обращения: 23.01.2026).

[29] О принятии Закона Кыргызской Республики «О присоединении Кыргызской Республики к Соглашению об учреждении Глобального института зеленого роста, подписанному 20 июня 2012 г. в городе Рио-де-Жанейро». 2019, 13 ноября. URL: http://kenesh.kg/ru/article/show/6037/ot-13-noyabrya-2019-goda-3336-vi-o-prinyatii-zakona-kirgizskoy-respubliki-o-prisoedinenii-kirgizskoy-respubliki-k-soglasheniyu-ob-uchrezhdenii-globalynogo-instituta-zelenogo-rosta-podpisannomu-20-iyunya-2012-goda-v-gorode-rio-de-zhaneyro (дата обращения: 23.01.2026).

[30] О мерах Правительства Кыргызской Республики по продвижению зеленой экономики в республике. Бишкек, 2019. Green Economy Kyrgyzstan // Министерство экономики и финансов Кыргызской Республики : официальный сайт. URL: http://mineconom.gov.kg/froala/uploads/file/900d7c2f5bbbde0b63123982568c79f120f7dbff.pdf (дата обращения: 23.01.2026).

были риски коррупции, поскольку на зеленые проекты выделялись значительные суммы. Примечательно, что в 2023 г. президент страны С. Жапаров заявил, что «нами взят твердый курс на развитие зеленой экономики, весь современный мир уделяет этому особое внимание. Поэтому я дал поручение начать активно прорабатывать вопрос обмена внешнего долга страны на зеленые инициативы»[31]. Инициатива не получила практической реализации, и в результате власти Киргизии были вынуждены в октябре 2025 г. принять вторую программу развития зеленой экономики[32]. Она рассчитана до 2029 г. В ней предусмотрено восстановление 30 % деградированных земель, доведение доли зеленых государственных закупок до 30 %, внедрение возобновляемых источников энергии и энергосберегающих технологий в промышленности и социальной сфере.

В Таджикистане зеленую повестку рассматривали в контексте решения социально-экономических проблем. В 2005 г. была разработана «Национальная стратегия развития Таджикистана до 2015 г.» и стратегия снижения бедности на 2006–2015 гг. Позже была разработана Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 г.[33]. Документы фокусировали внимание в основном на принципах устойчивого развития, которые необходимо было «интегрировать во все сферы жизни общества»[34].

Лишь в 2022 г. Таджикистан приступил к созданию зеленой экономики. Так, была принята Стратегия развития зеленой экономики в Республике Таджикистан на 2023–2037 гг.[35]. Анализируя документ, можно отметить, что речь идет о масштабной индустриализации в стране и повышении эффективности использования водных ресурсов. При этом власти страны, так же как и в других центральноазиатских государствах, игнорировали риски и вызовы, с которыми столкнется государство на пути реализации амбициозных планов. Принятые политические решения, по сути, открывали дорогу внерегиональным акторам, которые под прикрытием зеленой повестки продвигали свои интересы.

---

[31] *Больбот И.* Зеленая экономика в обмен на госдолг Киргизии: реально ли это? 23.01.2023. URL: https://www.ritmeurasia.ru/news--2023-01-23--zelenaja-ekonomika-v-obmen-na-gosdolg-kirgizii-realno-li-eto-64257 (дата обращения: 28.01.2026).

[32] Национальная программа развития Кыргызской Республики до 2030 г. // Министерство экономики и финансов Кыргызской Республики : официальный сайт. URL: https://mineconom.gov.kg/froala/uploads/file/af58063c675e4b068dca5c6dda92fe7635f6b462.pdf (дата обращения: 22.01.2026).

[33] Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 г. Душанбе, 2016. URL: https://mintrans.tj/sites/default/files/2017/september/nacionalnaya_strategiya_razvitiya_rt_na_period_do_2030_goda.pdf (дата обращения: 18.01.2026).

[34] *Назаров Т.* Устойчивое развитие и концепция «зеленой» экономики. Орхусские центры Таджикистана. URL: https://www.aarhus.tj/ustoichivoe-razvitie-i-koncepciya-zelenoy-economiki/ (дата обращения: 26.01.2026).

[35] О Стратегии развития «зеленой» экономики в Республике Таджикистан на 2023–2037 гг. Постановление Правительства Республики Таджикистан от 30 сентября 2022 г., № 482. URL: https://faolex.fao.org/docs/pdf/taj221507.pdf (дата обращения: 28.01.2026).

До 2016 г. Узбекистан игнорировал проблематику зеленой экономики. Все изменилось после прихода к власти президента Шавката Мирзиёева. В 2019 г. была разработана «Стратегия перехода страны на „зеленую“ экономику в период до 2030 г.[36] В документе были сформулированы основные задачи страны в этой области. Среди них: «повышение энергоэффективности экономики и рациональное потребление природных ресурсов путем технологической модернизации и развития финансовых механизмов; содействие в реализации пилотных проектов по направлениям перехода к „зеленой“ экономике посредством развития механизмов государственного стимулирования, государственно-частного партнерства и активизации сотрудничества с международными финансовыми институтами; развитие системы подготовки и переквалификации кадров, связанной с рынком труда в зеленой экономике, за счет стимулирования инвестиционных вложений в образование, укрепления сотрудничества с ведущими зарубежными образовательными учреждениями и научно-исследовательскими центрами и другие»[37]. Помимо этого, ставились задачи по «повышению энергоэффективности базовых отраслей экономики, диверсификации потребления энергоресурсов и развития использования возобновляемых источников энергии, адаптацию и смягчение последствий изменения климата, повышение эффективности использования природных ресурсов и сохранение природных экосистем, разработку финансовых и нефинансовых механизмов поддержки „зеленой“ экономики[38].

Отражение в документе подобных задач шло в разрез с имеющимися инвестиционными возможностями. Провозглашенные цели базировались на неоправданных ожиданиях модернизировать экономику.

За счет привлекаемых средств Узбекистан добился определенных успехов в переходе к зеленой экономике. В 2023–2024 гг. в стране была введена система сертификатов зеленой энергии для контроля качества продукции, которая производилась с использованием экологически чистых технологий и возобновляемых источников энергии. Помимо этого, Узбекистан стал участвовать в глобальных инициативах по снижению углеродных выбросов. Более того, в планах Узбекистана — разработка долгосрочной стратегию декарбонизации экономики для перехода к «зеленой модели» развития. Документ предполагается обсуждать совместно со Всемирным банком и Международным валютным фондом. Однако данные успехи в значительной мере отражают политическую заинтересованность руководства демонстрировать свою приверженность созданию зеленой экономики, нежели реальный прогресс.

[36] Об утверждении Стратегии по переходу Республики Узбекистан на «зеленую» экономику на период 2019–2030 гг. Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-4477 от 4 октября 2019 г. URL: https://lex.uz/ru/docs/4539506 (дата обращения: 23.01.2026).

[37] Там же.

[38] Стратегия по переходу на «зеленую» экономику: цели и задачи. // Министерство экономического развития и сокращения бедности Республики Узбекистан : официальный сайт. 2019, 6 ноября. URL: https://mineconomy.uz/ru/info/2937 (дата обращения: 11.01.2026).

В Туркменистане длительное время не принимали документ, посвященный переходу к зеленой экономике. В стране даже не обсуждали вопросы по «развитию возобновляемой энергии» в масштабе всей стране [Eschanov B. 2019: 1–4]. Дискуссии шли вокруг использования «местных» возобновляемых энергоресурсов, под которыми имелись в виду ресурсы, к которым относили «гидроэнергию малых рек, солнечную радиацию, биоэнергоресурсы и энергию ветра» [Пенджиев 2015]. В то же время, в рамках «Национальной стратегии Туркменистана по изменению климата»[39], принятой в 2019 г., ставилась задача по стимулированию усилий, направленных на переход к комплексному и динамичному планированию для обеспечения устойчивого развития страны, подготовку экономики к возможным последствиям изменения климата.

Туркменистан, который проводил политику нейтралитета, не был заинтересован в том, чтобы соответствовать мировой тенденции создания зеленой экономики. Внутриполитическое развитие страны, где сформировался политический режим с сильной президентской властью, снизило интерес к внедрению принципов зеленой экономики. Тем не менее туркменские власти в конечном итоге стали разрабатывать документы, направленные на внедрение элементов зеленой экономики. Отправной точкой стал документ «Определяемого на Национальном уровне Вклада Туркменистана», утвержденного Президентом страны в мае 2022 г. Затем, в ноябре 2024 г., правительство Туркменистана приняло «дорожную карту» по укреплению международного сотрудничества Туркменистана на 2025–2026 гг. в области сокращения выбросов метана. Следует отметить, что в документах определены различные приоритеты, однако реализовывать их предполагалось за счет как внутренних средств, так и привлеченных финансов.

Более четко задачи, связанные с зеленой экономикой, прозвучали на конференции «Цифровая и „зеленая“ экономика — условие обеспечения устойчивого экономического развития», которая прошла в конце 2024 г. Именно так прозвучали оценки о том, что «особое значение придается развитию „зеленой“ экономики на среднесрочный и долгосрочный период, применению новых экологически приемлемых технологий и разработке инновационных решений в области охраны окружающей среды»[40].

В итоге можно говорить о том, что туркменская сторона достаточно поздно стала разрабатывать документы, в которых бы ставилась задача по внедрению принципов зеленой экономики.

[39] Национальная стратегия Туркменистана по изменению климата. URL: https://files.acquia.undp.org/public/migration/tm/110712_Strategy_ru.pdf (дата обращения: 23.01.2026).

[40] Цифровая и «зелёная» экономика — в авангарде государственной политики // Правительство Республики Туркменистан : официальный сайт. 20.09.2024. URL: https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/87602/cifrovaya-i-zelyonaya-ekonomika-v-avangarde-gosudarstvennoj-politiki (дата обращения: 21.01.2026).

Проблемы перехода к зеленой экономике

Принятые в странах Центральной Азии документы и сформулированные в них задачи по переходу к зеленой экономике амбициозны, но не подкреплены финансовыми ресурсами и кадровым потенциалом. Тем не менее в документах определены различные аспекты, связанные с переходом к зеленой экономике.

Исходя из политических факторов центральноазиатские государства стремятся внедрить модель зеленой экономики. Прежде всего, для стран региона важна демонстрация готовности следовать в русле геополитической повестки, которую продвигает ЕС. Данная политика позволяет странам региона заручиться одобрением со стороны международных финансовых институтов, которые активно поддерживают «зеленый курс», и тем самым рассчитывать на получение значительных финансовых средств. Именно отсутствие средств, которые необходимы для реализации данной задачи, по-прежнему остается основным препятствием для стран Центральной Азии. Тем более что «масштабная модернизация промышленных предприятий для выработки или потребления энергии из альтернативных или энергосберегающих источников потребовала бы значительных инвестиций, что несомненно повлияло бы на себестоимость продукции и сказалось бы на общих экономических показателях предприятий»[41].

Пока в Центральной Азии предпочитают не «замечать» затрат, которые необходимы для перехода к зеленой экономике. Так, реализация Казахстаном перехода к зеленой экономике требовала «инвестиций в объеме 1 % ВВП, что сопоставимо с 3–4 млрд долларов»[42].

Отсутствие собственных ресурсов заставляет страны Центральной Азии искать средства вне региона, у развитых государств и международных организаций. Так, Казахстан еще в 2024 г. обратился к Китаю за помощью в финансировании зеленых проектов. В итоге китайская сторона согласилась предоставить порядка 2,2 млрд долл. США для финансирования крупных проектов в нескольких областях Казахстана. При этом «финансирование будет осуществляться с участием международных финансовых институтов и банков»[43].

Подобная ситуация и примерные оценки необходимых средств применимы и в отношении других государств Центральной Азии. Например, Узбекистан столкнулся с проблемой финансирования перехода к зеленой экономике, что также вынудило его обратиться к внешним источникам финансирования. В декабре 2025 г. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и правительство Узбекистана «подписали соглашение о выделении 500 миллионов

[41] *Касым Е.* «Зеленая экономика» Казахстана: смена парадигмы или попытка выдать желаемое за действительное? 2019, 3 июня. URL: https://cabar.asia/ru/zelenaya-ekonomika-kazahstana-smena-paradigmy-ili-popytka-vydat-zhelaemoe-za-dejstvitelnoe (дата обращения: 28.01.2026).

[42] О Концепции по переходу Республики Казахстан к «зеленой экономике». Указ президент Республики Казахстан о 30 мая 2013 г. № 577 // Министерство юстиции Республики Казахстан : официальный сайт. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000577 (дата обращения: 13.01.2026).

[43] Китайские инвесторы построят в Казахстане ВИЭ-проекты на два млрд долларов. 28.01.2026. URL: https://www.inform.kz/ru/kitayckie-investori-postroyat-v-kazahstane-vie-proekti-na-dva-mlrd-dollarov-98414c?ysclid=ms603t128u198865984 (accessed: 28.01.2026).

долларов на реализацию Программы перехода к „зеленой“ и устойчивой рыночной экономике»[44].

В целом большинство стран региона делает ставку на привлечение внешних средств. В 2025 г. общий объем иностранных инвестиций в сферу «зеленой» энергетики Узбекистана оценивался в 6 млрд долл. США[45]. При этом крупнейшими инвесторами в зеленые проекты выступают зарубежные компании. Так, «Citibank, JPMorgan, Franklin Templeton открыли офисы в Ташкенте. ACWA Power (Саудовская Аравия) строит в Узбекистане зеленые электростанции на 15 млрд долл. США — крупнейший проект компании за пределами королевства. BYD открыл завод электромобилей — они уже появляются на дорогах. Coca-Cola и Boeing подписали контракт с Узбекистаном на 8 млрд долл. Franklin Templeton управляет госинвестфондом UzNIF на 1,7 млрд долл.»[46].

Ключевыми проблемами при переходе к зеленой экономике для стран региона остаются вопросы, связанные с «необходимостью модернизации энергетической инфраструктуры, привлечением частных инвестиций, созданием благоприятной нормативно-правовой базы и повышением осведомленности населения о преимуществах ВИЭ»[47].

Так называемые зеленые технологии требуют начального капитала, что сдерживает реализацию многих проектов. При этом, «если „зеленые“ технологии могут оказать положительное влияние, то лишь в долгосрочной перспективе, поскольку срок окупаемости энергоэффективных решений составляет 5–10 лет»[48]. К «высоким субсидиям на традиционные источники энергии; низким ценам на электроэнергию; ограниченному долгосрочному финансированию; высоким первоначальным инвестиционным затратам в связи с импортом используемых технологий» [Зеленая экономика: реалии и перспективы в Казахстане 2018] добавились кадровые проблемы.

---

[44] *Алимова А.* Узбекистан и АБИИ подписали Программу перехода к «зеленой» экономике на 500 млн долларов. 01.12.2025. URL: https://uza.uz/ru/posts/uzbekistan-i-abii-podpisali-programmu-perexoda-k-zelenoy-ekonomike-na-500-mln-dollarov_789624?ysclid=ml2aq8aqq0641942200 (дата обращения: 27.01.2026).

[45] В сферу «зеленой» энергетики Узбекистана привлечено 6 млрд долл. иностранных инвестиций. 24.06.2025. URL: https://www.ritmeurasia.ru/news--2025-06-24--v-sferu-zelenoj-energetiki-uzbekistana-privlecheno-6-mlrd-doll.-inostrannyh-investicij-81117 (дата обращения: 14.01.2026).

[46] *Никитин С.* Узбекистан рвет экономические шаблоны — и превращается в страну будущего в Центральной Азии. 16.10.2025. URL: https://digitalbusiness.kz/2025-10-16/uzbekistan-rvet-ekonomicheskie-shabloni-i-prevrashchaetsya-v-stranu-budushchego-v-tsentralnoy-azii/ (дата обращения: 28.01.2026).

[47] *Абдрахманова Г.* Как развивается «зеленая» энергетика в странах Центральной Азии. 26.06.2025. URL: https://www.inform.kz/ru/kak-razvivaetsya-zelenaya-energetika-v-stranah-tsentralnoy-azii-a39afc?ysclid=ml2eqpuigc71389764 (дата обращения: 28.01.2026).

[48] «Зеленый» переход начинается не с глобальных заявлений, а цифр в квитанции: системные ошибки стран Центральной Азии. 29 апреля 2025. URL: https://economist.kg/ekonomika/2025/04/29/zielienyi-pieriekhod-nachinaietsia-nie-s-ghlobalnykh-zaiavlienii-a-tsifr-v-kvitantsii-sistiemnyie-oshibki-stran-tsientralnoi-azii/?ysclid=ml2ez60a96244085968 (дата обращения: 29.01.2026).

Сдерживающим фактором для реализации планов по внедрению зеленой экономики выступает отсутствие государственной поддержки для отдельных предприятий и финансовых инструментов. Без комплексной поддержки со стороны государства в виде налоговых льгот и грантов, способных ускорить внедрение и компенсировать затраты, переход рискует растянуться на длительный период. Вместе с тем страны Центральной Азии, не могут себе позволить предоставлять масштабные льготы для реализации зеленых проектов, поскольку это будет означать недофинансирование других секторов экономики.

Существуют альтернативные оценки, которые делают упор на сопоставлении показателей, которые бы экономика могла достичь при реализации зеленого курса или отказа от внедрения новых технологий. В Казахстане были проведены исследования, которые показали, что «упущенная выгода от неэффективного использования природных ресурсов составляет 4–8 млрд долл. ежегодно, а к 2030 г. эта цифра может достигнуть 14 млрд долл. Хотя ранее было подсчитано, что Казахстану для перехода к зеленой экономике может потребоваться порядка 96 млрд долл. в период 2015–2045 гг.» [Aldayarov, Dobozi, Nikolakakis 2017]. Сопоставление данных значений не дает однозначного ответа на вопрос, насколько выгодно и оправданно делать ставку на развитие зеленой экономики, отказываясь от финансирования других секторов экономики.

При этом в центральноазиатских странах оценки полученных выгод от следования зеленому курсу ограничиваются цифрами, сколько будет получено, например, электроэнергии или сколько построено объектов или какие ожидаются потери. Расчеты по конкретным секторам или в целом экономикам стран региона отсутствуют. Так, в Концепции по переходу Республики Казахстан к зеленой экономике указано, что «потери от низкой продуктивности земель составляют 1,5–4 млрд долл. в год, а к 2030 г., эта цифра может вырасти еще больше»[49]. При этом ничего не говорится, как изменится ситуация при следовании зеленому курсу. В итоге есть прогнозные ориентиры, зафиксированные в документах, но они в большей мере декларируемые и не подкреплены расчетами.

Таким образом, все без исключения страны Центральной Азии продолжают курс на формирование зеленой экономики. Там на политическом уровне разделяют принципы зеленой экономики, которая предполагает рациональное использование природных ресурсов и минимизацию негативного влияния на окружающую среду. В сфере энергетики опора делается на возобновляемые источники энергии (ВИЭ) и повышение эффективного управления природными ресурсами [Вилисов, Назарова 2018].

Принятые в центральноазиатских странах документы ставят амбициозные задачи, провозглашая зеленую повестку ключевым элементом развития государства на ближайшее десятилетие. Тем не менее страны Центральной Азии ищут различные пути перехода к зеленой экономике. В качестве одного из основных

[49] О Концепции по переходу Республики Казахстан к «зеленой экономике». Указ президент Республики Казахстан о 30 мая 2013 г. № 577 // Министерство юстиции Республики Казахстан : официальный сайт. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000577 (дата обращения: 13.01.2026).

направлений можно назвать использование и развитие ВИЭ. Распространенной точкой зрения является утверждение, что переход к ВИЭ окажет положительное влияние на решение многих экономических проблем в странах Центральной Азии, прежде всего в водно-энергетической сфере, и поможет преодолеть негативные последствия изменения климата. Однако вне рассмотрения остается ряд вопросов, которые ставят под сомнение возможность реализации в странах Центральной Азии декларируемых планов.

Во-первых, страны региона не располагают необходимыми финансовыми ресурсами, которые требуются для перехода к ВИЭ. Отсутствие собственных средств вынуждает страны обращаться за помощью к привлечению внешних средств, в основном со стороны международных финансовых организаций.

Во-вторых, вовлеченность внерегиональных акторов в осуществление планов перехода к зеленой экономике несет в себе определенные политические риски. Через экономические механизмы внерегиональные акторы оказывают давление на страны региона, добиваясь от них выгодных для себя решений. Страны Центральной Азии выступают в качестве рынка сбыта продукции, который необходим внерегиональным акторам. Для России расширение присутствия в регионе внешних игроков также создает определенные политические и экономические риски. Страны Центральной Азии, которые в последние годы значительно диверсифицировали внешнеполитические контакты и расширили внешнеэкономическое взаимодействие, уже в меньшей степени заинтересованы в сотрудничестве с Россией, рассматривая ее в качестве одного из потенциальных партнеров.

В-третьих, неурегулированными остаются многие аспекты различных проектов, которые в теории должны открыть новые возможности центральноазиатских государств. Одним из таких проектов является проект Рогунской ГЭС. Ее строительство должно обеспечить поставки электроэнергии за пределы страны. Конечной точкой поставки должен стать Пакистан. Однако существует ряд проблем. Прежде всего, поставки электроэнергии в значительных количествах могут осуществляться в течение 4–5 месяцев, когда ГЭС будет работать на полную мощность. Следовательно, больше чем полгода станция будет работать в ограниченном режиме. По проекту, в обратную сторону электроэнергию должен был поставлять Пакистан, и тем самым реализовывался бы принцип полной загрузки системы. Однако Пакистан пока не располагает мощностями, которые могли бы вырабатывать значительный объем электроэнергии и могли бы обеспечить ее поставки в Таджикистан.

Страны Центральной Азии располагают значительным потенциалом для развития солнечной и ветровой энергии. Однако для развития этого вида энергии также необходимы значительные вложения, оборудование и инфраструктура. Кроме того, доля ВИЭ в регионе пока не превышает 5–6 %, что ставит под сомнение их возможность уменьшить нагрузку на водные ресурсы и повысить эффективность управления и контроля по использованию воды в сельском хозяйстве и энергетике. Соответственно, стоит осторожно относиться к тезисам, что «развитие ВИЭ может стимулировать экономический рост и создать новые рабочие

места, что позволит странам приблизиться к решению социальных и экологических вопросов» [Джумамырадов, Гапурджанов, Курбанкулиев, Нурыев 2024].

В итоге, несмотря на кажущиеся выгоды, зеленый курс оставляет много вопросов, особенно в условиях изменения климата и нарастающего дефицита водных ресурсов. Неопределенность в развитие зеленой экономики вносит вопросы, связанные с финансированием данного перехода, отсутствием у центральноазиатских государств долгосрочных инвестиций и возросшей зависимостью от иностранных инвесторов, за счет которых реализуется значительная часть проектов. Более того, ранее высказывались опасения, что «глобальные стандарты и системы сертификации, связанные с переходом к „зеленой экономике“, приведут к „зеленому протекционизму“ и ограничению доступа на рынки, а развивающимся странам будут навязывать дополнительные условия для получения официальной помощи для развития со стороны доноров» [Липина, Агапова, Липина 2016].

Заключение

Тем не менее зеленый курс по-прежнему популярен в странах Центральной Азии, которые стремятся максимально использовать сложившийся в мировой политике и экономике тренд, направленный на внедрение ВИЭ и снижение доли ископаемых ресурсов в производстве продукции.

Существует и обратная сторона развития зеленой экономики. Отвлечение средств от базовых секторов экономики и перераспределение средств внутри стран Центральной Азии может в конечном итоге замедлить их развитие. По этой причине, несмотря на привлекательность зеленой экономики, переход к провозглашенным принципам требует дополнительного изучения. Особенно это касается финансирования зеленых проектов. Нельзя исключать, что «зеленый переход» не только не приведет к решению стоящих перед Центральной Азией проблем, но и спровоцирует их обострение.

Поступила в редакцию / Received: 22.02.2026
Доработана после рецензирования / Revised: 11.05.2026
Принята к публикации / Accepted: 15.05.2026

Библиографический список

Вилисов М.В., Назарова Ю.А. «Зеленая экономика» в контексте государственной политики постсоветских стран // Российский экономический журнал. 2018. № 1. С. 81–92. EDN: WACIFN

Винокуров Е., Ахунбаев А., Бабаджанян В., Бердигулова А., Забоев А., Кузнецов А., Малахов А., Перебоев В., Усманов Н., Федоров К., Харитончик А. Экономика Центральной Азии: новый взгляд : доклады и рабочие документы 22/3. Алматы, Бишкек, Москва : Евразийский банк развития. 2022. С. 3–10.

Глянц М.Г. Водная безопасность в условиях изменяющегося климата // Проблемы постсоветского пространства. 2018. Т. 5. № 3. С. 218–223. https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-3-218-223.

Джумамырадов Б., Гапурджанов М., Курбанкулиев С., Нурыев А. Региональное сотрудничество в сфере энергетики в Центральной Азии: актуальные вопросы и перспективы // Eo ipso. 2024. № 6. С. 21–23. EDN: KMIHVC

Зеленая экономика. Введение для политиков, неправительственных организаций и научных работников Центральной Азии. Landell&Mills Ltd., 2014. 21 с.

Зеленая экономика: реалии и перспективы в Казахстане. АО «Фонд национального благосостояния «Самрук-Қазына», 2018. Август. 36 с.

Липина С.А., Агапова Е.В., Липина А.В. Зеленая экономика. Глобальное развитие. Москва : Проспект, 2016. 234 с.

Пенджиев А.М. Перспективы использования «зеленой» экономики в Туркменистане // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 38. С. 14–24. EDN: ULUCVF

Aldayarov M., Dobozi I., Nikolakakis Th. Stuck in Transition: Reform Experiences and Challenges Ahead in the Kazakhstan Power Sector. International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank. 2017.

Eschanov B. et al. Renewable Energy Policies of the Central Asian Countries // Central Asia Regional Data Review. 2019. № 16. 1–4.

Zhiltsov S.S., Zonn I.S., Grishin O.E., Egorov V.G., Ruban M.S. Transboundary Rivers in Central Asia: Cooperation and Conflicts Among Countries // Water Resources in Central Asia: International Context. 2018 Vol. 85. P. 61–80.

References

Aldayarov, M., Dobozi, I., & Nikolakakis, Th. (2017). *Stuck in transition: Reform experiences and challenges ahead in the Kazakhstan power sector*. International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank.

Eshanov, B., et al. (2019). Renewable energy policies of the Central Asian countries. *Central Asia Regional Data Review*, *16*, 1–4.

Glyants, M.G. (2018). Water security in a changing climate. *Problems of the Post-Soviet Space*, *5*(3), 218–223. (In Russian). https://doi.org/10.24975/2313–8920–2018–5–3–218–223

Green economy: Realities and prospects in Kazakhstan. (2018, August). JSC National Welfare Fund Samruk-Kazyna. (In Russian).

Green economy: Introduction for policymakers, non-governmental organizations, and researchers in Central Asia. (2014). Landell & Mills, Ltd. (In Russian).

Jumamyradov, B., Gapurjanov, M., Kurbankuliev, S., & Nuryev, A. (2024). Regional cooperation in the energy sector in Central Asia: Current issues and prospects. *Eo ipso*, *6*, 21–23. EDN: KMIHVC (In Russian).

Lipina, S.A., Agapova, E.V., & Lipina, A.V. (2016). *Green economy: Global development*. Prospect. (In Russian).

Pendzhiev, A.M. (2015). Prospects for using the “green” economy in Turkmenistan. *Economic Analysis: Theory and Practice*, *38,* 14–24. EDN: ULUCVF (In Russian).

Vilisov, M.V., & Nazarova, Yu.A. (2018). “Green economy” in the context of public policy of post-Soviet countries. *Russian Economic Journal*, *1*, 81–92. EDN: WACIFN (In Russian).

Vinokurov, E., Akhunbaev, A., Babadzhanyan, V., Berdigulova, A., Zaboev, A., Kuznetsov, A., Malakhov, A., Pereboev, V., Usmanov, N., Fedorov, K., & Kharitonchik, A. (2022). *Economy of Central Asia: A new look* (Reports and Working Papers 22/3). Eurasian Development Bank. (In Russian).

Zhiltsov, S.S., Zonn, I.S., Grishin, O.E., Egorov, V.G., & Ruban, M.S. (2018). Transboundary rivers in Central Asia: Cooperation and conflicts among countries. *Water Resources in Central Asia: International Context*, *85*, 61–80.

Сведения об авторе:

Жильцов Сергей Сергеевич — доктор политических наук, заведующий кафедрой политической теории, Дипломатическая академия МГИМО МИД России (e-mail: sergej-z71@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-4898-2627, SPIN-код: 4297-7880, AuthorID: 110516, Scopus ID: 56527098500, WOS ID: AAI-1346-2020).

About the author:

Sergey S. Zhiltsov — Doctor of Political Sciences, Head of the Department of Political Theory, Diplomatic Academy of MGIMO University of the Russian Foreign Ministry (e-mail: sergej-z71@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-4898-2627, SPIN-code: 4297-7880, AuthorID: 110516, Scopus ID: 56527098500, WOS ID: AAI-1346-2020).

RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 3 750–764**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ И РАЗВИТИЯ

SECURITY AND DEVELOPMENT ISSUES

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-3-750-764
EDN: HZWFBU

Научная статья / Research article

Информационный риск-менеджмент в системе стратегического политического управления в условиях развития искусственного интеллекта: современные модели и механизмы

Д.А. Мальцева[1, 2], А.В. Алейников[1] ✉, К.Е. Стребкова[1]

[1]Санкт-Петербургский государственный университет, *Санкт-Петербург, Российская Федерация*

[2]Российский университет дружбы народов, *Москва, Российская Федерация*

✉ a.alejnikov@spbu.ru

Аннотация. В условиях цифровой трансформации управление информационными рисками приобретает системообразующее значение в архитектуре стратегического политического управления, определяя устойчивость институциональной среды, качество управленческих решений и уровень информационного суверенитета государства. Раскрываются три ключевые аналитические модели информационного риск-менеджмента — менеджмент знаний, коммуникационный менеджмент и информационный менеджмент — и прослеживается их качественная трансформация под воздействием технологий искусственного интеллекта. Особое внимание уделено смещению от реагирующих к проактивным стратегиям управления, в рамках которых ИИ выступает инструментом сценарного прогнозирования, ранней идентификации рисков и опережающего конструирования информационной повестки. Прослеживается, как современная система управления информационными рисками формируется в логике новой культуры принятия политических решений, основанной на данных (data-driven, data-informed, data-augmented) и предполагающей интеграцию инструментов прогнозирования, мониторинга, верификации и стратегической интерпретации информации. Рассматриваются актуальные практики применения больших языковых моделей, графов знаний, технологий поисковой генерации (RAG) и мультиагентного моделирования социально-политических процессов в контуре государственного управления. Обосновано, что обеспечение кибербезопасности, цифрового суверенитета и институционального доверия, а также развитие интеллектуализированных механизмов

© Мальцева Д.А., Алейников А.В., Стребкова К.Е., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

противодействия деструктивным информационным воздействиям приобретают ключевое значение в условиях гибридных вызовов и возрастающей неопределенности. Сделан вывод о необходимости формирования суверенной ИИ-инфраструктуры и нормативно-этической рамки алгоритмического управления как условий обеспечения долгосрочной политической устойчивости государства.

Ключевые слова: информационный риск-менеджмент, стратегическое политическое управление, искусственный интеллект, кибербезопасность, цифровой суверенитет, институциональное доверие, информационная безопасность, гибридные угрозы

Благодарности. Публикация выполнена в рамках Госзадания № FSSF-2026-0078 «Риск-менеджмент в экосистеме стратегического политического управления РФ: архитектура решений в условиях развития искусственного интеллекта».

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Мальцева Д.А., Алейников А.В., Стребкова К.Е.* Информационный риск-менеджмент в системе стратегического политического управления в условиях развития искусственного интеллекта: современные модели и механизмы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 3. С. 750–764. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-750-764 EDN: HZWFBU

Information Risk Management in the System of Strategic Political Governance in the Context of Artificial Intelligence Development: Contemporary Models and Mechanisms

Daria A. Maltseva[1, 2], Andrei V. Aleinikov[1] ✉, Karina E. Strebkova[1]

[1]Saint Petersburg State University, *St Petersburg, Russian Federation*

[2]RUDN University, *Moscow, Russian Federation*

✉ a.alejnikov@spbu.ru

Abstract. Under conditions of digital transformation, information risk management assumes a system-forming role within the architecture of strategic political governance, determining the resilience of the institutional environment, the quality of managerial decision-making, and the level of the state's information sovereignty. The article elaborates three core analytical models of information risk management — knowledge management, communication management, and information management — and traces their qualitative transformation under the influence of artificial intelligence technologies. Particular attention is devoted to the shift from reactive to proactive governance strategies, in which AI functions as an instrument of scenario-based forecasting, early risk identification, and anticipatory agenda construction. The research further examines how the contemporary system of information risk management is taking shape within the logic of a new data-based culture of political decision-making (data-driven, data-informed, and data-augmented), one that presupposes the integration of forecasting, monitoring, verification, and strategic information interpretation tools. Current practices involving large language models, knowledge graphs, retrieval-augmented generation (RAG), and multi-agent simulation of socio-political processes within public governance frameworks are analysed.

It is substantiated that ensuring cybersecurity, digital sovereignty, and institutional trust, alongside the development of intelligent mechanisms for countering destructive information influence, acquire critical importance in the face of hybrid threats and escalating uncertainty. The article concludes that the formation of a sovereign AI infrastructure and a normative-ethical framework for algorithmic governance constitute essential preconditions for the long-term political resilience of the state.

Keywords: information risk management, strategic political governance, artificial intelligence, cybersecurity, digital sovereignty, institutional trust, information security, hybrid threats

Acknowledgements. This publication was prepared within the framework of State Assignment No. FSSF-2026-0078 “Risk Management in the Ecosystem of Strategic Political Governance of the Russian Federation: Solution Architecture in the Context of Artificial Intelligence Development.”

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Maltseva, D.A., Aleinikov, A.V., & Strebkova, K.E. (2026). Information risk management in the system of strategic political governance in the context of artificial intelligence development: Contemporary models and mechanisms. *RUDN Journal of Political Science, 28*(3), 750–764. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-750-764 EDN: HZWFBU

Введение

Обращение к проблематике стратегического управления позволяет осуществлять комплексный анализ механизмов устойчивости и адаптивности государства к «большим вызовам», в котором практика минимизации рисков сопрягается с институционализацией стратегических возможностей на фоне ускоряющихся политических и технологических трансформаций.

В современных условиях стратегическое управление все заметнее переориентируется не на нейтрализацию уже состоявшихся угроз, а на формирование механизмов упреждающего реагирования в среде, где неопределенность стала фоновой характеристикой [Пригожин 1991].

О.В. Гаман-Голутвина справедливо подчеркивает, что глобальная турбулентность превратилась сегодня в устойчивую характеристику современного миропорядка: за ней стоят ускоренная эскалация конфликтов, трансформация архитектуры безопасности, геоэкономическая фрагментация и разрушение ранее стабильных моделей политического и социального взаимодействия [Гаман-Голутвина 2024]. Эту логику развивал в иной, скорее трагической, тональности О.Н. Яницкий, связывая турбулентность с предельной степенью нестабильности мировой системы, сопровождающейся ростом рисков деградации и конфликтного передела ресурсов, ценностей и сфер влияния [Яницкий 2011: 158].

Современные исследования также фиксируют и другое: риски по-прежнему распределяются асимметрично, усиливая уязвимость одних социальных групп и территорий за счет других и воспроизводя структурные формы неравенства [Hall, Winlow 2003].

В этих условиях разработка интегративных подходов к анализу и управлению рисками перестает быть сугубо академической задачей, превращаясь в политический императив, особенно в информационной сфере, которая приобретает стратегическое значение.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена необходимостью концептуализации нового институционального и аксиологического дизайна управления информационными рисками, формирующегося на пересечении логики нового общества риска и цифровой трансформации.

В данном случае речь идет о выработке новой архитектуры информационного взаимодействия и стратегического управления, основанной на интеграции данных, знаний и технологий искусственного интеллекта.

Аналитические модели информационного риск-менеджмента

В условиях нарастающей информационной турбулентности и усложнения политико-коммуникационной среды принципиальное значение приобретает выбор базовой стратегии имплементации управления информационными рисками.

В наиболее общем виде можно выделить две полярные логики [Дамодаран 2010].

Первая — реагирующая — ориентирована на постфактум-реакции на уже реализовавшиеся риски и отличается ограниченной способностью работать с неопределенностью. Именно в этой логике У. Бек вводит концепт «организованной безответственности», схватывающий имитационные формы контроля над рисками: «Каждый является причиной и следствием и тем самым не является причиной. Причины растворяются во всеобщей взаимозависимости между агентами и условиями, реакциями и контрреакциями» [Бек 2000: 38].

Вторая, проактивная, напротив, предполагает опережающее прогнозирование и конструирование информационной среды. Ее эффективность сегодня все заметнее определяется развитием технологий искусственного интеллекта, выступающих инструментом ранней идентификации рисков.

Очевидно, что развитие проактивных подходов актуализирует необходимость выделения аналитических моделей, обеспечивающих системное сценарирование и управление информационными рисками. В этой связи представляется обоснованным выделить три взаимодополняющие модели информационного риск-менеджмента.

Первая — модель менеджмента знаний (Knowledge Management), которая ориентирована на изучение процессов генерации, дистрибуции, аккумуляции и рециркуляции знаний с последующей их трансформацией в систематизированную архитектуру риск-менеджмента. В современных реалиях политического управления данная модель переживает качественную трансформацию под воздействием ИИ, поскольку классические системы каталогизации данных уступают место нейросетевым семантическим поисковым механизмам, алгоритмам

автоматической категоризации и разметки сложноструктурированной информации [Jarrahi et al. 2023].

В плоскости практической реализации это предполагает использование технологий глубокого семантического анализа на базе архитектур больших языковых моделей (NLP/LLM) для автоматического извлечения неявного знания из слабоструктурированных массивов данных [Taherdoost, Madanchian 2023]. Ключевыми инструментами здесь становятся онтологический инжиниринг и построение динамических графов знаний, позволяющие выявлять скрытые каузальные связи и корреляции между разнородными политическими процессами, латентными акторами и зарождающимися гибридными угрозами [Earley 2023].

В своей современной конфигурации данная модель ориентирована на капитализацию государственного организационного знания и развитие когнитивной инфраструктуры общества, что способствует системному снижению рисков принятия управленческих решений [Baert, Rubio 2011].

Вторая модель — коммуникационного менеджмента (Communication Management) предполагает системный мониторинг и анализ рискогенных коммуникационных процессов, включая многостороннее взаимодействие политических акторов, траектории распространения информации и механизмы формирования общественного восприятия рисков. В условиях платформенного капитализма и алгоритмически опосредованной коммуникации данная модель претерпевает качественную трансформацию под воздействием искусственного интеллекта [Battista, Mangone 2025].

Ключевыми практиками в этой сфере становятся развертывание ИИ-платформ прослушивания социальных медиа для ранней идентификации кризисных сигналов, дезинформационных кампаний и аномалий в поведении сетевых сообществ; применение алгоритмов эмоционально-смыслового анализа тональности и нейросетевого тематического картирования для фиксации динамики общественных настроений и выявления латентных точек социальной напряженности; интеграция генеративного ИИ и интеллектуальных диалоговых ассистентов в контур государственных коммуникаций для обеспечения интерактивного взаимодействия с населением в условиях кризиса; применение генеративных языковых моделей для динамического конструирования и адаптации риторических фреймов политических сообщений с учетом ценностных и поведенческих профилей целевых аудиторий [Duberry 2022].

При этом сохраняется фундаментальная проблема, обозначенная К. Дэвисом и соавторами: асимметрия восприятия риск-коммуникации, приводящая к когнитивным искажениям и снижению эффективности взаимодействия [Davies, Covello, Allen 1987]. В современных условиях эта проблема существенно усложняется алгоритмической фильтрацией контента рекомендательными системами, что ведет к формированию замкнутых «информационных пузырей» (эхо-камер), затрудняющих трансляцию консолидирующих государственных нарративов [Cinelli et al. 2021].

В данном контексте особую актуальность приобретает концепция Н. Талеба «шкуры на кону» (skin in the game) [Талеб 2022], фиксирующая разрыв между распределением рисков и ответственности. В цифровой среде эта асимметрия проявляется с особой остротой: акторы, генерирующие и распространяющие деструктивный контент, практически избавлены от рисков ответственности, в то время как последствия их дезинформационной активности несут общество и государственные институты. Следовательно, управление коммуникационными рисками требует институционального выравнивания ответственности участников информационного обмена.

На современном этапе данная концепция получает развитие в рамках цифровых платформенных экосистем («Макс», ВКонтакте и др.), где политические акторы стремятся формировать управляемые информационные среды со своими алгоритмическими и поведенческими «правилами игры». Вместе с тем следует констатировать, что интеграция сквозных технологий ИИ в контур отечественных платформ пока носит фрагментарный характер и находится на этапе транзита. Если базовые функции автоматизации (чат-боты со строго запрограммированной логикой, модерация по ключевым словам и др.) реализованы достаточно масштабно, то технологии предиктивной аналитики и динамического когнитивного фрейминга внедрены лишь частично. Это создает стратегический вызов для отечественной ИТ-индустрии и государства, определяя необходимость форсированного развития собственных интеллектуальных инструментов управления коммуникациями для обеспечения безопасности суверенного медиапространства.

Завершая анализ, следует выделить модель информационного менеджмента (Information Management), ориентированную на разработку и реализацию стратегических сценариев в условиях, где ключевое значение приобретает комплексное управление информационными потоками, их содержанием, каналами распространения и эффектами восприятия [Мальцева, Сафонова, Тузова 2023]. В отличие от менеджмента знаний, ориентированного преимущественно на создание, накопление и трансфер знаний, а также коммуникационного менеджмента, сфокусированного на организации взаимодействия между акторами, информационный менеджмент охватывает полный цикл управления информацией — от ее отбора, верификации и интерпретации до обработки, распространения и оценки управленческих эффектов. [Davenport 1997].

В контексте стратегического политического управления информационный менеджмент представляет собой не просто совокупность технических процедур обращения с данными, но и самостоятельное направление риск-менеджмента, связанное с управлением информацией как стратегически значимым политическим ресурсом [McKnight 2013]. Его функциональное назначение заключается в выявлении и оценке информационных рисков, выборе адекватных механизмов реагирования и интеграции риск-ориентированных подходов в процессы политико-управленческого взаимодействия. В прикладном аспекте это предполагает организацию информационных процессов, аналитическую обработку

и интерпретацию данных, а также планирование информационного воздействия с учетом особенностей и ожиданий целевых аудиторий.

Актуальным методологическим инструментом описания данной логики выступает модель DIKAR, отражающая последовательный переход от данных к результату: Data — Information — Knowledge — Action — Result [Amodu, Ologbosere 2021]. На первом этапе данные, аккумулируемые в информационно-технологической инфраструктуре, проходят отбор, очистку и аналитическую подготовку. На втором — они трансформируются в информацию, приобретая контекст, структуру и первичную интерпретацию. На третьем этапе информация преобразуется в знание, обеспечивающее понимание причинно-следственных связей и потенциальных последствий происходящих процессов. Четвертый этап предполагает трансформацию знания в действие-принятие стратегических, административных и коммуникационных решений. На завершающем этапе осуществляется оценка результатов с точки зрения снижения рисков, стабилизации ситуации, корректировки поведения акторов и повышения эффективности управления.

Вместе с тем в условиях цифровой трансформации и усложнения архитектуры современных политических процессов классическая модель DIKAR требует концептуальной актуализации. Линейная логика перехода от данных к результату оказывается недостаточной. Данные могут характеризоваться неполнотой, фрагментарностью, алгоритмической предвзятостью, манипулятивной сконструированностью либо использоваться в ущерб публичным интересам. В этой связи модель DIKAR целесообразно дополнить контуром институционального контроля, верификации и защиты информации, обеспечивающим баланс между открытостью данных и требованиями информационной безопасности. В этих условиях одной из ключевых задач государства становится обеспечение прозрачности и доступности общественно значимой информации при одновременной минимизации рисков утечек, фальсификаций, кибервоздействий, дезинформационных кампаний и несанкционированного использования данных.

Особую актуальность в этом контексте приобретает проблема доступа к информации. Ограниченность цифровых архивов, фрагментарность государственных баз данных, устаревшие технологические инфраструктуры и несовершенство правовых режимов доступа снижают качество информационного обмена и ослабляют доверие к государственным решениям [McDermott 2008]. Однако противоположная крайность — неконтролируемая открытость — также порождает риски: уязвимость персональных данных, манипулятивное использование статистики, киберпреступность и распространение недостоверной информации.

Следовательно, современный информационный менеджмент должен быть ориентирован не только на расширение доступа к данным, но и на создание защищенной, проверяемой и управляемой информационной среды.

Именно в логике установления баланса между открытостью и безопасностью технологии искусственного интеллекта приобретают системообразующее значение в архитектуре современного информационного менеджмента. ИИ позволяет перейти от универсальных режимов доступа к информации

к их дифференцированным и адаптивным моделям, обеспечивая селективную прозрачность при одновременном сохранении контроля над чувствительными данными. В частности, системы на базе искусственного интеллекта могут использоваться для автоматической классификации информации по уровням доступа, выявления конфиденциальных данных с их последующей защитой или деперсонализацией, а также для мониторинга попыток несанкционированного доступа и аномалий в информационных потоках. Тем самым обеспечивается возможность расширения открытых данных без увеличения уязвимости системы: ИИ формирует управляемую архитектуру распространения информацией, где открытость становится контролируемым параметром.

Таким образом, на сегодняшний день искусственный интеллект выступает ключевым инструментом институционализации баланса между прозрачностью и безопасностью. Современная модель информационного менеджмента трансформируется в интеллектуализированную систему управления информационными рисками, где данные, знания, действия и результаты связываются не линейно, а через постоянный цикл мониторинга, анализа, верификации, прогнозирования и корректировки решений. В такой конфигурации искусственный интеллект не подменяет политическое решение, но становится инструментом его аналитического сопровождения, позволяя повысить скорость обработки информации, выявить скрытые закономерности, снизить неопределенность и обеспечить более ответственное управление информационными рисками.

Новая архитектура принятия политических решений в условиях информационной турбулентности: культура данных

В условиях нарастающей информационной турбулентности и усложнения политико-коммуникационной среды формирование новой архитектуры принятия решений становится не просто следствием цифровизации, но ответом на необходимость институционализации обозначенного выше баланса между открытостью и безопасностью информационного пространства. В этих условиях особую значимость приобретает культура данных как основа рационализации управленческих процессов, которая предполагает не только расширение доступа к информации, но и ее структурированное, селективное и контролируемое использование в логике управления информационными рисками.

В авторской интерпретации данные выступают ключевым структурообразующим ресурсом доказательной политики (evidence-based policy). Ее практическое воплощение выражается в трех сопряженных моделях — алгоритмо-детерминированной (data-driven), доказательной (data-informed) и интеллектуально-расширенной (data-augmented), дифференцирующихся по степени интеграции алгоритмических систем в процессы принятия решений и уровню распределения субъектности между человеком и технологией [Höchtl et al. 2016].

Алгоритмо-детерминированная модель предполагает глубокую автоматизацию управленческих процессов на базе непрерывного потокового

анализа больших данных. В плоскости управления информационными рисками данный подход реализуется через развертывание предиктивных систем раннего предупреждения, где алгоритмы машинного обучения в автоматическом режиме выявляют аномалии в медиасреде. На смену классическим методам обработки естественного языка (NLP) приходят мультимодальные большие языковые модели (LLMs) и алгоритмы семантического векторного поиска [Zhao et al. 2026]. Они позволяют в режиме реального времени обрабатывать гетерогенные потоки данных (социальные медиа, мессенджеры, платформенные экосистемы) с целью обнаружения скрытых признаков манипулирования общественным мнением. При достижении математически заданных критических порогов система автоматически инициирует превентивные сценарии (например, таргетированное распределение верифицированного контента или генерацию встречных информационных импульсов). Для минимизации неопределенности до практического внедрения решений применяются методы мультиагентного социодинамического моделирования (где поведение общества симулируется популяциями автономных ИИ-агентов) и контролируемые поведенческие микротесты, оценивающие реакцию целевых аудиторий на альтернативные форматы государственной повестки [Park J.S. et al. 2023].

Доказательная модель представляет собой гибкий и институционально сбалансированный формат управления, в рамках которого искусственный интеллект выступает в качестве инструмента аналитической поддержки, сохраняя исключительную монополию на принятие окончательных решений за политическим субъектом. В рамках данной логики развертываются государственные интеллектуальные системы поддержки принятия решений, агрегирующие гетерогенные потоки данных из ведомственных и открытых источников в единые интерактивные когнитивные карты. Искусственный интеллект применяется здесь для многовариантного сценарного прогнозирования, выявления зарождающихся рискогенных трендов и оценки устойчивости социально-политической системы, что позволяет минимизировать когнитивные искажения и субъективизм административного аппарата в условиях неопределенности [Канеман, Словик, Тверски 2005]. В сфере стратегических коммуникаций данная модель реализуется через внедрение генеративных ИИ-архитектур, контролируемых технологиями поисковой генерации (RAG — Retrieval-Augmented Generation) [Lewis P. et al. 2020]. Это обеспечивает оперативную выработку верифицированных фактологических аргументов, адаптацию государственных сообщений под ценностные и поведенческие профили различных аудиторий, а также быстрое реагирование на информационные вызовы, существенно снижая риски асимметрии в восприятии рисков государством и обществом.

Интеллектуально-расширенная модель (data-augmented) ориентирована на качественное масштабирование когнитивного и прогностического потенциала субъекта управления без директивного навязывания алгоритмических траекторий. Ключевым инструментарием выступают здесь цифровые двойники

(digital twins) социально-политических процессов [Ratti, Claudel 2015] и системы динамического имитационного моделирования, позволяющие воспроизводить альтернативные варианты развития событий под воздействием внешних и внутренних шоков в условиях высокой неопределенности. В практической плоскости данная модель реализуется через интеллектуальные платформы партисипаторного (соучаствующего) проектирования и обратной связи [Zolkafli, Salleh 2025]. На таких платформах ИИ преобразует сложные массивы ведомственной информации в доступные для граждан интерактивные визуализации, объясняя логику принимаемых решений. Это не только повышает уровень легитимности государственной политики, но и вовлекает общество в процессы совместной верификации данных, создавая распределенную архитектуру снижения информационных рисков.

Вместе с тем интеграция обозначенных моделей работы с данными порождает специфические риски: скрытую алгоритмическую предвзятость базовых нейросетевых моделей, уязвимость данных к внешнему деструктивному воздействию и системное снижение доверия к обезличенным автоматизированным решениям. Особую угрозу в этой связи представляет когнитивная зависимость — латентное заимствование чуждых ценностных установок через алгоритмы зарубежных ИИ-платформ. В этих условиях критически важной становится институционализация механизмов выравнивания ценностей (AI Alignment) [Gabriel 2020] — проектирование суверенных моделей ИИ, обученных на национальных социокультурных и исторических базах знаний. Таким образом, требуется внедрение стандартов объяснимого искусственного интеллекта (XAI-Explainable AI) [Arrieta et al. 2020], гарантирующих прозрачность, интерпретируемость и воспроизводимость алгоритмических выводов для всех акторов политической системы. Только через формирование строгой нормативно-этической рамки и механизмов государственного аудита алгоритмов возможно превратить ИИ в безопасный элемент инфраструктуры стратегического политического управления.

Следовательно, современный информационный риск-менеджмент трансформируется в интеллектуализированную архитектуру стратегического управления, в которой технологии искусственного интеллекта обеспечивают переход от реактивных практик реагирования к проактивным моделям выявления, прогнозирования и предупреждения рисков. В этих условиях ключевое значение приобретают задачи обеспечения цифрового суверенитета, кибербезопасности и общественного доверия, гармонизация которых становится необходимым условием устойчивости и эффективности государственного управления в условиях нарастающей технологической сложности и глобальной турбулентности.

Заключение

Проведенное исследование позволило установить, что в условиях возрастающей сложности, взаимосвязанности и динамичности современных угроз управление информационными рисками становится одним

из ключевых компонентов стратегического управления, определяющим способность государства обеспечивать устойчивость политической системы и качество принимаемых решений. В работе предложена целостная аналитическая рамка, интегрирующая информационный менеджмент, менеджмент знаний и коммуникационный менеджмент как взаимодополняющие элементы единой системы управления информационными рисками. Показано, что эффективность данной системы зависит не только от управления информационными потоками, но и от способности государства формировать, интерпретировать и использовать знания, обеспечивая контроль над когнитивными и коммуникационными процессами в политическом пространстве.

Особое значение в этих условиях приобретают технологии искусственного интеллекта, трансформирующие механизмы обработки информации, прогнозирования и поддержки принятия решений. Использование ИИ позволяет перейти от анализа отдельных угроз к выявлению сложных взаимосвязей между ними, моделированию сценариев развития и формированию более адаптивных управленческих стратегий. Вместе с тем расширение алгоритмического участия в политико-управленческих процессах актуализирует вопросы технологической зависимости, защиты данных, сохранения политической субъектности и обеспечения контроля над критически значимыми информационно-аналитическими функциями государства.

Анализ российской практики свидетельствует о формировании институциональных механизмов обеспечения информационного суверенитета и противодействия деструктивным информационным воздействиям. Вместе с тем дальнейшее развитие системы стратегического управления требует совершенствования нормативно-правовых и организационных механизмов интеграции интеллектуальных технологий с учетом задач национальной безопасности, цифрового суверенитета и устойчивого функционирования государственных институтов.

Таким образом, в условиях глобальной цифровой трансформации способность государства эффективно управлять информацией, знаниями и интеллектуальными технологиями становится одним из ключевых факторов обеспечения национальной безопасности, цифрового суверенитета и общественного доверия. В этой связи развитие интеллектуализированных механизмов управления информационными рисками следует рассматривать не только как направление технологической модернизации государственного управления, но и как важнейшее условие сохранения стратегической устойчивости и субъектности государства в XXI веке.

Поступила в редакцию / Received: 17.07.2026
Доработана после рецензирования / Revised: 30.07.2026
Принята к публикации / Accepted: 15.08.2026

Библиографический список

Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. Москва : Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.

Гаман-Голутвина О.В. Преддверие глобального конфликта или contra spem spero? // Сравнительная политика. 2024. № 3. С. 4–18. https://doi.org/10.46272/2221-3279-2024-3-15-8 EDN: FMXZIV

Дамодаран А. Стратегический риск-менеджмент : принципы и методики. Москва : И.Д. Вильямс, 2010.496 с.

Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности : правила и предубеждения. Харьков : Гуманитарный Центр, 2005. 632 с.

Мальцева Д.А., Сафонова О.Д., Тузова П.Р. Стратегическое политическое планирование: управление информационными рисками // Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. Краснодар : Перспективы образования, 2023. С. 281–284. EDN: TBMYOQ

Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 16–57. EDN: PCHHNF

Талеб Н. Рискуя собственной шкурой: Скрытая асимметрия повседневной жизни. Москва : Колибри, 2022.384 с.

Яницкий О.Н. «Турбулентные времена» как проблема общества риска // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 155–164. EDN: OJDVHZ

Amodu A., Ologbosere T. Critical overview of information management, DIKAR model and technology in the 21st century // Open Access. 2021. Vol. 1. No. 1. P. 35–39.

Andress J. Cyber Warfare: Techniques, Tactics and Tools for Security Practitioners. Elsevier, 2013.

Arrieta A.B. et al. Explainable Artificial Intelligence (XAI): Concepts, taxonomies, opportunities and challenges toward responsible AI // Information fusion. 2020. Vol. 58. P. 82–115. https://doi.org/10.1016/j.inffus.2019.12.012

Baert P., Rubio F.D. The Politics of Knowledge. Milton Park : Routledge, 2011.

Balasubramanian P. et al. A cognitive platform for collecting cyber threat intelligence and real-time detection using cloud computing // Decision Analytics Journal. 2025. Vol. 14. P. 100545. https://doi.org/10.1016/j.dajour.2025.100545

Battista D., Mangone E. Technological culture and politics: artificial intelligence as the new frontier of political communication // Societies. 2025. Vol. 15. No. 4. P. 75. https://doi.org/10.3390/soc15040075

Cinelli M. et al. The echo chamber effect on social media // Proceedings of the national academy of sciences. 2021. Vol. 118. No. 9. Article no. e2023301118. https://doi.org/10.1073/pnas.2023301118

Davenport T.H. Information ecology. Oxford : Oxford University Press, 1997.

Davies C., Covello T.C., Allen F.W. Risk Communication. Washington D.C : The Conservation Foundation, 1987.

Duberry J. Artificial intelligence and democracy: risks and promises of AI-mediated citizen–government relations. Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2022. https://doi.org/10.4337/9781788977319

Earley S. What executives need to know about knowledge management, large language models and generative AI // Applied Marketing Analytics. 2023. Vol. 9. No. 3. P. 215–229.

Gabriel I. Artificial Intelligence, Values, and Alignment // Minds and machines. 2020. Vol. 30. No. 3. P. 411–437. https://doi.org/10.1007/s11023-020-09539-2

Hall S., Winlow S. Rehabilitating Leviathan: Reflections on the State, Economic Regulation and Violence Reduction // Theoretical Criminology. 2003. Vol. 7. No. 2. P. 139–162. https://doi.org/10.1177/1362480603007002415

Höchtl J., Parycek P.R., Schöllhammer R. Big data in the policy cycle: Policy decision making in the digital era // Journal of Organizational Computing and Electronic Commerce. 2016. Vol. 26. No. 1–2. P. 147–169. https://doi.org/10.1080/10919392.2015.1125187

Jarrahi M.H. et al. Artificial intelligence and knowledge management: A partnership between human and AI // Business horizons. 2023. Vol. 66. No. 1. P. 87–99. https://doi.org/10.1016/j.bushor.2022.03.002

Lewis P. et al. Retrieval-augmented generation for knowledge-intensive NLP tasks // Advances in neural information processing systems. 2020. Vol. 33. P. 9459–9474.

McDermott P. Who Needs to Know? The State of Public Access to Federal Government Information. Lanham : Bernan Press, 2008.

McKnight W. Information Management: Strategies for Gaining a Competitive Advantage with Data. Oxford : Newnes, 2013.

Park J.S. et al. Generative agents: Interactive simulacra of human behavior // Proceedings of the 36th annual acm symposium on user interface software and technology. 2023. P. 1–22. https://doi.org/10.1145/3586183.3606763

Ratti C., Claudel M. Futurecra: Tomorrow by Design // Techne. Journal of Technology for Architecture and Environment. 2015. No. 10. P. 28–33.

Taherdoost H., Madanchian M. Artificial intelligence and knowledge management: Impacts, benefits, and implementation // Computers. 2023. Vol. 12. No. 4. P. 72. https://doi.org/10.3390/computers12040072

Zhao W.X. et al. A survey of large language models // Frontiers of Computer Science. 2026. Vol. 20. No. 12. P. 2012627. URL: https://arxiv.org/abs/2303.18223

Zolkafli A., Salleh D. Community Engagement in AI-Driven Urban Development // AI-Driven Strategies for Inclusive and Sustainable Urbanization. Boca Raton : CRC Press, 2025. P. 54–81.

References

Amodu, A., & Ologbosere, T. (2021). Critical overview of information management, DIKAR model and technology in the 21st century. *Open Access*, *1*(1), 35–39.

Andress, J. (2013). *Cyber Warfare: Techniques, Tactics and Tools for Security Practitioners.* Elsevier.

Arrieta, A.B. et al. (2020). Explainable Artificial Intelligence (XAI): Concepts, taxonomies, opportunities and challenges toward responsible AI. *Information Fusion*, *58,* 82–115. https://doi.org/10.1016/j.inffus.2019.12.012

Baert, P., & Rubio, F.D. (2011). *The Politics of Knowledge*. Routledge.

Balasubramanian, P. et al. (2025). A cognitive platform for collecting cyber threat intelligence and real-time detection using cloud computing. *Decision Analytics Journal*, 14, 100545. https://doi.org/10.1016/j.dajour.2025.100545

Battista, D., & Mangone, E. (2025). Technological culture and politics: artificial intelligence as the new frontier of political communication. *Societies, 15*(4), 75. https://doi.org/10.3390/soc15040075

Beck, J. (2000). *Risk Society: Towards Modernity*. Moscow: Progress-Tradition. (In Russian).

Cinelli, M. et al. (2021). The echo chamber effect on social media. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, *118*(9), e2023301118. https://doi.org/10.1073/pnas.2023301118

Damodaran, A. (2010). *Strategic Risk Management: Principles and Methods*. Moscow: Williams. (In Russian).

Davenport, T.H. (1997). *Information Ecology*. Oxford University Press.

Davies, C., Covello, T.C., & Allen, F.W. (1987). *Risk Communication*. The Conservation Foundation.

Duberry, J. (2022). *Artificial intelligence and democracy: risks and promises of AI-mediated citizen–government relations.* Edward Elgar Publishing. https://doi.org/10.4337/9781788977319

Earley, S. (2023). What executives need to know about knowledge management, large language models and generative AI. *Applied Marketing Analytics*, *9*(3), 215–229. https://doi.org/10.69554/YQBV7690.

Gabriel, I. (2020). Artificial Intelligence, Values, and Alignment. *Minds and Machines*, *30*(3), 411–437. https://doi.org/10.1007/s11023-020-09539-2

Gaman-Golutvina, O.V. (2024). The Threshold of Global Conflict or Contra Spem Spero? *Comparative Politics*, (3), 4–18. https://doi.org/10.46272/2221-3279-2024-3-15-8 EDN: FMXZIV

Hall, S., & Winlow, S. (2003). Rehabilitating Leviathan: Reflections on the State, Economic Regulation and Violence Reduction. *Theoretical Criminology*, *7*(2), 139–162. https://doi.org/10.1177/1362480603007002415

Höchtl, J., Parycek, P.R., & Schöllhammer, R. (2016). Big data in the policy cycle: Policy decision making in the digital era. *Journal of Organizational Computing and Electronic Commerce,* 26(1–2), 147–169. https://doi.org/10.1080/10919392.2015.1125187

Jarrahi, M.H. et al. (2023). Artificial intelligence and knowledge management: A partnership between human and AI. *Business Horizons*, *66*(1), 87–99. https://doi.org/10.1016/j.bushor.2022.03.002

Kahneman, D., Slovic, P., & Tversky, A. (2005). *Decision Making under Uncertainty: Rules and Biases.* Kharkov: Humanitarian Center. (In Russian).

Lewis, P. et al. (2020). Retrieval-augmented generation for knowledge-intensive NLP tasks. *Advances in Neural Information Processing Systems*, *33,* 9459–9474.

Maltseva, D.A., Safonova, O.D., & Tuzova, P.R. (2023). Strategic Political Planning: Information Risk Management. In *Problems of National Security in Russia: Lessons from History and Challenges from the Present* (pp. 281–284). Krasnodar: Prospects of Education. (In Russian). EDN: TBMYOQ

McDermott, P. (2008). *Who Needs to Know? The State of Public Access to Federal Government Information*. Bernan Press.

McKnight, W. (2013). *Information Management: Strategies for Gaining a Competitive Advantage with Data*. Newnes.

Park, J.S. et al. (2023). Generative agents: Interactive simulacra of human behavior. *Proceedings of the 36th Annual ACM Symposium on User Interface Software and Technology*, 1–22. https://doi.org/10.1145/3586183.3606763

Prigogine, I. (1991). The Philosophy of Softness. *Voprosy filosofii*, (6), 16–57. (In Russian). EDN: PCHHNF

Ratti, C., & Claudel, M. (2015). Futurecra: Tomorrow by Design. Techne. *Journal of Technology for Architecture and Environment*, (10), 28–33.

Taherdoost, H., & Madanchian, M. (2023). Artificial intelligence and knowledge management: Impacts, benefits, and implementation. *Computers*, *12*(4), 72. https://doi.org/10.3390/computers12040072

Taleb, N. (2022). *Painting with Our Own Skin. The Open Asymmetry of Everyday Life*. Moscow: Kolibri. (In Russian).

Yanitsky, O.N. (2011). Turbulent Times as a Risk Problem in Society. *Social Sciences and Modernity*, (6), 155–164. (In Russian). EDN: OJDVHZ

Zhang, A.K. et al. (2025). Cybench: A framework for evaluating cybersecurity capabilities and risks of language models. *International Conference on Learning Representations*, *2025,* 25094–25243.

Zhao, W.X. et al. (2026). A survey of large language models. *Frontiers of Computer Science*, *20*(12), 2012627. Retrieved from https://arxiv.org/abs/2303.18223

Zolkafli, A., & Salleh, D. (2025). Community Engagement in AI-Driven Urban Development. *In AI-Driven Strategies for Inclusive and Sustainable Urbanization* (pp. 54–81). CRC Press.

Сведения об авторах:

Мальцева Дарья Александровна — кандидат политических наук, доцент кафедры теории и философии политики, Санкт-Петербургский государственный университет, доцент кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (e-mail: buenafiesta@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-0213-6919, SPIN-код: 5762-6370, AuthorID: 795594, Scopus ID: 56610201800, Web of Science ResearcherID K-5875-2015).

Алейников Андрей Викторович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры конфликтологии, Санкт-Петербургский государственный университет (e-mail: a.alejnikov@spbu.ru) (ORCID: 0000-0003-2942-5021, SPIN-код: 4954-7128, AuthorID: 257000, Scopus ID: 56690673600, Web of Science ResearcherID F-5286-2013).

Стребкова Карина Евгеньевна — магистр психологии, преподаватель кафедры общей психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (e-mail: streb.karina@gmail.com) (ORCID: 0009-0001-7017-1310, SPIN-код: 2335-5955, AuthorID: 1098292, Scopus ID: 60236725600, WOS ID: AHD-1100-2022).

About the authors:

Daria A. Maltseva — PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Theory and Philosophy of Politics, Saint-Petersburg State University, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University (e-mail: buenafiesta@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-0213-6919, SPIN-code: 5762-6370, AuthorID: 795594, Scopus ID: 56610201800, Web of Science ResearcherID K-5875-2015).

Andrei V. Aleinikov — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Conflictology, Saint Petersburg State University (e-mail: a.alejnikov@spbu.ru) (ORCID: 0000-0003-2942-5021, SPIN-code: 4954-7128, AuthorID: 257000, Scopus ID: 56690673600, Web of Science ResearcherID F-5286-2013).

Karina E. Strebkova — Master in Psychology, Lecturer at the Department of General Psychology, Saint Petersburg State University (e-mail: streb.karina@gmail.com) (ORCID: 0009-0001-7017-1310, SPIN-code: 2335-5955, AuthorID: 1098292, Scopus ID: 60236725600, WOS ID: AHD-1100-2022).

RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 3 765–779**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-3-765-779
EDN: HZBZPP

Научная статья / Research article

Научно-технологическая политика в современной России: институциональное наследие советской модернизации и долговременные траектории развития

Д.А. Талагаева

Московский государственный институт международных отношений МИД России, *Москва, Российская Федерация*

✉ d.talagaeva@mail.ru

Аннотация. Актуальность данного исследования обусловлена важностью разработки эффективной стратегии социально-экономического развития России в текущих условиях, необходимостью преодоления замедления модернизации и стремлением к технологическому прорыву. Российская научно-технологическая политика после 1992 г. рассматривается в статье как пространство переосмысления советского модернизационного опыта и долговременных институциональных наследий, влияющих на траекторию развития науки и технологий. Уже обращение к позднесоветскому периоду в качестве отправной точки исследования подчеркивает центральность категорий «политического наследия», «критических моментов» и «зависимости от пути», через которые автор показывает, как прошлые решения продолжают определять конфигурацию акторов, механизмов финансирования и управленческих практик. Устойчивые тенденции и нерешенные проблемы постсоветской научной политики предстают как результат обращения к советскому опыту: с одной стороны, наблюдаются попытки дистанцироваться от централизованной модели, с другой — сохраняется опора на символический ресурс «большой науки», оборонных приоритетов и представлений о науке как стратегическом ресурсе государства. Использование неоинституционализма и исторического институционализма позволяет показать, каким образом институциональные практики, статус ученого, логика «больших проектов» и конфигурация научных институтов формируются под воздействием длительно воспроизводимых представлений о прошлом и задают рамки для конструирования образов будущего научно-технологического развития России. В условиях быстро меняющегося глобального контекста понимание стратегий развития научного-технологического комплекса и выявление эффективного механизма управления наукой и инновациями может стать конкурентным преимуществом и помочь вывести страну на передовые позиции с точки зрения ее экономического и общественного благосостояния.

© Талагаева Д.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Ключевые слова: научно-технологическая политика, политический актор, инновации, неоинституционализм

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 24-78-10173.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Талагаева Д.А.* Научно-технологическая политика в современной России: институциональное наследие советской модернизации и долговременные траектории развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 3. С. 765–779. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-765-779 EDN: HZBZPP

Modern Russia's Science and Technology Policy: The Institutional Legacy of Soviet Modernization and Long-Term Development Trajectories

Daria A. Talagaeva

MGIMO University, *Moscow, The Russian Federation*

✉ d.talagaeva@mail.ru

Abstract. Drastic technological changes in the world require a change in approaches to the ways how research is organized, and technologies and innovations are managed, as they are to be transformed into the most important resource for the development of society thus ensuring the sovereignty of the country. The relevance of this research can be explained by the need to outline an effective strategy for Russia's socio-economic development in the current conditions, the urge to overcome the slowdown in modernization and the desire for a technological breakthrough. The main purpose of the study is to analyze the evolution of Russian science and technology policy in the period from 1992 to 2024, as well as to identify its key stages, achievements and problems. Methodologically the article is based on the theory of neo-institutionalism, whereupon at the beginning of the article the author provides the historical context of the development of scientific policy in the USSR, noting the key points of how the Soviet scientific and technological complex was organized. An analysis of the further development of Russian science and technology policy makes it possible not only to study the measures that the state is taking to support research activities, but also to make a number of assumptions about possible ways to solve existing problems in this area. In a rapidly changing global context, understanding science development strategies and effective governance can become a competitive advantage and help bring the country to the forefront in terms of its economic and social welfare.

Keywords: S&T policy, political actor, innovations, neoinstitutionalism

Acknowledgements. The article is funded by Russian Science Foundation. Project No. 24-78-10173.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Talagaeva, D.A. (2026). Modern Russia's science and technology policy: The institutional legacy of Soviet modernization and long-term development trajectories. *RUDN Journal of Political Science, 28*(3), 765–779. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-765-779 EDN: HZBZPP

Введение

Российский научно-технологический комплекс прошел длинный путь развития, в ходе которого произошла серьезная институциональная перестройка всего сектора: от централизованной политики Советского правительства и концентрации ресурсов и полномочий в руках узкого круга людей до современной системы, в которой научное сообщество становится тесно связано с коммерческими и негосударственными структурами. Следует отметить, что в этой связи анализ имеющихся проблем в научно-технологическом комплексе новой России представляется целесообразным начинать именно с позднего Советского периода, чтобы понимать, что представляла собой научная система в годы, непосредственно предшествующие распаду СССР и сразу же после него, когда в стране происходили значительные изменения. Этот исторически важный этап охватывает не только политические, но в первую очередь экономические трансформации, оказавшие существенное влияние на развитие научных исследований и технологических инноваций в условиях перехода к рыночной экономике. Данные события во многом предопределили дальнейшую динамику развития научно-технологической политики в России, повлияв на формирующуюся повестку и процесс принятия решений. При этом советское научно-технологическое наследие не исчезло вместе с распадом СССР, а продолжало воспроизводиться в институциональных практиках, управленческих логиках и коллективных представлениях о роли науки в жизни государства и общества. Образы советской «большой науки» — с ее масштабными проектами, символами технологического могущества и особым статусом ученого — стали частью той исторической памяти, к которой постсоветское государство неоднократно обращалось для обоснования новых стратегий развития и легитимации научно-технологических приоритетов.

Методологическая основа

Для того чтобы понимать истоки нерешенных проблем и мотивацию, которая лежит в основе принимаемых в области научно-технологической политики мер и инициатив на разных этапах ее развития, методологически автор опирается на положения теории неоинституционализма, объясняющей, «как происходит взаимодействие институтов, интересов и идей в процессе формулирования и принятия национального курса научно-технологического развития в стране» [Peters 1999]. Неоинституционализм в качестве основы той или иной модели принятия управленческих решений и политического поведения теория выделяет институциональные процедуры. Вместе с тем, по утверждению Б. Питерса, «современный институциональный анализ изучает скорее реальное поведение, чем лишь формальные, структурные аспекты институтов» [Питерс 1999: 219]. Интересным для анализа тенденций развития и основных устойчивых проблем научной политики в России представляется исторический институционализм, который можно рассматривать как одно из трех основных направлений неоинституционализма. В основе исторической институциональной

теории лежит предположение о том, что акторы формируют свои стратегии поведения, опираясь на наследие прошлого. Считается, что учреждение институтов и принятие определенных политических решений является результатом сложных исторических процессов, о чем свидетельствуют такие характерные для институционализма понятия, как «политическое наследие», «критические моменты» и «зависимость о пути» [Thelen 1999]. Эти концепции исходят из того, что отклонения в политике и изменение институциональных механизмов является реакцией на исторические события. Между тем в то время как приверженцы институционализма рационального выбора считают более важной функциональную роль института (например, роль исследовательских советов в научной политике), представители школы исторического институционализма больше интересуются истоками института и событиями, которые обусловили его происхождение, рассматривая политические изменения через призму организационной структуры и государственных возможностей, таким образом полагая, что наличие определенных организаций и программ можно считать отправной точкой многих реформ.

Исходя из вышесказанного и применительно к тематике данного исследования, эволюцию российского научно-технологического комплекса можно рассматривать сквозь призму «предопределенности», что означает, что многие происходившие в нем за последние три десятилетия события были так или иначе обусловлены историческим опытом его функционирования в период существования СССР, а также рядом принятых в тот период решений. Находясь под влиянием институтов и путей развития, которым те следуют значительное время, «политические лидеры не в состоянии игнорировать заключенные ранее договоренности и взятые обязательства, существующую легитимную конфигурацию взаимоотношений, сформированную до них институциональную среду» [Ваславский, Габуев 2016: 64]. Принимая это во внимание, автор считает разумным обратиться к исторической ретроспективе для выявления ключевых моментов, характерных для развития научно-технологической политики еще до распада Советского союза в 1991 г.

Исторический контекст: научно-технологическая политика в СССР

Два краеугольных момента, которые характеризовали советскую науку, были ее масштаб и высокий уровень централизации. «Советский научно-технический потенциал входил в число крупнейших в мире, однако его структура существенно отличалась от аналогичных систем в других странах» [Дежина, Грэхем 2009: 27]. К сильным сторонам советского научно-технологического комплекса можно отнести значительную финансовую и идеологическую поддержку естественных наук со стороны государства, а также надежную образовательную систему, из которой многие талантливые выпускники направлялись в научно-исследовательские институты. В условиях существовавшей политической цензуры и централизованного

политического контроля, а также планово-командной экономики система могла эффективно сосредоточиваться на приоритетных для страны проектах, таких как создание ядерного оружия и освоение космоса. Однако очевидным недостатком можно считать разрыв между научными исследованиями и образовательным процессом, что стало следствием разделения функций различных институтов. Также наблюдались смещение приоритетов в сторону НИОКР в области оборонной промышленности и низкая производительность научной системы, особенно с учетом значительных финансовых вложений. Существовали проблемы с отсутствием подлинной экспертной оценки, а также политические ограничения, в частности секретность, репрессии и предвзятость по отношению к определенным этническим группам. Кроме того, некоторые области науки, такие как генетика, и вовсе подвергались ликвидации по идеологическим причинам. Коррупция на местах также была распространенной проблемой. Значимым фактором, определяющим развитие советской науки, была также ее «автономность» и вынужденная «изоляция» от мировой, так как политические лидеры СССР с самого начала его существования взяли курс на «мировую революцию» и противопоставляли страну всему миру, что не могло не отразиться на всех сферах общественной жизни и предопределило динамику на годы вперед.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. научно-технологическое отставание СССР от передовых стран Запада стало настолько явным, что даже партийное руководство не могло больше дистанцироваться от этой проблемы и было вынуждено начать кулуарные дискуссии о мерах поддержки научно-технического комплекса, которые были призваны сократить разрыв между СССР и передовыми странами в сфере производства технологий и инноваций.

Однако даже принятые после этого постановления «уже не могли переломить ситуацию, так как, во-первых, в тот период уровень научно-технического развития СССР уже не позволял в полной мере их реализовывать, а во-вторых, уже начался обвальный крах советской общественно-политической системы и в том числе и научно-технической сферы существования советского общества» [Кулик 2010].

На начало 1991 г., накануне распада Советского Союза, советские научные работники были организованы в три крупные структуры, нередко обозначаемые как «университетская система», «система академий наук» и «система министерств» [Дежина, Грэхем 2009]. Крупнейшей среди них была система министерств, где проводились в основном прикладные НИОКР. Большинство научных работников в «министерской» системе работали в централизованных институтах, расположенных в крупных городах [Дежина, Грэхем 2009]. После 1972 г. общее количество институтов оставалось относительно стабильным, но существующие продолжали укрупняться. Средний институт в 1991 г. насчитывал 270 научных работников, тогда как в крупнейших институтах их число достигало нескольких тысяч. Это также накладывало большое финансовое бремя на и без того перегруженную научную систему и слабо коррелировало с недостаточностью финансирования научно-технической сферы.

К началу 1980-х гг. потенциал экстенсивного роста советской научно-технической сферы по многим показателям был исчерпан. Для изменения ситуации требовались кардинальные реформы, связанные с реструктуризацией и интенсификацией научной деятельности, изменением порядка взаимодействия науки с производителями, сменой стратегических ориентиров, развитием новых областей научного знания, дальнейшей демократизацией общества и отказом от партийного руководства научно-технической сферой. Однако «проведение назревших преобразований в решающей степени сдерживалось кризисными явлениями в сфере государственного управления, деградацией политической, хозяйственной и научной бюрократии, снижением ее качества, развитием клановости и формализма» [Кулик 2010]. В целом советская наука все больше отставала от мировой и в частности американской, погружаясь в глубокий всеобъемлющий кризис.

Тенденции и проблемы в научно-технологической политики (1992–2024)

Состояние российской науки в 1990–2000-е гг.

Непростая ситуация, существовавшая в науке в период перед распадом СССР, обусловила медленный процесс обновления производственного оборудования, продолжение использования устаревших технологий и неэффективное расходование ресурсов, что, в свою очередь, усугубило диспропорции в экономике. В так называемый переходный период с 1992 г. эти негативные тенденции усилились. Спрос на научно-техническую продукцию резко упал, что привело к катастрофическому сокращению заказов и создало сложные условия для оборонной науки. Увеличился отток ученых и специалистов из научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро. «Социальный статус ученых продолжал снижаться, престиж науки падал, а либерализация цен привела к резкому увеличению материальных затрат и накладных расходов на научные исследования и разработки в 10–15 раз» [Бодрова, Калинов 2019: 152].

Таким образом, в России начальный этап рыночных реформ на заре 1990-х гг. проходил в условиях системного социально-экономического кризиса, охватившего все сферы деятельности. Развитие науки в этот период определялось радикальным сокращением масштабов (прежде всего численности персонала и объемов финансирования) и появлением целого ряда структурных деформаций, устойчивость и негативные эффекты которых проявились в последующие годы. На фоне перехода от плановой экономики к рыночной многие исследовательские институты оказались в ситуации нехватки ресурсов, что негативно сказалось на их материально-технической базе и качестве проводимых исследований. Российская наука столкнулась с резким сокращением государственного финансирования, что привело к критическому упадку научных учреждений и массовой утрате квалифицированных кадров.

На фоне этих трудностей второй этап, охватывающий 1992–1994 гг., можно охарактеризовать как период «рыночного романтизма». В это время появилась надежда на то, что научные учреждения смогут быстро адаптироваться

к новым рыночным условиям и привлечь необходимые инвестиции. В качестве экстренных мер в попытке сохранения научно-технического потенциала России в 1992–1993 гг. высказывались предложения о необходимости полностью пересмотреть организационную структуру и механизмы работы науки. Они подразумевали переход от ведомственной закрытой сферы НИОКР к модели, которая бы объединяла лучшие традиции российских научных школ с эффективным механизмом конкуренции в условиях рыночной экономики. Вместе с тем реальность оказалась более сложной: сокращение объемов финансирования науки продолжалось, а управление научной деятельностью стало еще более запутанным и менее эффективным. Многие ученые начали искать альтернативные источники финансирования, что способствовало увеличению числа совместных проектов с зарубежными партнерами, однако отсутствие четкой государственной политики и координации действий между различными министерствами и ведомствами не позволяло достичь значительных результатов.

Вторая половина 1990-х гг. в российской науке характеризовалась преимущественно стагнацией: финансирование науки достигло исторического минимума, а интеграция науки с образованием и реальным сектором экономики оставалась недостаточной. Представители научного сообщества осознавали необходимость поиска новых подходов к финансированию и управления, но реальных шагов со стороны руководства в этом направлении было сделано недостаточно.

Важным фактором развития науки в России с 2000 по 2007 г. стало принятие ряда стратегических решений, которые определили основные направления развития науки на среднесрочный период. Основные цели политики сместились в сторону усиления инновационной деятельности и обеспечения стабильного экономического роста. В это время благоприятная конъюнктура мировых рынков, особенно рост цен на нефть, а также макроэкономическая и политическая стабильность создали условия для разработки и реализации комплекса мероприятий, направленных на реформирование инновационной сферы, поддержку высоких технологий и решение актуальных проблем. Конечной целью этих усилий стали масштабная модернизация промышленности, повышение ее конкурентоспособности, улучшение благосостояния населения и обеспечение национальной безопасности.

С 2006 г. основным документом в области научной политики стала Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 г.[1]. Ее разработка и принятие показали, что работа Правительства РФ постепенно начала сосредоточиваться на создании специализированных подходов и механизмов государственной политики в разных областях, становясь более комплексной и последовательной, а также демонстрируя опыт координации различных программных документов.

[1] Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 г. URL: https://docs.cntd.ru/document/902367266 (дата обращения: 13.02.2025).

Тем не менее, хотя и произошло увеличение бюджетных ассигнований, их доля в ВВП оставалась значительно ниже, чем в развитых странах, что ограничивало развитие частного сектора науки и технологий. Несмотря на позитивную динамику основных макроэкономических показателей и заметный рост масштабов государственной поддержки в 2000-х гг., каких-либо ощутимых позитивных сдвигов в состоянии и результативности отечественной науки не произошло, что подтверждают уровень и тенденции большинства ее показателей. Косвенным свидетельством неблагополучия отечественной науки могут служить данные опросов взрослого населения России, регулярно проводимых Государственным университетом — Высшей школой экономики. Так, согласно опросу 2006 г., «45 % ее граждан не желают видеть научными работниками своих детей (позитивный ответ дали 36 % опрошенных), в то время как еще в 1995 г. их доля составляла 31 %. Аналогичные опросы в США фиксируют только 2 % негативных ответов» [Шувалова 2007: 43].

Совокупный анализ документов государственной научной политики России, появившихся в период с 2000 по 2007 г., демонстрирует, что формулировки общих принципов и положений учитывали и интегрировали опыт стран, традиционно являющихся лидерами в сфере мирового научно-технологического развития. Однако позитивные последствия и результаты реализации этих документов оставались в лучшем случае незначительными. Это можно объяснить как неполной адаптацией заимствованного опыта к специфическим историческим условиям России и недостаточной эффективностью форм его применения в отечественной практике, так и несоответствием масштабов и сложности задач имеющимся ресурсам для их решения.

Мировой кризис 2008–2009 гг. выявил слабые места в реализации научной политики, подчеркнув отсутствие координации между различными министерствами и ведомствами. В результате стало очевидным, что для обеспечения долгосрочного развития науки и технологий в России необходим комплексный подход к поддержке научной деятельности. Этот период стал важным уроком, указывающим на необходимость дальнейших изменений и улучшений в государственной научной политике, чтобы создать устойчивую и эффективную систему, способную справиться с вызовами современности и обеспечить интеграцию науки в экономику страны. Таким образом, несмотря на проведенные реформы и определенные успехи, «российская наука продолжала сталкиваться с серьезными вызовами, требующими комплексного и стратегического подхода к развитию» [Коннов 2012: 245]. Во многом это объясняется тем, что институциональные реформы в науке проводились в тот период точечно, в «пожарном порядке» — с целью предотвращения ее полного разрушения и распада, но они не имели комплексного характера. Правда, и в последующие годы возможности государства по улучшению состояния этой сферы и ее модернизации не были использованы полностью.

Инновационная политика в России после 2010 г.

С учетом глобальных тенденций и благоприятной на начало 2010-х гг. геополитической обстановки Россия наращивала сотрудничество с международными научными организациями и исследовательскими центрами, что в том числе позволило российским ученым участвовать в международных проектах, таких как «Горизонт 2020», и получать доступ к международному финансированию и передовым технологиям. Российские ученые активно интегрировались в мировое научное сообщество и имели возможность обмена опытом с зарубежными коллегами, что, в свою очередь, обогащало российскую науку новыми идеями и подходами.

С принятием в 2017 г. концепции «Цифровая экономика»[2], которая акцентировала внимание на развитии информационных технологий и цифровизации всех секторов экономики, начался рост числа стартапов и инновационных компаний, особенно в области IT, где молодые предприниматели и ученые могли разрабатывать и внедрять новые технологии, способствующие повышению конкурентоспособности отечественной экономики на международной арене.

Тем не менее, несмотря на достигнутые успехи в этой области, в середине 2010-х гг. российская наука столкнулась с рядом серьезных вызовов, таких как утечка мозгов, отсутствие достаточного финансирования со стороны частного сектора и проблемы с коммерциализацией научных разработок, что негативно сказалось на способности страны удерживать и привлекать талантливых ученых и исследователей, а также на развитии инновационной экономики в целом.

В 2020 г. пандемия COVID-19 серьезно повлияла на научную политику, ускорив пересмотр программ и бюджетных ассигнований, а также введение новых нормативных изменений. В 2021 г. произошли институциональные изменения, включая создание новых коллегиальных органов для управления научной деятельностью, таких как Комиссия по научно-технологическому развитию при Правительстве РФ. Несмотря на эти изменения, уровень внутренних затрат на научные исследования и разработки продолжает снижаться, что связано с уменьшением партнерств с научными организациями и ограничениями в международном сотрудничестве в силу введенных после 2022 г. в условиях современных геополитических реалий санкций. Расходы на науку в ВВП опустились в 2022 г. до «беспрецедентно низкой отметки в 0,94 %, что стало падением даже по сравнению с низкими показателями 2021 г. (0,96 % ВВП)»[3]. Это примерно соответствует уровню 1998 г. (0,95 %), когда в стране был серьезный экономический кризис. «Основным источником финансирования остается государственный бюджет, а реформирование научных фондов привело лишь к частичному к перераспределению финансовых потоков» [Блинов, Коннов 2017: 8]. Структура расходов по источникам финансирования

[2] Национальная программа «Цифровая экономика». URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/ (дата обращения: 03.02.2025).

[3] Российская экономика в 20022 г.: тенденции и перспективы. Вып. 44. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/URL:https://www.iep.ru/files/text/trends/2022/book.pdf (дата обращения: 12.02.2026).

практически не изменилась. Более 2/3 внутренних затрат на НИОКР (67,3 %) финансировались за счет средств государства, на долю предпринимательского сектора пришлось 28,9 %, что стало снижением по сравнению с предыдущим годом. На 2024 г. запланированы ассигнования ниже уровня 2023 г., а в 2025 г. может произойти резкое сокращение финансирования. Максимум ассигнований на НИОКР по государственной программе «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»[4], где аккумулированы бюджетные расходы на гражданскую науку, запланирован на 2024 г., но это на 1,4 % меньше уровня 2023 г., а с учетом инфляции финансирование НИОКР сокращается еще существеннее.

Современное состояние науки и национальной инновационной системы России во многом обусловлено непоследовательностью и противоречивостью политики в этой области. Но верно и то, что их состояние задает не только определенные требования к выбору направлений и инструментов государственного регулирования, но также барьеры и ограничения для их реализации. Более того, содержание и результаты усилий, предпринимаемых государством с целью формирования эффективного научного комплекса и современной национальной инновационной системы, зависят от целого ряда внешних по отношению к ним факторов, среди которых можно выделить нормы действующего законодательства и его качество (полнота, отсутствие внутренних противоречий, однозначность трактовки действующих норм и др.); особенности правоприменительной практики и системы государственного управления и т.д.

Технологическая политика 2020-х гг.: вызовы в контексте СВО

С точки зрения исторического институционализма события 2022 г. можно рассматривать как очередной «критический момент» в развитии российской научно-технологической политики, сопоставимый по своим последствиям с трансформациями начала 1990-х гг. Начало специальной военной операции и последовавшее за ним беспрецедентное по масштабу санкционное давление привели к сужению пространства международного научно-технического сотрудничества: было приостановлено участие российских организаций в рамочной программе Европейского союза «Горизонт Европа», заморожены многие двусторонние проекты с научными центрами западных стран, ограничен доступ к зарубежному исследовательскому оборудованию, комплектующим, программному обеспечению и подписным информационным ресурсам. Экспортный контроль в отношении технологий двойного назначения фактически отрезал значительную часть отечественной высокотехнологичной промышленности от привычных производственных цепочек, вследствие чего уязвимость сложившейся за постсоветские десятилетия модели «встраивания» в глобальные технологические рынки стала более очевидной.

[4] Государственная программа «Научно-технологическое развитие РФ». URL: http://government.ru/docs/all/121449/ (дата обращения: 25.02.2026).

Эффекты этих ограничений для научного сообщества оказались весьма ощутимыми. По данным опроса высокопродуктивных российских ученых, проведенного в 2023 г., почти три четверти респондентов столкнулись с ограничениями доступа к материально-технической базе и информационным ресурсам, а более половины — с разрывом тех или иных форм международной кооперации, причем среди молодых исследователей доля отметивших подобные проблемы была еще выше [Дежина, Нефедова 2023]. Усилился и отток квалифицированных специалистов, прежде всего в области информационных технологий и инженерных наук, что наложилось на хронические кадровые проблемы отрасли, о которых говорилось выше. Вместе с тем нельзя не отметить и определенную адаптивность системы: научные организации переориентировались на закупки оборудования и материалов через дружественные юрисдикции, а вектор международного сотрудничества сместился в сторону Китая, Индии, государств БРИКС и ШОС.

Ответом государства на новые вызовы стала существенная перестройка концептуальных основ научно-технологической политики, центральной категорией которой выступал «технологический суверенитет» — понятие, вошедшее в официальный дискурс и научный оборот именно после 2022 г. и трактуемое как наличие под национальным контролем критических и сквозных технологий и способность страны самостоятельно обеспечивать их воспроизводство [Афанасьев 2022]. Программным документом в этом отношении стала утвержденная в мае 2023 г. Концепция технологического развития на период до 2030 г.[5], впервые систематизировавшая инструменты достижения технологического суверенитета, включая проекты полного инновационного цикла, поддержку малых технологических компаний и принцип «права на риск». В феврале 2024 г. была принята обновленная Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации[6], в которой санкционное давление прямо отнесено к числу «больших вызовов», а науке отведена роль ключевого инструмента обеспечения независимости и конкурентоспособности страны.

Логическим продолжением этой линии стал майский указ 2024 г. о национальных целях развития[7], закрепивший «технологическое лидерство» в качестве самостоятельной национальной цели и установивший ориентир увеличения внутренних затрат на исследования и разработки не менее чем до 2 % ВВП к 2030 г., в том числе за счет двукратного роста инвестиций со стороны частного бизнеса. С 2025 г. запущены национальные проекты по обеспечению

[5] Концепция технологического развития на период до 2030 г. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р. URL: https://base.garant.ru/406931204/ (дата обращения: 18.02.2026).

[6] Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358 (дата обращения: 20.02.2026).

[7] Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.». URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015 (дата обращения: 20.02.2026).

технологического лидерства — в области производства и автоматизации, новых материалов и химии, беспилотных авиационных систем, новых атомных и энергетических технологий и ряда других направлений. Наконец, принятый в декабре 2024 г. федеральный закон «О технологической политике в Российской Федерации»[8] впервые вывел регулирование этой сферы на законодательный уровень, закрепив понятийный аппарат, полномочия органов публичной власти и инструменты реализации технологической политики. Таким образом, за сравнительно короткий срок был сформирован целостный нормативный контур.

Сквозь призму используемого в настоящей статье методологического подхода в происходящих изменениях отчетливо прослеживается воспроизводство институционального наследия советской модернизации: мобилизационная логика, приоритет оборонных и «критических» направлений, опора на крупные государственные проекты и усиление координирующей роли государства во многом повторяют матрицу, описанную в первой части работы. Показательно и возвращение мотива «автономности» отечественной науки, исторически сопровождавшего периоды конфронтации с Западом. Тем не менее было бы упрощением сводить текущий этап к простому повторению советского опыта: в отличие от плановой экономики нынешняя модель предполагает участие частного бизнеса, конкурсные механизмы поддержки и ориентацию на коммерциализацию разработок. Ключевая развилка ближайших лет состоит в том, удастся ли совместить курс на технологический суверенитет с сохранением включенности российской науки в мировое научное пространство, пусть и в изменившейся географической конфигурации.

Заключение

Проведенный анализ динамики российской научно-технологической политики с 1992 г. позволяет проследить последовательную эволюцию от антикризисной адаптации переходного периода к формированию зрелой, целостной государственной политики, в которой наука и технологии рассматриваются как стратегический ресурс национального развития и обеспечения суверенитета страны. Обращение к концепциям исторического институционализма показывает, что советское наследие выступает в этом процессе не столько ограничителем, сколько ресурсом: сохраненные научные школы, традиция реализации масштабных проектов, представление о науке как о деле государственной важности и высокий символический статус ученого оказались востребованы на каждом новом витке развития. «Критические моменты» — будь то трансформации начала 1990-х гг. или геополитический перелом 2022 г. — всякий раз становились импульсом институционального

[8] Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280025 (дата обращения: 21.02.2026).

обновления: система демонстрировала способность к адаптации, консолидации ресурсов и выработке ответов, соразмерных масштабу вызовов. Особенно показателен в этом отношении текущий этап, когда в сжатые сроки был сформирован целостный нормативный и институциональный контур технологической политики — от Концепции технологического развития на период до 2030 г. и обновленной Стратегии научно-технологического развития до федерального закона о технологической политике и национальных проектов по обеспечению технологического лидерства, а достижение технологического суверенитета и технологического лидерства закреплено в числе национальных целей развития страны.

Таким образом, российская научно-технологическая политика вступила в качественно новый этап, отличительными чертами которого являются стратегическая определенность целеполагания, координация усилий государства, науки и бизнеса и опора на собственные линии разработки критических и сквозных технологий. Продуктивное переосмысление советского модернизационного опыта — осознанный выбор тех элементов институциональной традиции, которые способны служить опорой для современных стратегий развития, сочетается сегодня с новыми инструментами: конкурсными механизмами поддержки, развитием университетского технологического предпринимательства, вовлечением молодых исследователей, чему способствует в том числе проводимое в стране Десятилетие науки и технологий. Расширение научно-технологического сотрудничества с государствами БРИКС, ШОС и другими дружественными странами открывает перед российской наукой новые партнерства и рынки, а закрепленный на высшем уровне ориентир увеличения внутренних затрат на исследования и разработки до 2 % ВВП формирует долгосрочные ресурсные основания заявленных целей. Дальнейшее наращивание кадрового потенциала, углубление интеграции науки, образования и производства и повышение престижа ученого выступают ключевыми задачами, последовательное решение которых позволит России закрепить за собой позиции одного из мировых лидеров в приоритетных научно-технологических направлениях.

Поступила в редакцию / Received: 15.09.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 11.06.2026
Принята к публикации / Accepted: 15.06.2026

Библиографический список

Афанасьев А.А. «Технологический суверенитет» как научная категория в системе современного знания // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12. № 9. С. 2377–2394. https://doi.org/10.18334/epp.12.9.116243 EDN: KEKJUR

Блинов А.Н., Коннов В.И. Национальные научные фонды и финансирование фундаментальной науки // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 6. С. 5–13. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-6-5-13 EDN: YRXEMJ

Бодрова Е.В., Калинов В.В. Эволюция концептуальных основ научно-технической политики РФ в условиях становления новой государственности (1992–1993 гг.) // История: факты и символы. 2019. № 1 (18). С. 151–164. https://doi.org/10.24888/2410-4205-2019-18-1-151-164 EDN: YZMHJB

Ваславский Я., Габуев С.В. Неоинституциональный подход как методологическая основа исследования электронного правительства // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 6 (51). С. 60–75. EDN: YGCPJN

Дежина И.Г. Российская наука и новые планы ее развития // Инновации. 2018. № 12 (242). С. 3–10. EDN: JMBTIY

Дежина И.Г., Грэхем Л. Наука в новой России: кризис, помощь, реформы : монография. Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2009. 240 с. ISBN: 978-5-9275-0577-7 EDN: QOLEGD

Дежина И.Г., Нефедова А.И. Оценки влияния санкций на работу высокопродуктивных российских ученых // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 19–31. https://doi.org/10.31857/S013216250029334-0

Коннов В.И. Влияние культурного контекста на развитие науки в России: социально-психологический взгляд // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6 (27). С. 242–249. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-6-27-242-249 EDN: PYJLIR

Кулик В.А. Государственная научно-техническая политика СССР в 1980–1991 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук, 2010. EDN: QESMNL

Питерс Б. Политические институты: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна ; пер. с англ. М. Гурвица, А. Демчук, Т.В. Якушева. Москва : Вече, 1999. С. 218–234.

Шувалова О.Р. Наука глазами россиян // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 2007. Т. 1. № 1. С. 38–43. EDN: NQTVTB

Benner M. Big Science in a Small Country: Constraints and Possibilities of Research Policy // In Pursuit of a Promise: Perspectives on the Political Process to Establish the European Spallation Source (ESS) in Lund, Sweden. O. Hallonsten (ed.). Lund: Arkiv förlag, 2012. P. 159–172.

Campbell J.L. Ideas, Politics and Public Policy // Annual Review of Sociology. 2002. Vol. 28. No. 1. P. 21–38. https://doi.org/10.1146/annurev.soc.28.110601.141111cir.nii.ac+1

Goldstein J., Keohane R.O. Ideas and Foreign Policy: An Analytical Framework // Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions and Political Change / J. Goldstein, R.O. Keohane (eds.). Ithaca, NY : Cornell University Press, 1993. P. 3–30.

Peters B.G. Institutional Theory in Political Science: The New Institutionalism. London; New York : Pinter, 1999. 183 p.

Thelen K. Historical Institutionalism in Comparative Politics // Annual Review of Political Science. 1999. Vol. 2. P. 369–404. https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.2.1.369

References

Afanasyev, A.A. (2022). “Technological sovereignty” as a scientific category in the system of modern knowledge. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, *12*(9), 2377–2394. (In Russian) https://doi.org/10.18334/epp.12.9.116243 EDN: KEKJUR

Benner, M. (2012). Big science in a small country: Constraints and possibilities of research policy. In O. Hallosten (Ed.), *In pursuit of a promise: Perspectives on the political process to establish the European Spallation Source (ESS) in Lund, Sweden* (pp. 159–172). Lund, Sweden: Arkiv forlag.

Blinov, A.N., & Konnov, V.I. (2017). National science foundations and the financing of fundamental science. *World Economy and International Organizations*, *61*(6), 5–13. (In Russian). https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-6-5-13 EDN: YRXEMJ

Bodrova, E.V., & Kalinov, V.V. (2019). The evolution of conceptual bases for Russia's S&T policy amid the emergence of the new statehood (1992–1993). *History: Facts and Symbols*, *1*(18), 151–164. (In Russian). https://doi.org/10.24888/2410-4205-2019-18-1-151-164 EDN: YZMHJB

Campbell, J.L. (2002). Ideas, politics and public policy. *Annual Review of Sociology*, *28*(1), 21–38.

Dezhina, I.G. (2018). Russian science and new plans of its development. *Innovations*, *12*(242), 3–10. (In Russian). EDN: JMBTIY

Dezhina, I.G., & Graham, L. (2009). *Science in new Russia: Crisis, help, reforms*. Rostov-on-Don, Russia: Southern Federal University. (In Russian). ISBN: 978-5-9275-0577-7 EDN: QOLEGD

Dezhina, I.G., & Nefedova, A.I. (2023). Assessing the impact of sanctions on the work of highly productive Russian scientists. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (12), 19–31. (In Russian). https://doi.org/10.31857/S013216250029334-0

Goldstein, J., & Keohane, R. (1993). Ideas and foreign policy: An analytical framework. In J. Goldstein & R. Keohane (Eds.), *Ideas and foreign policy: Beliefs, institutions and political change* (pp. 173–206). Ithaca, NY: Cornell University Press.

Konnov, V.I. (2012). The influence of the cultural context on the development of science in Russia: Socio-psychological perspective. *MGIMO-University Journal*, *6*(27), 242–249. (In Russian). https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-6-27-242-249 EDN: PYJLIR

Kulik, V.A. (2010). *State S&T policy in the USSR in 1980–1991* (Doctoral dissertation). (In Russian). EDN: QESMNL

Peters, B.G. (1999). Political institutions: Yesterday and today. In R. Gudin & H.D. Klingemann (Eds.), *Political science: New directions* (pp. 218–234). Moscow, Russia: Veche.

Peters, B.G. (1999). *Institutional theory in political science: The new institutionalism*. London, England; New York, NY: Pinter.

Shuvalova, O.R. (2007). Science as seen by Russians. *Journal of Higher School of Economics*, *1*(1), 38–43. (In Russian). EDN: NQTVTB

Thelen, K. (1999). Historical institutionalism in comparative politics. *Annual Review of Political Science*, *2*(3), 369–404.

Vaslavskyi, Ya., & Gabuev, S.V. (2016). Neoinstitutional approach as the methodological basis to research e-government. *MGIMO-University Journal*, *6*(51), 60–75. (In Russian). EDN: YGCPJN

Сведения об авторе:

Талагаева Дарья Александровна — доктор политических наук, доцент кафедры английского языка № 6, МГИМО МИД России (e-mail: d.talagaeva@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7959-0741, SPIN-код: 9335-2356, AuthorID: 810473, Scopus ID: 57200398587).

About the author:

Daria A. Talagaeva — Doctor of Political Science, Associate Professor at English Language Department 6, MGIMO University (e-mail: d.talagaeva@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7959-0741, SPIN-code: 9335-2356, AuthorID: 810473, Scopus ID: 57200398587).

RUDN Journal of Political Science. ISSN 2313-1438 (Print), ISSN 2313-1446 (Online) **2026 Vol. 28 No. 3 780–787**
Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/political-science

РЕЦЕНЗИИ

BOOK REVIEW

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-3-780-787
EDN: HVWIZK

Рецензия / Review article

Аксиологический портрет российской учащейся молодежи: размышляя над монографией «Созидательные ценности современного российского студенчества» под общей редакцией Э.М. Стрельца (Москва : Издательский дом МГИМО, 2026. 321 с.)

М.И. Рыхтик

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, *Нижний Новгород, Российская Федерация*
Российский университет дружбы народов, *Москва, Российская Федерация*
✉ rykhtik@imomi.unn.ru

Аннотация. Рецензируемая монография стала значимым событием в области политической социологии молодежи, предложив не шаблонный анализ, а острую, эмпирически насыщенную работу, фиксирующую ценностный сдвиг российского студенчества в условиях геополитического перелома. Авторы не только выявляют латентные противоречия, но и формулируют нетривиальные ответы на вызовы времени, намечая контуры актуальной повестки для государства и образования.

Ключевые слова: молодежь, студенчество, созидательные ценности, аксиология, аксиологический парадокс, межпоколенческий разрыв

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Рыхтик М.И.* Аксиологический портрет российской учащейся молодежи: размышляя над монографией «Созидательные ценности современного российского студенчества» под общей редакцией Э.М. Стрельца (Москва : Издательский дом МГИМО, 2026. 321 с.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 3. С. 780–787. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-780-787 EDN: HVWIZK

© Рыхтик М.И., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

An Axiological Portrait of Russian Student Youth: Reflecting on Book Strelets, E.M. (Ed.) (2026). Creative Values of Modern Russian Students. Moscow: MGIMO Publishing House, 321 p.

Mikhail I. Rykhtik

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, *Nizhny Novgorod, The Russian Federation*

RUDN University, *Moscow, The Russian Federation*

✉ rykhtik@imomi.unn.ru

Abstract. The reviewed monograph has become a significant event in the field of political sociology of youth, offering not a routine analysis, but a sharp, empirically rich work that captures the value shift among Russian students in the context of a geopolitical turning point. The authors not only identify latent contradictions but also formulate non-trivial responses to the challenges of the time, outlining the contours of an urgent agenda for the state and education.

Keywords: youth, students, constructive values, axiology, axiological paradox, intergenerational gap

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Rykhtik, M.I. (2026). An axiological portrait of Russian student youth: Reflecting on book Strelets, E.M. (Ed.) (2026). Creative Values of Modern Russian Students. Moscow: MGIMO Publishing House, 321 p. *RUDN Journal of Political Science, 28*(3), 780–787. (In Russian). https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-3-780-787 EDN: HVWIZK

Изучение ценностных ориентаций молодежи — классика отечественной социологии и политологии. Ее первопроходцами по праву считаются И.С. Кон, В.Т. Лисовский, Ю.Р. Вишневский, В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, заложившие в 1960-1980-е гг. методологические основы системного анализа молодого поколения. Однако сегодня, когда традиционные ценности закреплены в качестве основы государственной политики, этот вопрос обретает новое, стратегическое звучание.

Рецензируемая монография, подготовленная коллективом авторов под ред. Э.М. Стрельца, представляет собой опыт подобного анализа ситуации на сегодняшний день, совмещающий политологический, социологический и социально-психологический ракурсы и опирающийся на эмпирическую базу, собранную в переломный для страны период 2022–2025 гг., когда российское общество столкнулось с беспрецедентными внешними вызовами, санкционным давлением и глубинной трансформацией идентичности.

Степень разработанности проблемы и место рецензируемой работы

Рецензируемая монография органично встраивается в сформировавшуюся за последние десятилетия исследовательскую традицию, опираясь на труды предшественников и последовательно развивая их. В качестве экскурса

в вопрос следует отметить, что в монографии С.В. Чуева [2017] «Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики» была зафиксирована ключевая проблема: около 20 % молодежи демонстрируют аномию и отчуждение от государственных институтов. С.В. Явон [2018] в работе «Семейные ценности молодежи» на региональном материале убедительно показала трансформацию брачно-семейных установок при сохранении высокой ценности семьи. Компаративное исследование Т.К. Ростовской и Т.Б. Калиева «Ценностные ориентиры современной молодежи: особенности и тенденции» [Ростовская, Калиев 2019] добавило межстрановое измерение. Монография «Русские ценности: традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи» под ред. С.В. Перевезенцева и А.В. Селезневой [Русские ценности… 2024] предложила историко-философский анализ базисных ценностей российского цивилизационного развития. Исследование «Студенческая семья в России: барьеры и возможности благополучия» под ред. Т.К. Ростовской [2024] впервые в столь систематизированном виде зафиксировало коллизию между высокой ценностью семьи и откладыванием деторождения. Наконец, монография Н.М. Великой «Студенты России: гражданская культура и политическое поведение» [Студенты России… 2025] дала масштабный срез политической идентичности и протестного потенциала студенчества.

Каждая из этих работ — значительный вклад в науку, и рецензируемая монография стоит на их фундаменте, наследуя проблематику и методологию, но при этом предлагает нечто новое, а именно — интегральную оптику: авторы не просто фиксируют отдельные ценностные блоки (как это делали их предшественники), а исследуют их связку — как патриотизм, гражданственность, доверие к власти и семья сопрягаются (или не сопрягаются) в сознании одного и того же молодого человека. Кроме того, исследование фокусируется именно на студенчестве, а не на «молодежи в целом» (14–35 лет). Наконец, авторы применяют сегментированный подход, отказываясь от гомогенной модели «студента» (неявно присутствовавшей во многих предыдущих работах) в пользу дробных категорий: по возрасту, семейному положению, типу вуза.

Научная новизна и ключевые результаты

К числу наиболее значимых результатов исследования, определяющих его научную новизну, следует отнести несколько положений.

Аксиологический парадокс студенчества. Авторы эмпирически фиксируют расщепление: семья остается ценностью (85,5 % воспринимают ее как «опору»), но деторождение не рассматривается как инвестиция в будущее (61,5 % не согласны с этим тезисом). Для прагматично ориентированного студента ребенок — это угроза уровню потребления и карьерной мобильности. Это не просто эмпирический факт, а вызов для демографической политики: традиционная логика материального стимулирования наталкивается на глубинный психологический барьер.

«Созидательные ценности» как интегральная категория. Авторы вводят в научный оборот понятие, фиксирующее не любые ценностные ориентации, а именно те, которые работают на воспроизводство социального порядка: патриотизм, гражданственность, доверие к власти, семья. В отличие от абстрактных рассуждений о «кризисе ценностей» этот конструкт наполнен конкретным эмпирическим содержанием и поддается операционализации. При этом авторы не просто фиксируют каждый из этих блоков по отдельности, а исследуют их взаимосвязь — как перечисленные ценности сопрягаются (или не сопрягаются) в сознании одного и того же молодого человека. Это и есть та интегральная оптика, которой не хватало предшественникам, изучавшим либо ценности «вообще», либо политическую культуру, либо семейные установки по отдельности.

Ценность как инвестиция. Студенты склонны интерпретировать учебу, карьеру и даже участие в волонтерских проектах в инвестиционных категориях. Это не кризис морали, как иногда утверждается в публицистике, а рациональная адаптация к среде, где высшее образование перестало быть гарантией успеха и превратилось в один из ресурсов в конкурентной борьбе. Авторы фиксируют этот сдвиг на эмпирическом уровне — и это важнейшее наблюдение для понимания мотивации молодого поколения.

Цифровая среда и гендерные различия. Применяя количественный контент-анализ (TF-IDF), авторы выявляют ключевой механизм: алгоритмические «эхо-камеры» и «пузыри» создают ложный общественный консенсус. Студент, погруженный в ленту постов единомышленников, полагает, что так думает «большинство». Простая трансляция ценностей «сверху» в цифровой среде неэффективна. Дополнительно авторы фиксируют гендерную асимметрию: девушки критичнее к онлайн-знакомствам и острее переживают разрыв между медийным образом и реальностью; юноши прагматичнее, но воспринимают интернет как пространство повышенного риска. Эти различия имеют прикладное значение для проектирования коммуникационных кампаний (таргетирование разных месседжей на мужскую и женскую аудиторию).

Сравнение светских и православных вузов. Исследование опровергает стереотип о том, что конфессиональная среда автоматически формирует «ценностную крепость»: 34 % студентов православных вузов декларируют безразличное отношение к религии, а их ценностный портрет в целом дрейфует к ценностной матрице их сверстников из светских вузов. Это важный вывод для реалистической оценки возможностей религиозного образования как института социализации.

Социально-психологический портрет студента-«созидателя». Авторы реконструируют профиль студента, ориентированного на «созидательные ценности»: высокий уровень рефлексии, внутренний локус контроля, способность к отсроченному удовлетворению потребностей. Такой студент способен выстраивать долгосрочные стратегии, сопрягающие личный успех с общественным благом. Портрет задает ориентиры для адресной воспитательной работы.

Конкретные рецепты для государственной политики. Авторы предлагают реализуемые механизмы: отказ от прямой пропаганды в пользу работы

с нарративами через неаффилированных с государством инфлюенсеров; создание в вузах «семьесберегающей среды» (индивидуальные учебные планы, комнаты матери и ребенка, психологическая поддержка); использование механизма «эхо-камер» для формирования ленты постов с позитивными примерами молодых семей; адресная работа с наименее интегрированной частью молодежи; переформатирование курса «Разговоры о важном» в сторону дискуссионных и проектных форматов и др. Эти предложения опираются на эмпирику и могут быть внедрены на региональном и федеральном уровнях.

Межпоколенческий разрыв: не в ценностях, а в способах их реализации. Авторы фиксируют: конфликт поколений разворачивается не вокруг базовых ценностей, а вокруг способов их реализации. Студенты не отвергают традицию — они иначе отвечают на вопрос «как?». Задача — не «возврат к истокам», а перевод традиционных ценностей на язык современных стратегий. Авторы предлагают конкретные форматы такого перевода: от семейных медиапроектов до межпоколенческих наставнических программ.

Отдельного внимания заслуживает приложение к монографии, которое представляет собой не формальный довесок, а самостоятельную методическую ценность. Помимо прочего оно содержит развернутый инструментарий одного из проведенных исследований (включая анкеты и гайды интервью). Это делает книгу не только аналитическим отчетом, но и практическим руководством для молодых исследователей, планирующих аналогичные проекты.

Дискуссионные аспекты

Как всякое новаторское исследование монография не свободна от некоторых особенностей, которые, впрочем, не снижают ее общей ценности, а скорее указывают на продуманную позицию авторов.

Заключительные разделы (с. 196–217) заметно отличаются от основной, аналитической части: нейтрально-академический тон уступает место более публицистическому, нередко переходящему в формат авторской рефлексии. Это, на наш взгляд, не стилистический недочет, а осознанная стратегия. Авторский коллектив, в составе которого были магистранты, использует монографию не только как отчет перед научным сообществом, но и как трибуну — площадку для донесения выводов до более широкой аудитории. Смена регистра позволяет обратиться одновременно к трем адресатам: коллегам, исследователям (аналитика), чиновникам (рекомендации) и неакадемической среде (публицистика, более живой язык). В этом смысле стилистическая неоднородность — не недостаток, а инструмент расширения читательского круга, что для монографии на социально-политическую тему является скорее достоинством.

Выборка по несветским вузам ограничена православными учреждениями, а авторы прямо фиксируют это. Включение в выборку исламских, иудейских и буддийских вузов потребовало бы дополнительных кадровых ресурсов и временных затрат, которых у исполнителей, по всей видимости, просто не было. Оставляя эту перспективу для будущих исследований, авторы демонстрируют

реалистичный подход к планированию работы, а не методологическую небрежность.

Наконец, интерпретация низкого доверия к властным институтам (лишь 29,3 % высоко оценивают доверие к президенту и правительству) дана авторами без развернутого объяснения — остается открытым вопрос, является ли это следствием автономизации индивида или латентным протестным потенциалом. Однако такая недоговоренность может быть осознанным приемом: авторы ограничиваются намеком, который соответствующие структуры должны считать и интерпретировать самостоятельно. В условиях жанра научной монографии прямая постановка некоторых вопросов была бы затруднительной, а намек позволяет сохранить корректность, одновременно фиксируя проблему.

Все эти особенности — не более чем приглашение к дальнейшей научной дискуссии, а в части стиля — проявление неформального подхода и смелости.

Практическая значимость

Результаты исследования содержат богатейший материал, который при определенных условиях мог бы стать основой для реальных изменений в государственной молодежной и демографической политике. Авторы предлагают конкретные, эмпирически обоснованные рекомендации: от корректировки информационной политики в цифровой среде (отказ от прямой пропаганды в пользу работы с нарративами через неаффилированных с государством инфлюенсеров) до создания в вузах реальной, а не декларативной семьесберегающей инфраструктуры (индивидуальные учебные планы для молодых родителей, комнаты матери и ребенка, психологическая поддержка студенческих семей).

Вместе с тем следует признать, что в нашей стране сохраняется определенный разрыв между академическим знанием и управленческими решениями. Ежегодно проводятся сотни исследований с выработкой конкретных предложений, но далеко не все из них находят свое воплощение в реальной политике. Это, однако, проблема не авторов, а сложившейся системы коммуникации между наукой и властью. Сама по себе монография представляет собой добросовестное, высокопрофессиональное исследование, и ее авторы сделали все, чтобы их выводы были услышаны.

Заключение

Рецензируемую монографию можно назвать событием в отечественной политической социологии молодежи. Это не очередной компендиум набивших оскомину истин, а острая, эмпирически насыщенная, местами провокационная работа, которая не боится задавать неудобные вопросы и предлагать нетривиальные ответы. Авторам удалось зафиксировать ценностный срез студенчества в момент геополитического перелома, выявить латентные противоречия и наметить контуры актуальной повестки для государства и системы образования.

Особого упоминания заслуживает обложка — репродукция картины талантливого художника из Тольятти, нашего современника Игоря Панова «Полеты перед сном» (2013). На ней диван, на котором стоит девочка, перед ней на стене висит картиной с пейзажем: земля, деревья, небо, солнце. Все статично, безмятежно. Но ее руки сложены в полете птицы — она добавляет этому пространству то, чего в нем нет: движение, устремленность, выход за пределы. Ее тень падает на стену и на картину, соединяя реальность и изображение. Это удивительно точная метафора исследовательской оптики авторов: они не просто описывают статичную картину ценностных ориентаций студенчества, а пытаются добавить ей недостающее измерение — динамику, поиск, созидательный порыв. Девочка не летит сама — она создает образ полета. Авторы монографии не утверждают, что студенчество уже обрело «созидательные ценности» в полной мере, они показывают, как эти ценности могут быть сложены, воображены, созданы. И в этом — важный посыл.

Монография достойна самого широкого распространения в научной и образовательной среде и может быть рекомендована исследователям, преподавателям, государственным служащим, а также всем, кто интересуется аксиологическими аспектами современной российской молодежи.

Поступила в редакцию / Received: 07.06.2026
Принята к публикации / Accepted: 22.07.2026

Библиографический список

Студенты России: гражданская культура и политическое поведение : монография / отв. ред. Н.М. Великая. Москва : Изд-во Московского университета, 2025. 304 с.

Русские ценности: традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи : монография / отв. ред. С.В. Перевезенцев, А.В. Селезнева. Москва : Изд-во Московского университета, 2024. 312 с.

Ростовская Т.К., *Васильева Е.Н., Калачикова О.Н., Князькова Е.А., Смирнова И.Н., Кучмаева О.В., Малыгин А.А., Рычихина Н.С., Шабунова А.А.* Студенческая семья в России: барьеры и возможности благополучия : монография / отв. ред. Т.К. Ростовская; ИДИ ФНИСЦ РАН. Иваново : Ивановский государственный университет, 2024. 472 с. EDN: NIKQQJ

Ростовская Т.К., *Калиев Т.Б.* Ценностные ориентиры современной молодежи: особенности и тенденции : монография. Москва : Перспектива, 2019. 240 с.

Созидательные ценности современного российского студенчества : монография / И.Э. Стрелец, Д.С. Мухортов, Е.А. Захарова [и др.] ; под общ. ред. Э.М. Стрельца. Москва : Издательский дом МГИМО, 2026. 321 с. https://doi.org/10.63861/3086-7 EDN: UBRTTW

Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики : монография / отв. ред. С.В. Чуев. Москва : Изд-во Московского университета, 2017. 288 с.

Явон С.В. Семейные ценности молодежи : монография. Москва : Изд-во Московского гуманитарного университета, 2018. 200 с. EDN: LSSWWV

References

Velikaya, N.M. (Ed.). (2025). *Students of Russia: Civic culture and political behavior.* Moscow University Press. (In Russian).

Perevezentsev, S.V., & Selezneva, A.V. (Eds.). (2024). *Russian values: Traditional meanings and their reflection in the consciousness of modern youth.* Moscow University Press. (In Russian).

Rostovskaya, T.K., Vasil'eva, E.N., Kalachikova, O.N., Knyaz'kova, E.A., Smirnova, I.N., Kuchmaeva, O.V., Malygin, A.A., Rychikhina, N.S., & Shabunova, A.A. (2024). *Student family in Russia: Barriers and opportunities for well-being.* Ivanovo State University. (In Russian).

Rostovskaya, T.K., & Kaliev, T.B. (2019). *Value orientations of modern youth: Features and trends*. Perspektiva. (In Russian).

Strelets, I.E., Mukhortov, D.S., Zakharova, E.A., et al. (2026). *Creative values of modern Russian students.* MGIMO University Press. (In Russian).

Chuev, S.V. (Ed.). (2017). *Value orientations of Russian youth and the implementation of state youth policy*. Moscow University Press. (In Russian).

Yavon, S.V. (2018). *Family values of youth*. Moscow University for the Humanities Press. (In Russian).

Сведения об авторе:

Рыхтик Михаил Иванович — доктор политических наук, профессор Российской академии наук, директор Института международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, профессор кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (e-mail: rykhtik@imomi.unn.ru) (ORCID: 0000-0003-2325-1235, SPIN-код: 2334-6691, AuthorID: 425109, Scopus ID: 56644803100, Web of Science ResearcherID AAG-5376-2019).

About the author:

Mikhail I. Rykhtik — Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Professor at the Department of Comparative Political Science, RUDN University (e-mail: rykhtik@imomi.unn.ru) (ORCID: 0000-0003-2325-1235, SPIN-code: 2334-6691, AuthorID: 425109, Scopus ID: 56644803100, Web of Science ResearcherID AAG-5376-2019).